О. Г. БОЛЬШАКОВ

ИСТОРИЯ ХАЛИФАТА

Между двух гражданских войн

656–696

Российская академия наук
Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения

О. Г. БОЛЬШАКОВ

ИСТОРИЯ ХАЛИФАТА

Между двух гражданских войн

656 * 696

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
1998

ББК 63.3(5)+86.38
Б79

Редактор издательства
Л В НЕГРЯ

Большаков О.Г.
Б79 История Халифата. 3. Между двух гражданских войн (656—696). — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. — 382 с.: карты, ил.
ISBN 5-02-018013-0

Третий том «Истории Халифата» (первый вышел в 1989 г., второй — в 1993 г) посвящен эпохе жестокой религиозной и политической борьбы внутри мусульманского государства. События, рассматриваемые в данном томе, оказали решающее воздействие на сложение идеологии шиизма, хотя ее оформление происходило несколько позднее. Верхним рубежом рассматриваемого периода избраны реформы Абдалмалика, обозначившие превращение Халифата в государство с собственной административной и фискальной системой.

ББК 63.3(5)+86.38

ISBN 5-02-018013-0

ВВЕДЕНИЕ

Четыре десятилетия второй половины VII в., которым посвящен этот том, отличались жестокой религиозной и политической борьбой внутри мусульманского государства, словно энергия арабов, до той поры изливавшаяся в завоеваниях, вдруг с их прекращением, закупорившись, взорвала Халифат изнутри.

По традиции, восходящей к средневековой арабской историографии, принято делить историю раннего Халифата на период правления «праведных» халифов, кончающийся убийством Али в 661 г., и период правления «неправедных» Умаййадов. Династийный принцип периодизации политической истории не идеален, но имеет определенные достоинства благодаря его хронологической точности и бесспорности, пока рассмотрение ограничивается рамками одного государства: он в значительной степени отражает внутренние сдвиги в обществе, поскольку в большинстве случаев смена династий, возглавляющих крупные государственные образования, определяется внутренними причинами и это политическое изменение служит хорошим разделительным знаком в непрерывном историческом процессе. Однако вспомним ехидные замечания М. Блока по поводу любви эрудитов «тонко датировать» и согласимся, что «преобразования социальной структуры, экономики, верований, образа мышления нельзя без искажений втиснуть в слишком узкие хронологические рамки»[1].

В нашем случае традиционная периодизация оказывается несостоятельной по нескольким причинам. Прежде всего, она основывается на тенденциозной оценке определенных политических деятелей, далее, разделение халифов на «праведных» и «неправедных» всегда вызывало споры в мусульманском обществе, наконец, эта периодизация несостоятельна даже с точки зрения «праведности» первых четырех халифов, так как при этом остается неприкаянным сын Али, пятый халиф Хасан, правление которого явно не относится к умаййадскому периоду, но и к праведным халифам его не причисляют. Несостоятельны и другие критерии: если считать, что принципиальным был переход от правления выборных халифов к династийному принципу наследования власти, то первым случаем наследования власти сы-

ном следует считать наследование власти Али Хасаном, если же исходить из того, что при Умаййадах Аравия в лице Медины утратила господствующее политическое положение, то произошло это не при первом умаййадском халифе, а при последнем «праведном».

Принципиальным рубежом между периодом патриархального мусульманского государства-общины, управляемого халифом, правившим не с помощью принуждения, а лишь силой признаваемого всеми мусульманами личного авторитета, и обществом, разрываемым социальными противоречиями, облаченными в религиозные одежды, является мятеж против Усмана, положивший начало пятилетней гражданской войне, первой в истории мусульманского общества. Конечно, не вечер 17 июня 656 г., когда оборвалась жизнь Усмана, разделил эти два периода: конфликт, как мы видели, вызревал раньше, этот день лишь обозначил начало длительного переходного периода, к которому следует отнести и правление Али, и правление Хасана.

События этого периода захватили мусульман гораздо глубже, болезненнее и шире, чем завоевания, в которых одновременно участвовало не более 50—70 тыс. человек и где страдающей стороной были люди вне мусульманской общины. Здесь же нередко брат шел на брата, а главное — обиды и пристрастия, возникшие в ходе этих событий, не были ликвидированы политическим объединением государства и политические страсти, оформившись в религиозный раскол, продолжали сказываться в жизни мусульманского общества тринадцать веков и дожили до наших дней.

Религиозно-политические страсти продолжали кипеть и при первом умаййадском халифе, талантливом политике Му‘авии, то и дело вырываясь на поверхность открытыми восстаниями, все более углублявшими враждебность между группировками, пока наконец не разразились в восьмидесятых годах еще более кровавой гражданской войной.

Понятно, что интерес к событиям первой гражданской войны не угасал с течением времени, они не уходили в область, так сказать, «академического интереса» средневековых ученых-историков. Та или иная трактовка событий, поведения и позиции главных участников оставались злободневным политическим актом. Добавим к этому, что в конце VII в., когда начала складываться арабская историография, в полном расцвете сил были многие активные участники и современники борьбы Али и Му‘авии, и в распоряжении историков был гораздо больший объем достоверной информации, который можно было получить из первых уст, чем о первом этапе арабских завоеваний. Этим и объясняется огромный объем сведений, зафиксированный араб-

скими историками. Так, у ат-Табари события четырех лет (35—38 гг. х.) занимают 503 страницы, тогда как следующие четыре — только 97.

В еще большей степени сказанное относится к гражданской войне, завершающей указанный период, сведения о которой более точны и менее противоречивы.

Основной трудностью использования источников является их тенденциозность, пристрастными оказываются и информаторы-современники, и компиляторы-историки, собиравшие материал по принципу соответствия его должной быть картине. Особенно это касается характеристики двух главных действующих лиц эпохи — Али и Му'авии. Основными поставщиками сведений для историков IX—X вв. (авторов наиболее ранних из дошедших до нас сочинений) были историки куфийской школы, настроенные прошиитски или антисирийски, сирийская же историческая традиция в период наиболее интенсивной фиксации информации о раннем периоде истории Халифата оказалась в стороне от главной линии развития.

При многочисленности сводных исторических сочинений, освещающих события этого периода, от Халифы б. Хаййата (ум. в 855 г.) до Ибн ал-Асира (ум. в 1233 г.), все они в значительной степени зависят от одного источника — Абу Михнафа Лута б. Йахйи (ок. 689—775), и если мы нередко находим в более поздних сочинениях сведения, отсутствующие в более ранних, то это объясняется прежде всего неполным использованием сочинений того же Абу Михнафа. Найти какую-то логику или тенденцию в опущении части сведений очень трудно, чаще всего, видимо, компиляторы исходили из нередко упоминаемого соображения, что «если рассказать все это, то рассказ станет слишком длинным».

Абу Михнаф еще застал в живых последних сподвижников пророка, и один из них был его учителем, не говоря уж о современниках первой и второй гражданских войн. О второй ему непосредственно рассказывали участники событий. Здесь нет смысла подробнее останавливаться на соотношении текстов Абу Михнафа и ал-Балазури, Абу Михнафа и ат-Табари или ал-Куфи. Прекрасный глубокий анализ всего этого был проделан четверть века назад У.Сезгин, и нам остается только сослаться на это образцовое исследование[2]. Абу Михнаф не был историком с шиитской тенденциозностью, но исключительное богатство собранного им материала сделало его одним из основных источников для таких шиитских авторов, как Наср б. Музахим ал-Минкари, Абу-л-Фарадж ал-Исфахани и Ибн Абу-л-Хадид[3].

Характерной особенностью сведений о событиях этого периода являются тексты многочисленных посланий и речей, которые

ставят перед исследователем трудную задачу оценки соответствия их действительности. Подавляющее большинство речей Али и его посланий, несомненно, является вариациями на темы представлений, сложившихся в шиитской среде не ранее VIII в., хотя в них должны были сохраниться фрагменты подлинных высказываний и текстов, конечно, не в точной передаче, а в переложении. Только одиночные запоминающиеся фразы и обороты речи могли сохраниться в неизменной форме благодаря их выразительности, но такие полюбившиеся словосочетания нередко кочуют из одного текста в другой (это касается речей не только Али, но и других выдающихся исторических деятелей). Уверенно говорить о достоверности содержания какой-то речи или послания можно только в тех случаях, когда содержание соответствует поводу, по которому они были произнесены или написаны. Подавляющее же большинство из них состоит из общих сентенций.

Столь же сложно, правда, по противоположной причине, судить о подлинности речей и посланий Му'авии: Абу Михнафа и других прошиитски настроенных авторов нельзя заподозрить в желании возвеличить Му'авию, но естественно ожидать искажений, представляющих его в невыгодном свете. Исходя из таких соображений, можно предполагать, что все, говорящее в его пользу, соответствует действительности, хотя остается неясным, все ли порочащее его является выдумкой противников.

Сказанное в полной мере относится и к обширному материалу, дошедшему до нас в виде исторических анекдотов о выдающихся деятелях эпохи. Здесь опасность тенденциозных искажений меньше, однако эти анекдоты, зачастую привязанные к каким-то афористическим высказываниям, редко стоят в конкретном историческом контексте; они неплохо характеризуют характеры и нравы, но плохо датируются. Таковы многочисленные рассказы о Му'авии в «Ансаб ал-ашраф» ал-Балазури[4]. Примечательно, что в них, как и во многих других, противник Али рисуется мудрым, почти образцовым правителем.

Несмотря на обилие сведений о периоде борьбы Али и Му'авии, датировать многие события, даже первостепенные, не всегда просто, не только абсолютно, но и относительно. Поэтому автор старался уделять этому максимальное внимание, чтобы поставить их в правильной последовательности, а значит, приблизиться к выяснению их причинной связи. Для уточнения некоторых дат большую помощь оказали сведения Абу Михнафа, сохраненные Ибн Абу-л-Хадидом в комментариях к «Нахдж ал-балага»[5].

К сожалению, параллельные независимые сведения христианских источников[6] мало что дают для уточнения хронологии, так как сами нередко сбиваются в ней. Достоинство этих источников

в том, что они освещают события с принципиально иной точки зрения и обращают внимание на такие стороны жизни, которые совершенно не попадают в поле зрения мусульманских авторов. Причем это касается не только освещения налоговых тягот, притеснений покоренного населения и голодных лет, которые не запомнились мусульманам, остававшимся сытыми в эти годы, но и таких событий, как природные катаклизмы: землетрясения, превратности погоды, небесные явления.

Материал источников по этому периоду настолько велик, что проработать его весь заново за время, которым располагал автор для написания данного тома, не представилось возможным, не говоря уж о том, что многие публикации источников отсутствуют в наших библиотеках, а получение копий или микрофильмов рукописей в наших условиях нереально. Поэтому я особенно благодарен своим товарищам по работе, которые делились со мной отсутствующими в библиотеках изданиями и помогали получать микрофильмы некоторых рукописей.

Серьезные исследования этого периода начались на рубеже XIX и XX вв., когда с перерывом в один год появились две монографии Ю.Велльхаузена, посвященные религиозно-политической борьбе в раннем Халифате и истории Умаййадского Халифата[7]. Они стали классикой, и даже сейчас, на исходе века, исследования, посвященные этому периоду, не обходятся без ссылок на них. Цикл очерков, посвященных истории первых Умаййадов, написанный А.Лямменсом в 1906—1927 гг., значительно дополнил живыми деталями картину этого периода по сравнению с работами Ю.Велльхаузена[8], хотя живость и эмоциональность этих очерков нередко приводила автора к неадекватному истолкованию сведений письменных источников, что порой усугубляется проскальзывающей враждебностью к исламу.

В двадцатые годы вышли последние три тома «Анналов ислама» Л.Каэтани, посвященные тому же времени. Как ни странно, эти тома не оказали такого влияния на изучение эпохи Му‘авии, какого можно было ожидать, и не обесценили своим появлением менее объемистые работы Ю.Велльхаузена и А.Лямменса.

Период гражданских войн, положивший начало идеологическому расколу ислама, не мог остаться без живого интереса к нему зарождавшейся в начале XX в. современной арабской историографии. Для арабской интеллигенции, светской и духовной, споры о роли Али и Му‘авии, о «праведных» халифах и Умаййадах были не проявлением академического интереса к исторической проблеме, а животрепещущей темой, связанной с раздумьями о судьбах арабской нации и путях ее развития в новых условиях. Многочисленные работы арабских ученых, посвященные этому периоду, мало что добавившие к анализу источников, про-

деланному европейскими исследователями, имели большое значение для развития арабской общественной мысли[9].

После работ А.Лямменса и Л.Каэтани в востоковедении более трех десятилетий не появлялось новых исследований по истории ранних Умаййадов: либо она кратко освещалась в общих работах по истории арабов или отдельных стран, либо исследованию подвергались отдельные проблемы[10]. Перелом наступил в начале 70-х годов, когда одновременно появились монографии М.Шабана и А.Диксона, в которых ставилась задача дать новую интерпретацию важнейших моментов истории умаййадского времени[11]. Но действительно новый этап изучения ранней истории Умаййадов открывает прекрасное исследование Г.Роттера, посвященное второй гражданской войне[12], в котором немалое внимание уделено также истокам этого конфликта, начиная с убиения халифа Усмана. Оно позволило мне во многих случаях не вдаваться в детали, ограничиваясь ссылками на него.

События, рассматриваемые нами в данном томе, оказали решающее воздействие на сложение идеологии шиизма, хотя ее оформление происходило несколько позднее. Поэтому шиитское учение затрагивается лишь в той мере, в какой исторические источники позволяют без натяжек говорить о взглядах и поступках первых трех имамов шиитов. По той же причине мы не будем касаться многочисленных исследований на эту тему и работ современных шиитских ученых, не отделяющих реалии второй половины VII в. от сложившейся позже теории[13]. Из них можно выделить достаточно объективную монографию М.Джафри о раннем шиизме[14].

Я старался быть предельно объективным в характеристиках людей, ставших священными символами шиизма, предоставляя слово ранним мусульманским историкам, с тем, чтобы читатель сам мог делать выводы на основании известных нам фактов.

Верхним рубежом рассматриваемого периода было избрано не окончание гражданской войны после гибели Абдаллаха б. аз-Зубайра, а реформы Абдалмалика, обозначившие превращение Халифата в государство с собственной административной и фискальной системой, хотя следует признать, что эта граница более расплывчата, чем нижняя.

Глава 1

«ВЕЛИКАЯ СМУТА»

БОРЬБА ВОКРУГ ПРИСЯГИ

Итак, в цитадели ислама, столице пророка, где все, казалось бы, должно было жить памятью о нем и его заветах, совершилось невероятное святотатство — был убит его заместитель. Более того, убийцы, не удовлетворившись смертью восьмидесятилетнего старика[1], не оставили в покое и его бренное тело, не позволяя его хоронить.

Все это должно бы было поднять мединцев-ансаров против святотатцев, но этого не произошло. Разобраться в причинах этого и обстановке в Медине в первые дни после убийства очень непросто. «События между убиением и присягой в источниках настолько тенденциозно окрашены, что их действительный ход невозможно реконструировать», — пессимистически замечает один из новейших исследователей истории раннего Халифата[2]. Историческая память сконцентрировала свое внимание на борьбе Али и Му‘авии, оставляя в тени другие, менее приметные составляющие исторического процесса, участвовавшие в формировании политического климата эпохи. События этих дней развели наиболее активную часть мусульманского общества на два враждующих лагеря, и их интерпретация много значила для обоснования законности притязаний на высшую власть представителей разных лагерей. Поэтому сведения письменных источников очень противоречивы. Расхождения зависят не только от политических симпатий и антипатий информаторов-современников, но и от религиозно-политических взглядов, сложившихся 20—30 лет спустя, когда их рассказы о прошлом стали сводиться воедино первыми арабскими историками. Нет единства даже в определении такого далекого от политических пристрастий факта, как дата присяги новому халифу: одни, желая показать единодушную поддержку Али мусульманами, утверждают, что присяга состоялась в тот же день или наутро после кровавой трагедии, другие говорят о промежутке в несколько дней, вплоть до недели[3].

В соответствии с этим расходятся и мнения современных историков. Те из них, кто принимает на веру версию о моменталь-

ном принятии присяги (в большинстве случаев это авторы общих полупопулярных книг), невольно в той или иной мере допускают существование организованной оппозиции или заговора против Усмана, охватывавшего большинство ансаров, которые, будучи сами орудием в руках руководителей-курайшитов, предпочли предоставить грязное дело убийства пришельцам-мятежникам[4]. Согласившись с этим, пришлось бы согласиться и с тем, что тот, кто выиграл в результате происшедшего и сразу был избран на освободившееся место, был и вдохновителем мятежа.

Осторожные исследователи, учитывающие всю совокупность сведений, рисуют гораздо более сложную картину взаимоотношений различных групп и их вождей в создавшейся критической обстановке[5]. Действительно, у многих людей имелись причины быть недовольными Усманом, и многие в Медине могли со злорадством смотреть, какие лишения испытывает он в осажденном доме, но между недовольством главой государства (а все им никогда не бывают довольны) и его убийством дистанция огромного размера. Но после его гибели недовольная им мусульманская аристократия увидела свой город во власти пришлых мятежников, к которым присоединились беглые рабы, городская беднота и окрестные бедуины, рассчитывавшие чем-нибудь поживиться в богатом городе. Еще до гибели Усмана «жители Медины рассеялись по своим усадьбам и домам. Никто не выходил и не сидел [дома] без меча, чтобы было чем защищаться от бесчинств этих людей»[6]. Так что противостояние существовало не только между сторонниками различных претендентов на халифский престол, но и между верхушкой и низами общества.

Даже похороны убитого халифа превратились в политическую проблему. Живую картину накала страстей вокруг бездыханного тела халифа рисует рассказ Абдаррахмана б. ал-Азхара, племянника Абдаррахмана б. Ауфа (о нем см.: т. 2, указ.), особенно ценный для нас тем, что принадлежит очевидцу, занимавшему в этих событиях нейтральную позицию.

«Я совершенно не вмешивался в дело Усмана, [не был] ни за ни против. И вот, сижу я во дворе своего дома вечером следующего дня после убиения Усмана, как вдруг приходит ко мне ал-Мунзир ибн аз-Зубайр и говорит: „Брат зовет тебя“. Я пришел к нему, а тот говорит: „Мы хотим похоронить Усмана. Ты согласен?“ Я ответил ему: „Клянусь Аллахом, я совсем не вмешивался в то дело и в это не хочу“ — и ушел от него. А потом пошел следом за ними и вижу: идет он с группой людей, среди которых Джубайр ибн Мут‘им, Абу Джахм ибн Хузайфа, ал-Мисвар ибн Махрама, Абдаррахман ибн Абу Бакр и Абдаллах ибн аз-Зубайр[7]. Несут они его на двери, а голова, [болтаясь], стучит: тук-тук. Они положили его в месте, где ставят погребальные носилки. Тут

подошли к ним несколько ансаров и сказали им: „Клянемся Аллахом, не будете вы читать над ним молитву!“ Абу Джахм сказал: „Вы не позволите нам читать над ним молитву, когда уже помолились над ним Аллах Всевышний и его ангелы?!“ Тогда сказал ему один из этих людей: „Если будешь молиться, то Аллах отправит тебя туда же, куда и его“. А он ответил: „Да соединит меня Аллах с ним!“ А тот сказал: „Соединит тебя Аллах с шайтанами! Клянусь Аллахом, если мы пропустим вас с ним, то Аллах отступится от нас“. Люди сказали Абу Джахму: „Не разговаривай с ним, отступись“, и он замолчал. Они подняли Усмана и быстро удалились, а я слышал, как голова его бьется о доску. Они унесли его к ал-Баки‘. Там подошел к ним Джабала ибн Амр ас-Са‘иди из ансаров и сказал: „Нет, клянусь Аллахом, не похороните вы его в Баки‘ посланника Аллаха, не дадим вам читать над ним молитву“. Абу Джахм ответил ему: „Если мы и не прочитаем над ним молитву, то Аллах уже помолился за него“. И они ушли. А с ними была Аиша, дочь Усмана, со светильником в сосуде. И пришли они к Джиср Каукаб и выкопали могилу. Потом они прочитали над ним молитву, которую вел Джубайр ибн Мут‘им, и положили его в могилу. При виде этого его дочь начала вопить, а Ибн аз-Зубайр прикрикнул на нее: „Если не замолчишь, то ударю по тому, в чем твои глаза“*. Они не положили его как следует, в подбой, а просто засыпали землей»[8].

Погребение Усмана в субботу, на следующий день после убиения, подтверждается свидетельством одного из участников погребения, Нийара б. Мукрама ал-Аслами[9]. Таким образом, рассказы о том, что тело убитого халифа несколько дней валялось во дворе, можно отнести к выдумкам сторонников Усмана, стремившихся как можно более очернить его врагов.

Другие рассказы, не восходящие прямо к участникам или свидетелям событий[10], расходясь в дате погребения и описании некоторых обстоятельств, связанных с ним, подтверждают основные моменты рассказа Абдаррахмана: состав участников погребения, противодействие мятежников в «месте, где ставят погребальные носилки» (в мечети?), и около мусульманского кладбища, из-за чего в какой-то момент тело упало на землю, и его пинали ногами[11], и Усмана пришлось хоронить в принадлежавшем ему саду Хашш Каукаб, разбитом на месте бывшего еврейского кладбища; повторяется даже такая деталь (которую трудно выдумать), как вынос тела не на носилках, а на двери[12].

Некоторые рассказы об обстоятельствах погребения явно тенденциозны. Таково сообщение, что похороны состоялись только

* Т е по голове

благодаря разрешению Али, а затем его вмешательству, когда он узнал о противодействии мятежников[13]. Больше доверия вызывает сообщение, что Наила просила разрешения на похороны у Абдаррахмана б. Удайса, одного из руководителей мятежных египтян, но тот только обругал ее, после чего Абдаллах б. аз-Зубайр и его единомышленники решили ночью похоронить Усмана[14].

Перечень инициаторов и участников похорон настолько красноречив, что на нем стоит остановиться.

Абу Джахм Амир б. Хузайфа, главный после Ибн аз-Зубайра организатор похорон, принадлежал к курайшитскому клану бану ади (из которого происходил Умар б. ал-Хаттаб) и являлся типичным представителем курайшитской аристократии: считался одним из четырех лучших знатоков курайшитских генеалогий, сражался против Мухаммада при Ухуде и принял ислам только после завоевания Мекки. Переселившись в Медину, он не участвовал в завоевательных походах или каких-нибудь политических делах; впервые после долгого перерыва его имя упоминается среди членов делегации, возглавленной Али, которая склонила мятежников подписать договор с Усманом (см.: т. 2, с. 212)[15].

Джубайр б. Мут'им был, видимо, главой рода бану науфал, поскольку представлял его в совете старейшин Мекки. Вероятно, в этом качестве он выкупил двух сородичей, попавших в плен при Бадре. Вместе с другими курайшитскими вождями принял решение о походе на Медину в 625 г. и участвовал в последовавшем за этим сражении при Ухуде (где его раб убил дядю пророка Хамзу и в награду получил свободу) Приняв ислам только после сдачи Мекки, Джубайр оказался среди той знати, которую Мухаммад старался задобрить, закрывая глаза на ее прежнюю враждебность. Как мусульманин он был активнее, чем Абу Джахм: участвовал в завоевании Ирака, при Умаре занимался составлением дивана курайшитов, некоторое время был кади Куфы и даже ее наместником, наконец, входил в упомянутую делегацию вместе с Абу Джахмом[16].

Упоминаемый ат-Табари Хаким б. Хизам, племянник Хадиджи, также принадлежал к курайшитской верхушке и вместе с Абу Суфйаном вел переговоры с Мухаммадом перед сдачей Мекки и только после этого принял ислам; после битвы при Хунайне получил в дар от Мухаммада 100 верблюдов. Позже жил в свое удовольствие в Медине, не упуская случая поживиться на спекуляции (см.: т. 2, с. 122), входил в состав той же делегации, что и двое упомянутых выше[17].

Абдаррахман б. Абу Бакр хотя и был сыном ближайшего друга пророка и братом Аиши по отцу и матери, тем не менее долго оставался его врагом: сражался против Мухаммада при Бадре и

Ухуде и принял ислам лишь незадолго до взятия Мекки вместе с Халидом б. ал-Валидом и Му‘авией. Отличившись в сражении при Акраба, он спокойно жил в Медине до 648 г., когда принял участие в походе на Ифрикийу (см.: т. 2, с. 160)[18].

В некоторых сообщениях среди лиц, провожавших Усмана в последний путь, упоминается также Хувайтиб б. Абдал‘узза. Он входил в совет старейшин курайшитов, будучи богатым человеком, снабжал бедняков для похода на Бадр, а в 628 г., когда мекканцы готовились отразить Мухаммада, стоявшего в Худайбии, был одним из четырех мекканских богачей, кормивших у себя союзников-ахабиш, затем участвовал в переговорах с Мухаммадом и был среди подписавших договор с ним со стороны мекканцев. На следующий год во время хаджжа Мухаммада приходил к нему с другими знатными курайшитами, чтобы напомнить, что договоренный срок пребывания в Мекке закончился и пора ее покинуть. Приняв ислам после сдачи Мекки, он ссудил Мухаммада 40 000 дирхемов для похода против хавазин, участвовал в сражении при Хунайне и получил после этого в дар 100 верблюдов. Вместе с упомянутыми выше лицами входил в делегацию к мятежникам[19].

Последний в этом списке, ал-Мисвар б. Махрама, был самым младшим из них — в год сдачи Мекки ему было только шесть лет, отец же его, принадлежавший также к курайшитской верхушке, принял ислам лишь после сдачи Мекки. Будучи сыном сестры Абдаррахмана б. Ауфа, ал-Мисвар активно помогал дяде в организации выборов халифа — все переговоры происходили в его доме[20].

Как мы видим, всех этих людей объединяла принадлежность к курайшитской племенной аристократии, сохранившей и после победы ислама независимое положение: авторитет и богатство позволяли им не гнаться за военно-административными постами и не подвергать себя превратностям военной карьеры. Именно этот слой людей, независимых и стоящих в стороне от борьбы за власть, мог позволить себе вступиться за честь своего соплеменника и отдать ему последний долг, невзирая на угрозы мятежников. Усман был для них прежде всего курайшитом и человеком, близким им по духу и жизненным устремлениям. Они хоронили не халифа, а собрата, которого хотела унизить чернь. Эта мысль была определенно высказана Хакимом б. Хизамом, сказавшим в ответ на предложение похоронить Усмана на еврейском кладбище: «Не будет этого, пока жив хотя бы один из сынов Кусайа»[21].

Борьба вокруг похорон Усмана была лишь тенью, отбрасываемой борьбой за власть в столице, а из нее — на весь Халифат.

Вопреки встречающимся иногда утверждениям о существовании чуть ли не заговора, организованного для захвата власти у Усмана[22], длительный период междуцарствия свидетельствует о том, что возникшая ситуация оказалась неожиданной для всех.

Недовольные халифом были и среди мусульманской элиты, но открытую враждебность проявляли лишь немногие, вроде Талхи б. Убайдаллаха, большинство же занимало выжидательную позицию. Али в последний момент также отстранился от Усмана, но до этого, как уже отмечалось (см.: т. 2, с. 212—213), приложил немало усилий, чтобы смягчить конфликт. Его пассивность на последнем этапе трагедии можно понять: если история с перехваченным письмом соответствует действительности, то Али мог воспринять этот поступок Усмана как откровенное пренебрежение всеми его усилиями — есть какая-то грань, за которой желание человека лезть на рожон, не обращая внимания на старания окружающих удержать его, заставляет предоставить его своей судьбе. Во всяком случае, никаких свидетельств пособничества Али мятежникам не имеется. Будь Али тайным вдохновителем мятежа, он сумел бы заранее подготовить условия для немедленного избрания его халифом. Однако, как мы увидим, этого не случилось.

Сами мятежники не претендовали на выдвижение халифа из своей среды, поскольку среди них не было человека, имевшего законные (с точки зрения большинства общины) основания на такую власть, ни по заслугам, ни по происхождению. Ансары, выступая против Усмана, также не предполагали выдвинуть своего халифа — они уже смирились с идеей исключительных прав на халифат курайшитов. А из курайшитов наиболее легитимными претендентами могли быть четверо оставшихся в живых членов совета выборщиков, назначенных Умаром: Али, аз-Зубайр, Талха и Са‘д б. Абу Ваккас, за ними следовал Абдаллах б. Умар, участвовавший в выборах халифа в качестве наблюдающего (см.: т. 2, с. 156—157).

Первым из них, безусловно, был Али — уже хотя бы потому, что при выборах он получил такое же количество голосов, как Усман, кроме того, на его стороне было близкое родство с Мухаммадом, воспитание в его семье и известное всем расположение к нему пророка. Его преимуществом было и то, что он не занимал прежде никаких административных постов и не мог настроить против себя мединцев или мусульман провинций. Это обеспечивало ему поддержку многих ансаров и жителей гарнизонных городов[23]. В то же время отношения Али с курайшитской знатью, поднявшей голову при Усмане, как можно догадываться, были не очень сердечными. Вряд ли случайно, что, кроме Фатимы и Умамы — дочери и внучки пророка, остальные

шесть его жен не были курайшитками[24]. Отсутствие брачных связей с курайшитской верхушкой, вне зависимости от того, какая сторона избегала их, позволяло ансарам надеяться, что Али, став халифом, не будет отдавать предпочтение курайшитской знати и задвигать их на задний план, и делало его наиболее приемлемым кандидатом в халифы. Поэтому они и были инициаторами движения за присягу Али.

Тем не менее, хотя ансары составляли большинство жителей Медины и кроме них Али поддерживала также часть мятежников (в основном египтяне), его избрание потребовало времени. Многие курайшиты и часть мятежников предпочитали иметь дело с Талхой и аз-Зубайром. А это, даже при численном перевесе сторонников Али, могло в случае его избрания вызвать в Медине новые вооруженные столкновения. Поэтому первые два-три дня никто из возможных кандидатов не заявлял открыто претензий на власть, хотя их сторонники убеждали своих фаворитов принять от них присягу.

Сведений о переговорах, предшествовавших избранию нового халифа, о ходе присяги Али и произносившихся речах сохранилось немало, но они противоречивы, а отсутствие хронологических привязок для последовательного расположения отдельных эпизодов не позволяет выделить явно недостоверные, противоречащие логике развития событий; удается обозначить лишь самый общий контур происходившего, не ручаясь за абсолютную точность.

Сообщения о том, как все три претендента, Али, Талха и аз-Зубайр, отказывались от власти и предлагали ее друг другу, доведя отчаявшихся мединцев до того, что они обратились с предложением об избрании к Са‘ду б. Абу Ваккасу, совершенно не желавшему этого[25], при всей их противоречивости свидетельствуют о том, что претенденты несколько дней выжидали, оценивая обстановку и свои возможности. Ситуация осложнялась отсутствием признанного всеми способа легализации выдвижения претендента на пост халифа и последующей присяги ему, так как предшественник был убит, а убийцы активно участвовали в процессе определения преемника. Многие считали, что для этого следовало бы по примеру Умара образовать избирательный совет, *шуру*, или просто поручить выбор преемника оставшимся в живых членам умаровской шуры.

По словам Мухаммада б. ал-Ханафии, третьего сына Али, отец ответил пришедшим с предложением присягнуть ему, что согласится на это только по решению шуры или, по другой версии, по решению шуры и участников битвы при Бадре. На необходимость совета ссылались и другие претенденты[26]. Однако использование умаровской шуры было невозможно, так как трое

из четверых ее членов сами оказывались претендентами на избрание, а четвертый, Са‘д б. Абу Ваккас, решительно отказался участвовать в выборах халифа и марать свою честь, заявив, что лучше быть голым, чем позориться, надев оскверненную одежду[27]. Его примеру последовал и Абдаллах б. Умар.

Вне зависимости от формы легализации власти Али должен бы был нейтрализовать своих соперников, заставить их отказаться от притязаний на власть. Прямых свидетельств о переговорах Али с ними не имеется, либо упоминаются отказы от власти в пользу других, либо говорится о взаимной враждебности[28].

Лишь в четверг 23 июня видные ансары, поддерживавшие Али, среди которых были: Абу-л-Хайсам (один из двух оставшихся в живых накибов Мухаммада, см.: т. 1, с. 87—88) и три участника битвы при Бадре. Аммар б. Йасир, Рифа‘а б. Рафи‘ и Абу Аййуб Халид, — обратились в мечети к присутствующим с призывом присягнуть Али. «Ансары, — воззвал Аммар, — вы видели, как с вами еще вчера обращался Усман! И теперь может случиться подобное, если вы не позаботитесь о себе. А для этого самый достойный из людей — Али, по его достоинству и первенству»[29]. Присутствовавший при этом Али не решился начать принимать присягу и предложил отложить до утра и подумать. Были ли при этом Талха и аз-Зубайр — неизвестно. В любом случае после этого должны были произойти переговоры, в результате которых Талха и аз-Зубайр согласились отказаться от своих притязаний в обмен на какие-то выгодные предложения.

На следующий день, в пятницу 24 июня[30], в саду рода амр б. мабзул состоялось предварительное рукобитие под пальмой с целью обеспечить поддержку влиятельнейших людей Медины перед официальной церемонией в мечети. Главным было то, что здесь совершили рукобитие аз-Зубайр и Талха. Это действо должно было происходить в узком кругу на случай каких-нибудь инцидентов. Али даже распорядился закрыть ворота в сад, но люди, собравшиеся снаружи, ворвались в сад и столпились вокруг Али, «теснясь, как верблюды у водопоя», чтобы присягнуть ему[31].

Затем присягнувшие в саду направились во главе с Али в главную мечеть для проведения официальной присяги. Первыми присягнули Талха и аз-Зубайр, публично демонстрируя отказ от притязаний на власть. Затем стали присягать главы группировок и родов от лица своих подопечных. Торжественность нарушил один из мятежников-египтян, которого среди прочих обвиняли в убийстве Усмана. Саудан б. Хумран ал-Муради, сказав: «Эй, Абу-л-Хасан, мы присягаем тебе с условием, что если ты будешь обращаться с нами, как Усман, то мы убьем тебя»[32].

Присяга Талхи и аз-Зубайра не сняла всех противоречий. Многие влиятельные люди, в том числе и старые сподвижники

пророка, отказались присягать Али. Перечень этих «отказников» в разных источниках не совпадает ни по количеству, ни по составу. У ал-Куфи упомянуты пять человек, у ат-Табари — в одном случае семь, в другом — десять, у Абу Михнафа — семь[33]. В общей сложности названо 16 имен, из которых лишь одно встречается во всех четырех перечнях — Мухаммад б. Маслама. Эти расхождения объясняются не только сокращениями, но и позицией информаторов. Так, в самом обширном перечне у ат-Табари, восходящем к правнуку Али Абдаллаху б. Хасану, перечислены только ансары, а в остальных перечнях наряду с ансарами упомянуты и мухаджиры. По-видимому, шиитская историческая традиция старалась замолчать непризнание Али частью старых мусульман-мухаджиров. Отказ части ансаров Абдаллах б. Хасан объясняет тем, что они занимали при Усмане высокие посты: Зайд б. Сабит заведовал казной, Ка'б б. Малик получил в подарок от Усмана собранную им садаку с бану музайна, а Хассан б. Сабит, по его мнению, отказался присягать потому, что «он — поэт и ему было все равно, что делать»[34]. Однако девять других ансаров, упоминаемых в разных перечнях, отнюдь не были клевретами Усмана и завоевали авторитет задолго до его халифства своими заслугами перед исламом: так, Мухаммад б. Маслама и Фадала б. Убайд участвовали в битве при Бадре, а Абдаллах б. Салам за то, что первым из йасрибских раввинов (*ахбāр*) признал Мухаммада пророком, был назван им в числе десяти мусульман, которым уже при жизни было уготовано место в раю[35]. Особенно болезненным ударом для Али, несомненно, было отсутствие при присяге Са'да б. Абу Ваккаса и Абдаллаха б. Умара. Али распорядился, чтобы их привели в мечеть. Абдаллах заявил, что присягнет, когда присягнут все остальные мусульмане. То же сказал и Са'д, добавив, что, несмотря на это, с его стороны не будет противодействия. Ал-Аштар порывался пустить в ход меч, но Али остановил его, сказав, что знает людей лучше. На предложение же Аммара б. Йасира силой привести Усаму б. Зайда, Мухаммада б. Масламу и других заметил: «Мы не нуждаемся в тех, кто не желает нас»[36].

Нельзя не признать разумность такой позиции: добившись главного — согласия основных соперников, можно было во избежание лишних конфликтов посмотреть сквозь пальцы на фрондерство отдельных сподвижников пророка. Действительно, многие из упрямцев в дальнейшем не оказывали противодействия, хотя некоторые потом оказались в стане врагов.

В тот же день Али произнес свою первую пятничную речь в качестве халифа. Многочисленные свидетельства современников позволяют нам представить внешний облик четвертого заместителя пророка. На минбар взошел и сел широкоплечий и тучный,

очень смуглый человек среднего роста. Ему, по разным сведениям, должно было быть 56—58 лет, но выглядел он старше из-за совершенно белой широченной бороды, закрывавшей грудь от плеча до плеча, обширную лысину окаймлял венчик таких же белых, «как хлопок», волос, свисавших сзади гривой. Большой живот, следствие четвертьвековой безмятежной и малоподвижной жизни (к замечаниям по поводу которого он относился с юмором)[37], не мешал ему при случае предпринять дальнюю поездку верхом[38]. Воинственность, которой Али, по его собственным словам, отличался в молодости (он и первенца хотел назвать Харб, т.е. «война», да дед пожелал назвать внука Хасаном), ушла в прошлое. Теперь он был главой обширной семьи: от восьми жен у него было девять своих и трое приемных сыновей и десятка полтора дочерей (вместе с рожденными от невольниц, которых биографы не слишком жаловали вниманием); если прибавить к этому внуков, внучек, клиентов-мавлей и слуг, то число обитателей его дома превысит сотню человек.

Гораздо трудней представить себе его характер и взгляды. Панегирические жизнеописания его позднейших почитателей дают нам перечень добродетелей, а не характер живого человека. О поведении и взглядах Али до избрания его халифом историки не сообщают ничего примечательного. Судя по его дальнейшим поступкам, он не принимал многие «новшества», появившиеся после Мухаммада.

Содержание его первой речи, как и события тех дней, излагается различно, и трудно остановиться на каком-то одном варианте. Ее текст в передаче правнука Али состоит из одних общих положений о необходимости следовать правильному пути, предначертанному Аллахом в Коране[39], и совершенно не касается вопросов, которые волновали в этот момент всех мединцев. Можно, конечно, предположить, что до нас в данном случае дошла лишь вводная часть, непременно содержащая такие общие места[40].

Гораздо больше соответствует ожидаемому содержанию «тронной речи» выступление в мечети на следующий день после присяги. Она пространна, и здесь имеет смысл привести только наиболее важные для понимания намерений Али отрывки.

«Когда был взят посланник Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует, — то люди сделали его заместителем (халифом) Абу Бакра, потом Абу Бакр сделал своим заместителем Умара, который шел по его пути. Потом он назначил совет из шестерых, и они решили это дело в пользу Усмана, который делал то, что было вам ненавистно, а что — вы знаете [сами]. Затем его осаждали и убили. А затем вы по своей воле пришли ко мне и просили меня. А я — такой же, как вы: мне полагается

то же, что вам, и на мне лежат те же [обязанности], что на вас. Аллах открыл врата между вами и убийством, и наступили смуты, как наступает ночная тьма. И не справиться с этими делами никому, кроме терпеливых и прозорливых и понимающих ход дел. Я поставлю вас на путь пророка вашего и исполнения того, что он повелел, если вы будете повиноваться мне и Аллаху...

Воистину, Аллах с высоты своих небес и трона видит, что мне не хотелось власти над общиной Мухаммада, пока ваше мнение не было единым, но когда ваше мнение стало единым, то я не мог оставить вас...

Если завтра кто-то из вас, из тех, кого поглотил этот мир, кто заводит поместья и проводит каналы, ездит на породистых конях и приобретает красивых слуг... скажет: „Сын Абу Талиба сделал запретной для нас нашу законную собственность", то пусть каждый мухаджир и ансар из сподвижников посланника Аллаха поймет, что его награда среди равных ему — его сподвижничество, а сияющая награда у Аллаха — в будущей жизни... Вы — рабы Аллаха, и деньги (*мāл*) — деньги Аллаха, они делятся поровну, и нет в этом преимущества одного перед другим. А для благочестивых у Аллаха уготовано в будущей жизни лучшее богатство и вознаграждение — Аллах делает наградой не этот мир, а мир будущий.

Завтра, если захочет Аллах, чтобы у нас было завтра, мы разделим те деньги, которые у нас имеются, и не обойдем никого из вас, будь то араб или неараб, получающий жалованье, если только он свободный мусульманин. Я это сказал. И да помилует Аллах меня и вас»[41].

По-видимому, в той же речи Али коснулся и пожалований Усмана. Ибн ал-Калби передает слова Абдаллаха б. Аббаса, согласно которому Али на следующий день после присяги сказал: «Все наделы (*ḳаṭā'u'*), которыми наделил Усман, и все деньги (*мāл*), которые он выдал из денег Аллаха, будут возвращены в казну. Воистину, ничто не может уничтожить старое право. И если я найду, что какие-то средства израсходованы для женитьбы или рассеялись по стране, то все равно возвращу их в прежнее состояние»[42].

На следующий день эти обещания были выполнены. Из дома Усмана забрали все имущество, которое было присвоено из садаки или добычи: оружие, кони, драгоценности[43]. Наличность, находившаяся в казнохранилище, была разделена между теми, кто имел право на жалованье. Раздачу начали с мухаджиров, за ними последовали ансары, потом — все остальные. Но эта очередность оказалась единственным преимуществом ветеранов ислама, так как все вне зависимости от прежних заслуг получили по три динара[44], что равнялось двухмесячному жалованью рядо-

вого воина. Кого-то такая сумма могла удовлетворить, но для верхушки мусульманского общества, привыкшей распоряжаться тысячами динаров, подобная выдача имела чисто символическое значение, а кое-кто мог и оскорбиться такой подачкой.

Городскую верхушку больше, чем эти деньги, интересовало установление порядка в городе. Группа сподвижников пророка пришла к Али с требованием обуздать бесчинства черни и наказать убийц Усмана в соответствии с мусульманским правом. Али откровенно признался в своей беспомощности: «Я знаю то же, что знаете вы. Но что я могу сделать с людьми, которые властвуют над нами, а не мы над ними. Вот они, эти люди, вместе с которыми взбунтовались ваши рабы и [к которым] присоединились ваши бедуины. Они среди вас и обижают вас как хотят. Видите ли вы какую-то возможность добиться чего-нибудь из того, чего вы хотите?» Пришедшие согласились с ним и услышали от него в утешение только то, что власть шайтана не вечна[45].

Обеспокоенные положением в городе, курайшиты стали подумывать об отъезде. Тогда Али предпринял решительный шаг: объявил, что не вернувшиеся к хозяевам рабы будут казнены. Затем (будто бы на третий день после присяги) он обратился к мединцам с призывом изгнать бедуинов, а тем посоветовал «вернуться к своим водопоям». Сторонники Ибн Саба (см.: т. 2, с. 207—208) и часть примкнувших к ним бедуинов отказались покинуть Медину, но порядок восстановился, и новый халиф стал хозяином положения[46].

Оставалось выполнить требование о наказании убийц Усмана. Установление их, казалось бы, не составляло трудности (тем более что некоторые даже хвастались своим участием), но для обвинения и приговора требовались свидетельские показания. Али обратился к главной свидетельнице убийства, Наиле, с вопросом, кто убил Усмана, и получил ответ, что было несколько мужчин, которых она не знает, и с ними был Мухаммад б. Абу Бакр. Али вызвал Мухаммада, тот сказал, что входил к Усману, но не убивал его и не притрагивался к нему, а ушел, когда тот пристыдил его именем отца. Наила подтвердила это, добавив: «Однако он привел их»[47]. В письме Наили Му‘авии (которое трудно счесть подделкой)[48] с рассказом об убийстве также назван только Мухаммад б. Абу Бакр.

Обращение к Наиле формально было обоснованным, но по сути бесполезным: откуда жена халифа могла знать в лицо и по имени каких-то воинов из Египта. Их должен был знать Мухаммад б. Абу Бакр, даже если он вышел из комнаты до нападения на Усмана, но он никого не назвал. Вряд ли это могло серьезно помешать выявить по горячим следам одного-двух убийц и казнить их, если бы Али в тот момент обладал достаточной реаль-

ной силой. Ему приходилось идти на компромиссы, чтобы не нарушить неосторожным решением с трудом достигнутого примирения в Медине, а ему еще предстояло утвердить свою власть в провинциях.

Там весть о гибели Усмана и избрании Али была встречена по-разному. В Египте наместник Усмана Абдаллах б. Са'д лишился власти за два месяца до описываемых событий. В мае 656 г. он выехал из Фустата в Медину, но, узнав в Айле об осаде Усмана, решил возвратиться. Фустат тем временем оказался в руках главного противника Усмана в Египте, Мухаммада б. Абу Хузайфы (кстати, воспитанного после гибели его отца в Йамаме в доме Усмана). Абдаллаху б. Са'ду пришлось искать убежища у Му'авии[49]. Понятно, что Мухаммад б. Абу Хузайфа сразу же присягнул Али. Однако часть египетских мусульман во главе с Му'авией б. Худайджем отказалась присягать и ушла в район ал-Бахнаса. Мухаммад послал туда отряд для подавления усмановцев, но он был разгромлен, а Му'авийа ушел оттуда «в сторону Барки» и обосновался затем в Харбите (округ в 60—70 км восточнее Александрии)[50].

В Сирию в качестве наместника был послан Сахл б. Хунайф. В Табуке, где стоял передовой сирийский пост, его задержали и велели отправляться обратно[51].

В Куфе сразу же по получении известия о переменах в Медине началась борьба между сторонниками и противниками нового халифа. Наместник, Абу Муса ал-Аш'ари, назначенный Усманом по требованию куфийцев, колебался и предлагал подождать, пока обстановка окончательно прояснится. Племянник Са'да б. Абу Ваккаса, Хашим, выслушав в мечети этот призыв Абу Мусы, язвительно спросил: «Каких еще известий ты ждешь, когда Усман уже убит? Ты думаешь, он вернется с того света?» — и, хлопнув левой ладонью по правой, сказал: «Левая — это я, а правая — Али ибн Абу Талиб», имитируя таким образом присягу. Его поддержали другие сторонники Али, и Абу Муса вынужден был также присягнуть Али[52].

Не зная об этом, Али послал наместником в Куфу Умару б. Шихаба. В Зубале (300 км не доезжая Куфы) он встретился с Тулайхой б. Хувайлидом, спешившим с отрядом добровольцев в Медину, чтобы наказать убийц Усмана, который заявил, что у куфийцев есть свой амир и менять его они не собираются, поэтому ему лучше убраться в Медину, если он не хочет неприятностей. Умара вернулся в Медину, и Али пришлось смириться с реальностью и утвердить Абу Мусу на прежнем посту[53].

В Басру был назначен Усман б. Хунайф (брат Сахла б. Хунайфа), который в 642 г. проводил ревизию земельных кадастров в Ираке (см.: т. 2, с. 140). Беспрепятственно достигнув Басры, он

не встретил противодействия со стороны Абдаллаха б. Амира и большинства басрийцев, хотя и здесь часть жителей заявила, что воздержатся от присяги до окончательного выяснения обстановки в Медине[54].

Спокойнее всего происшедшее было воспринято в Йемене, откуда прибыла делегация для принесения присяги Али; назначенный туда наместником Убайдаллах б. Аббас не встретил противодействия. Правда, его предшественник, Йа‘ла б. Умаййа (иногда называемый по матери Йа‘лой б. Мунйа), вместо того чтобы сдать дела, забрал всю наличность (будто бы 600 000 дирхемов), огромное имущество, накопленное за полтора десятилетия наместничества, и с караваном в несколько сот верблюдов укрылся в Мекке[55].

Назначение наместниками в важнейшие провинции Усмана и Сахла б. Хунайфа, а также Умары б. Шихаба (хотя его и не приняли куфийцы) должно было продемонстрировать ансарам, что с засильем курайшитов в высших сферах власти покончено и что надежды, возлагавшиеся ими в этом отношении на Али, оправдались.

При всех сложностях власть Али в короткий срок была признана во всем Халифате, кроме Сирии и Палестины, которыми почти двадцать лет бессменно управлял Му‘авийа б. Абу Суфйан. Его реакция на события в Медине была неоднозначна. Осуждая убийц Усмана, он в то же время не оказал ему реальной помощи во время осады и не предотвратил убийство. Не признав избрание Али, он не заявил претензий на халифат и не предложил иной кандидатуры. По-видимому, сначала он готов был удовлетвориться сохранением своего наместничества, но прямолинейность Али настроила его более жестко. Когда же Али решил пойти на компромисс и обещал сохранить за Му‘авией Сирию и Палестину, то Му‘авийа, ознакомившись с посланием, отправил посланца обратно, пообещав прислать ответ со своим человеком[56]. Он явно выжидал, что произойдет дальше. И не ошибся.

РОЖДЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ОППОЗИЦИИ

Пока Али налаживал отношения с провинциями, в самой Медине среди присягнувших ему росло недовольство. Причины были разными: родственники Усмана возмущались тем, что убийцы не были наказаны, верхушка мухаджиров чувствовала себя оскорбленной тем, что ее принизили и сравняли с остальными. Уже во время раздачи запасов казначейства на третий день правления Али Сахл б. Хунайф с обидой заметил: «Этот

еще вчера был моим невольником (*гулам*), а сегодня ты даешь ему жалованье». Миллионеры Талха и аз-Зубайр вообще не пришли за жалкими тремя динарами, чтобы не ронять своего достоинства. Обиду они не скрывали и открыто порицали Али за забвение их заслуг[57].

Когда их резкие высказывания стали известны Али, он вызвал обоих к себе и спросил, как можно вести такие речи, после того как они принесли присягу, подразумевающую безусловное повиновение халифу. Они ответили, что приносили присягу с условием, что он будет во всем советоваться с ними и не будет ничего предпринимать без их ведома, а он произвел такой несправедливый раздел денег, не учитывая их заслуг. Али сослался на то, что никаких решений не принимал, а то, что он сделал, соответствует Корану и обычаю пророка. Ему в ответ было сказано, что Умар поступал иначе. Этот разговор не удовлетворил обе стороны и не мог смягчить обиду[58]. По другим свидетельствам, Талха и аз-Зубайр рассчитывали получить наместничества Басры и Куфы, но Али отказал в каком-либо наместничестве, опасаясь, что они станут слишком независимыми, и это вызвало их недовольство[59].

Так или иначе, но оба соперника продолжали открыто выражать недовольство неблагодарностью Али. Аз-Зубайр говорил в кругу курайшитов: «Вот она — награда Али. Мы стояли за него в деле с Усманом, возлагая на того обвинения и доведя его до убиения, а Али сидел у себя дома и все забрал себе. А когда получил с нашей помощью то, что хотел, то дал другим, а не нам». Ему вторил Талха: «Его можно упрекнуть за то, что нас было трое из людей шуры: старания одного из нас дали результат, и мы присягнули ему и отдали то, что имелось у нас в руках, но не получили от него то, что в его руке. И оказались разбитыми наши надежды»[60]. Али приходилось мириться с этими речами, предпочитая говорящих соперников молчаливым заговорщикам.

Рассорился Али и с Абдаллахом б. Умаром, когда пошел к нему выяснять причину отказа от присяги. Разговор кончился тем, что Абдаллах упрекнул его: «Ты заботишься о религии, а сам отказался от проведения совета мусульман». Али в ответ вспылил: «Чтоб тебе! А разве требование [людей], чтобы я принял их присягу, не значит для тебя, что совет состоялся? Уходи от меня, дурак! Что еще за слова от тебя!» Абдаллах буквально последовал его словам и уехал из Медины. Разгневанный Али послал за ним погоню, и неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в дело не вмешалась дочь Али Умм Кулсум, которая была замужем за Умаром и, следовательно, по семейному положению являлась мачехой Абдаллаха (хотя и была младше его лет

на двадцать). Она убедила отца, что Абдаллах просто уехал, не имея мятежных намерений и не претендуя на власть[61].

Мекка постепенно превращалась в центр притяжения всех недовольных новым халифом. Одной из видных фигур в оппозиции становится Аиша. Она прибыла в Мекку с караваном паломников и задержалась с отъездом на несколько дней. Большинство паломников отправилось в обратный путь до того, как в Мекку пришло известие о гибели Усмана. Аиша якобы узнала об этом на обратном пути (называются разные пункты) и сразу вернулась в Мекку, но не исключено, что она, как многие другие паломники этого сезона, решившие переждать смутное время в спокойном месте, вообще не выезжала из Мекки.

Мысль о том, что человек, который хотел развести ее с любимым мужем (см.: т. 1, с. 129), будет теперь халифом, превратила ее из противницы Усмана, которого она последнее время называла не иначе как На‘сал*, в ярую поборницу мести за Усмана, только чтобы досадить Али. Могла быть и вторая причина: разрушенная надежда видеть халифом своего двоюродного брата Талху.

Эта перемена на многих произвела неприятное впечатление. Когда она однажды упрекнула Масрука б. Аджда‘, одного из куфийцев — противников Усмана, что они бросили халифа, как старые обноски, и его зарезали, как барана, тот не выдержал и сказал: «Это твоя работа. Ты писала людям, призывая к восстанию против него». Аиша отговорилась: «Я не писала ничего черного вместо белого и сидела дома»[62]. Даже один из родственников, с которым она была в хороших отношениях, осудил ее в стихах такого содержания:

Что судьба решила, то и совершилось.
Как придете оба, так скажите ей:
Ты имела мнение, а теперь — другое;
от тебя то ливень, то вдруг суховей.
Ты ведь призывала нас убить имама,
говоря, что вере изменил своей.
Тяжело тебя нам называть убийцей,
но для нас убийца — кто сказал: «Убей»[63].

Несмотря на противоречивость поведения Аиши, ее резкие высказывания по поводу Али находили слушателей и способствовали формированию враждебного отношения к нему.

Главная опасность грозила Али с другой стороны. Му‘авийа, получив от него послание с предложением присягнуть, продол-

---

* Фольклорный персонаж — нескладный старик с такой длинной бородой, что путался в ней и падал

жал молчать. Сведения о раздорах в окружении Али убеждали его, что новая власть не укрепляется, а скорее слабеет. Два месяца задержки с ответом[64] Му‘авийа использовал для подготовки сирийцев к мысли о неизбежности выступления против Али. В мечети Дамаска была выставлена окровавленная одежда Усмана, присланная Наилей[65], и проповедники подогревали чувства слушателей рассказом об убийстве праведного халифа и призывали отомстить убийцам. Обвинялся ли при этом Али, как организатор убийства, остается неясным.

Лишь после этого Му‘авийа принял решение. В конце августа он вручил свиток своему посланцу, приказав ему по прибытии в Медину держать свиток так, чтобы можно было видеть адрес: «От Му‘авии ибн Абу Суфйана Али ибн Абу Талибу», что свидетельствовало, во-первых, о том, что Му‘авийа не признает Али халифом, а во-вторых, ставит его ниже себя. Посланец прибыл в Медину 28 августа[66], прошествовал мимо любопытных, держа на виду адрес на грамоте, и предъявил его Али в присутствии приближенных. Сломав печать и развернув свиток, Али обнаружил внутри только начальную формулу «во имя Аллаха, милостивого, милосердного»[67]. Это было открытое оскорбление, требовавшее решительной реакции.

Сгоряча Али хотел тут же начать сбор войска для похода на Сирию, но его отговорили от этого опрометчивого решения. Али обратился за поддержкой к Талхе и аз-Зубайру, сказав: «То, о чем я вас предупреждал, случилось. И то, что случилось, можно исправить, только уничтожив его, ведь смута... как огонь: чем больше раздуваешь, тем больше разгорается»[68]. Однако они не выразили желания поддержать его в этот решительный момент, а вскоре попросили разрешения поехать в Мекку для совершения малого хаджжа. Отказать в осуществлении такого благого намерения Али не мог, хотя прекрасно сознавал, что это лишь предлог, чтобы выйти из-под его контроля[69]. Не приходится сомневаться, что их решение об отъезде было связано с выявившейся наконец враждебной позицией Му‘авии, облегчавшей им выступление против Али[70].

В середине сентября они уже были в Мекке, где к этому времени собрались многие недовольные новым халифом: Умаййады, уехавшие из Медины во главе с Марваном б. ал-Хакамом и Са‘идом б. ал-Асом, бывшие наместники Усмана Абдаллах б. Амир (Басра) и Йа‘ла б. Умаййа (Йемен), а также Мугира б. Шу‘ба, покинувший Медину после того, как убедился, что Али не собирается приблизить его к себе[71]. Была здесь, как уже говорилось, и Аиша с ее гневными выступлениями против Али.

Средневековые историки явно преувеличивают роль Аиши в организации похода против Али, превращая ее чуть ли не в

главную фигуру оппозиции. Действительно, она была незаурядной женщиной, славившейся не только близостью к пророку и хранением его сунны в виде хадисов, но и личными качествами: красноречием и прекрасным знанием поэзии (могла не задумываясь прочитать поэму в сотню строк), а главным образом — своей энергией, из-за которой прославилась в памяти потомков как «муженщина (*раджула*) арабов»[72]. Судьба обрекла ее, овдовевшую в 18 лет, на одиночество до конца дней, которое не компенсировалось ни богатством, ни почетом, а ее энергия не находила применения в узком кругу полудюжины вдов пророка, которые в отличие от нее имели детей и внуков от предшествующих браков, — отсюда ее желчность и резкость. Мятеж против Усмана и избрание ненавистного ей Али предоставляли возможность разрядки накопившейся и не находившей выхода энергии.

Целенаправленное использование этой энергии стало возможно с прибытием в Мекку Талхи и аз-Зубайра, объявивших себя мстителями за невинно убиенного халифа. Позиция их в этом отношении была очень шаткой: враждебность Талхи по отношению к Усману во время мятежа была хорошо известна, а кроме того, ни тот ни другой не были с погибшим в той степени родства, которая давала право требовать мщения. Здесь-то как нельзя лучше подходила Аиша с ее авторитетом «матери верующих». Однако при всей горячности осуждения Али она, видимо, не сразу решилась перейти от гневных обличений к мятежу, Талхе потребовалось уговаривать ее[73].

Недовольные, собравшиеся в Мекке, не имели единого плана действий. Талха и аз-Зубайр настаивали на вооруженном выступлении, но поскольку не было понятно, каким убийцам надо мстить, то и направление действий было неясно. Кто-то советовал пойти в Сирию и соединиться с Му‘авией, кто-то, в частности Аиша, предлагал идти прямо в Медину, наконец, Абдаллах б. Амир убедил всех идти в Басру, где он несколько лет был наместником и, по его словам, имел сторонников[74]. Аишу этот дальний поход не привлекал, и ее пришлось уговаривать, что только ее присутствие может поднять басрийцев на борьбу с Али.

Даже согласившись, Аиша не решалась ехать одна среди мужчин, что было особенно неприлично вдове пророка, и пыталась уговорить Умм Саламу сопровождать ее. Однако Умм Салама, старейшая из вдов пророка по возрасту и стажу в исламе, дала ей резкую отповедь. Услышав лестные для себя эпитеты, она сразу же спросила: «Ради чего такие речи?» Аиша ответила: «Те люди требовали от Усмана покаяния, а когда он покаялся, то убили его, постящегося, в запретный месяц. И я намерилась выйти в Басру, а со мною Талха и аз-Зубайр. Иди с нами. Может быть, Аллах уладит это дело нашими руками и с нашей помощью».

Умм Салама сказала ей то же, что и многие другие: «Еще вчера ты подстрекала людей против Усмана и говорила о нем гадости и не было у тебя для него иного имени, кроме На‘сал. Какое тебе дело до Усмана? К тому же он — мужчина из абдманаф, а ты — женщина из бану тайм ибн мурра. Вы выступаете против Али, сына дяди пророка. Выступаете, хотя присягнули ему мухаджиры и ансары». Умм Салама напомнила Аише несколько случаев, когда пророк в чем-то отдал Али предпочтение перед ней, Аиша вынуждена была подтвердить эти случаи, но все-таки заявила: «А я выступлю ради улажения дела людей и надеюсь на воздаяние, если захочет Аллах». — «Ну, это — твое дело», — промолвила Умм Салама[75].

Потерпев неудачу у Умм Саламы, Аиша уговорила поехать с ней другую вдову пророка, дочь Умара Хафсу, с которой была очень дружна, но брат Хафсы, Абдаррахман, запретил ей вмешиваться не в свое дело, и Аише пришлось решиться на путешествие с мужчинами[76].

Талхе и аз-Зубайру удалось собрать вокруг себя около 700 человек, среди которых было много бедняков, не имевших ни верховых животных, ни оружия. Для их обеспечения Йа‘ла б. Умаййа, Абдаллах б. Амир и Талха с аз-Зубайром вложили собственные средства и дали верблюдов[77]. Отряд вышел в ночь, стараясь изобразить обычный караван путешественников или людей, совершающих перекочевку. Эта маскировка никого не могла обмануть, тем более что Умм Салама отправила со своим сыном Умаром письмо Али с сообщением о подготовке похода и с просьбой взять ее сына с собой для борьбы с врагами. Независимо от нее сообщение о подготовке выступления отправила и Умм Фадл, вдова Аббаса[78].

Отойдя на два дневных перехода, в Зат-Ирке Талха и аз-Зубайр устроили смотр войску перед дальним походом, отослали несовершеннолетних, увязавшихся с войском; вдовы пророка, поехавшие проводить Аишу, вдоволь поплакали и вернулись в Мекку. Са‘ид б. ал-Ас, взяв с собой Марвана б. ал-Хакама, явился к руководителям похода, чтобы выяснить их дальнюю цель, главное — кого они видят будущим халифом вместо Али, и получил ответ: «Им будет один из нас, кого выберут люди». Са‘ид возразил: «Нет, это надо предоставить сыну Усмана. Ведь вы добиваетесь отмщения за его кровь». Талха предложил другой вариант: «Созовем шейхов-мухаджиров и передадим это дело их сыновьям». Са‘ид заявил: «Вижу, что вы хотите отнять халифат у абдманаф» — и вместе со своим двоюродным дядей Абдаллахом б. Халидом б. Асидом возвратился в Мекку; за ним последовал Мугира б. Шу‘ба с группой сакифитов, но Марван б. ал-Хакам остался с мятежниками[79].

Известия о переходе недовольных к решительным действиям застали Али за подготовкой похода на Сирию. Сбор войска шел туго. Лишь остатки мятежников, активно содействовавших его приходу к власти, с готовностью откликнулись на призыв участвовать в походе. Мединцы же, особенно знатные ансары, не горели желанием сражаться с собратьями по вере. На призыв Али откликнулись лишь Абу-л-Хайсам б. ат-Тайахан, Хузайма б. Сабит и еще четверо не названных по именам участников битвы при Бадре[80]. Такая важная политическая фигура, как Са‘д б Абу Ваккас, ответил, что пойдет с Али, если тот даст ему меч, который сам отличит истинно верующего от неверующего, а Мухаммад б. Маслама сказал, что, следуя завету пророка не сражаться с мусульманами, сломал накануне свой меч о скалу на горе Ухуд[81]. Гражданская война еще только разгоралась, и взаимное ожесточение еще не достигло того накала страстей, когда рвутся узы дружбы и родства. В результате в Медине и ее округе нашлось всего шестьсот-семьсот добровольцев.

Ансары были против ухода Али из Медины. Укба б. Амир от их лица убеждал Али последовать примеру Умара и назначить командующим какого-нибудь авторитетного человека.

С войском, собиравшимся для похода на Сирию, Али вышел на перехват мекканских мятежников. На выезде из Медины его остановил Абдаллах б. Салам и умолял не покидать Медину, иначе из нее навсегда уйдет власть над исламом, но Али был непреклонен[82]. Выступление Али из Медины можно приблизительно датировать концом раби‘ I/24—25 сентября 656 г.[83]. Узнав, что мятежники направляются на Басру по западной дороге, он рассчитывал перехватить их в ар-Рабазе, ближайшем к Медине пункте их маршрута, но, прибыв туда, обнаружил, что они уже миновали ее и повернули на восток и теперь их догнать невозможно, а двигаться за ними следом до Басры, где они могли значительно пополнить свои ряды, и вступать в бой с наличными силами было бессмысленно. Нужны были пополнения, но рассчитывать в этом отношении на Медину не приходилось — все, кто хотел, уже были у Али; серьезную поддержку можно было получить только из Куфы, хотя настроения ее жителей были неоднозначны, а наместник холодно относился к новому халифу. Поэтому Али решил не двигаться из ар-Рабазы, пока не появится уверенность в поддержке со стороны куфийцев. В Куфу к Абу Мусе с призывом помочь в борьбе с клятвопреступниками был послан племянник Са‘да б. Абу Ваккаса[84], хорошо известный куфийцам победитель персов под Джалула (см.: т. 2, с. 68). Для того чтобы обернуться в два конца, гонцу требовалось около 20 дней. Али использовал это время для того, чтобы доставить из Медины недостающее снаряжение и вооружение[85].

В конце первой декады октября Талха, аз-Зубайр и Аиша с отрядом, выросшим по пути до 3000 человек, подошли к Басре и встали лагерем в ал-Хуфайре в 3 фарсахах (около 18 км) южнее города. Усман б. Хунайф послал к ним для выяснения их намерений двух авторитетных басрийцев — сподвижников пророка Имрана б. ал-Хусайна, неоднократно замещавшего Абу Мусу в бытность его наместником Басры, и Абу-л-Асвада ад-Дуали[86].

Ход их переговоров с мятежниками излагается различно, и нет возможности выяснить, какая из версий ближе к истине: все они, несомненно, реконструированы на основе расхожих аргументов и контраргументов сторон, принимавших участие в конфликте. С одной стороны указывалось на необходимость отомстить за смерть халифа, а с другой — резонно возражали, что не им, главным подстрекателям, выступать мстителями, тем паче, что есть более близкие люди, на которых лежит обязанность мести. Мятежников упрекали в отступничестве от присяги, на что они отвечали, что присягали под угрозой смерти. Когда же посланцы напомнили аз-Зубайру, как в день смерти пророка он настаивал на том, что достойнейшим преемником ему является Али, то он вместо оправданий или объяснений сказал только: «Уходите!»

Вернувшись, посланцы сообщили Усману б. Хунайфу о безрезультатности переговоров, и он решил напасть на мятежников первым. Глашатай возвестил: «К оружию! К оружию!», и поднятые этим кличем басрийцы собрались на площади около главной мечети. Абу-л-Асвад рассказал о переговорах и предупредил об угрозе со стороны прибывших. Собравшиеся выслушали его и двинулись к Мирбаду, южному пригороду Басры. Здесь на обширном пространстве, где останавливались караваны, к прибывшим присоединились жители пригорода, которые изменили общее настроение толпы. Одному из ораторов, начавшему убеждать, что прибывших из Мекки надо туда же и прогнать, не дали говорить, а другого за подобные призывы забросали камнями[87].

В этот момент в Мирбаде появились вожди мятежников. Талха начал свою речь с восхваления достоинств покойного халифа, который поначалу был достойным преемником Абу Бакра и Умара, но потом перестал считаться с людьми и превратился в притеснителя. Тогда люди восстали и, забыв о боге и благочестии, убили его, когда он уже исправился. «И вот, мы пришли к вам, о люди, добиваясь мести за кровь Усмана, и зовем вас добиваться мести за его кровь. А мы, если Аллах позволит нам,

убьем его убийц и предоставим это дело* совету (*шура*) мусульман, ведь власть любого, кто возьмет ее самовольно, без одобрения *(риḍā')* всех людей и без совета с ними, будет властью захватнической и изобилующей неприятностями». То же говорил и аз-Зубайр. На возмущенный вопрос, как могут они выступать против человека, которому присягнули, последовал ответ, что присягу приносили под угрозой смерти.

Мнения толпы разделились: одни одобряли сказанное, другие возмущались. Шум толпы перекрыл пронзительный голос Аиши: «Эй, люди! Кончайте крик и замолчите!» В наступившей тишине она повторила прежние доводы, что Усман совершал ошибки, но раскаялся и был убит уже безгрешным, и каковы бы ни были его ошибки, они не позволяли пролить его кровь. Заканчивая речь тем же обещанием наказать убийц и созвать совет, она высказалась определеннее: «Потом будет проведен совет тех людей, которых избрал амир верующих Умар ибн ал-Хаттаб, и не войдет в него тот, кто причастен к [пролитию] крови Усмана».

Речь Аиши подлила масла в огонь. Одни ее одобряли, другие кричали, что женщине нечего встревать в такие дела — ей надо сидеть дома. Началась потасовка, в ход пошли камни и сандалии (ухваченные за длинные завязки, они служили таким же подручным оружием, как армейские пояса с бляхами в наши дни). С этого момента горожане открыто распались на две партии, и город оказался разделенным на две части: центр оставался в руках наместника, а южные пригороды приняли сторону его противников[88].

Такое двоевластие не могло длиться долго. Вскоре, возможно даже на следующий день, Талха и аз-Зубайр вознамерились полностью овладеть городом. Пройдя квартал дубильщиков (их кварталы обычно располагались на самом краю городов), мятежники столкнулись у начала плотной городской застройки («у начала улиц») со стражниками Усмана б. Хунайфа и его сторонниками, перекрывшими главную улицу, ведущую в центр города к резиденции наместника и главной мечети. На помощь наместнику подоспела и конница под командованием Хукайма б. Джабалы. Нападавшим удалось несколько углубиться в город, но там в сражение вмешались женщины соседних домов, кидавшие с крыш камни в сражавшихся в зависимости от приверженности той или другой стороне.

По-видимому, перевес сторонникам наместника обеспечило участие на их стороне конницы. Отбиваясь копьями от ее атак, мятежники отошли к восточной окраине, к кладбищу бану мазин. Сражение прекратилось только с наступлением темноты.

---

* Т е выборы халифа

Наместник со своей охраной ушел во дворец, а поддерживавшее его племенное ополчение разошлось по домам. Ночью к Талхе пришел Абу-л-Джарба Асим ат-Тамими, руководивший разбивкой Басры при ее основании; хорошо зная город, он указал обходный путь в центр города по дамбе. Утром неожиданно для Усмана б. Хунайфа противник оказался около центральных провиантских складов (*Дар ар-ризк*). Снова завязалось ожесточенное сражение, в котором наместник стал одерживать верх. Тогда его противники предложили замириться. Усман согласился, и враждующие заключили мирное соглашение, которое дошло до нас в двух версиях.

Согласно ат-Табари (по Сайфу) оно гласило:

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.

Это то, на чем замирились Талха и аз-Зубайр и те верующие, что с ними, и Усман ибн Хунайф и верующие и мусульмане, что с ним: Усман остается там, где застал его мирный договор, с тем, что в его руках, и Талха и аз-Зубайр остаются там, где застал их договор, с тем, что в их руках, до тех пор, пока не вернется из Медины доверенный обеих сторон и их посланец Ка‘б ибн Сур[89]. Не будет одна сторона вредить другой ни в мечети, ни на базаре, ни на дороге, ни в порту. Между ними не будет секретов, пока не вернется Ка‘б с известием. И если вернется с тем, что те люди принудили Талху и аз-Зубайра, то это дело будет в их пользу: если Усман захочет, то выступит против них, чтобы достичь своей цели, а если захочет, то вступит с ними в соглашение. А если он вернется с тем, что они не принуждали их, то дело будет в пользу Усмана: если захотят Талха и аз-Зубайр, то подчинятся Али, а если захотят, то выступят, чтобы достичь своей цели. А верующие помогут тому из них, кто выиграет»[90].

В изложении Абу Михнафа первая половина договора сформулирована несколько конкретнее: в ней определяется, что за Усманом остаются резиденция, площадь, мечеть, казна и «минбар», т.е. право вести молитву и произносить проповедь. Но вторая половина совершенно иная по смыслу: вместо посылки уполномоченного выяснить у мединцев, принуждали ли Талху и аз-Зубайра к присяге, договаривающиеся обязывались ждать прибытия халифа для принятия окончательного решения[91].

Талха и аз-Зубайр прекрасно понимали: с чем бы ни вернулся Ка‘б из Медины, окончательное решение все равно будет принято силой оружия. До тех пор перевес был на стороне наместника, которого поддерживала хорошо вооруженная конница, но основная часть воинов племенных ополчений, получавших жалованье, оставалась пока в стороне от схватки. Талха и аз-Зубайр направили послания вождям племенных объединений и племенной знати. На их призыв откликнулись как южноарабские пле-

мена (азд и дабба), так и североарабские (кайс айлан). Глава племени амр б. тамим, Хилал б. Ваки‘. уклонился от ответа, а когда Талха и аз-Зубайр пришли к нему домой — пытался спрятаться. Его устыдила мать: «Не видела я таких, как ты, — к тебе пришли два курайшитских шейха, а ты прячешься». Согласие Хилала поддержать мятежников обеспечило переход на их сторону бану амр б. тамим, части бану ханзала[92]. Не удалось привлечь на свою сторону лишь одного из влиятельнейших людей Басры, вождя кайситов ал-Ахнафа б. Кайса, который заявил о своем нейтралитете[93].

Пока шла эта борьба за преобладание в Басре, в Куфу прибыл Хашим б. Утба с посланием Али Абу Мусе, в котором предлагалось поднять куфийцев и выступить против мятежников, Абу Муса, не желая втягиваться в междоусобицу, задержал посланца и не позволил широко оповестить куфийцев об обращении Али за помощью. Хашима не выпускали из Куфы, но он нашел человека, который взялся доставить в ар-Рабазу письмо с сообщением о неудаче переговоров. Получив это известие, Али послал в Куфу своего племянника Мухаммада б. Джа‘фара и Мухаммада б. Абу Бакра[94]

Вскоре после этого, в пятницу, вероятнее всего 28 октября, в Медину прибыл Ка‘б б. Сур и при общем сборе молящихся в мечети задал вопрос: по принуждению или добровольно присягали Талха и аз-Зубайр. Все промолчали. Лишь Усама б. Зайд, один из отказывавшихся присягать, вскочил и закричал: «О боже! Конечно, они присягнули только по принуждению!» Таммам б. Аббас, оставленный Али в Медине вместо себя, приказал схватить Усаму. На него набросились. Но товарищи Усамы из числа сподвижников пророка поспешили вывести его из мечети. Эта сцена убедила Ка‘ба, что с присягой не все было гладко, и он поехал обратно с решением в пользу противников Али[95].

Этот инцидент заставил Али поспешить с походом на Басру. Он оставил ар-Рабазу и направился в сторону Куфы, к Зу-Кару, не дожидаясь известий о результатах миссии двух Мухаммадов. Если верить сведениям ат-Табари, этот восьмисоткилометровый поход был совершен за восемь суток[96]. Одновременно Али написал Усману б. Хунайфу, чтобы он выяснил возможности примирения с мятежниками.

При проходе через земли таййитов к отряду Али присоединилось 600 таййитов во главе с их вождем Ади б. Хатимом и около 2000 бакритов[97], но этого подкрепления все равно было недостаточно для решительного сражения с мятежниками, если бы к ним присоединились басрийцы.

В ас-Са‘лабии Али узнал о неприятном для него повороте событий в Басре. Там его соперники, заручившись поддержкой

Рис. 1. Театр военных действий первой гражданской войны

ряда племен, были готовы вновь помериться силами с наместником. Возвращение Ка'ба с благоприятным для них решением узаконило их претензии на власть над Басрой, и они потребовали от Усмана покинуть город. Усман возражал, что Али прислал ему иной приказ. Открытого столкновения не пришлось долго ждать. Ранним утром перед началом предрассветной молитвы аз-Зубайр явился в мечеть с группой сторонников в кольчугах, которые хорошо скрывала верхняя одежда, надетая по случаю холодного дождливого утра. Усман прошел в мечеть первым, и его стража оттеснила аз-Зубайра. Люди аз-Зубайра, в свою очередь, оттеснили Усмана. В конце концов аз-Зубайр прошел первым и провел моление, а затем распорядился схватить Усмана. Усман обнажил меч и вступил в схватку с Марваном б. ал-Хакамом, но получил ошеломляющий удар, упал, на него набросились, выдрали бороду и волосы на голове. Его охрана из 70 пленных индусов и цыган (*зутт̣*) схватила сандалии и бежала, но их поймали и убили. Часть стражи укрылась в казнохранилище, надеясь продержаться за его крепкими стенами до прибытия Али. Их судьба оказалась столь же плачевной: ночью аз-Зубайр с отрядом ворвался в казнохранилище, и еще 50 стражников были убиты. Та же участь угрожала и Усману, но потом победители вспомнили о своих оставшихся в Медине родственниках, которые могли пострадать в ответ на его казнь, и ограничились временным арестом[98].

В тот же день началась раздача жалованья из захваченного казнохранилища и пайков (*ризк̣*). Поддерживавшие победителей получили кроме положенного жалованья еще какие-то дополнительные выдачи. На площадь у Дар ар-ризк, где происходила раздача зерна, явился Хукайм б. Джабала со своими людьми и потребовал выдать им пайки и восстановить Усмана на его посту в соответствии с заключенным ранее договором. Абдаллах б. аз-Зубайр, ведавший раздачей, ответил, что ничего они не получат, а Усман будет освобожден, когда отречется от Али. Разгневанный Хукайм поклялся отомстить[99].

Он поднял всех участников похода на Медину и осады халифа. Число их было сравнительно невелико: у самого Хукайма было 300—400 человек, отряды трех других предводителей похода на Медину насчитывали не больше. Численный перевес сторонников Талхи и аз-Зубайра предрешил исход схватки: Хукайм и весь его отряд погибли, пали два других предводителя и только одному, Хуркусу б. Зухайру, удалось спастись и укрыться у своих соплеменников. В рассказе об этом сражении отмечается, что Аиша призывала убивать только тех, кто участвовал в осаде халифа. Если это не выдумка, то ее призыв мог касаться только казнимых пленников, в бою же отличить тех, кто был тогда в

Медине, от тех, кто не был, вряд ли представлялось возможным. Немногие из оставшихся в живых после этого боя искали убежища у родственников, но и они по приказу победителей были выданы и казнены[100].

Такие массовые казни единоверцев случились впервые в истории ислама и мусульманского государства, положив начало тому ожесточению и беспощадности, без которых ни одна гражданская война не может получить развития.

Хуркус нашел защиту у своих соплеменников бану са'д, входивших в состав племени абдалкайс; за отказ выдать его все племя было лишено прибавок, которые получили лояльные к мятежникам племена. Видимо, тогда ал-Ахнаф б. Кайс увел из Басры четыре или шесть тысяч кайситов и примкнувших к ним бакритов и встал с ними лагерем в десятке километров от города на дороге в Зу-Кар и Куфу[101].

После разгрома Хукайма победители сочли Усмана б. Хунайфа неопасным для себя и позволили ему покинуть Басру. Он приехал к Али в Зу-Кар и, поведав о случившемся, печально пошутил: «Ты посылал меня старцем, а я возвратился безбородым юношей»[102]. Вести, полученные в это время из Куфы, тоже не могли обрадовать Али: Абу Муса отказывался поддержать его, пока не будут наказаны убийцы халифа, и советовал своим подопечным подумать о себе и потусторонней жизни и не втягиваться в борьбу за мирские блага[103].

Али послал в Куфу еще более представительную и энергичную делегацию: идеологическое воздействие должен был оказать его сын Хасан, а для решительных практических действий ему был придан Аммар б. Йасир и верный Малик ал-Аштар. Куфийские сторонники Али встретили посланцев около Кадисии и провожали их до Куфы. Учитывая прежние неудачи, посланцы обратились не к наместнику, а непосредственно к горожанам в главной мечети.

Рассказы о происшедшем в мечети расходятся друг с другом. Согласно Абу Михнафу, Аммар б. Йасир зачитал послание Али, после чего выступил Хасан, восхваляя достоинства Али, его особое положение в исламе (родство с пророком, раннее принятие ислама, моления вдвоем с пророком, давшим ему завет о судьбах ислама — *авс̣а̄ху би-к̣ад̣а̄'и дӣнихи*, участие в обмывании и погребении пророка), а потом отметил законность его избрания халифом по явно выраженной воле мусульман. Употребленное при этом сравнение, что они устремились к нему, как жаждущие верблюды к водопою, встречающееся в других сообщениях для подтверждения избрания его по воле мусульман, заменившей совет, заставляет подозревать, что речь скомпонована компиляторами или информаторами из расхожих доводов алидской про-

паганды и диспутов той поры. Для понимания развития идеологии шиизма очень важно было бы установить, действительно ли Хасан употребил в этой речи ссылку на особый завет, который пророк дал Али, ставший главным аргументом шиитов для доказательства его избранности, поскольку в речах и посланиях самого Али (вне зависимости от степени их достоверности) этот завет не упоминается, а главным аргументом законности власти постоянно является ссылка на волю мухаджиров и ансаров, заставивших его принять этот сан. Это и понятно, вряд ли в то время среди людей, близких к пророку, приняли бы рассказ о тайном завете или о том, что Али помогали обмывать пророка ангелы.

Обращает на себя внимание и то, что ответная речь Абу Мусы никак не связана с речью Хасана, в ней нет никаких контраргументов, обычных в таких случаях. В наиболее полном тексте речи Абу Мусы, цитируемой по «Китаб ал-джамал» Абу Михнафа, также встречаются отдельные выражения и целые пассажи, которые другие авторы вкладывают в его уста в иных обстоятельствах[104]. Не исключено, что и она составлена из различных аргументов сторонников нейтралитета в этом конфликте. Не ограничившись цитатой из Корана: «Кто убьет верующего предумышленно, то воздаяние ему навечно — геенна» (4:93), Абу Муса сослался на то, что пророк ему сказал: «Во время нее (т.е. междоусобицы) лучше тебе спать, чем сидеть, лучше тебе сидеть, чем стоять, и лучше тебе стоять, чем действовать». Аммар заметил: «Если ты сказал правду, то он имел в виду только тебя. Возьми это себе в назидание и сиди дома, не вступая в смуту, а я свидетельствую, что посланник Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует — повелел нам сражаться против изменников». После этого Абу Мусе осталось лишь сойти с минбара[105].

Иначе и гораздо живее и правдоподобнее рассказывается об этом в версии Сайфа. Абу Муса вышел к приехавшим, подошел к Хасану и обнял его, а Аммара осыпал упреками. Хасан прервал их препирательство и спросил: «Абу Муса, почему ты удерживаешь людей от нас? Клянусь Аллахом, мы хотим только все уладить. Разве можно бояться чего-то [дурного] от такого человека, как амир верующих?» Абу Муса привел то же высказывание пророка о необходимости воздерживаться от участия в смуте. Когда же Аммар сказал, что это относится только к самому Абу Мусе, один из присутствующих крикнул: «Замолчи, ты, раб*! Ты еще вчера был с чернью, а теперь затыкаешь рот нашему амиру!» На него набросились сторонники Али. Абу Муса поднялся на

---

* Аммар был мавлей курайшитского клана бану махзум

минбар и потребовал тишины. В этот момент Зайд б. Сухан доставил письмо от Аиши, в котором она призывала куфийцев сидеть дома, и, зачитав его, заметил: «Это ей предписано сидеть дома, а нам предписано сражаться, чтобы не было смуты». На него закричали: «Эй ты, уманец! Ты украл в Джалула, и Аллах отрубил тебе [руку], а ты нападаешь на мать верующих, Аллах убьет тебя!»

Абу Муса с минбара обратился с призывом не браться за оружие и сидеть дома, закончив словами: «Поверьте моей искренности, не подозревайте меня в обмане, и сохранится в неприкосновенности ваша вера и ваша бренная жизнь, а того, кто будет виновен в этой смуте, пыл ее ввергнет в несчастья». Зайд б. Сухан ответил ему, что он не сможет остановить выступления куфийцев, как невозможно повернуть вспять Евфрат.

В разгар перепалки в мечеть вбежали два гулама Абу Мусы и сообщили, что Малик ал-Аштар захватил резиденцию и выгнал их. Абу Муса поспешил в свою резиденцию, но ал-Аштар не пустил его даже переночевать, и Абу Муса покинул Куфу[106].

Такой поворот событий заставил сторонников нейтралитета замолчать, а сомневавшихся и колебавшихся — взяться за оружие и выступить на помощь Али. Добровольцев набралось то ли семь, то ли девять с небольшим тысяч. Две с небольшим тысячи из них отправились водой вниз по Евфрату, а остальные пошли сушей к Зу-Кару[107]. Узнав о сборах куфийцев, Талха предложил совершить неожиданное ночное нападение на лагерь Али, пока не подошли подкрепления, но его не поддержали[108].

Али простоял в Зу-Каре в общей сложности 15 дней[109] и в начале декабря пошел к Басре. Видимо, уже на подходе к ней он послал туда для переговоров ал-Ка‘ка‘ б. Амра. Переговоры были бессмысленными, так как обе стороны заверяли друг друга, что их целью является наведение порядка (*ал-ислāх*) в мусульманской общине, только понимание путей к нему было прямо противоположным. Мятежники видели его в наказании убийц Усмана, говоря, что отказ от этого равносилен отказу от Корана. Ал-Ка‘ка‘ возразил им: «Вы убили убийц Усмана среди басрийцев, и оказалось, что до этого были ближе к Корану, чем теперь. Убили шестьсот человек без одного, а разгневались из-за них шесть тысяч». Единственное, на чем сошлись стороны, что происходящее — небывало и серьезно. Это позволило ал-Ка‘ка‘ надеяться на возможность примирения, с чем он и вернулся к Али[110]. Басрийцы также прислали к Али несколько делегаций.

Пятого или шестого декабря Али подошел к Басре и остановился в ал-Хурайбе. Талха и аз-Зубайр покинули центр города и устроили лагерь, окопанный рвом, в пригороде аз-Завийа. В распоряжении Али было около 12 000 человек, его противники

располагали несколько большими силами[111], при этом басрийцы знали, что за их спинами родные дома и семьи, которые надо защищать, и это должно было повышать их боевой дух. Подогревая эти чувства, Талха и аз-Зубайр распространяли слухи о расправе над семьями в случае победы Али. Поэтому ал-Ахнаф б. Кайс при посещении Али первым делом спросил, собирается ли он в случае победы обращать в рабство жен и детей побежденных. Али заверил его, что подобное недопустимо в отношении мусульман[112].

Три дня оба войска стояли в отдалении друг от друга, и все эти дни между соплеменниками, находившимися в разных лагерях, шел обмен посетителями, выяснявшими намерения и настроения противников. Общее настроение клонилось к примирению. Али тоже направил своим соперникам несколько посланий, рассчитывая на примирение. Тексты этих посланий слишком абстрактны или просто недостоверны. В четверг 8 декабря войска сошлись на близкое расстояние. По-видимому, к этому моменту относится встреча Али с вождями мятежников на нейтральной полосе, на виду у войск. Содержание переговоров осталось неизвестным[113], но похоже, что, как принято теперь выражаться, позиции переговаривающихся сторон сблизились, так как вечером Талха и аз-Зубайр созвали верхушку своих сторонников и то же сделал Али, не пригласив наиболее воинственно настроенных своих почитателей и участников осады Усмана.

Это вызвало беспокойство обойденных приглашением. В ту же ночь они собрались на тайный совет. На нем были: Малик ал-Аштар, Ибн Саба, Илба б. ал-Хайсам, Шурайх б. Ауфа и Ади б. Хатим. Ал-Аштар четко охарактеризовал ситуацию: «Мнение тех людей о нас известно, и если они достигнут соглашения с Али, то только с условием пролития нашей крови». После долгих споров было решено спровоцировать сражение, пока еще не произошло примирение.

На исходе ночи заговорщики напали на басрийцев. Те возмутились предательством собратьев, только что заверявших в дружелюбии. Талха и аз-Зубайр стали выяснять, что случилось. Им сообщили, что куфийцы совершили ночное нападение. «Так и знали, — воскликнули они, — что Али не успокоится, пока не прольет кровь!» Они кинулись к своим воинам, которые тем временем отбросили нападавших в их расположение. Али, узнав о схватке, также не усомнился в вероломстве своих противников и стал готовиться к сражению. Оно, как обычно, началось с перебранок и перестрелки наиболее горячей молодежи, в которую втянулись и рабы, за ними в бой вступили основные силы[114].

Военное счастье вскоре изменило противникам Али. Наиболее энергичный и воинственный Талха в первой половине дня

был ранен стрелой в ногу; стрела, видимо, перебила артерию, так как сильное кровотечение не удалось остановить, и он умер от потери крови[115]. Скорее всего, после гибели энергичного командующего басрийцы дрогнули и стали отступать. Аз-Зубайру не удалось их остановить, и он, отчаявшись, покинул поле боя, направившись из Басры на юг к Вади ас-Сиба‘, и был там вскоре убит одним бедуином. Обстоятельства его гибели излагаются различно, и ни одна версия не помогает понять, что заставило аз-Зубайра бежать в одиночку, без сопровождения и даже без сына[116].

Казалось, бегство басрийцев, оставшихся без вождей, никто не сможет остановить. Вдруг, когда сторонники Али уже готовы были торжествовать победу, наступил перелом. Первая волна бежавших достигла места, где на рыжем верблюде в паланкине, обитом железом, сидела Аиша; кое-кто из них остановился, чтобы защитить «мать верующих», которая одна не покинула их; вокруг нее образовалось ядро сопротивления. Битва возобновилась по всему фронту. Аиша понимала, что без военачальников-мужчин не сможет руководить сражением, и попыталась прекратить кровопролитие, послав Ка‘ба б. Сура со свитком Корана призывать к миру. Попытка оказалась напрасной — Ка‘б вскоре был убит последователями Абдаллаха б. Саба. Это предопределило неуспех такой же попытки со стороны Али: басрийцы отвергли призывы его посланцев, заявив: «Как может призывать к Корану тот, кто убил Ка‘ба»[117].

Решающая схватка разгорелась вокруг верблюда, на котором сидела Аиша, ставшего своеобразным знаменем, из-за которого вся битва получила название «битвы у верблюда» («дня верблюда»). Поэтому почти все сведения о ходе битвы состоят из рассказов о поединках около верблюда. Здесь погибло несколько десятков человек из тех, кто по очереди держал его поводья. Один из последних на этом почетном посту, Абдаллах б. аз-Зубайр, схватился с Маликом ал-Аштаром. Сцепившись друг с другом, они катались по земле, и Абдаллах кричал: «Убейте его вместе со мной!» Их еле разняли и развели. Наконец воинам Али удалось пробиться к верблюду и перерезать ему поджилки. Огромный верблюд со страшным ревом рухнул на землю, паланкин, утыканный стрелами, «как дикобраз», опрокинулся, накрыв собой Аишу. Падение верблюда оказалось равнозначным потере боевого знамени — битва на этом по существу закончилась. Мухаммад б. Абу Бакр вытащил свою слегка ушибшуюся старшую сестру из-под обломков паланкина, Али выговорил ей за то, что взялась за неженское дело, и распорядился отвезти ее в дом, где она жила. Началось преследование бегущих, но Али запретил убивать тех, кто не оказывает сопротивления или укрылся в до-

мах, а также добивать раненых, уродовать убитых и грабить дома[118].

Потери с обеих сторон были очень большими. Об упорстве сражавшихся свидетельствует хотя бы то, что у аздитов Куфы были убиты четыре знаменосца, у бакр б. ваил — шесть, а у абдалкайс — восемь. У басрийцев особенно пострадали главные защитники Аиши, бану дабба, которых пало от 800 до 1000 человек. Общие цифры потерь, приводимые разными источниками, сильно расходятся, хотя, видимо, на первоначальном этапе фиксации сведений имелись достаточно достоверные данные, поскольку потери некоторых племен приводятся с точностью до десятков. Наименьшее, а потому и наиболее надежное число убитых с обеих сторон — 5000 человек[119]. Возможно, из этого числа несколько более половины приходится на долю басрийцев. Если считать, что в обоих войсках было около 30 000 воинов, то это значит, что каждый шестой остался на поле боя. Только знатных курайшитов, павших в этой битве, согласно Халифе б. Хаййату, было 30 человек, среди них кроме Талхи и аз-Зубайра — Мухаммад б. Талха, Абдаллах б. Хаким б. Хизам и Абдаррахман б. Абу Салама[120].

Другие руководители мятежа оказались счастливее. Утба б. Абу Суфйан, а также Абдаррахман и Йахйа, братья Марвана б. ал-Хакама, нашли покровительство у вождя племени тайм б. рибаб, который дал им 400 сопровождающих, доставивших их в Думу около Дамаска; Марван нашел покровительство у вождя бакритов Малика б. Мисма‘, а Абдаллах б. аз-Зубайр укрылся у какого-то аздита в Басре[121].

Всю ночь раненые тянулись с поля боя в город. Аиша послала людей подбирать раненых и приютила многих в доме, в котором жила. Там нашел временный приют и Марван.

Три дня Али оставался в своем лагере, пока не были похоронены все убитые. Вырыть такое количество могил было невозможно, поэтому всех, кроме курайшитов, сложили в одну большую братскую могилу, и Али прочитал над всеми молитву. Все имущество, брошенное на поле боя и в лагере басрийцев, было собрано и выставлено для обозрения, чтобы хозяева могли вернуть его себе, кроме оружия с клеймом казны. Этим необычайным жестом щедрости он хотел примирить оставшихся в живых участников битвы со своей победой. Неизвестно, насколько это примирило с ним его бывших противников, но у победителей, лишившихся законной добычи, вызвало недовольство[122].

В понедельник 12 декабря Али вступил в город. В речи, произнесенной в тот же день в мечети, он осудил мятежников, но после этого не предпринимал никаких преследований. Единственным реальным наказанием басрийцев оказался раз-

дел 6 млн. дирхемов, хранившихся в казне Басры, между победителями.

Али почтительно обошелся даже с одной из главных подстрекательниц смуты, Аишей, посетив ее в доме Абдаллаха б. Халафа, погибшего в бою против него. И даже когда вдова Абдаллаха, оплакивавшая мужа, набросилась на Али с проклятиями, пожелав, чтобы он умер и дети его остались сиротами, промолчал и, не обращая внимания на проклятия, прошел к Аише. Лишь на обратном пути, проходя через двор, заметил в ответ на возобновившуюся брань: «Я ведь не подумал открыть эти двери, — и показал на комнаты, в которых лежали раненые, — и не приказал их убить». Когда же один из сопровождавших его, желая выслужиться, сказал: «Эта женщина не уйдет от нас», то получил резкую отповедь: «Не позорьте покрывала и не входите во двор и не обижайте женщину, даже если она бранью задевает вашу честь и поносит ваших амиров и благочестивцев, ведь женщины — слабы. И мы приказываем отступиться от них». Позже он приказал наказать плетьми двух человек, произнесших у ворот дома обидные для Аиши стихи[123].

Следуя примеру Али, непримиримый ал-Аштар решил возместить Аише потерю верблюда и купил ей за 700 дирхемов превосходного махрийского верблюда, но она не пожелала принять дар от убийцы Талхи и его сына.

1 раджаба/24 декабря 656 г. ее отправили с почетным эскортом басрийских женщин и под присмотром Мухаммада б. Абу Бакра в Мекку, где она прожила пять месяцев до следующего сезона паломничества, а потом возвратилась в Медину. По одной из версий, Аиша и Али перед отъездом обменялись изъявлениями симпатии друг к другу и Али оказал ей честь, проехав с ней несколько миль[124].

Кровавая драма братоубийственного сражения, участницей которой Аише довелось быть, позор поражения и несколько дней тревожного ожидания возможного наказания навсегда отбили у нее охоту активно вмешиваться в политическую жизнь. Оставшиеся 22 года жизни она провела в Медине тихо и в почете, став одним из авторитетнейших передатчиков рассказов о делах и словах пророка, о которых она повествовала слушателям-мужчинам из-за завесы. И нужно отдать ей должное — ее рассказы о Мухаммаде, как ничьи другие, дают наиболее живое представление о нем как о человеке.

Али постарался сделать все возможное, чтобы излишне не озлоблять бывших врагов и привлечь на свою сторону занимавших нейтральную позицию. Узнав, например, что один из влиятельных басрийцев, Зийад б. Абихи, не принимавший участия в сражении, отказывается присягнуть и скрывается в доме своего бра-

та Нафи‘ б. ал-Хариса, Али заверил его через Абдаррахмана, сына другого брата Зийада, Абу Бакры, что не желает ему дурного; не получив ответа, Али сам пришел к нему, уговорил его присягнуть и предложил стать наместником Басры. Зийад отказался, сказав, что только родственник Али сможет умиротворить басрийцев, и посоветовал назначить Абдаллаха б. Аббаса. Ибн Аббас, став наместником, не забыл услугу Зийада и назначил его ведать финансами[125].

Назначение Абдаллаха б. Аббаса вызвало недовольство ал-Аштара: «Ради чего мы убили старика, если Йемен — у Убайдаллаха [б. Аббаса], Хиджаз — у Кусама [б. Аббаса], Басра — у Абдаллаха [б. Аббаса], а Куфа — у Али!» Недовольными оказались и наиболее восторженные почитатели Али, сабаиты, их почему-то возмутило обещание Али раздать воинам еще по 500 дирхемов после победы над Му‘авией, возможно потому, что считали недопустимым платить деньгами за исполнение святого долга следовать за имамом. Во всяком случае, они ушли из Басры в поход на Сирию, не дожидаясь его приказа. Али пришлось срочно отправляться вслед за ними, чтобы предотвратить нежелательный конфликт[126].

Отношения Али с этими непомерно восторженными почитателями были непростыми. Как истинно верующий мусульманин, Али был потрясен, узнав позже, что Абдаллах б. Саба утверждает, что он, Али, воплощение божества, и приказал казнить его за богохульство. Заступничество влиятельных людей вынудило его заменить казнь ссылкой в ал-Мадаин[127].

Глава 2

АЛИ И МУ‘АВИЙА

ПРОБЛЕМЫ ПРОВИНЦИЙ

В первых числах января 657 г.[1] Али во главе победоносного войска, к которому присоединилась часть не участвовавших в мятеже басрийцев, вступил в Куфу. Встречавшая его городская верхушка чувствовала себя неуютно — ведь все они совсем недавно отказались прийти на помощь нынешнему победителю. Али был великодушен, но сдержан: свое недовольство он выразил отказом остановиться во дворце. Поставив походный шатер на площади перед мечетью, он вошел в мечеть, совершил молитву в два рак‘ата и обратился к присутствующим с речью, в которой восхвалил достоинства куфийцев, откликнувшихся на его призыв, и объяснил воздержавшимся, что подчинение страстям и долгие раздумья заставляют людей забывать о вечной жизни — впредь следует бояться Аллаха и подчиняться тому из дома пророка, кто повинуется Аллаху.

Видимо, не все присутствовавшие отнеслись к этой речи с энтузиазмом, если начальник стражи сразу по окончании ее предложил казнить тех, кому неприятно было ее слышать. Али охладил его пыл, а человеку, который попрекнул его убитыми около верблюда, лишь напомнил, что и его сторонники пали в том бою.

Местом своего пребывания Али избрал дом сына своей сестры, Джа‘ды б. Хубайры. Сюда стали приходить засвидетельствовать свою преданность знатные куфийцы, провинившиеся отказом от участия в походе. Одних он удостаивал разговором, позволяя изложить уважительные причины, помешавшие оставить Куфу; другим же в ответ на приветствие «Мир тебе» бросал: «И тебе, хоть ты и отсиживавшийся»[2]. Многие из тех, кому пришлось оправдываться, остались верны Али до конца его дней.

Утвердившись в двух важнейших центрах Халифата, Али принялся за смену властей в провинциях. Были заменены амиры многих, если не всех, округов Ирака. Амиром важнейшего после Куфы и Басры военно-политического центра Ирака, ал-Мада-

ина, был назначен Йазид б. Кайс ал-Архаби, ярый противник Усмана, один из предводителей куфийцев, пришедших к Али в Зу-Кар; Мосул и Джазира были поручены Малику ал-Аштару, район Куфы (три астана Бехкубада) — сподвижнику Мухаммада, Карзе б. Ка'бу, два астана получили в управление еще два сподвижника пророка[3]. В свете этого кажется странным, что такие важные наместничества, как Хамадан и Азербайджан, получили неведомые до того люди[4]. Возможно, Али стремился прежде всего создать надежную опору в Ираке.

Наместник Хамадана, назначенный Усманом, Джарир б. Абдаллах, получил вполне вежливое извещение о смещении, зато наместнику Азербайджана ал-Аш'асу б. Кайсу было строго указано: «Твое наместничество дано тебе не в пожизненное владение (*ту'ма*), а на сбережение, и деньги в твоих руках — деньги Аллаха, а ты только его казначей, пока не вручишь их мне. Смотри, чтобы тебе не было плохо, если останешься». Джарир без колебаний подчинился приказу и стал верным соратником Али. Ал-Аш'ас же после оглашения послания Али в мечети в нескольких словах призвал подчиниться халифу, а затем, обиженный напоминанием о деньгах, в узком кругу близких людей высказал намерение уехать к Му'авии. Его не поддержали: «Смерть для тебя лучше, чем это. Неужто ты оставишь свой город (*миср*)[5] и всех своих родичей и станешь хвостом сирийцев?» Ал-Аш'ас устыдился и прибыл к Али[6].

Труднее прошла смена власти в отдаленных провинциях: Хорасане и Сиджистане. Наместник Сиджистана Абдаррахман б. Самура после гибели Усмана сначала сохранял нейтралитет, а потом, узнав об изгнании Усмана б. Хунайфа из Басры, решил присоединиться к победителям, но прибыл как раз в момент битвы, воздержался от участия в ней, некоторое время укрывался в Басре и затем перебрался в Сирию. В его отсутствие жители Зеренджа восстали и изгнали оставленного Абдаррахманом заместителя вместе со всеми арабами.

Вслед за этим в Сиджистане появились усмановский наместник Кермана Имран б. ал-Фасил и ветеран арабских завоеваний Ирака и Южного Ирана Хасака ал-Хабати (один из предводителей отряда, пробравшегося в Тустар по подземному каналу, — см.: т. 2, с. 93–94) с отрядом арабских полувоинов-полубродяг — *су'луков*. Они подошли к Залику (30 км южнее Зеренджа) и заключили с его жителями мирный договор. Затем, когда горожане в чем-то его нарушили, ворвались в город, перебили его защитников, разграбили его, а женщин и детей обратили в рабство. Напуганный этим марзбан Сиджистана поспешил заключить с арабами мир и впустить их в столицу.

В это время (январь 657 г.?) в Сиджистан прибыл назначенный Али наместник, Абдаррахман б. Джаз'. Он, видимо, не имел значительного военного сопровождения и был убит Имраном и Хасакой. Следующий наместник, посланный уже из Куфы, оказался еще незадачливее — разбойники убили его на дороге в Ираке. Али понял, что его грамота о назначении еще не обеспечивает реальной власти, поэтому приказал Абдаллаху б. Аббасу послать следующего наместника с большим отрядом. Риб'и б. Кайс ал-Анбари пришел в Сиджистан с 4000 воинов и смог расправиться с узурпаторами[7]. Это, по приблизительным расчетам времени, могло произойти не ранее апреля 657 г., верхняя же возможная граница не поддается определению.

Сведения о положении в Хорасане также недостаточно определенны. Как отмечалось в предыдущем томе (с. 188—189), в 32/652-53 г.[8] Хорасан был объединен под властью Абдаллаха б. Хазима, в следующем году Абдаллах б. Амир заменил его ал-Ахнафом б. Кайсом, которому пришлось снова завоевывать Мерв и Нишапур[9]. Сколько времени он пробыл в Хорасане и почему возвратился в Басру, где, как мы видели, он занял нейтральную позицию в конфликте, — установить не удается.

Восстание представителя одного из знатнейших семейств домусульманского Ирана, Каринов (см.: т. 2, с. 188—189), было лишь первым актом борьбы за восстановление Сасанидской державы. Согласно китайским источникам[10], в 655 г. Пероз, сын Йездигерда III, обосновавшийся в Тохаристане, предпринял наступление на Хорасан, где была восстановлена сасанидская администрация[11]. Это объясняет, почему в 657 г. к Али в Куфу явился с изъявлением покорности марзбан Мерва Махуйе[12] — убийца Йездигерда III не мог ожидать ничего хорошего от сына убитого.

Али снабдил его грамотой, обращенной к «дихканам Мерва, всадникам и главам селений (*дихсаларам*)», в которой предписывал подчиняться ему и платить дань (*джизйу*). В той ситуации она вряд ли могла помочь Махуйе, во всяком случае, его имя больше не встречается у арабских историков. Тогда же или позже Али посылает наместником в Хорасан Абдаррахмана б. Абзу, о котором больше ничего не известно[13].

Али в этот момент беспокоила не столько судьба недавно завоеванного и еще не освоенного Хорасана, сколько судьба Египта, богатой провинции, расположенной к тому же в тылу Му'авии, война с которым становилась неизбежной. После победы Али над соперниками в Басре Му'авийа не мог оставить Египет в покое, опасаясь удара с тыла, когда все его силы будут отвлечены борьбой с Али. Благоприятный момент для нападения на Египет настал, когда войско Мухаммада б. Хузайфы потерпе-

ло поражение в Харбите от Му‘авии б. Худайджа 1 рамадана 36/21 февраля 657 г.[14]. Сирийское войско продвинулось до Фустата, но что-то, скорее всего известие о движении Али к Сирии, заставило вступить в переговоры с Мухаммадом б. Хузайфой. Согласно договору, египтяне должны были в качестве гарантии его соблюдения дать 30 заложников. Мухаммад, оставив в Фустате заместителя, сопровождал их до ал-Ариша[15]. Здесь на них напали и осадили в городе. После интенсивного обстрела из камнеметных машин Мухаммад вынужден был сдаться, его заключили в темницу в Дамаске[16]. Однако Египет остался в руках заместителя Мухаммада, курайшита ал-Хакама б. ас-Салта из близкого хашимитам рода ал-мутталиб. Мухаммаду удалось бежать из темницы, но вскоре его поймали и казнили, несмотря на то, что он был двоюродным братом Му‘авии по матери. По данным ал-Кинди, это произошло 17 зу-л-хиджжа 36/6 июня 657 г.[17]. Впрочем, хронология событий этих лет в Египте весьма запутанна; например, Хишам ибн ал-Калби относит казнь Мухаммада б. Хузайфы ко времени после завоевания Египта Амром б. ал-Асом, что явно ошибочно, но обстоятельства побега и казни заслуживают внимания: Мухаммад бежал с товарищами по заключению, беглецов обнаружили в одной из пещер Хаурана; командир преследовавшего их отряда, ярый сторонник Усмана, зарубил Мухаммада на месте, опасаясь, что Му‘авийа может оказать снисхождение близкому родственнику[18]. Му‘авийа и Али в этот момент стояли друг против друга во главе многочисленных ополчений около Сиффина и не могли активно вмешаться в египетские дела.

НАЧАЛО ОТКРЫТОГО КОНФЛИКТА

Сейчас мы должны вернуться немного назад. По-видимому, еще тогда, когда Али собирал силы для борьбы с Талхой и аз-Зубайром, Му‘авийа стал искать поддержки старейшин мусульманской общины. Он хорошо сознавал, что не имеет достаточного религиозного авторитета, чтобы соперничать с Али: сын врага пророка, принявший ислам лишь незадолго до падения Мекки, не мог равняться с одним из первых мусульман, двоюродным братом пророка, особое право которого на халифат определялось также включением его в состав *шуры*.

Ал-Минкари приводит отрывки из писем, направленных Му‘авией Абдаллаху б. Умару, Са‘ду б. Абу Ваккасу и Мухаммаду б. Масламе, зная, что они отказались поддержать Али. Мухаммада б. Масламу он просил убеждать мусульман воздерживаться от убиения мусульман, как заповедал ему пророк; Абдаллаху б.

Умару польстил признанием, что он после Усмана более всех достоин стать халифом, а если откажется от этого, то будет созван совет; Са‘ду, как участнику шуры, обещал созвать ее для избрания нового халифа. Все трое дали ему отповедь: Мухаммад ответил, что Му‘авию интересуют только дела этого мира, и напомнил, что тот не оказал помощи Усману при жизни, Абдаллах ответил, что не может сравнивать себя с Али по его месту в исламе и будет воздерживаться от всякого спора о власти, в том же духе ответил и Са‘д. «Воистину, — писал он, — Умар включил в шуру только тех курайшитов, которые достойны быть халифом, и никто из нас не достоин этого больше, чем тот, кто обладает халифством по нашему общему согласию...»[19]. Этим ответом Са‘д ясно дал понять Му‘авии, что не считает его достойным быть халифом.

Текст писем Му‘авии и ответов на них, дополняемых стихами, вызывает сомнение в их подлинности, но в возможности такой переписки нет ничего невероятного.

После победы Али в Басре положение Му‘авии стало еще сложнее: теперь власть Али распространялась на $^{4}/_{5}$ Халифата, в его распоряжении оказалась вся иракская армия, а не шесть-семь сотен добровольцев, с которыми он начинал поход из Медины. То, что Умаййады, поддерживавшие мятежников, теперь присоединились к Му‘авии, не меняло соотношения сил.

Управившись с неотложными делами в Ираке, Али снова обратился к Му‘авии с предложением принести присягу. Доставить послание взялся Джарир б. Абдаллах ал-Баджали, пользовавшийся расположением Му‘авии, что могло способствовать успеху его миссии. Послание Али гласило:

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.

[От раба Аллаха Али, амира верующих][20]. А после этого: Присяга мне в Медине была для тебя обязательна, а ты [остался] в Сирии. Ведь мне присягнули люди, которые присягали Абу Бакру, Умару и Усману, на тех же условиях, на каких присягали им. И не должен был присутствующий выбирать, [присягать ли], а отсутствующий — отвергать. Поистине, шура принадлежит мухаджирам и ансарам, и если они сошлись на ком-то и назвали его имамом, то это угодно Аллаху. А если кто-то вышел из их согласия, по принуждению или добровольно, то его возвращают к тому, от чего ушел, а если отказывается, то с ним сражаются за то, что он следует не по пути верующих. И назначит Аллах то, что следует, и пошлет его в Геенну и будет скверен его удел. Вот, Талха и аз-Зубайр присягнули мне, а потом отреклись от присяги, и было их отречение подобно отступничеству от веры. И я преследовал их за это, пока не восстановилось право и проявилась воля Аллаха, которой они противились.

Присоединись же к тому, к чему присоединились все мусульмане. Более всего хотелось бы мне для тебя блага, если только ты не проявишь зла. А если ты проявишь его, то буду сражаться с тобой и просить помощи у Аллаха против тебя. Ты много говоришь об убийцах Усмана. Так присоединись к тому, к чему присоединились все мусульмане, а потом передай моему суду, и я приведу тебя и их к [суду] по Книге Аллаха. А то, чего ты хочешь, равносильно отнятию младенца от молока. Клянусь жизнью, если ты взглянешь [с позиции] разума, а не пристрастия, то обнаружишь непричастность курайшитов к убийству Усмана. Знай, что ты из *ат-тулакā'*, которым недозволено халифство и на которых не распространяется шура. Я послал к тебе и тем, кто у тебя, Джарира б. Абдаллаха, он — человек веры и хиджры, — присягни. И нет мощи ни у кого, кроме Аллаха»[21].

Получив послание, Му'авийа попросил у Джарира времени на раздумье и стал усиленно совещаться со своим окружением. Тут-то вроде бы и родилась мысль привлечь в союзники Амра б. ал-Аса, покинувшего Медину в начале смуты. Амр отправил к Му'авии своего верного помощника и советчика, мавлу-армянина Вардана. Получив через него от Му'авии заверение, что в случае победы тот отдаст Египет Амру в пожизненное кормление, Амр прибыл в Дамаск[22].

Если верить средневековым историкам, то именно с появлением на политической арене Амра политика Му'авии приобрела определенность. Амр сразу же предложил для нейтрализации возможного влияния Джарира на умы сирийцев противопоставить ему популярного среди сирийцев Шурахбила б. ас-Симта ал-Кинди, а призыву Али присягнуть ему противопоставить обвинение Али в соучастии в убийстве Усмана. Рассказы ал-Минкари о приглашении Амра и его советах носят заметные следы фольклорной обработки (она сразу же бросается в глаза изобилием стихотворных цитат, которыми обмениваются все персонажи по любому поводу), но тому, что активная антиалийская пропаганда началась именно в это время, можно поверить скорее, чем тому, что она началась сразу после избрания Али. Му'авийа явно чувствовал себя первое время после гибели Усмана неуверенно, сознавая свою вину в том, что не оказал халифу вооруженной поддержки. Поэтому он и позже очень не любил, когда ему напоминали об этой упущенной возможности[23]. В первое время, пока память об обстоятельствах гибели Усмана была еще свежа, вопрос о том, насколько Му'авийа вправе объявлять себя мстителем за Усмана, когда есть более близкие родственники, мог возникнуть у многих. Для обработки умов требовалось время. Может быть, Амр и не был творцом идеи обвинить Али в соучастии в убийстве Усмана, но именно с его появлением

эта пропаганда и определенность действий Му‘авии становятся очевидными.

Прежде всего Му‘авийа поручил нескольким доверенным лицам из йеменцев убедить Шурахбила в том, что Али повинен в гибели Усмана[24]. В рассказах о переговорах с ним вновь упоминаются окровавленные одежды Усмана и отрубленные пальцы Наили; не исключено, что именно в тот момент этот «агитационный материал» приобрел особую значимость, чтобы ослабить влияние миссии Джарира.

Согласно ал-Минкари, во время пребывания Джарира в Дамаске Шурахбил активно подогревал антиалийские настроения в Химсе, но часть химсцев все-таки предпочла воздержаться от поддержки Му‘авии. Пока Джарир дожидался окончательного ответа, Му‘авийа и Али успели еще раз обменяться посланиями, из чего следует, что Джарир оставался в Дамаске не меньше месяца. Му‘авийа якобы ставил условием принесения присяги предоставление ему Египта и приобретение полной независимости после смерти Али. Прямолинейный Али ответил решительным отказом и предложил выбор между присягой и миром или войной Му‘авийа отказался присягать, и Джарир с этим известием прибыл в Куфу.

В Куфе его встретили холодно, с подозрением в симпатиях к Му‘авии. Особенно враждебен был ал-Аштар, упрекавший Али за то, что тот послал Джарира, а не его. Недоволен был и Али. Оскорбленный Джарир с горсткой родственников уехал из Куфы в Киркисийа, находившуюся под юрисдикцией Му‘авии, где обитало его племя каср. Али расценил это как измену и в отместку приказал сжечь подворье Джарира, а заодно и подворье бежавшего с ним двоюродного брата[25].

Неудача миссии Джарира была равносильна началу военных действий. Али отправил ал-Аштара в Мосул, чтобы оттуда завладеть всей Джазирой, которая разделялась между Ираком и Сирией точно по линии византийско-иранской границы: от Амида на юг через Дара и далее до восточного берега устья Хабура. В ответ Му‘авийа направил в Джазиру ад-Даххака б. Кайса. Ал-Аштар продвинулся в глубь сирийских владений на 120—150 км и в Мардж Марина, между Раккой и Харраном, столкнулся с объединенными силами ад-Даххака и Симака б. Махрамы, пришедшего с отрядом раккцев. После ожесточенного сражения, продолжавшегося до темноты, сирийцы под покровом ночи отошли в Харран, ал-Аштар преследовал их и осадил Харран. Му‘авийа направил на помощь осажденным Абдаррахмана, сына Халида б. ал-Валида, во главе большого отряда конницы. Ал-Аштар вынужден был снять осаду и ушел к Ракке, жители ее оказали сопро-

тивление, и он отступил к Киркисийа, пытался взять этот хорошо укрепленный городок, но также потерпел неудачу[26].

Стало ясно, что овладеть Джазирой небольшими силами не удастся и что следует готовиться к большой войне. Али выступил с большой речью в мечети Куфы и объявил сбор войска. Сквозь общий хор одобрения все же пробились голоса противников братоубийственной распри. Некий Арбад ал-Фазари заявил: «Ты хочешь повести нас на Сирию против наших братьев, чтобы мы убивали их для тебя, как ты повел нас против наших братьев басрийцев и мы убивали их? Нет, клянусь Аллахом, мы этого никогда не сделаем!» Предупреждая возможную поддержку смутьяну, ал-Аштар крикнул: «Эй, люди! Кто возьмется за него?» Арбад бросился к выходу, но за ним кинулась толпа преследователей, его настигли на конном рынке и забили насмерть ремнями сандалий, мечами в ножнах и ногами. Когда Али сообщили о смерти Арбада, он лишь поинтересовался: «Кто его убил?» — «Убили его люди из племени хамдан, а с ними и другие люди». Али постановил: «Убийство толпой: неизвестно, кто убил. Вира за него — из казны мусульман». Этим решением Али несколько уменьшил возможность межплеменных раздоров, так как убитый был северным арабом, а большинство участников расправы — йеменцами-хамданитами[27].

После этого желающих публично возражать против идеи похода на сирийцев не оказалось. Лишь некоторые знатные куфийцы в осторожной форме решались отговаривать Али от развязывания междоусобной войны. Так, к нему пришли Ханзала б. ар-Раби‘ (один из секретарей пророка и участник битвы при Кадисии) и Абдаллах б. ал-Му‘тамм (завоеватель Восточной Джазиры) и советовали не торопиться с выступлением в поход, так как неясно, кому достанется победа. Тут же нашлись доброхоты, которые стали убеждать Али, что эти люди переписываются с Му‘авией и готовы изменить. Опасаясь худшего, Ханзала и Абдаллах ночью покинули Куфу и уехали в Сирию, оставшись и там в стороне от схватки. Разгневанный Али приказал разрушить дома беглецов[28].

Али объявил сбор войска в ан-Нухайле, селении на северной окраине Куфы, где проходили войсковые смотры, и послал Абдаллаху б. Аббасу приказ привести басрийских воинов[29]. Сбор шел медленно, многие старались под каким-нибудь благовидным предлогом отказаться от участия в походе. Даже последователи Абдаллаха б. Мас‘уда, относившиеся враждебно к Усману за запрещение списка Корана, сделанного Ибн Мас‘удом, нашли различные отговорки: одни попросили заменить участие в походе посылкой в какую-нибудь пограничную область на борьбу с неверующими (и были посланы в Рейй), другие согласились ид-

ти, но сказали, что будут располагаться отдельно и посмотрят, как быть дальше[30].

Сбор войска не ограничился Ираком, небольшие отряды прибыли также из Ирана (Исфахана и Хамадана). Собралось внушительное войско, приближавшееся к 50 000 человек. Али назначил (скорее просто утвердил) глав племенных подразделений, которых со времени основания в Куфе было семь, а в Басре — пять. Но, видимо, состав их за минувшие двадцать лет несколько изменился[31]. Эти изменения вряд ли были следствием политических решений сверху, скорее, причины были экономическими и демографическими: численный состав отдельных племен менялся из-за неравномерных потерь в боях и выселения в другие области. Между тем практика равного раздела жалованья и пайков между подразделениями требовала сохранения примерного равенства их численности, а это достигалось перемещением отдельных групп из одного подразделения в другое. Таким образом, куфийские *асба‘* и басрийские *ахмас* постепенно утрачивали внутреннее генетическое единство (не столько реальное, сколько полулегендарное) состава, и общность экономических интересов создавала новые надплеменные узы. Назначение сайиидов (или раисов) этих подразделений было прерогативой наместников, но практически они лишь санкционировали фактическое главенство тех или иных вождей, поэтому такие назначения требовали хорошего знания ситуации и политического чутья.

Точного времени начала сбора войска Али мы не знаем. Единственная дата, которой мы располагаем, — дата произнесения Али речи перед выступлением, но и она не слишком определенна: то ли среда 5 шаввала, то ли за пять дней до конца этого месяца, т.е. 27 марта или 15 апреля 657 г.[32], но ни тот, ни другой день не приходится на среду (понедельник и суббота), ближе всего по дню недели было бы 15 шаввала/6 апреля (вторник).

За несколько дней до выступления основных сил Али отправил два передовых отряда общей численностью 12 000 человек по командованием Зийада б. ан-Надра и Шурайха б. Хани, которые должны были идти друг за другом по правому берегу Евфрата. Сам же Али с основными силами пошел сначала к третьему гарнизонному городу Ирака, ал-Мадаину, воины которого не торопились выступать в поход. Али упрекнул их в своей речи и заявил, что не понимает, как они могли не поспешить на его зов, когда у них перед глазами наглядный пример того, как гибнут царства, в которых некому было наставить людей на путь истинный. Присутствующие, конечно, заявили: «Веди нас! Мы лишь ждали твоего приказа». О численности мадаинцев ничего не говорится, но ясно, что далеко не все, кто был обязан выйти

в поход, присоединились к войску: Али вынужден был оставить в ал-Мадаине верного Ади б. Хатима для сбора оставшихся мадаинцев. Через три дня он вышел из ал-Мадаина с 700 воинами[33].

Выходя из ал-Мадаина, Али отправил трехтысячный отряд под командованием Ма‘кила б. Кайса ар-Рийахи в сторону Мосула, а сам направился к Анбару, чтобы идти оттуда по левому берегу Евфрата. Обширное описание похода Али у ал-Минкари содержит много совершенно легендарного материала, вроде речей при проезде через Кербелу, с которой в ту пору не было никаких исторических ассоциаций. При этом компилятора не смутило не только то, что Хусайн еще был жив (имам мог и предвидеть будущее), но и то, что на пути из ал-Мадаина через Анбар и далее вверх по Евфрату нельзя пройти через Кербелу.

Му‘авийа в это время готовился к ответным действиям. Чтобы обезопасить себя от внезапного удара с тыла из Египта, он оставил на границе с ним сильный заслон и написал в Харбиту «воздержавшимся», чтобы они помешали Мухаммаду б. Хузайфе напасть на Палестину[34].

Передовой отряд Али, посланный по правому берегу Евфрата, дошел до Анат (Ана), где встретил сопротивление. Здесь до Зийада и Шурайха дошло известие о движении из Сирии армии Му‘авии, и они решили идти на соединение с Али. Однако жители Анат спрятали от них лодки, а переправляться без них во время весеннего паводка было слишком опасно. Они повернули назад и переправились у Хита. Али к этому времени ушел далеко вперед, его удалось догнать только перед Киркисийа[35].

Али подошел к Ракке и хотел с помощью ее жителей организовать переправу через Евфрат, но они закрыли городские ворота и спрятали все переправочные средства. Это заставляло идти к единственному в этих краях постоянному мосту у Манбиджа. Положение спас ал-Аштар, пригрозивший раккцам взять город штурмом и всех перебить. Угроза подействовала: горожане собрали спрятанные суда и навели наплавной мост восточнее города, около Балиха[36]. Али переправился во главе войска, а ал-Аштару поручил остаться и проследить, чтобы никто не уклонился от переправы.

Вперед снова был выслан Зийад б. ан-Надр. Вскоре около «римской стены» он столкнулся с авангардом Му‘авии под командованием Абу-л-А‘вара. Следовавший за Зийадом Али послал на подмогу отряд во главе с ал-Аштаром. Абу-л-А‘вар сдерживал их совместный натиск до конца дня, а с наступлением темноты оторвался от иракцев и присоединился к главным силам Му‘авии[37].

Пока Али переправлялся через Евфрат, Му‘авийа успел занять удобную позицию и встать лагерем на южном берегу Евфрата у разрушенного византийского селения Сиффин в 40 км западнее Ракки[38], захватив единственную в этом районе дорогу к Евфрату, проходившую посреди непроходимых болотистых зарослей поймы. Эта широкая болотистая полоса протянулась на 10—12 км (2 фарсаха) на восток от Сиффина.

Подойдя на следующий день после столкновения авангардов к Сиффину и начав разбивать лагерь, иракцы обнаружили, что единственный путь к водопою перекрыт противником. Достаточных водных источников на плато нет, а возить воду для пятидесятитысячной армии[39] за полтора десятка километров при том, что верховым и вьючным животным нужно ее больше, чем людям, — непростая задача. В мае, когда трава уже выгорела и жара в степи превышает 40° в тени, когда животные не могут восполнять потребность в воде сочным кормом, для удовлетворения потребности такой армии необходимо ежедневно до 1000 тонн воды — примерно 15 000 ослиных или 4000 верблюжьих вьюков.

Али обратился к Му‘авии с просьбой допустить иракских водовозов к воде, но тот отверг эту просьбу, припомнив, как противники лишали воды Усмана. Ал-Аштар вызвался атаковать сирийцев и расчистить путь к воде. Озлобление лишенных воды воинов способствовало тому, что двухтысячный отряд ал-Аштара отбросил пятитысячный сирийский отряд и занял дорогу. Теперь пришла очередь беспокоиться Му‘авии. Амр б. ал-Ас, будто бы с самого начала стоявший за совместное пользование дорогой, успокоил его, сказав, что Али в отличие от него дорогу к воде не перекроет. Так оно и случилось — Али разрешил сирийцам пользоваться дорогой, хотя многие в его окружении осуждали этот излишне благородный поступок в отношении людей, поступавших иначе[40]. Однако решение Али разрядило обстановку, создало условия для дальнейших переговоров и укрепило образ Али как ревнителя блага мусульман.

Схватка за обладание дорогой к воде — один из немногих эпизодов затяжной битвы у Сиффина, находящих точное место в длинной цепи событий, и к тому же достаточно точно датированный (конец зу-л-ка‘да — начало зу-л-хиджжа 36/середина мая 657 г.)[41]. Основную массу сведений о ней дает специально посвященное ей обширное сочинение Насра б. Музахима ал-Минкари, однако значительная его часть, в которой повествуется об отдельных стычках и единоборствах, переговорах и обменах посланиями, не поддается надежной хронологической интерпре-

тации, так как материал расположен хаотически. Сопоставление с данными других источников мало помогает, поскольку подавляющая часть всех сведений, как и у ал-Минкари, восходит к одному и тому же источнику, «Китаб Сиффин» Абу Михнафа[42], хотя, пройдя через несколько передач, этот материал оказался различно скомпонованным и изложенным с разными сокращениями; к хаотичности изложения компиляторы добавили совершенно абсурдные датировки[43].

Абу Михнаф опирался в основном на рассказы куфийцев, сражавшихся на стороне Али, что не могло не создать тенденциозную антиумаййадскую картину событий, которую усугубили шиитские симпатии самого Абу Михнафа. Поэтому фигура Али оказалась эпически преувеличенной, а позже добавились и совершенно фантастические детали, например Али выезжает на битву на коне (или муле) пророка[44], который должен был давно прекратить свое бренное существование. Приходится лишь удивляться, что при этом Али не приписывается сверхъестественных способностей, а некоторые рассказы рисуют даже несколько приземленный и потому вызывающий доверие образ тучного пожилого человека с лысиной и длинными волосами на затылке, «как грива у льва»[45].

Из-за упомянутой хаотичности изложения не совсем ясно, что происходило после того, как Али разрешил сирийцам пользоваться дорогой к воде. Если следовать порядку изложения событий у ал-Минкари, то можно заключить, что широкий жест Али пришелся не по душе его противнику, и он решил снова захватить дорогу. Рассказ об этом невразумителен: Му‘авийа будто бы послал на берег Евфрата к лагерю Али 200 рабочих-землекопов с лопатами и корзинами, Али увидел в этом серьезную опасность и отступил, оставив свой лагерь Му‘авии. Причина этого отступления остается непонятной — какую угрозу пятидесятитысячному войску могли представить 200 землекопов? Затем Али вызвал ал-Аштара и ал-Аш‘аса б. Кайса и предложил выбить сирийцев из захваченного ими лагеря. Сделать это вызвался ал-Аш‘ас и со своими киндитами отбросил сирийцев на три фарсаха, после чего иракцы расположились в своем прежнем лагере, а Али передал Му‘авии: «Мы не воздадим тебе тем же, что сделал ты, — идите к воде, мы и вы равны в [пользовании] ею»[46]. Если даже предположить, что перед нами не вариант, а рассказ об особом эпизоде, лишь не имеющий отсылки на информаторов, то все равно сообщение об оставлении лагеря непонятно.

Мелкие стычки отдельных племенных отрядов с неизбежными поединками их предводителей и удальцов продолжались весь месяц зу-л-хиджжа (21 мая — 18 июня 657 г.). В промежутках между ними родственники и единомышленники, разведенные по

разным лагерям, посещали друг друга, спорили и искали пути к примирению. Особенно активны были знатоки Корана, «чтецы» (*ал-ķурра̄'*), 30 000 которых, сирийцы и куфийцы, будто бы стали в стороне отдельным общим лагерем[47].

В следующем, «запретном» месяце мухарраме, когда кровопролитие считалось недопустимым, общение рядовых воинов стало еще более оживленным, а Али использовал это затишье, чтобы склонить Му'авию к присяге, вновь и вновь доказывая свое право и законность избрания, но неизменно получал в ответ требование наказания или выдачи убийц Усмана. Месяц не принес никаких изменений в позиции соперников, и надежды большинства воинов на примирение, зародившиеся в этом месяце, оказались обманутыми.

Вечером 18 июля, когда кончился мухаррам, т.е. 1 сафара 37 г. х., Али объявил, что возобновляет военные действия.

На рассвете оба войска стали строиться в боевые порядки. Подробный перечень подразделений обеих сторон, их командиров и глав племен, совпадающий в нескольких источниках[48], показывает, как сложна была система управления войском с таким пестрым составом. В основных семи отрядах (авангард, центр с левым и правым флангом, правое и левое крыло и засадный отряд) кроме общего командира имелись начальники пехоты и кавалерии, но были также командующие всей пехотой и всей кавалерией. Все это усложнялось наличием племенных подразделений и их вождей. В войске Али насчитывалось 25 племенных подразделений: одни и те же племена делились на куфийские и басрийские, даже курайшиты Куфы и Басры выступали раздельно, отдельную единицу составлял сводный отряд воинов, не принадлежавших к куфийцам и басрийцам[49].

Интересно, что перечень племенных единиц в боевом построении не совпадает с военно-административным делением куфийцев и басрийцев на *асба'* и *ахмас*, из чего можно заключить, что это деление было чисто административно-финансовым, а не военным[50].

Сохранение управляемости таким войском требовало от командующего не только военных, но и дипломатических способностей, учета возможных осложнений от перемещения командующих отдельными отрядами и группами. Так, например, когда Али перед походом назначил главой раби'а и кинда вместо ал-Аш'аса б. Кайса раби'ита Хассана б. Махдуджа, то возмущенные южноарабские вожди, в их числе ал-Аштар и Ади б. Хатим, заявили, что занять место ал-Аш'аса может только равный ему. Это, в свою очередь, вызвало возмущение раби'итов тем, что их человека не считают равным ал-Аш'асу. Али решил исправить дело, возвратив знамя ал-Аш'асу, однако тот заявил: «Если поначалу

это было честью, то теперь это — позор»; Али сказал: «Я разделяю его с тобой» — и услышал: «Возьми его себе». Чтобы умиротворить ал-Аш‘аса, Али пришлось назначить его командующим всего левого фланга армии[51]. В боевой обстановке такой конфликт мог кончиться переходом обиженных на сторону противника.

Решающее сражение, начавшееся утром в среду 1 сафара/ 19 июля 657 г., продолжалось девять дней с перерывами на ночь и для молитв. Ал-Минкари достаточно четко разбивает его описание по дням[52], но ход сражения в целом остается неясным, так как все сводится к описанию многочисленных поединков и подвигов отдельных героев. Некоторые эпизоды, вроде неоднократных прорывов витязей Али к шатру Му‘авии, являются несомненными повторами одного и того же события, связываемого с именами различных героев.

Все изложение строится по принципу противопоставления благородства Али и его сторонников подлости и коварству Му‘авии и его советчика Амра б. ал-Аса. Али лично участвует во всех решающих схватках, вызывает на поединок Му‘авию, но Му‘авийа не покидает своего шатра, из которого командует войском.

Вместо того чтобы принять вызов Али на поединок и по-рыцарски решить исход битвы, Му‘авийа посылает взамен себя мавлу, переодев его в свои одежды. Али, не подозревая такого коварства, вступил в поединок и убил мавлу[53]. Неблаговидность поступка Му‘авии заключалась не только в трусости, но и в том, что он оскорбил Али поединком с недостойным его противником. По понятиям рыцарской чести того времени вызывать на поединок мог только равный вызываемому по положению и происхождению, вызываемый мог без ущерба для доброго имени отказаться от вызова, если считал соперника ниже себя.

Низкий моральный уровень противников Али подчеркивается тем, что племя акк, одно из наиболее отличившихся в этом сражении на сирийской стороне, в опасный момент боя согласилось атаковать иракцев только при условии, что каждому из 2000 воинов будет дано по 2000 (дирхемов?)[54], иракцы же будто бы сражались, не щадя себя, только из преданности Али.

И тем не менее убежденность обеих сторон в своей правоте была настолько велика, что друг против друга были построены одни и те же племена, нередко в поединках встречались близкие родственники, но при этом не было случаев, чтобы какая-то часть племени перешла на сторону противника. В один из последних дней сражения, когда обе стороны были подавлены тяжелыми боями и большими потерями, глава сирийских хас‘амитов предложил своему иракскому собрату Абу Ка‘бу вый-

ти из боя и вместе ожидать исхода сражения, чтобы потом присоединиться к победителю, Абу Ка‘б отказался и вскоре погиб в бою вместе с сыном и многими соплеменниками[55].

Накал сражения нарастал с каждым днем, а вечером, когда бой стихал, недавние враги выходили на поле боя, чтобы унести с него убитых и тяжелораненых. Каждый день вместе с безвестными рядовыми воинами гибли и знатные люди. На четвертый день ал-Аштар убил в поединке Убайдаллаха б. Умара, сына халифа, который служил для Му‘авии противовесом знатным курайшитам, окружавшим Али, погиб глава сирийских йеменитов Зу-л-Кала‘, а иракцы потеряли Аммара б. Йасира, и в один из последних дней в попытке прорваться к шатру Му‘авии погиб Абдаллах б. Будайл[56].

Кажется, безрезультатность боев заставила Му‘авию усомниться в успехе и предложить Али, выражаясь языком современных журналистов, «нулевой вариант» — прекратить войну с сохранением за каждым его владений. Али ответил отказом[57]. Полностью положиться на это сообщение все-таки нельзя.

Апогея битва достигла в четверг 9 сафара/27 июля 657 г.[58]. В раскаленной степи, в тучах желтой пыли, сквозь которую багровым пятном едва проглядывало солнце, сошлись оставшиеся в строю с обеих сторон 70—80 тыс. воинов, сражавшихся с сознанием, что битва не может больше продолжаться, что это последний бой, который выявит победителей. Ал-Минкари отвел этому дню почти треть сочинения, тем не менее общая картина сражения вырисовывается лишь в самых общих чертах, так как в рассказ о нем то и дело вкрапливаются эпизоды из других дней.

В первой половине дня иракцам удалось потеснить сирийцев в центре и приблизиться к ставке Му‘авии. В ответ после полудня сирийцы атаковали левый фланг иракцев, где находился Али с сыновьями. Он отошел к центру, в сумятице боя воины на какой-то момент потеряли его из виду, и это вызвало панику. Пробившись к ал-Аштару, Али поручил ему исправить положение. С отрядом из 800 хамданитов он бросился наперерез бегущим и остановил их, воздействуя личным примером и палкой, которой нещадно бил их по головам. Порядок был восстановлен дорогой ценой — гибелью 180 его воинов[59].

В этот день Амр б. ал-Ас будто бы встретился, закрыв лицо, в поединке с Али, и тот сбросил его с коня ударом копья. Амр упал вверх ногами, а поскольку арабы в ту пору еще не переняли иранской моды носить штаны, то позорно заголился перед многочисленными зрителями поединка. Али удовольствовался его позором и не стал добивать упавшего. Достоверность этого рассказа весьма сомнительна, он больше похож на расхожий солдатский анекдот того времени[60]. К этому же дню относят еще

несколько поединков Али, в которых он получил три удара по голове и дважды был ранен в лицо[61].

Ожесточенность битвы не позволила сторонам прерваться на молитву даже после заката солнца[62]. В темноте бой, вероятно, распался на схватки отдельных групп. Понять, что происходит, было трудно: из темноты лишь слышались крики сражающихся и вопли раненых. Так и осталась эта ночь в памяти участников сражения как «ночь воплей». На рассвете ал-Аштар, находившийся на правом фланге, оттеснил сирийцев к их лагерю, чтобы развить успех, Али послал ему подкрепление.

Сражение явно клонилось к победе Али. Но оба войска были на грани истощения. Бой продолжался по инерции. Как рассказывал один из участников сражения историку аш-Ша‘би: «Мы были покрыты пылью и кусали друг друга и дошли до того, что стояли; глядя друг на друга, и не мог ни один человек из двух войск броситься на противника и сразиться с ним»[63]. В этой обстановке достаточно было малейшего толчка, чтобы сражение кончилось полным разгромом одной из сторон, и скорее всего эта судьба ожидала сирийцев.

Положение спас изворотливый Амр б. ал-Ас, предложив повернуть против Али его же оружие: призвать к тому же, к чему тот всегда призывал, — к решению «следовать Книге Аллаха» и остановить бой, подняв на копьях свитки Корана. На рассвете перед иракцами появились фигуры со странными знаменами, которые при приближении оказались свитками, прикрепленными к копьям. Самый большой из них несли на нескольких копьях, вероятно, развернутый горизонтально, как в наши дни носят транспаранты на демонстрациях. Сирийцы кричали: «Боже, Боже! Подумайте о ваших женах и детях и о том, кто останется для [отражения] румов, тюрок и персов!» Бой сразу прекратился, кроме далеко продвинувшегося правого фланга ал-Аштара[64].

Али да и многие из его сторонников прекрасно понимали, что это — уловка, чтобы спастись от поражения, но отвергнуть предложение сирийцев было невозможно, не потеряв лица; может быть, двумя-тремя днями раньше он и мог бы убедить своих воинов, что Му‘авийа хочет обмануть их и украсть победу, но сейчас изнеможенные воины хотели только одного — отдыха. Али обратился за советом к предводителям войска. Мнения разделились, лишь немногие были безусловно за продолжение сражения, другие колебались или предоставляли решение самому Али. Решительнее всех за примирение выступил ал-Аш‘ас б. Кайс: «Сегодня у тебя есть то, на чем ты стоял вчера. Конец нашего дела не таков, как начало. Нет никого, более расположенного к иракцам и более настороженного по отношению к сирийцам, чем я. Ответь этим людям на Книгу Аллаха, ведь ты

имеешь на это больше права, чем они. А люди хотят жить и отвращаются от сражения»[65].

Пока шло совещание, бóльшая часть войска прекратила сражение, лишь ал-Аштар продолжал рваться к ставке Му‘авии. Все ждали решения Али. Он понимал, что отказ принять предложение решить спор по Корану лишит его морального превосходства и что невозможно заставить воинов сражаться с прежним упорством. После короткого раздумья он произнес: «Был я вчера повелевающим, а сегодня стал повелеваемым, был распоряжающимся, а стал распоряжаемым. Вы хотите остаться в живых, и я не могу вести вас к тому, что вам претит»[66]. Часть командиров еще пыталась доказать остальным, что надо сражаться, но слово уже было сказано. Али отправил человека с приказом ал-Аштару прекратить сражение, но тот, в предвкушении близкой победы, ответил отказом. Лишь вторичный приказ возымел действие. Возвратившись к войску, обрадованному наступившим перемирием, ал-Аштар обругал всех трусами и сказал с горечью: «А я уже ощущал победу...»[67].

Али было трудно после открытой вражды перейти к переговорам. Инициативу прямых переговоров взял на себя главный сторонник примирения, ал-Аш‘ас, предложивший поехать к Му‘авии и узнать, что он конкретно предлагает. «Поезжай, если хочешь», — безразлично ответил Али. На вопрос ал-Аш‘аса, чего Му‘авийа добивался, подняв Кораны на копья, тот ответил: «Пошлите от себя человека, которого желаете, и мы пошлем человека, потом поручим им, чтобы решили согласно тому, что в Книге Аллаха, и призвали к этому, а мы последуем этому». Ал-Аш‘ас заметил: «Вот это — правильно». После этого Али и Му‘авийа будто бы поручили своим курра’ встретиться и обсудить это предложение. Что они решили — неизвестно (да и встречались ли они?). Началось обсуждение, кому следует поручить это ответственное дело.

Сирийцы без долгих раздумий поручили представлять их интересы Амру б. ал-Асу; иракцы же оказались в затруднении. Ал-Аш‘ас и курра’ предложили Абу Мусу ал-Аш‘ари, но Али отверг его, припомнив противодействие Абу Мусы во время конфликта с Талхой и аз-Зубайром, и предложил Абдаллаха б. Аббаса. Ему на это возразили: «Какая разница — будешь ты или Ибн Аббас. Мы хотим человека, который равно отстоял бы от тебя и от Му‘авии». Али предложил ал-Аштара, но его с негодованием отверг ал-Аш‘ас, сказав, что он будет добиваться решения только мечом. Али пришлось согласиться на избрание Абу Мусы. Против него резко возражал ал-Ахнаф б. Кайс, предложивший себя в арбитры или по крайней мере в напарники Абу Мусе, но южно-

арабские лидеры отвергли тамимита ал-Ахнафа. Али осталось только сказать: «Делайте, что хотите».

Тут же послали за Абу Мусой, который находился сравнительно близко — в Урде, небольшом селении между Тадмуром и Русафой, куда он удалился после отставки с поста наместника Куфы[68].

Тем временем вчерашние противники принялись составлять текст соглашения о третейском суде. Сразу же возник спор о титуловании: сирийцы решительно воспротивились тому, чтобы называть Али амиром верующих. Му'авийа заявил: «Скверным человеком был бы я, если бы признал его амиром верующих, а потом воевал бы с ним»; его поддержал Амр б. ал-Ас: «Это вам он амир, а нам — нет». Неожиданно на их сторону встал и ал-Аш'ас, за которым стояли южные арабы, составлявшие больше половины войска Али. Али припомнил, что Мухаммад, столкнувшийся с подобной проблемой при подписании договора в Худайбии, уступил язычникам и не настаивал на титуловании его посланником Аллаха, — и он поступит по примеру и сунне пророка. «Значит, ты уподобляешь нас язычникам, хотя мы и верующие?» — грозно спросил Амр б. ал-Ас. Али не удержался и сказал, кроме прочего, что если Амра кому-то уподоблять, то только его матери, — а она, как всем присутствующим было известно, была рабыней, несколько раз перекупленной до того, как попала к отцу Амра. Амр окончательно вышел из себя и заявил, что никогда не сядет вместе с Али. Сопровождавшие Али схватились за мечи, и дело чуть не кончилось новой схваткой. В конце концов примирение было достигнуто, и Али подписал договор, в котором не был упомянут его халифский титул[69].

Договор дошел до нас в двух вариантах, более краткий из которых, восходящий к Абу Михнафу, несомненно, ближе к подлиннику[70]. В нем помимо главного обязательства сторон принять решение арбитров, каким бы оно ни было, предусматривалась гарантия неприкосновенности арбитров, замена одного из них в случае смерти новым арбитром по выбору соответствующей стороны, обязательство следовать решению возлагалось и на преемников обоих претендентов в случае смерти одного из них. Устанавливался крайний срок вынесения решения — конец рамадана текущего года. В пространной версии добавлялось, что в крайнем случае оно должно быть принято к концу сезона паломничества. Договор был датирован средой 13 сафара 37/31 июля 657 г. и заверен 30 свидетелями с каждой стороны[71].

Договор был зачитан перед войсками каждой из сторон и встречен сирийцами с единодушным одобрением. Иначе отнеслись к нему на иракской стороне. Недавняя радость по поводу окончания сражения сменилась раздумьями и часть воинов,

отдохнувших за четыре дня, почувствовали себя обманутыми: все жертвы и старания оказались напрасными, а близкая победа — упущенной. Стали раздаваться голоса, что такое важное дело не может быть передано на людской суд, рассудить его может только Аллах, а это подразумевало решение его в бою. Когда ал-Аш‘ас, зачитывавший договор перед каждым отрядом иракцев, начал читать его тамимитам, один из воинов со словами: «Разве люди могут судить о деле Аллаха?! Нет суда, кроме суда Аллаха! Эй, ал-Аш‘ас, где наши убитые?!» — бросился на ал-Аш‘аса с мечом, но промахнулся и задел лишь круп лошади. Товарищи нападавшего с криком: «Придержи руки!» — утихомирили его. Ал-Аш‘ас ускакал к Али и доложил, что все в порядке, хотя некоторые и недовольны[72].

Несмотря на все инциденты, договор был одобрен и иракцами. Похоронив убитых, оба войска возвратились к родным домам. С военной точки зрения битва кончилась вничью, но в политическом отношении она была явно проиграна Али. Подписанием договора он поставил под сомнение свое бесспорное право на халифат, Му‘авийа благодаря этому был поставлен с ним на один уровень, а армия, до того дружно поддерживавшая халифа раскололась.

Долгий обратный путь, который Али почему-то проделал не по левому, а по правому берегу Евфрата[73], не успокоил, а только разжег страсти. На подходе к Куфе значительная часть войска (8—12 тыс. человек), в основном тамимиты, отделилась от Али и остановилась в селении ал-Харура в полуфарсахе от Куфы. Они провозгласили войну до победы с последующим созывом совета для избрания халифа и выбрали своим предводителем Шабаса б. Риб‘и ат-Тамими, а имамом-предстоятелем на молитве — Абдаллаха б. ал-Кавва ал-Йашкури[74]. Эта группа отколовшихся получила прозвание харуритов по названию селения; в дальнейшем их последователей чаще стали звать хариджитами, от глагола *хараджа* — «выйти» [из повиновения], «восстать»[75].

Вступление основной части войска в Куфу было омрачено воплями женщин по погибшим, раздававшимися со всех сторон. Раздраженный этим, Али выговорил встретившемуся ему Харбу б. Шурахбилу: «Женщины, что ли, взяли над вами верх, что вы не можете унять эти вопли?» Харб ответил: «Если бы это был один двор, или два, или три, то смогли бы. Но ведь из этого племени убито 180 человек!»[76].

Али необходимо было прежде всего восстановить единство в своем лагере. С этой целью он послал Абдаллаха б. Аббаса в ал-Харура. Абдаллах попытался убедить мятежников цитатами из Корана в правомерности решения вопроса о власти с помощью третейского суда. Ему возразили, также со ссылками на Коран,

что это правомерно лишь в отношении мелких вопросов. Когда выяснилось, что коранические аргументы недостаточно убедительны, Али применил более простой и действенный способ — подкуп. Один из руководителей харуритов, Йазид б. Кайс, получил назначение наместником в Исфахан и Рейй, затем Али сам явился в ал-Харура. Услышав от раскольников, что главной причиной их недовольства является согласие передать спор о власти третейским судьям, он заявил: «Вы ведь знаете, что когда они подняли свитки и вы говорили: „Ответь им на призыв к Книге Аллаха", то я сказал вам: „Я лучше вас знаю этих людей — они не приверженцы религии и Корана, я жил с ними и знаю их детьми и взрослыми; были они скверны детьми и скверны взрослыми..." А вы отвергли мое мнение и сказали: „Нет, прими их предложение..."». Харуриты вынуждены были признать, что тогда согрешили и теперь раскаиваются. Али пообещал им через шесть месяцев, когда будут собраны деньги и животные нагуляют жир (и, добавим, закончится встреча арбитров), выступить против врага. Согласившись с этим, харуриты вернулись в Куфу[77].

С другой стороны от Али требовали, чтобы он, не поддаваясь на речи тамимитов и бакритов (составлявших ядро харуритов), приступил к выполнению договора и отправил бы Абу Мусу в Думат ал-Джандал для переговоров с сирийскими представителями. Али отправил Абу Мусу с эскортом в 400 человек под командой Шурайха б. Хани ал-Хариси в сопровождении надежного представителя своих интересов — Абдаллаха б. Аббаса, которому заодно было поручено руководить молитвой[78].

История переговоров Абу Мусы и Амра б. ал-Аса — одна из самых темных сторон истории борьбы Али и Му'авии. Неясности начинаются со времени отправления делегаций на встречу. Если верить ад-Динавари и ал-Минкари, то обе делегации направились в Думат ал-Джандал сразу же после заключения договора. Однако по сведениям того же Абу Михнафа, которому следуют оба эти автора, Абдаллах б. Аббас участвовал в переговорах с харуритами и, значит, не мог уехать из Сиффина сразу же. Более того, если арбитры встретились примерно в конце сафара, а решение последовало не ранее полугода спустя, то непонятно, о чем они спорили так долго и почему источники молчат о содержании этих переговоров.

Едва уладив дело с харуритами, Али вынужден был обратить свое внимание на две самые отдаленные пограничные провинции — Египет и Хорасан. Посланный в Хорасан незадолго до похода к Сиффину Абдаррахман б. Абза дошел до Нишапура, осадил его, но взять не смог. Сменивший его Джа'да б. Хубайра также дошел до Нишапура и не смог его взять. Лишь третий

наместник, Хулайд б. Курра ал-Йарбу'и, принудил нишапурцев пойти на переговоры и сдать город. В числе пленных, взятых в Хорасане, оказалась одна (или две) из дочерей Йездигерда III. Эту почетную пленницу некоторое время опекал иранский аристократ из рода Нарсе, состоявший при Али, а потом ей, кажется, позволили возвратиться в Хорасан[79]. Остается неясным, повлекла ли за собой сдача Нишапура покорение остального Хорасана вплоть до Мерва и Балха. Вероятнее всего, эти отдаленные районы остались независимыми, пока основные вооруженные силы Хорасана были вовлечены в междоусобную войну.

Важнее всего в это время было овладеть ситуацией в Египте, который, пока длилось противостояние у Сиффина, был в относительной безопасности, но теперь, когда армия Му'авии возвратилась в Сирию, заместитель, оставленный Мухаммадом б. Хузайфой, в любой момент мог подвергнуться нападению. Нужен был дельный и авторитетный наместник. Выбор Али пал на Кайса б. Са'да, сына вождя хазраджитов при пророке. Получив назначение сразу же после перемирия, Кайс с небольшим сопровождением поспешно преодолел 1400 км от Сиффина до Фустата и 1 раби' I 37/17 августа 657 г. появился в Фустате[80].

Кайс показал себя разумным и осторожным политиком. Учитывая печальный опыт предшественника, он не стал тратить силы на борьбу с противниками присяги Али, собравшимися в Харбите, а Масламе б. Мухалладу, который призвал к мести за Усмана и увлек за собой часть лояльных Кайсу людей, написал, что не тронет его ни в коем случае. В ответ Маслама обещал не противодействовать Кайсу, пока он будет наместником. Оппозиционеры в Харбите признали административную власть Кайса и допустили в свой округ его сборщиков налогов, а он обеспечил выплату им положенного жалованья. Теперь Кайс мог не беспокоиться за тыл в случае нападения Му'авии.

Такая позиция Кайса породила у Му'авии надежду на привлечение его на свою сторону. Он написал Кайсу письмо, в котором отметил его непричастность к убийству Усмана и предложил наместничество всего Ирака, если Кайс перейдет на его сторону. В ответном письме Кайс отверг обвинение Али в соучастии в убийстве предшественника, а по поводу посула ответил: «А что касается твоей просьбы следовать за тобой и предложения вознаграждения мне за это, то я понял его. Это дело, которое мне надо рассмотреть и продумать. Это не то, с чем можно спешить. А я оставлю тебя в покое, и не будет тебе с моей стороны ничего, что было бы тебе неприятно, пока не увидим мы и не увидишь ты, [что будет], если захочет Аллах»[81].

Снисходительность Кайса к отказывавшимся присягнуть и особенно переписка с Му'авией вызвали беспокойство и недо-

вольство Али, тем более что близился срок, когда арбитры должны были вынести решение о том, кому достанется власть над Халифатом.

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД

Идея решить спор о власти с помощью Корана была безупречна с точки зрения благочестия, но совершенно невыполнима на практике: даже если бы в нем имелись какие-то косвенные указания на способ передачи власти, то толковать их все равно пришлось бы тем же людям, которые не смогли договориться между собой. Благочестивый порыв создал неразрешимую задачу. Любопытно было бы знать, какими путями пытались арбитры добиться истины или своих целей в течение почти полугода. Собственно говоря, неизвестно даже, сколько времени длилась их встреча в Думат ал-Джандал, — трудно поверить, что все это время они ежедневно встречались и искали решения. Возможно, после первых встреч они разъехались, а потом собрались уже для окончательного решения.

Нет ясности даже во времени и месте вынесения решения — иногда вместо Думат ал-Джандал называется Азрух около Ма‘ана. Это заставляет некоторых исследователей предполагать две встречи в разных местах и называть местом вынесения окончательного решения именно Азрух. Основанием для этого является фраза в сообщении аз-Зухри у ат-Табари, что в Сиффине арбитрам было поручено «собраться в Думат ал-Джандал, а если не придут к общему решению, то встретятся в следующем году в Азрухе»; Ибн ал-Асир, пересказывая это место, добавил: «...в месяце рамадане»[82]. Однако в тексте договора имелся в виду рамадан текущего года и допускалась отсрочка только до конца года, после чего в случае отсутствия общего решения договор считался аннулированным и возобновлялось состояние войны.

Еще Ю.Велльхаузен обратил внимание на странное упоминание Думы и Азруха «без всякого союза рядом друг с другом» у ат-Табари — *би Дӯмати-л-Джандали би Азрух*[83]. У Халифы б. Хаййата эти два пункта упоминаются как соседние: «...в Думат ал-Джандал в рамадане, а говорят: в Азрухе, а он недалеко от Думат ал-Джандал»[84]. Создается впечатление, что имелся в виду не общеизвестный Азрух, а какой-то иной пункт в оазисе Думат ал-Джандал, хотя утверждать это невозможно. В любом случае нет ни одного сообщения, где бы в логической последовательности единого текста сообщалось о двух разновременных встречах в двух разных местах: всегда упоминается или один, или другой

пункт либо автор отмечает свою неуверенность в том, где произошла встреча, закончившаяся решением.

Единственным основанием для утверждения о двух встречах в разных местах может служить фраза ал-Вакиди у ат-Табари: «Битва у дамбы была в сафаре тридцать восьмого года*, а Азрух — в ша'бане того же года, в одном году»[85]. Такая привязка к известному и датированному в другом источнике событию обычно вызывает доверие, однако ход событий в Халифате начиная с конца 37 г. х. показывает, что решение арбитров было вынесено до конца указанного года, и отвергнуть десятки логически связанных и хронологически последовательных событий на основании одного только мимоходом сделанного замечания, не подтвержденного другими источниками, было бы грубой ошибкой. Вероятнее всего, ал-Вакиди зафиксировал сообщение о встрече, в котором дата была смещена на год, и сопоставил его с событием, действительно происшедшим в 38 г. х. Кстати, такую же ошибку допустил ал-Мас'уди, датируя встречу в Думат ал-Джандал рамаданом 38 г. х.[86]. Зато к месяцу в дате ал-Вакиди можно отнестись с доверием (ошибки в месяцах, если только они не одноименные, встречаются значительно реже, чем в годах), и тогда мы получим достаточно надежную дату начала встречи (ша'бан 37/12 января — 9 февраля 658 г.) и ее завершения (рамадан/10 февраля — 11 марта того же года).

На встрече кроме двух арбитров и их вооруженного эскорта присутствовали возможные кандидаты на избрание халифом и ряд знатных курайшитов: Абдаллах б. Умар, Абдаллах б. аз-Зубайр, Абдаррахман б. ал-Харис б. Хишам ал-Махзуми, Абдаррахман б. ал-Асвад аз-Зухри, Абу Джахм б. Хузайфа ал-Адави и, конечно же, Мугира б. Шу'ба, который не мог пропустить такое событие. Сын Са'да б. Абу Ваккаса поспешил к отцу, жившему в это время в каком-то оазисе в землях бану сулайм, и пытался уговорить его приехать на встречу арбитров, так как никто не имеет больше прав на избрание халифом. Однако Са'д и на этот раз отказался принимать участие в усобицах[87].

Наши источники не позволяют получить ясное представление о том, как были организованы переговоры и сколько точно времени они заняли. Не ясно, происходили ли какие-то публичные диспуты арбитров или все обсуждения шли с глазу на глаз. Все, что известно, относится к последним дням или даже к последнему дню встречи. Абу Муса с самого начала отказал Али в праве быть халифом. Амр, естественно, предложил избрать Му'авию, но Абу Муса отверг и его, заметив: «Если бы я мог, я возродил бы имя Умара б. ал-Хаттаба». Амр возразил на это, что

---

* Об этой битве, отдавшей Египет Амру б. ал-Асу, рассказывается в следующем разделе этой главы.

если Абу Муса считает возможным избрание халифом человека из этого поколения, то чем его сын хуже сына Умара. Абу Муса согласился, что сын Амра благочестивый и достойный человек, но замаран тем, что дал отцу вовлечь себя в междоусобицу. Тогда Амр отверг Абдаллаха б. Умара за его неопытность. Разговор об этом случайно услышал Абдаллах б. аз-Зубайр и посоветовал Ибн Умару дать взятку Амру, чтобы тот согласился с Абу Мусой, но Абдаллах б. Умар отказался от такого бесчестного приема[88].

Нужно думать, что при обсуждении возникали и другие кандидатуры. Позиции арбитров различались не только в том, кто должен стать халифом, но и в том, кто должен утвердить решение об избрании. Договор вроде бы предполагал, что решение арбитров является самодостаточным, но Абу Муса полагал, что они лишь договорятся о кандидатуре, а окончательное решение примет совет, хотя ни он, ни другие сторонники создания совета не представляли, из кого он должен состоять и кто его изберет или назначит. Амр же стоял на том, что их решение должно быть окончательным.

Обстоятельства вынесения окончательного решения, излагаемые рядом источников по версии Абу Михнафа, которой следуют и современные исследователи, выглядят следующим образом. Амр и Абу Муса наконец договорились о том, что отвергают обоих соперников, Али и Му‘авию, и вышли объявить об этом авторитетным свидетелям. Коварный Амр, используя хорошо известную слабость Абу Мусы всюду быть первым, предоставил ему как более старому сподвижнику пророка право первым объявить свое решение. Абу Муса поддался на эту уловку. Выйдя к ожидавшим решения, он заявил, что они обсудили все стороны дела и решили, что для исправления положения в общине и преодоления раскола необходимо отвергнуть и Али, и Му‘авию, а решение об избрании халифа предоставить совету. После этого выступил Амр б. ал-Ас и заявил, что согласен с Абу Мусой относительно отстранения Али и считает, что достойнее всех возглавить государство — Му‘авийа.

Абу Муса был потрясен таким коварством и воскликнул: «Что это с тобой? Ты обманул и сподличал. Такие, как ты, похожи на собаку, которая, — дальше последовала цитата из Корана, — „если нападешь на нее — высовывает язык и если не тронешь — высовывает язык“»*. — «А такие, как ты, — ответил Амр, — похожи на „осла, несущего Писание“»**. Шурайх б. Хани бросился

---

* В Коране (7 176) имеются в виду люди, не желающие верить знамениям Аллаха.

** В Коране (62:5) этому ослу уподоблены иудеи, имеющие Писание, но не разумеющие его. В переводе И Ю Крачковского *асфāр* (в данном случае «Писание») — «книги»

на Амра и хлестнул его плеткой, сын Амра ответил ему тем же. Присутствующим пришлось их разнимать.

Несколько иначе излагается эта интрига у ал-Куфи и ад-Динавари. Согласно им, предложение отвергнуть обоих соперников и выбрать Абдаллаха б. Умара исходило от Амра, Абу Муса поддержал его. На вопрос Амра, когда объявить это решение, Абу Муса ответил: «Тебе решать. Если хочешь — сейчас, а если хочешь — завтра, ведь это — понедельник, день благословенный», и они решили объявить о своем решении на следующий день. Наутро Амр привел с собой людей, которые должны были быть свидетелями, и побудил Абу Мусу первым изложить свое мнение.

Главное отличие этой версии заключается именно в речи Абу Мусы, более короткой и конкретной: «Люди! Воистину, добро людей — для них самих, и зло людей — для них самих. Вы знаете, какие были сражения, в которых не осталось ни благочестия, ни богобоязненности, ни правого, ни неправого. Так ведь? И вот, я считаю, что нужно отвергнуть Али и Му‘авию и предоставить это дело Абдаллаху ибн Умару ибн ал-Хаттабу. Он — человек, который не вмешивался в это дело ни словом, ни делом. Ведь так? И вот, я снимаю Али с халифства, как снимаю этот перстень с моего пальца». Амр, выступивший следом за ним, согласился с этим, а затем добавил: «А я утверждаю Му‘авию на халифство, как этот перстень — на мой палец». Дальнейшее излагается близко к тексту ал-Минкари и других авторов.

После того как Амр поспешно удалился с места собрания, споры не утихли. Иракцы порицали коварство Амра и заявляли, что это решение для них необязательно и теперь все вернулось к прежнему состоянию. Молчал один ал-Аш‘ас б. Кайс, которому пришлось выслушать за это упреки в том, что он доволен решением. Не обрадовало случившееся и наиболее разумных сирийцев. Один из них обратился к иракцам с просьбой одуматься и не возобновлять войну, которая будет одинаково губительна для обеих сторон[89].

История о доверчивости Абу Мусы и коварстве Амра б. ал-Аса, несомненно, изложена в прошиитском духе; где-то в ней явно расставлены неверные акценты. Чего добивался и добился Амр? Обманув Абу Мусу, он добился не смещения, а лишь умаления авторитета Али в глазах части мусульман, но провозгласить односторонне Му‘авию халифом не мог — для этого требовалось единогласное решение обоих арбитров. К тому же решение относительно Али, достигнутое обманным путем, не могло быть обязательным для иракской стороны; по существу, результат можно было приравнять к отсутствию единогласного реше-

ния, а это означало прекращение перемирия. Кроме того, несомненно, предполагалось составление письменного документа о результатах арбитража, который полагалось заверять подписями свидетелей. А такой документ не мог появиться, поскольку обманутый Абу Муса не стал бы его подписывать, так же как отказались бы поставить свои подписи свидетели с иракской стороны. С юридической точки зрения заявления двух арбитров не имели обязательной силы. Возможно, Амр сознательно шел на скандал, чтобы сорвать бессмысленные переговоры, а заодно и умалить авторитет Али.

Делегации обеих сторон разъехались, а опозоренный Абу Муса поспешно удалился в Мекку в добровольное изгнание, навсегда распрощавшись с политической карьерой и не покидая больше Мекки. Вероятно, поэтому кончина такого видного деятеля эпохи завоеваний прошла малозаметно для современников, и датируют ее в пределах целого десятилетия, с 42/662-63 до 52/672 г.[90].

Указание ал-Куфи на то, что оглашение решения было назначено на понедельник, позволяет несколько сузить возможный диапазон датировки и исключить последнюю неделю рамадана со вторника 25 рамадана/вторника 6 марта до 30 рамадана/воскресенья 11 марта.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ МЕЖДОУСОБИЦ

Скандальное окончание переговоров возвратило мусульманскую общину к прежнему состоянию войны, но в менее выгодной для Али ситуации. Исправить положение могли только военные успехи. Гарантией этого была возможность нанести удар по Сирии с двух сторон — из Ирака и Египта, а для этого требовалось подавить в последнем оппозицию.

Али потребовал от Кайса б. Са‘да немедленно выступить против отказывающихся от присяги. Кайс ответил решительно, с сознанием своей правоты: «Я удивлен твоим приказом. Неужели ты приказываешь мне воевать с людьми, которые не трогают тебя, освобождая тебе руки для борьбы с врагом?! А если ты начнешь войну с ними, то они помогут твоим врагам против тебя. Послушайся меня, амир верующих, отступись от них. Разумное решение — оставить их в покое. И мир». Али снова потребовал подавить оппозиционеров. Кайс ответил, что если амир хочет его сместить, пусть смещает, но воевать с «воздержавшимися» не станет[91].

Может быть, без этого заявления Али помедлил бы с отставкой столь авторитетного человека, но слово было сказано, а

прошения неудобных людей об отставке всегда находят отклик в сердцах вышестоящих, почва же для назначения нового наместника в завидно богатую провинцию готовилась давно. С первым проявлением недовольства Кайсом двоюродный брат и один из ближайших советчиков Али Абдаллах б. Джа‘фар стал проталкивать на этот пост своего брата по матери Мухаммада б. Абу Бакра, который к тому же после женитьбы Али на вдове Абу Бакра, матери Мухаммада, стал халифу кем-то вроде приемного сына. Двадцатипятилетний Мухаммад не мог равняться по опыту с Кайсом, но при таком родстве это уже не имело значения. 1 рамадана/10 февраля 658 г. была подписана грамота о назначении Мухаммада, а в середине рамадана (24—25 февраля) он уже был в Фустате[92].

Почтенного Кайса, удостоенного чести нести знамя пророка при вступлении в Мекку, когда Мухаммада б. Абу Бакра еще и на свете не было, поразили отставка и то, кем его заменили. «Что случилось с амиром верующих, — спросил он, — что переменило его? Не встал ли кто-то между мной и им?» — и получил ответ: «Разве верховная власть (*султāн*) принадлежит тебе?» Обидевшись на Али, Кайс уехал в Медину, но там его стали чем-то донимать Умаййады, и он вернулся в Куфу к Али[93].

По сведениям ал-Кинди, Кайс пытался наставлять Мухаммада, как следует держать себя в Египте, на кого опираться, и прежде всего советовал не обострять отношений со сторонниками Усмана. Но Мухаммад, которого послали именно для подавления противников присяги, не внял этим советам и через месяц после прибытия направил послание «воздержавшимся» с требованием присягнуть Али[94]. Не дождавшись ответа, он приказал разрушить дом Му‘авии б. Худайджа в Фустате, конфисковал его имущество и арестовал его детей, а затем направил отряд в Харбиту. Этот отряд был разгромлен, а командир убит, та же участь постигла и следующий отряд, посланный отомстить за поражение[95].

Убедившись в бессилии своего ставленника, Али решил заменить его энергичным и более опытным ал-Аштаром. Появление его в Египте могло изменить ситуацию во вред Му‘авии б. Абу Суфйану, и тот постарался избавиться от опасного противника, подослав человека, который отравил его в Кулзуме (около современного Суэца)[96].

Мухаммад остался наместником, но вынужден был вступить в переговоры с «воздержавшимися». Он обязался беспрепятственно выпустить их из Египта (с условием, что они минуют Фустат) и для этого навести им наплавной мост у Никиу. Их уход из Египта усиливал позиции Мухаммада, но не устранял главной угрозы со стороны Сирии. Мухаммад просил помощи у Али,

получив в ответ лишь благие наставления, — Али и сам в этот момент был в трудном положении.

Упущенная победа при Сиффине уронила его авторитет в глазах многих сторонников, особенное недовольство проявляли именно наиболее рьяные из них, считавшие, что согласием на третейский суд он предал свое бесспорное священное право на власть. Конфликт в ал-Харура был лишь первым актом протеста. Али удалось их временно уговорить, но не переубедить: многие считали, что он должен покаяться в своем прегрешении и заявить, что нет суда, кроме суда Аллаха.

Известие о невыгодном для Али исходе переговоров вновь всколыхнуло харуритов. 10 шавваля 37/21 марта 658 г. они собрались в доме Абдаллаха б. Вахба ар-Расиби, благочестивца, прозванного Мозолистые Колени за постоянное стояние на молитве, и решили открыто выступить против имама, передавшего на людской суд дело, предопределенное Аллахом. Руководителем был избран Абдаллах б. Вахб, в верности которому присягнули все присутствовавшие[97]. Эту присягу иногда рассматривают как избрание его халифом, хотя акт присяги означал лишь обязательство беспрекословного повиновения; так, в это же время, начав сбор войска для войны с Му‘авией, Али принял присягу от вождей племен, хотя все они ранее присягнули ему как халифу.

Заговорщики сообщили о своем намерении выступить против халифа единомышленникам в Басре, предложив соединиться в ан-Нахраване (городке в 60 км севернее ал-Мадаина). Получив ответ, они стали мелкими группами покидать Куфу. Это могло произойти не ранее конца шаввала, так как посланец в Басру вряд ли мог двигаться со скоростью официального гонца, не привлекая к себе внимания, и для того, чтобы проехать 400 км до Басры и столько же обратно, ему понадобилось бы не менее 12 дней.

К восставшим харуритам, которых теперь чаще стали называть хариджитами («восставшими»), присоединился и Тарафа, сын верного сторонника Али Ади б. Хатима. Узнав об этом, Ади бросился в погоню и едва не погиб, столкнувшись с отрядом в 30 человек во главе с самим Абдаллахом б. Вахбом. Ади известил о столкновении с мятежниками начальника гарнизона ал-Мадаина. Тот с 500 всадниками догнал отряд Ибн Вахба около селения Карх (будущего пригорода Багдада), однако мадаинцы не горели желанием убивать собратьев по вере и начали уговаривать своего командира оставить в покое людей, которые его не трогают. Командир все же настоял на атаке, но наступившая ночь предотвратила столкновение, и хариджиты спокойно ушли к ан-Нахравану.

Али в это время занимался сбором войска для похода против Му‘авии. Приглашение принять участие в походе получили и харуриты, но они ответили, что примут его, только если Али покается в своем согласии на третейский суд, Али покаяться отказался; неясно только, какие именно хариджиты (харуриты) имеются в виду — ушедшие в ан-Нахраван или остававшиеся в Куфе. Лояльные куфийцы тоже не спешили выступить в поход, хотя все племенные вожди заверили Али, что едины с ним, как одно сердце в человеке, и присягнули ему на верность.

Али приказал им представить точные списки всех получающих жалованье вместе с их боеспособными сыновьями и клиентами (*мавали*). Их будто бы оказалось 40 000, и с ними 17 000 сыновей и 8000 мавали и рабов. На этом основании ат-Табари добавляет от себя, что в ан-Нухайле собралось 65 000 воинов; в действительности же на сбор явилось значительно меньшее число — часть воинов несла гарнизонную службу в разных городах, подведомственных Куфе, кроме беспричинно уклонявшихся от похода были и больные, и находившиеся в отъезде. Сами вожди племен сказали, что отсутствуют неимущие (*ḍу‘афā’*) и люди, занятые на работах в селениях[98].

Насколько велика могла быть разница между списочным составом и числом явившихся на сбор, показывает пример Басры, в диванах которой числилось примерно 40 000 человек (всех категорий), а на призыв Абдаллаха б. Аббаса после больших его стараний поднять басрийцев в поход явилось только 3200 воинов[99]. Конечно, басрийцы не могли простить Али погибших в «битве у верблюда», и явка была хуже, чем в Куфе, но и там, несомненно, явилось вряд ли более половины получавших жалованье. Да и то собравшиеся искали поводы оттянуть выступление в поход. Восстание хариджитов было прекрасным поводом для этого: в войске стали поговаривать, что неплохо было бы сначала покончить с внутренними врагами, а потом уж приниматься за Му‘авию. Али снова созвал вождей и добился от них заверения, что они поведут своих людей туда, куда он прикажет. Все решил случай. Один из отрядов хариджитов зверски расправился со сподвижником пророка Абдаллахом б. Хаббабом за благоприятный отзыв об Али, не пощадили даже ни в чем не повинную его беременную наложницу, вспоров ей живот, чтобы и потомства от него не осталось. В другом случае были убиты еще какие-то женщины. Воины Али, возмущенные этими бесчинствами, потребовали от него покончить с мятежниками, угрожающими их семьям и имуществу. Али не мог не уступить им.

Он повел свою армию к ан-Нахравану, не теряя надежды обойтись без пролития крови своих недавних сторонников, и начал с переговоров, требуя лишь одного — выдачи убийц му-

сульман; мятежники по-прежнему требовали от него покаяния за согласие на третейский суд: «Если ты сам сомневался в своем праве [на халифат], то мы сомневаемся еще больше». Ни доводы Кайса б. Са'да, участвовавшего в переговорах, ни убеждения самого Али не привели к согласию и примирению. И все же Али еще надеялся избежать кровопролития. Когда 9 сафара 38/17 июля 658 г. оба войска выстроились для сражения, Али выслал вперед отряд со «знаменем пощады» и объявил, что присоединившиеся к этому знамени будут пощажены так же, как те, кто покинет Абдаллаха б. Вахба. Эта мера произвела должный эффект: сотня хариджитов сразу перешла на сторону Али, Фарва б. Науфал с отрядом в 500 человек покинул Ибн Вахба и ушел к Хулвану, кое-кто вернулся в Куфу. У Абдаллаха б. Вахба осталось всего 2800 человек[100]; какими силами располагал Али, не сообщается, ясно только, что на его стороне был значительный перевес.

Несмотря на дезертирство многих сотоварищей, хариджиты были полны решимости пожертвовать собой ради правого дела и первыми атаковали противника. Под их натиском кавалерия Али, прикрывавшая основные силы, была рассечена надвое, однако стоявшие за ней лучники устояли и дали возможность кавалерии соединиться позади атакующих. Это решило исход сражения. Окруженные хариджиты сражались отчаянно и были перебиты почти поголовно. На поле боя осталось 400 тяжелораненых, которых Али не позволил добивать и разрешил сородичам взять на излечение. Все оружие и верховые животные были разделены между победителями, но рабов и утварь Али, как и в Басре, разрешил взять законным наследникам убитых[101].

Войско Али будто бы потеряло в сражении не более 12—13 человек убитыми[102], что выглядит невероятным, тем более что вожди племен во главе с ал-Аш'асом б. Кайсом отказались сразу после сражения отправляться в поход на Сирию и потребовали возвращения в Куфу для пополнения войска людьми и вооружением[103]. Конечно, потери были лишь предлогом, прикрывавшим нежелание большинства воинов участвовать в междоусобице, и все же гибель дюжины воинов не могла дать основания ссылаться на потери.

Стоило только войску вернуться в ан-Нухайлу, как, несмотря на увещевания Али, лагерь опустел — все разошлись по домам, остались около тысячи воинов да племенная верхушка, связанная личной присягой в верности. Но и она за личиной верности скрывала недовольство его политикой ущемления привилегий аристократии ради возрождения первоначального равенства в мусульманской общине. Ал-Мадаини сообщает ответ ал-Аштара на вопрос Али, почему люди охладели к нему и уходят к Му'а-

вии: «Ты уравниваешь людей и обращаешься с ними согласно праву и уравниваешь низкого с благородным, и нет у тебя преимущества в положении благородного над низким. И возопила часть твоих людей из-за того, что они уравнены правом, и огорчились [они] равенством, и стали противиться. А Му'авийа поступает с состоятельными и благородными людьми иначе: привлекает души людей, склонных к бренному миру, а ведь мало кто не тяготеет к нему... Если ты, амир верующих, будешь щедро раздавать деньги, то склонятся пред тобой выи людей»[104]. Разговор этот скорее всего выдуман, хотя, несомненно, отражает расхожее мнение современников.

Победа при ан-Нахраване не укрепила, а еще больше подорвала влияние Али на людей и помогла сформироваться непримиримой оппозиции в форме хариджитского движения. На начальном этапе ядро хариджитов составили курра', которые свою начитанность и понимание Писания ставили выше мнения сподвижников пророка и даже считали себя вправе критиковать поступки Али, воспитанника пророка, черпавшего свою веру и религиозную практику из первоисточника.

Вокруг них собирались недовольные правлением Али или вообще недовольные своим положением, при этом оказалось, что значительная часть этих недовольных — северные арабы из групп бакр б. ваил и тамим, вероятно потому, что южные арабы благодаря численному превосходству в Куфе занимали господствующее положение

Наименование мятежников *хариджитами* первоначально не имело терминологического значения: слово значило «вышедшие из повиновения», «мятежники» вообще, без привязки к каким-то убеждениям. Лишь после ан-Нахравана и обособления оставшихся в живых повстанцев и их единомышленников от остальных мусульман произошла специализация понятия «хариджит», хотя и после этого слово продолжало употребляться и в первоначальном смысле.

Таким образом, после побоища на ан-Нахраване наиболее рьяные защитники прав Али на халифат стали его самыми заклятыми врагами, более непримиримыми и жестокими, чем Му'авийа и сторонники Усмана. Конечно, среди хариджитов были и такие мятежные элементы, для которых главным была возможность пограбить, вроде Фарвы б. Науфала, покинувшего сотоварищей перед битвой.

Лишившись поддержки значительной части былых сторонников из рядовых арабов, Али настроил против себя и многих представителей племенной верхушки, обиженных его уравнительской финансовой политикой Число его искренних безусловных сторонников в Куфе, готовых положить за него жизнь,

было теперь явно недостаточным для успешной борьбы с Му‘авией. А Му‘авийа внимательно следил за происходившим в Ираке и, когда убедился, что с этой стороны ему ничто не грозит, решил завладеть Египтом, прежде чем вступать в схватку на территории Ирака. Почти одновременно с выступлением Али к ан-Нахравану Амр б. ал-Ас пересек границу Египта, чтобы завоевать его для себя вторично.

Когда Амр появился в Египте с 4000 или 6000 воинов, Мухаммаду б. Абу Бакру удалось собрать лишь 2000 человек. Их возглавил Кинана б. Бишр, один из предводителей египтян, осаждавших Усмана. Мухаммад остался в Фустате собирать дополнительные силы. Столкновение произошло на подступах к Фустату у какой-то дамбы (*мусаннāт*). Кинана сражался самоотверженно, зная, что победители не оставят его в живых, как одного из виновников гибели Усмана, и успешно отбивал атаки сирийцев, пока в бой не вступил Му‘авийа б. Худайдж со своими сторонниками. Кинана был убит, а его войско, лишившееся предводителя, обратилось в бегство. Мухаммад вместе с частью беглецов укрылся за мощными стенами Баб ал-Йуна, служившего цитаделью Фустата. Осажденные тайно вступили в переговоры и выговорили себе почетные условия сдачи. Мухаммад пытался скрыться, но был выдан. Его брат, Абдаллах, сражавшийся на стороне Му‘авии, хотел добиться для него помилования, но Му‘авийа б. Худайдж, в руки которого попал Мухаммад, был непреклонен и поспешил казнить своего обидчика, пока хлопоты Абдаллаха не достигли цели. Это произошло 14 сафара 38/22 июля 658 г., как раз в те дни, когда Али пытался подвигнуть иракцев на поход против Сирии[105].

Казнь Мухаммада б. Абу Бакра, считавшегося одним из главных виновников смерти Усмана, была воспринята в Дамаске как праздник. Ликовали близкие Усмана и в Медине, куда Ибн Худайдж привез окровавленную рубаху Мухаммада. Наила с благодарностью целовала его ноги, а Умм Хабиба, вместе с Наилой прикрывавшая тело Усмана, будто бы на радостях зарезала барана и кусок жареного мяса послала Аише, сказав ей потом, что она съела мясо своего брата. Можно себе представить, как рвало потом Аишу; говорили, что после этого она никогда больше не могла есть жареное мясо[106].

Еще до получения известия о потере Египта Али с трудом собрал отряд в 2000 человек и послал в подкрепление Мухаммаду, но через пять дней после его отправления в Куфе появились два вестника несчастья: беглец из Египта и шпион Али из Сирии с известием о гибели Мухаммада и потере Египта.

Али выступил в мечети с речью, полной упреков куфийцам за их безразличие к правому делу, которую закончил такими слова-

ми: «С такими людьми, как вы, не добиться мести и не совершить возмездия. Пятьдесят с небольшим дней назад я призывал вас помочь вашим братьям, а вы ревели, как горластые верблюды, и припадали к земле, как те, у кого нет желания сразиться с врагом и заработать вознаграждение. А потом пришел ко мне от вас отрядик, который плелся, будто отправляясь на смерть, которую видят перед собой. Тьфу на вас!»[107].

Призыв, прозвучавший 50 дней назад, — несомненно, тот тщетный призыв к походу на Сирию, который предшествовал ан-Нахравану (известие о Египте могло прийти в самом конце сафара), следовательно, призыв к походу на Сирию был возглашен 10—15 мухаррама 38/18—23 июня 658 г.[108].

Неприятности не кончились потерей Египта: начался распад государства. Вскоре после ан-Нахравана, вслед за потерей района Хулвана, которым завладел Фарва б. Науфал, арабы племени абдалкайс, жившие в Фарсе, отказались платить садаку, а часть арабов, ранее исповедовавших христианство, возвратилась к прежней вере[109]. Наконец, в иракские дела стал активно вмешиваться Му‘авийа.

Он послал в Басру своего эмиссара Абдаллаха б. Амра б. ал-Хадрами, который должен был поднять басрийцев против Али. Наместник Басры Абдаллах б. Аббас в это время уехал в Куфу к Али разделить с ним горечь утраты Мухаммада б. Абу Бакра, а оставленный заместителем Зийад б. Абихи располагал лишь горсткой охранников и вооруженных слуг. Ибн ал-Хадрами остановился в квартале тамимитов и призвал их восстать против Али. Несмотря на раздававшиеся предостережения об опасности междоусобия и кровопролития, значительная часть тамимитов во главе с Абдаллахом б. Хазимом последовала его призыву. Затем Ибн ал-Хадрами обратился к Сабре б. Шайману, вождю азднтов, которые были главными противниками Али в «битве у верблюда». Вопреки ожиданиям Сабра ответил отказом, обидевшись, что к нему обратились во вторую очередь: «Если бы ты пришел ко мне, — ответил он, — и поселился бы в моем доме, я помог бы тебе и оказал покровительство». Ибн ал-Хадрами пояснил, что амир верующих Му‘авийа приказал ему остановиться у мударитов. «Вот и следуй его приказу», — отрезал Сабра.

Зийад, не имея собственных сил, вынужден был искать покровительства у жителей подчиненного ему города. Он обратился к оставшимся нейтральными бакритам. Один из их вождей, ал-Худайн б. ал-Мунзир, возглавлявший бакритов при Сиффине, согласился помочь, но второй, Малик б. Мисма‘, сторонник Усмана, укрывавший Марвана после сражения под Басрой, отговорил его, сказав, что надо еще подумать. Брат Зийада Нафи‘ б. ал-Харис посоветовал обратиться к Сабре б. Шайману. Сабра

согласился взять Зийада под покровительство (*джāр*), но только на своей территории, и Зийад перебрался в квартал аздитов с 50 верными ему людьми и перевез туда ночью казну Басры. Басра снова оказалась расколотой надвое.

Тамимиты и кайситы настояли, чтобы Ибн ал-Хадрами занял резиденцию наместника. Когда он прибыл туда, его встретили вооруженные аздиты. Назревавшее столкновение предотвратил ал-Ахнаф б. Кайс. Желая разрядить напряженность, тамимиты предложили аздитам лишить покровительства и Зийада, и Ибн ал-Хадрами, а потом спокойно ожидать, чем кончится борьба Али и Му‘авии. На это Сабра б. Шайман ответил, что аздиты не могут нарушить своего слова (по понятиям того времени отказ в покровительстве был бы не просто нарушением слова, а свидетельством собственной слабости). Но не отказывая в защите, аздиты не собирались помогать Зийаду воевать с Ибн ал-Хадрами.

Зийад обратился за помощью к халифу. В ответ был прислан А‘йан б. Дубай‘а, взявшийся переубедить своих собратьев-тамимитов. Его встретили бранью, а потом убили ночью во время сна. Зийад попросил прислать Джарию б. Кудаму (который привел один из басрийских отрядов перед походом на ан-Нахраван). Тот прибыл с 50 воинами-тамимитами и письмом Али, призывавшим аздитов выступить против Ибн ал-Хадрами. Джарийа предложил тамимитам сложить оружие, встретил решительный отказ и вернулся к Зийаду. Зийад тем временем сумел с помощью письма Али уговорить аздитов выступить против Ибн ал-Хадрами, к ним присоединились и некоторые другие басрийцы. В вооруженном столкновении тамимиты были разгромлены, а Ибн ал-Хадрами вместе с Ибн Хазимом и 200 сторонниками укрылись и были осаждены в каком-то укрепленном здании в квартале тамимитов. Решимость Ибн Хазима сражаться насмерть сломила его мать, которая пригрозила при всех заголиться, если он не покинет здание. Оберегая честь матери, он вышел и увел своих сторонников. Оставшиеся с Ибн ал-Хадрами 70 человек погибли вместе с ним в пламени здания, подожженного Джарией[110].

События в Басре показывают, насколько ничтожно было влияние наместника, если за ним не стояла одна из племенных группировок. Странной может показаться позиция Али, приславшего наместнику вместо солидного отряда письменное увещевание. Непонятно и бездействие Абдаллаха б. Аббаса, бросившего на произвол судьбы вверенное ему наместничество Можно было бы предположить, что основные силы, которыми располагал халиф, были заняты разрешением какого-то более серьезного конфликта, но все известные нам события 38 г. х.

после завоевания Египта совершенно не поддаются датировке даже относительно друг друга, поэтому проверить такое предположение невозможно.

Вскоре после басрийских событий открытый вызов Али бросил басриец ал-Хиррит б. Рашид, находившийся со своим отрядом в Куфе[111]. Сведения о нем до этого восстания скудны и противоречивы. По одним сведениям, он возглавлял сборный отряд мударитов Басры в сражении против Али в «битве у верблюда»[112], а после поражения его племя бану наджийа некоторое время отказывалось присягать Али; по другим, более сомнительным сведениям, он участвовал в битвах при Сиффине и ан-Нахраване на стороне Али. Ал-Хиррит заявил Али, что отказывается признавать его как военного и духовного руководителя («не буду я следовать твоим приказам и не буду молиться за тобой») из-за согласия на третейский суд, а по другой версии — объявил его, как и Му'авию, низложенным согласно решению арбитров, раз он согласился на их суд[113].

После этого заявления ал-Хиррит ночью ушел с 300 соплеменниками из Куфы и через Ниффар (древний Ниппур) направился в Хузистан. В погоню за ним вызвался Зийад б. Хасфа с отрядом в 120—130 человек. Около Мазара он нагнал мятежников и вступил с ними в бой, в котором был ранен, после чего отказался от дальнейшего преследования и ушел в Басру залечивать рану. А к ал-Хирриту подошли еще 200 куфийцев.

Из Мазара ал-Хиррит пошел дальше на восток и обосновался около Рамхурмуза. Для борьбы с ним Али послал из Куфы Ма'кила б. Кайса с 2000 воинов и приказал Абдаллаху б. Аббасу отправить такой же отряд из Басры. Эта деталь позволяет поместить восстание ал-Хиррита после событий с Ибн ал-Хадрами, поскольку тогда Ибн Аббас отсутствовал в Басре.

Силы ал-Хиррита к этому времени значительно выросли за счет примкнувших к нему местных арабов, в том числе и его соплеменников. Призывы не платить харадж (джизью) привлекли к нему и коренных жителей, персов[114] и курдов. Тем не менее в столкновении с правительственными войсками он потерпел поражение и, потеряв 70 арабов и около 300 неарабов, отступил от Рамхурмуза в Ардаширхурра, к самому побережью Персидского залива. Он познакомился с этими краями, когда за восемь лет до этого управлял одним из округов Фарса, знал о мятежных настроениях жителей, которые могли поддержать его, а кроме того, рассчитывал в крайнем случае перебраться через залив в Бахрейн, первоначальное место обитания бану наджийа.

Здесь он действительно нашел поддержку разных групп недовольных: мусульман-«усмановцев», хариджитов, мусульман, возвратившихся к первоначальной вере — христианству, и местных

жителей-зороастрийцев. Ал-Хиррит был не идейным повстанцем-хариджитом, а обычным мятежником, готовым принять под свое начало кого угодно. Сторонникам Усмана он говорил, что халиф был убит незаконно, с хариджитами соглашался в оценке третейского суда, одобрял бедуинов, отказывавшихся платить садаку, отступников от ислама пугал карами, которые их постигнут в случае победы Али, местным землевладельцам обещал отмену налогов. Присоединились к нему и многочисленные любители поживиться на войне, включая разбойников с больших дорог. Всего набралось около 10 000 человек против 4000 у Ма'кила[115], но пестрый состав этого воинства делал его неустойчивым.

Неудивительно, что при серьезном столкновении многие повстанцы дрогнули и решили покинуть ал-Хиррита, когда узнали, что Ма'кил обещал прощение всем, кроме ал-Хиррита и его соплеменников. В сражении, происшедшем на берегу моря, вероятно около Сирафа, пали 170 повстанцев вместе с ал-Хирритом, остальные искали спасения в бегстве[116]. Это удалось не всем. Пленных рассортировали на две категории: мусульмане, оставшиеся верными исламу, и временно отступившиеся, но вернувшиеся в его лоно, получили прощение с обязательством выплатить задолженность по садаке (закату); оставшиеся верными христианству и зороастрийцы были обращены в рабство как нарушившие договор не поднимать оружия против мусульман. Последних оказалось около 500 человек — мужчин, женщин и детей. В это число попали и соплеменники ал-Хиррита, как особо закоренелые преступники.

Эти пленные, когда их прогоняли мимо наместника Ардаширхурра Маскалы б. Хубайры, умоляли смилостивиться над ними и выкупить их. Маскала договорился с Ма'килом, что выплатит за них 500 000 дирхемов, получил пленных и освободил, но денег для уплаты у него не было, и он бежал ночью в Басру. Абдаллаху б. Аббасу он сказал, что уплатить хотел именно ему, наместнику и двоюродному брату пророка, затем, то ли уплатив часть этой суммы, то ли только пообещав, бежал в Куфу, надеясь найти понимание у Али. Халиф не оценил его благородного поступка, и Маскале осталось искать убежища у Му'авии, оттуда он попытался перетянуть к себе брата, остававшегося в окружении Али[117].

Али удалось подавить несколько восстаний, однако все новые и новые жертвы настраивали против него родичей убитых, а остатки разгромленных отрядов становились закваской для новых восстаний. Расхождение части мусульман с халифом по поводу конкретного политического вопроса о третейском суде послужило базой, на которой началась разработка новой религиозно-

политической доктрины, отражавшей чаяния недовольных существующим порядком мусульман правильно устроенного общества, основанного не на вольном толковании учения пророка аристократами ислама, а на истинном, буквальном следовании Корану. Отношение к официальным представителям власти как исказителям истинной веры, вероотступникам, порождало фанатичность и беспощадность. Им было непонятно, что огромное государство не может жить по тем же правилам, по каким жила маленькая община, окружавшая пророка, как не понимали этого и после них многие ревнители возврата к «чистому» исламу, руководившиеся благими намерениями и шедшие против естественного хода истории.

Восстание ал-Хиррита подтолкнуло иранскую знать Фарса к выступлению против арабской власти. В 39/659-60 г. жители Фарса изгнали арабского наместника Сахла б. Хунайфа и перестали платить налоги. За Фарсом последовали Керман и Кухистан (Джибал, район северо-восточнее Фарса). На подавление его Али послал по совету Абдаллаха б. Аббаса Зийада б. Абихи с 4000 воинов. Зийад показал себя в Фарсе талантливым политиком. Не прибегая к оружию, он сумел перессорить местных феодалов между собой, натравляя их друг на друга, и добиться восстановления мусульманской власти во всем Фарсе. Отсюда он направился в Керман и Кухистан, подчинил их и остался наместником этих областей[118].

НАСТУПЛЕНИЕ МУ‘АВИИ

Му‘авийа внимательно следил за происходившим в Ираке, имея там немало шпионов и добровольных информаторов. Убедившись, что Али не удастся подвигнуть иракцев на новый поход против Сирии, он перешел к активным действиям, тем более что после заключения в 657 или 658 г. перемирия с византийцами, за которое приходилось платить тяжелой данью[119], можно было не опасаться войны на два фронта.

Он не стал собирать многочисленное войско для победы в генеральном сражении, что потребовало бы больших средств и повлекло бы большие жертвы, как в Сиффине, а вместо этого в 39/659-60 г. организовал набеги на пограничные районы Ирака и Аравии.

В конце 38 или самом начале 39 г. х. (май 659 г.)[120] трехтысячный отряд под командованием ад-Даххака б. Кайса совершил девятисоткилометровый марш через пустыню, перерезал главную дорогу между Мединой и Куфой, разгромил небольшой воин-

ский пост в ас-Са‘лабии и пошел к Куфе, грабя по пути паломников и других путников. Перед Кадисией, в которой всегда стоял большой гарнизон, ад-Даххак свернул на северо-запад, достиг Куткутаны и ограбил там группу паломников.

Али с трудом собрал людей для отражения этого набега. Добровольцы получили в качестве поощрения по 50 дирхемов, и это позволило набрать 4000 человек, которых возглавил Худжр б. Ади. При их приближении ад-Даххак поспешил отступить к Сирии. Худжр нагнал его только у Тадмура и навязал бой. Сирийцы продержались до вечера, потеряв 19 человек, а с наступлением темноты отступили. Худжр не рискнул продолжать преследование на сирийской территории и возвратился в Куфу. Этот набег породил в Мекке слухи о нападении сирийцев на Йамаму и даже на Куфу[121].

Затем ан-Ну‘ман б. Башир с 2000 воинов, разгромив несколько сторожевых постов в Приевфратье, вышел к Айн ат-Тамру, в котором в этот момент осталась сотня воинов, а подавляющая часть уехала к семьям в Куфу. Комендант Айн ат-Тамра запросил у Али подкреплений, но Али снова не смог своевременно сформировать отряд для отражения набега сирийцев: куфийцы пропустили его призыв мимо ушей. Обращение к предводителям племен помогло собрать в ан-Нухайле триста человек. Тем временем сирийцы напали на Айн ат-Тамр. Комендант не растерялся, вывел свою сотню воинов навстречу противнику, оставил за спиной стену селения, чтобы она прикрывала тыл, и послал человека собрать подмогу из других селений оазиса. К вечеру он привел еще полсотни воинов, которые, конечно, не могли спасти положения, но сирийцы решили, что за ними идут основные силы подкрепления, и отступили[122].

В том же, 39 г. х. Абдаллах б. Мас‘ада ал-Фазари был послан к Тайма с приказом собирать с бедуинов этого района садаку, отказывающихся — убивать, а если представится возможность — захватить Медину. Абдаллах беспрепятственно дошел до Тайма и захватил это пограничное укрепление. Али успел выслать против него ал-Мусаййаба б. Наджабу из того же племени бану фазара. Между ними произошло столкновение, после которого Абдаллах с частью отряда укрылся за стенами Тайма. Собранный им скот бедуины тут же забрали обратно. Ал-Мусаййаб осаждал крепость три дня, потом это ему надоело, и он приказал принести топливо и поджечь укрепление. Осажденные взмолились, чтобы он пощадил их ради родства. Ал-Мусаййаб сжалился над соплеменниками и приказал потушить огонь, объяснив это воинам тем, что до него дошло известие о подходе подкреплений из Сирии. Ночью осажденные покинули крепость; воины требовали от ал-Мусаййаба преследовать их, но тот отказался[123].

Как мы видим, первоначальный энтузиазм куфийцев сменился полным безразличием к призывам Али, гарнизоны пограничных крепостей самовольно расходились по домам, и сирийские отряды беспрепятственно проходили в полусотне километров от иракской столицы. Наиболее энергичные и преданные помощники, такие, как ал-Аштар и Аммар б. Йасир, погибли, и никто не смог их заменить; сыновья и двоюродные братья оказались ненадежной опорой. Неустойчиво было положение Али даже в Медине, которая за четыре года до этого сделала его халифом: ансары не могли простить ему переноса столицы в Куфу и того, что почти все главные посты в государстве снова достались родственникам халифа, как и при Усмане.

Напротив, Му‘авийа продолжал пользоваться у сирийцев непререкаемым авторитетом и имел в своем распоряжении надежную армию, натренированную постоянными войнами с Византией.

Эти набеги убедили Му‘авию, что не следует опасаться контрударов Али, когда он не в состоянии обеспечить безопасность даже ближних подступов к столице, и он сделал следующий шаг в борьбе за власть — в июле 659 г. объявил себя халифом в Иерусалиме, куда собрались вожди сирийских арабов.

Выбор места для этого вряд ли был случаен: Иерусалим почитался мусульманами как третий по значению священный город. Подробное описание происходившего дает фрагмент анонимной маронитской хроники, отделенной от событий десятком с небольшим лет. Сама присяга (хроника ее не описывает), вероятнее всего, происходила в ал-Масджид ал-Акса, дальнейшие действия Му‘авии выглядят необычно для главы мусульманской общины: «Он поднялся на Голгофу, сидел там и молился, потом поднялся в Гефсиман, потом спустился к могиле пресвятой Марии и там молился»[124]. Этот жест, рассчитанный прежде всего на христианских подданных (в числе которых были и арабы), свидетельствует в то же время, что и за пределами Сирии и Палестины в мусульманской среде посещение христианских святынь мусульманским правителем не считалось одиозным — иначе противники Му‘авии не преминули бы поставить ему в вину подобное прегрешение.

Арабские историки не придали значения этому важному акту, присягу в Иерусалиме до гибели Али упоминает мельком только ат-Табари[125]. Объяснить это можно только тем, что он рассматривался современниками как локальный верноподданнический акт.

Амбиции двух халифов столкнулись во время хаджжа 39 г. х., на который Му‘авийа как халиф послал от себя руководителем хаджжа Йазида б. Шаджару ар-Рухави. Наместник Мекки, двою-

родный брат Али Кусам б. Аббас, спросил мекканцев, будут ли они сражаться с посланцем Му‘авии, те отмолчались. Тогда он обратился за помощью к брату. Посланный им отряд во главе с Ма‘килом б. Кайсом вышел из Куфы только 1 зу-л-хиджжа и никак не мог достичь Мекки за семь суток, чтобы вмешаться в события. Мекканцы не приняли руководства ни Йазида б. Шаджары, ни Кусама, а поручили руководить обрядами паломничества Шайбе б. Усману ал-Абдари, хранителю ключей Ка‘бы, назначенному на этот пост самим пророком. Ма‘килу оставалось попытаться перехватить Йазида на обратном пути, чтобы наказать за самозванство, но удалось ему лишь застичь в Вади-л-Кура обоз сирийцев и захватить 10 пленных[126]. Согласно тому же маронитскому анониму, Му‘авийа после принятия присяги отчеканил золотые и серебряные монеты со своим именем, которые население отказывалось принимать из-за отсутствия на них привычного изображения креста, сохранявшегося в арабовизантийском чекане[127]. Однако в нумизматических коллекциях монеты Му‘авии, отличающиеся от обычного арабо-византийского типа, пока неизвестны.

В ноябре 660 г. Му‘авийа послал Бусра б. Арта с отрядом в 2600 человек на овладение священными городами, а в случае удачи — всей Западной Аравией до Йемена включительно. Кроме прямой задачи этот поход мог выполнять и косвенную — отвлечь силы и внимание Али от организации похода на Сирию, которого Му‘авийа продолжал опасаться, несмотря на уверения приближенных, что в стане Али царит разброд.

Чтобы ускорить марш и совершенно неожиданно появиться перед Мединой, Буср конфисковал по дороге у бедуинов верблюдов, ехал на них на максимальной скорости до следующего становища, оставлял там загнанных животных и брал свежих. Кони налегке бежали обочь. Таким образом можно было проходить за сутки до 150 км и появиться у Медины через 7—8 суток, опережая слухи о движении. Наместник Медины, почтенный ансар Абу Аййуб, у которого в первые месяцы жил пророк, бежал из Медины, даже не пытаясь организовать сопротивление. Собрав мединцев в мечети, Буср осыпал их бранью за то, что они, удостоившиеся чести жить вместе с пророком, а потом с халифами, убили Усмана. Изрядно напугав мединцев, Буср заставил их присягнуть Му‘авии, сжег дом Абу Аййуба и дома наиболее ненавистных Умаййадам мединцев, а затем направился к Мекке.

Путь его был отмечен убийствами, и многие мекканцы, прослышав об этом и не полагаясь на статус священной территории Мекки, бежали из города, среди них был наместник Мекки Кусам б. Аббас и двое малолетних сыновей Убайдаллаха б. Аббаса.

Не дожидаясь прихода Бусра, мекканцы поставили во главе города нейтрального Шайбу б. Усмана.

Приняв от мекканцев присягу Му‘авии, Буср отправился в Таиф, а оттуда выслал передовой отряд, которым командовал какой-то курайшит, в Табалу для захвата и казни сотен курайшитов, бежавших из Мекки. Местные жители стали стыдить его за то, что он собирается казнить своих соплеменников, не дожидаясь возможного помилования их Бусром, и сами послали гонца к Бусру. В то же время знатные таифцы тоже просили Бусра помиловать беглецов. Решив, что приказ уже выполнен и беглецы казнены, Буср написал грамоту об их помиловании. Гонец из Табалы схватил первого попавшегося верблюда, накинул на него свой плащ вместо седла и мчался без отдыха, одолев 320 км меньше чем за двое суток. Ему удалось спасти обреченных, когда их уже вели на казнь.

Из Таифа Буср направился в Йемен, где власть Али и без того уже сильно пошатнулась. Его военные неудачи ободрили партию усмановцев, и они стали открыто выступать против его ставленников. Наместник Йемена Убайдаллах б. Аббас арестовал нескольких из них, на их призыв о помощи откликнулась часть войска и изгнала своего командующего Са‘ида б. Нимрана. Убайдаллах обратился за помощью к Али, но вместо солидного отряда получил обращение к йеменцам с угрозой прийти самому на их усмирение, если они не подчинятся наместнику. Этой призрачной угрозе противостояло реальное приближение Бусра, беспощадно расправлявшегося со сторонниками Али. В Наджране он казнил правителя города, зятя Убайдаллаха б. Аббаса, в Архабе расправился с вождем бану хамдан и казнил малолетних сыновей Убайдаллаха, захваченных в кочевьях бану кинана около Таифа.

При приближении Бусра к Сан‘а Убайдаллах запаниковал, а Са‘ид б. Нимран с верной ему частью войска вышел навстречу. При первом же столкновении его воины разбежались, а Са‘ид и Убайдаллах бежали в Куфу, покинув Сан‘а на какого-то безвестного сакифита, возможно, коменданта города. Буср легко преодолел сопротивление немногочисленного гарнизона, вступил в город и казнил неугодных. Не гнушался Буср и казнями устрашения: так, он приказал перебить всю делегацию, прибывшую из Мариба с изъявлением покорности, оставив лишь одного человека, чтобы он вернулся к сородичам и своим рассказом о казни отбил у них охоту к противлению. Видимо, таким образом он хотел повлиять на йеменцев Куфы, составлявших главную опору Али.

Узнав о происходящем в Аравии, Али послал туда два отряда по 2000 человек во главе с Джарией б. Кудамой и Вахбом б. Мас‘удом. Узнав о приближении Джарии, Буср покинул Йемен.

Джарийа вступил в Наджран и, в свою очередь, казнил всех сторонников Усмана, а затем занял Мекку[128].

Пока шла борьба за Западную Аравию, Му‘авийа, убедившись в плохой охране иракских пограничных крепостей и зная, что часть сил Али будет оттянута в Аравию, предпринял более серьезное, чем прежде, нападение на Ирак, отправив Суфйана б. Ауфа с 6000 воинов для удара по городам на Евфрате. Рассказ об этом походе интересен тем, что основывается на воспоминаниях участников событий с противоположных сторон: с одной — самого Суфйана б. Ауфа, с другой — рядового воина из иракского гарнизона Анбара.

По словам Суфйана, Му‘авийа приказал ему напасть на Хит, а не встретив там сопротивления — идти на Анбар, если же и там ему не окажут сопротивления, то идти до ал-Мадаина, а уж оттуда возвращаться назад, но ни в коем случае не приближаться к Куфе (чтобы не ввязаться в большое сражение). Как пояснил Му‘авийа, главная цель рейда — запугать иракцев и внести смятение в их ряды: «Суфйан, эти набеги на жителей Ирака вселят страх в их сердца, и обрадуют тех из них, кто расположен к нам, и привлекут к нам всех тех, кто боится превратностей судьбы. Убивай тех, кто встретится тебе, чьи убеждения расходятся с твоими. Разрушай деревни, мимо которых ты пойдешь, и губи собственность (*мāл*), ведь гибель собственности подобна убиению и больнее для сердца».

Суфйан не сообщает, насколько точно он следовал этой инструкции, во всяком случае, при его приближении гарнизон Хита бежал за Евфрат, и город был занят без боя. Не оказалось гарнизона и в крепости Сандауда, расположенной на правом берегу Евфрата неподалеку от Анбара. Переправа через Евфрат в зимний межень не задержала сирийцев, и только теперь, на подходе к Анбару, Суфйан узнал, что начальник гарнизона Анбара ал-Ашрас б. Хассан ал-Бакри вышел ему навстречу со своим отрядом. Разведав у пленного из местных жителей, что гарнизон насчитывал 500 человек, но большинство уехало в Куфу и осталось только 200 человек, Суфйан решился атаковать.

Если верить Суфйану, то у него должно было быть тридцатикратное превосходство в численности над ал-Ашрасом, и тот не должен был принимать бой в поле, однако, по его же свидетельству, анбарцы не только выдержали атаку конницы, но и контратаковали. Видимо, ал-Ашрас преградил сирийцам путь в каком-то узком месте между каналами или развалинами, так как Суфйан атаковал не всеми силами, а небольшими конными отрядами (*катā’иб*). Лишь после того как он послал 200 пехотинцев, за которыми шла кавалерия, сопротивление анбарцев было сломлено.

Другой участник этого боя, воин из гарнизона Анбара, подтверждает значительное численное превосходство сирийцев, испугавшись которого половина гарнизона разбежалась, не дойдя до поля боя, но оставшаяся часть сначала упорно сопротивлялась, когда же массированная атака сирийцев обратила анбарцев в бегство, ал-Ашрас с 30 добровольцами контратаковал сирийцев, чтобы спасти бегущих от истребления. «Я тоже хотел выйти с ними, — говорит наш информатор, — а потом душа моя воспротивилась. А он и его товарищи вышли вперед и сражались, пока их не перебили, да помилует их Аллах, а мы, бежавшие, спаслись».

Сирийцы захватили город, основательно пограбили его, не делая различия между мусульманами и иноверцами, и нагруженные добычей возвратились в Сирию[129].

О случившемся Али узнал не от спасшихся воинов (которые, видимо, не спешили явиться в Куфу), а от какого-то перса, бежавшего из Анбара. Потрясенный его рассказом, Али выступил в мечети с призывом отомстить за павших собратьев, но ответом ему было молчание. В гневе покинул он мечеть и демонстративно пешком направился к ан-Нухайле. Приближенные кинулись за ним и уговорили вернуться в резиденцию. Са'ид б. Кайс ал-Хамдани собрал 8000 (?) человек и пустился в погоню за сирийцами, но, конечно, они давно ушли в Сирию. Али в это время будто занемог и, не имея сил выступить с речью, поручил зачитать написанный текст своему мавле, а сам с сыновьями сидел в это время за занавесом у двери из дворца в мечеть, чтобы услышать, как откликнутся люди.

Речь, действительно, была очень резкой, и можно было ожидать острой реакции. Напомнив сначала о награде, которая обещана участвующим в войне за веру, он продолжил: «Я призывал вас к джихаду против тех людей ночью и днем, тайно и явно, говорил вам: нападайте на них раньше, чем они нападут на вас, пока люди не пострадали. А когда на людей нападают в их собственном доме, они бывают унижены. И вот, осмелился напасть на них этот их враг из бану амир, он пришел в ал-Анбар и убил сына Хассана ал-Бакри, и прогнал ваш пограничный пост с его места, и убил ваших праведных людей. Мне стало известно, что входили они в дом мусульманки или защищаемой договором и снимали браслеты с ее ног и ожерелья с ее шеи и уходили обогатившись, а их мужчины не говорили ни слова. Если бы кто-то из-за этого умер от огорчения, я бы не осудил его, напротив — одобрил бы. Как не подивиться делу, которое умерщвляет сердца и доставляет печаль, и разжигает скорбь из-за объединения людей вокруг ложного и вашего отдаления от истины. Чтоб вам сгинуть и пропасть! Вы стали мишенью, в которую стреляют, а

не стрелками, жертвами нападения, а не нападающими, вы противитесь Аллаху и довольны.

Когда я говорил вам „идите“ зимой, то вы говорили: „Как идти в поход в такой холод?“; а когда я говорил вам „идите“ летом, то вы говорили: „Подождем, пока спадет палящий зной“. Все это — бегство от смерти. И если вы боитесь жары и холода, то, клянусь Аллахом, вы еще больше побоитесь меча. Клянусь тем, в чьей руке моя душа, не этого вы боитесь, а уклоняетесь от меча. О подобия мужчин, а не мужчины! Вы, с детским разумом и умом носящих ножные браслеты*. Клянусь Аллахом, хотелось бы мне, чтобы Аллах забрал меня от вас к своей милости! Хотелось бы мне не видеть и не знать вас. Клянусь Аллахом, вы наполнили мою грудь гневом, и напоили меня разом двумя отравами, и испортили мои решения непокорностью и лишением поддержки, так что курайшиты стали говорить: „Да, сын Абу Талиба — храбрый человек, но у него нет умения вести войну“. Хороши их отцы!** А разве был среди них человек, искуснее меня в этом деле и который и занимался бы им дольше, чем я? Я начал этим заниматься, когда мне не было еще двадцати, а теперь я подошел к шестидесяти. Нет и не может быть здравого суждения у того, кто не подчиняется»[130].

После зачтения этой речи ал-Харис ал-А‘вар возгласил: «Где те, кто продаст свою душу Аллаху и купит будущую жизнь за свою бренную жизнь? Приходите завтра утром на площадь, пусть будут только те, кто имеет искреннее намерение идти с нами и хочет воевать за веру с нашими врагами!» Наутро Али увидел на площади меньше трехсот человек и растерянно произнес: «Если бы были тысячи, я бы знал, что с ними предпринять...» — и ушел. Вожди куфийцев приносили ему извинения и сожалели, что так получилось, и обещали, что теперь уж поднимут своих людей в поход. Через несколько дней Али снова выступил перед собравшимися в мечети, напомнил им, какую поддержку оказывали немногочисленные ансары и мухаджиры Мухаммаду в борьбе с многочисленными врагами, и закончил: «...а вас теперь среди людей больше, чем было тех в то время среди арабов». Один из присутствующих ответил ему: «Ты — не Мухаммад, а мы — не те люди, которых ты упоминал». Али рассердился: «Лучше слушаешь — лучше ответишь. Чтоб вашим матерям потерять вас младенцами! Не прибавляете мне ничего, кроме печали. Разве сказал я вам, что я — Мухаммад, а вы — ансары? Я только привел вам пример и надеюсь, что вы будете на нем основываться». Перепалка на этом не закончилась. Еще один оппонент упрек-

---

* «Носящие ножные браслеты» — женщины

** Букв «У Аллаха ваши отцы»

нул его за избиение хариджитов: «Как пригодились бы амиру верующих и его сторонникам люди ан-Нахравана!» В мечети поднялся шум. Перекрикивая его, третий изрек и вовсе обидную для халифа истину: «Теперь ясно, как не хватает иракцам ал-Аштара. Заверяю, что если бы он был жив, то было бы меньше шума и каждый человек знал бы, что он (ал-Аштар) говорит». Али вконец обиделся: «Задурили вас дураки! Я имею больше права на ваше повиновение, чем ал-Аштар. Разве он имел больше права на ваше повиновение, чем [любой] мусульманин относительно другого мусульманина?»

Али поддержали Худжр б. Ади и Са'ид б. Кайс, сказав, что не пожалеют своего имущества и жизни близких ради его дела, ему нужно только отдать приказ. Али приказал готовиться к походу и ушел к себе. А затем по совету Са'ида б. Кайса послал Ма'кила б. Кайса ат-Тамими собирать ополчение по округам Ирака[131].

Как мы видим, истребление хариджитов в ан-Нахраване не прибавило Али симпатий у куфийцев и превратило конфликт между ним и противниками третейского суда из политического расхождения в непримиримую вражду к нему, прежде всего со стороны спасшихся от гибели в том бою. Эта ненависть решила судьбу Али.

Один из них, Абдаррахман б. Мулджам ал-Муради, во время хаджжа 39 г. х. (конец апреля — начало мая 660 г.) встретился в Мекке с двумя единомышленниками (имена которых в источниках различаются), и они договорились об уничтожении главных виновников раскола мусульманской общины: Али, Му'авии и Амра б. ал-Аса, причем их казнь будто бы должна была быть совершена в один и тот же день.

Это условие и некоторые другие детали в рассказах об этом заговоре вызывают недоверие. Сообщается, что убийства Али потребовала в качестве свадебного подарка красавица куфийка, в которую влюбился Ибн Мулджам, чтобы отомстить за гибель отца и брата в ан-Нахраване. Судя по рассказу ал-Куфи, промежуток между сватовством и покушением был невелик, в этом случае пришлось бы отказаться от версии о договоренности в Мекке, которую отделяет от реальной даты покушения десять месяцев. Но рассказ ал-Куфи явно романтизирован. Вызывает сомнение и одновременность трех покушений, хотя проверить справедливость этого невозможно, так как даты покушений на Му'авию и Амра неизвестны. Даже сведения о самих покушениях достаточно противоречивы.

Больше всего известно, естественно, о покушении на Али. Наиболее надежное свидетельство о нем восходит к сыну Али, Мухаммаду, хотя оно, как и все свидетельства очевидцев о неожиданном событии, дает не совсем ясную картину случившего-

ся, однако отдельные детали его рассказа позволяют корректировать другие сведения, происхождение которых неизвестно, и отбросить явно недостоверные[132].

В ночь с 14 на 15 рамадана/22 января 661 г. Ибн Мулджам с двумя сообщниками после ночного разговенья остался в соборной мечети Куфы среди множества остававшихся там до предрассветной молитвы. Когда на рассвете Али, возгласив призыв к молитве, вошел в дверь со стороны киблы (из дворца), Ибн Мулджам и один из сообщников бросились на него с криком: «Суд принадлежит Аллаху, а не тебе, Али, и не твоим людям с мечами!» Первый удар мечом, нанесенный сообщником, оказался неудачным — меч задел за стену или за притолоку, и нападавший бросился бежать. Второй удар нанес Ибн Мулджам и попал по макушке Али. Али закричал: «Не упустите этого человека!» Присутствующие набросились на Ибн Мулджама и схватили его, а два сообщника в этой суматохе благополучно выскользнули из мечети. Правда, одного из них, и именно того, кто не успел напасть на Али, в наказание за участие в заговоре зарубил его двоюродный брат у себя дома.

Ибн Мулджама подвели к Али. «Душу за душу, — промолвил он, — если умру, то убейте, а если останусь, то сам разберусь с ним». С тяжелой раной головы Али прожил почти двое суток, испытывая невыносимые боли и то и дело теряя сознание, и скончался вечером субботы 16 рамадана/23 января 661 г., но поскольку начало суток считалось с наступлением темноты, то арабские историки датируют ее 17 рамадана, а иногда относят ее к пятнице, путая день покушения с днем смерти[133].

Арабские историки приводят обширное прощальное наставление Али сыновьям, являющееся скорее литературным, чем историческим фактом, хотя какие-то прощальные слова, конечно же, были сказаны[134].

Распространялись слухи, что меч убийцы был смазан сильнодействующим ядом, и это вызвало мучительные боли и быструю смерть[135], однако смерть от сильного яда наступила бы значительно быстрее, а удара, проломившего череп, было вполне достаточно, чтобы вызвать боли и быструю кончину.

Покушения на Му‘авию и Амра оказались менее успешными. Покушавшийся на Му‘авию находился позади него и нанес удар мечом по голове, но Му‘авию спасли толстые ягодицы, на которые и пришелся удар, когда он склонился в земном поклоне. В этом случае тоже были разговоры об отравленном мече, и даже будто бы врач дал лизнуть меч кому-то из рабов, держа наготове противоядие, но меч оказался не отравленным[136].

Амр б. ал-Ас вообще не пострадал, так как убийца обознался и убил вместо него другого, похожего на Амра, толстяка[137].

Завершая рассказ о трагическом конце правления Али, добавим, что когда Джарийа, преследуя Бусра, дошел до Мекки и потребовал от мекканцев повторить присягу Али, то узнал от них о его кончине. Не сомневаясь, что преемником будет старший сын Али, он провел присягу Хасану[138].

Глава 3

«ГОД ЕДИНЕНИЯ»

ПЕРВЫЕ ШАГИ ХАСАНА

Али был похоронен той же ночью, с 23 на 24 января 661 г., то ли на южной окраине Куфы у Киндитских ворот, то ли во дворе резиденции. По преданию, Али завещал сделать могилу незаметной, чтобы хариджиты не надругались над его телом. Трудно сказать, насколько это верно, но во всяком случае уже в конце IX в. ее местонахождение было неизвестно[1]. Существующий ныне пышный мемориальный комплекс в Эн-Наджафе не более чем кенотаф.

Али не выразил своей воли относительно преемника, хотя окружающие не сомневались, что им должен быть Хасан. Джундаб б. Абдаллах прямо спросил умирающего: «Если мы лишимся тебя, нам присягать Хасану?» Превозмогая боль, Али ответил: «Я не приказываю вам это и не запрещаю: вам виднее»[2].

Наутро Хасан возглавил молитву в соборной мечети и объявил о смерти халифа. Текст этой речи, приводимый историками, мало согласуется с тем, что можно было бы ожидать от подобной речи по нашим представлениям и в соответствии с речами других халифов, произносившимися в подобных обстоятельствах. Можно думать, что значительная часть ее является результатом творчества ранних историков[3]. По окончании речи Убайдаллах б. Аббас предложил присягнуть Хасану. Пример подал Кайс б. Са‘д, первым совершив обряд рукобития. Этим новому халифу гарантировалась поддержка одной из главных фигур халифского окружения. Его примеру последовали и остальные присутствующие[4].

Первой акцией Хасана стало наказание убийцы отца. Согласно одной версии, Хасан зарубил его своей рукой, исполняя последнюю волю умирающего казнить убийцу ударом за удар, но не уродовать. Ибн Мулджам будто бы предлагал отпустить его, чтобы он мог убить Му‘авию, а уж потом казнить, но это предложение было отвергнуто. Обезглавленное тело было брошено на растерзание толпе. То, что от него осталось, было завернуто в циновки, облито нефтью и сожжено. По другой версии, казнь

осуществил Абдаллах б. Джа‘фар. Он приказал сначала отрубить убийце руки и ноги и выколоть глаза, а после обмена с казнимым несколькими едкими репликами велел отрезать ему язык[5]. Этот обмен речами четвертованного с распорядителем казни вызывает большие сомнения; неясно только, в чьих рядах родилась эта легенда: шииты ли хотели таким образом отвести душу за убитого кумира или хариджиты хотели прославить стойкость своего собрата.

В Куфе и во всем Ираке весть о смерти Али не вызвала никаких волнений, и присяга Хасану прошла без осложнений. Для сторонников Али присяга его старшему сыну и внуку пророка была делом естественным, а для нейтрального большинства с его именем не связывалось никаких дурных ассоциаций. Даже сторонники Усмана (а они совпадали со сторонниками Му‘авии лишь частично) не могли обвинить Хасана, в отличие от его отца, в причастности к смерти Усмана и покровительстве его убийцам: напротив — он даже был какое-то время среди защитников осажденного дома халифа. Хариджиты, скрывавшиеся на окраинах Ирака и в Иране, радуясь смерти своего врага, не могли предъявить Хасану претензий за кровопролитие в ан-Нахраване.

В Аравии, как уже было сказано в конце предыдущей главы, присяга Хасану была принесена после ухода оттуда Бусра. Аиша, узнав о смерти Али, откликнулась стихотворной строкой:

Посох брошен, и достигнута цель,
и рад возвращению путник.

На замечание Зайнаб, дочери Абу Саламы: «Как ты можешь говорить такое об Али при его превосходстве и достоинстве?» — Аиша ответила с усмешкой: «Когда я забуду об этом — напомни мне»[6].

Больше всего весть о смерти Али поразила боготворивших его сабаитов. Сам Абдаллах б. Саба отказался верить в нее, заявив: «Он не умер и не умрет, пока не завладеет миром»[7].

О реакции в дальних провинциях ничего не известно. Но, видимо, у Хасана вызывала какие-то опасения позиция Абдаллаха б. Аббаса, за которым стояла добрая половина Ирана, потому что его обрадовало получение письма от Абдаллаха, в котором тот поздравлял с избранием и давал советы, как избежать ошибок, допущенных отцом: «Хасан прочитал его и обрадовался ему и узнал, что тот присягнул ему и дал ему наставление в том, что он должен делать во исполнение воли Аллаха»[8].

Фигура Хасана очень смутно проступает со страниц мусульманских источников. Его негероическая судьба и отсутствие яр-

ких поступков мало привлекали внимание биографов Характерно, что в биографическом словаре Ибн Са‘да, где упомянуты сотни второстепенных передатчиков хадисов, Хасан не удостоился отдельной статьи; историки, описывающие внешность всех халифов, перечисляющие их жен и детей, никак не характеризуют пятого халифа. Известно, что внешне он был очень похож на своего деда-пророка, что вызывало умиление сподвижников Мухаммада, и несколько заикался, в чем видели его сходство с Мусой (Моисеем). В его биографиях рассказывается либо о проявлениях любви к нему деда, либо о событиях его кратковременного правления. Добрые тридцать лет в промежутке между тем и другим не отмечены ничем примечательным: он просто жил в свое удовольствие в Медине, пользуясь благами своего положения внука пророка, получающего большое жалованье наравне с участниками битвы при Бадре, происшедшей за год до его рождения. Современникам запомнились только многочисленные женитьбы и разводы Хасана, да и то неясно, происходило это до избрания его халифом или уже после отречения[9].

Как уже было сказано, Хасан принимал участие в обороне дома Усмана, а затем в обоих больших сражениях отца, но даже прошиитские источники не нашли материала для прославления его воинской доблести. Возможно, в оправдание этого появились утверждения, что Али не разрешал своим старшим сыновьям вступать в единоборства[10]. Не сообщается и о том, что Али поручал Хасану большое самостоятельное дело, которое могло бы выявить его способности, кроме посылки для переговоров с куфийцами, где ведущая роль принадлежала Аммару б. Йасиру.

А между тем Хасану предстояла теперь труднейшая задача преодолеть раскол мусульманской общины и государства. Для этого требовалось редкое сочетание твердости воли и полководческого таланта с умной сдержанностью во внутренней политике. ибо, прежде чем идти на военное решение спора с Му‘авией, необходимо было привлечь на свою сторону охладевших к отцу куфийцев, добившись благосклонности племенной знати, которая одна могла способствовать сбору общего ополчения, и нейтрализовать хариджитов.

Казнив Ибн Мулджама, Хасан раздал воинам по 100 дирхемов[11], что равнялось полугодовому жалованью самого низшего разряда. Как поощрил он племенную верхушку, не говорится. Если он пошел по стопам отца, по пути обеспечения первоначального равенства, то это могло только расширить трещину, возникшую между халифом и племенной верхушкой Об этом прямо предупреждал Хасана Абдаллах б. Аббас, призывая начать активные действия против Му‘авии: «...Назначь родовитых и знатных людей на какие захочешь должности. Этим ты купишь

их сердца и проявишь исходящую от имамов справедливость в приручении сердец и устроении дел людей... Ты ведь знаешь, что от твоего отца Али отвращало людей, и они уходили к Му‘авии, то, что он, распределяя между ними общинные средства (*фай’*), уравнивал их в жалованьи, и это тяготило их»[12]. О крупных раздачах денег сведений нет, но все наместники были оставлены на прежних местах.

Как отмечает ряд авторов, Хасан в течение двух месяцев не предпринимал никаких активных действий против Му‘авии[13], пытаясь склонить его к присяге мирным путем. До нас дошли тексты двух посланий Хасана и ответов на них, но полностью доверять им не приходится, так как в них чувствуются отзвуки более поздних представлений, внесенных редакторами-историками. Во всяком случае, текст, приводимый ал-Куфи, явно сокращен при переписке и, возможно, скомпонован из двух посланий[14].

Получив отказ Му‘авии от присяги, Хасан отправил второе послание, в котором обосновывал особые права Алидов и отвергал претензии Му‘авии на власть. Несмотря на пространность, его стоит привести полностью, за исключением начала, в котором говорится о спорах, возникших после смерти Мухаммада. Оно интересно прежде всего тем, что в нем мы впервые встречаемся с развернутой аргументацией особых прав на власть «семьи пророка».

«...Потом мы привели курайшитам такие же доводы, которые те приводили арабам (т.е. родство с пророком), но не были они справедливы, как справедливы были арабы к ним*, и взяли себе это дело с меньшим основанием и справедливостью, чем было у арабов. А когда мы, люди семьи Мухаммада и его близкие (*авлийā’уху*), обратились к ним с доводами и требованием справедливости, то они все вместе принялись чинить нам обиды и козни и лишили нас назначенного Аллахом, а он — покровитель заступающийся! Удивляет нас притязание притязающих на наше право и власть пророка нашего, да благословит Аллах его и его род, — хотя они — люди, обладающие преимуществом и первенством в исламе. И отказались мы от споров с ними, опасаясь за религию, чтобы лицемеры и враги не нашли в них слабость, которой опозорят ее, или будет это для них способом причинить ей тот вред, которого они хотят.

А ныне удивляются люди твоему, Му‘авийа, притязанию на дело, которое тебе не принадлежит ни по известным заслугам,

---

* Когда согласились с курайшитами, что халиф должен быть из курайшитов, на том же основании близости к пророку Али имел больше прав на халифство, чем Абу Бакр

ни по похвальным делам в исламе: ты — сын супостата из супостатов (*ẖизб мин ал-аẖзāб*)[15], сын злейшего среди курайшитов врага посланника Аллаха, да благословит Аллах его и его род. Но Аллах разрушит твои надежды и отвергнет тебя и ты узнаешь, для кого потусторонние мучения. Клянусь Аллахом, ты скоро встретишься с Господом твоим и он воздаст тебе за то, что захватили твои руки, а Аллах не бывает несправедлив к своим рабам.

Воистину, в тот день, когда Али, да будет доволен им Аллах, ушел своим путем, да помилует его Аллах, в день, когда он был взят... мусульмане поставили меня управлять этим делом после него, и я прошу Аллаха, чтобы не запасся я в этом преходящем мире чем-то, что могло бы лишить меня в будущем мире его благосклонности.

Воистину, подвигла меня на это письмо к тебе моя безвинность перед Аллахом, Великим и Славным, в деле с тобой. А тебе бы надо сделать великое дело, в котором было бы благо для мусульман: откажись от своего упорства в ложном деле и войди в то, во что вошли люди, и присягни мне. Ведь ты знаешь, что у меня больше прав на это дело, чем у тебя, в глазах Аллаха и всех кающихся, хранимых и тех, кто сердцем обращается к Аллаху. Побойся Аллаха и оставь бесчинство, перестань проливать кровь мусульман, ведь, клянусь Аллахом, нет тебе добра в том, что ты предстанешь пред Аллахом с этой обильно пролитой их кровью. Войди в мир и покорность и не оспаривай дело у людей, которым оно принадлежит, и у того, кто имеет больше прав на него, чем ты, и да потушит Аллах этим злобу, и объединит речи, и уладит междоусобицу. А если ты в своем заблуждении не хочешь ничего, кроме унижения, то я приду к тебе с мусульманами и буду судиться с тобой, пока не рассудит нас Аллах, — а он — лучший судья»[16].

Здесь едва ли не впервые звучит мотив особого права членов «семьи пророка», в данном случае — Али и его потомков, на халифат. Ранее в полемике с Му‘авией Али обосновывал законность своей власти фактом избрания его по воле мухаджиров и ансаров, а не по праву рождения. Трудно поверить, чтобы Хасан так быстро сумел найти новый аргумент в доказательство законности власти ближайших родственников пророка, отсутствовавший в арсенале его более искушенного в политике отца. В то же время следует отметить отсутствие малейшего намека на наследование от пророка тайного завета, ставшего впоследствии важнейшим моментом шиитского учения об имамате. Пока речь идет лишь о праве на политическую власть, которая опирается на известное всем учение.

В ответ Хасан получил столь же обширное послание, в котором Му‘авийа не без сарказма разбивал все аргументы соперни-

ка. Его тоже стоит привести полностью, опустив лишь вводные славословия пророку.

«...Ты упоминаешь споры мусульман из-за этого дела после него (Мухаммада) и выдвигаешь обвинение[17] против Абу Бакра Правдивейшего, и Умара Распознающего, и Абу Убайды Надежного, и Талхи и аз-Зубайра, и непорочных мухаджиров, решение которых неприятно тебе, Абу Мухаммад. Но ведь когда община спорила об этом деле после ее пророка Мухаммада — да благословит его Аллах и да приветствует, — то знала, что курайшиты имеют в этом отношении больше прав, потому что ее пророк из их числа. Затем решили курайшиты и ансары, и достойные мусульмане, и верующие поручить это дело самому знающему об Аллахе и самому богобоязненному из них, самому первому из них в исламе и избрали Абу Бакра Правдивейшего, хотя и знали положение человека, который достойнее Абу Бакра, занявшего его место и защищающего достояние ислама, но отказали ему в этом.

Сейчас положение между мной и тобой такое же, какое было у них с ним. Если бы я знал, что ты тверже в делах подданных, и заботливее в отношении этой общины, и лучше управляешься, и коварнее с врагом, и сильнее во всех делах, то я передал бы тебе это дело после твоего отца, потому что я знаю, что ты претендуешь на то же, на что претендовал твой отец. Ты ведь знаешь, что твой отец вышел против нас и сражался с нами, а потом дело обернулось так, что он выбрал человека и мы выбрали человека, чтобы они вдвоем приняли решение, которым уладили бы дело этой общины, и возвратилось бы с его помощью дружелюбие и единение. И обязали мы обоих судей следовать в этом деле заветам Аллаха и верности ему, а они обязали нас делать то же, чтобы мы согласились с тем, что они решат. Потом они сошлись на отречении твоего отца и отрешили его. А поскольку ты призываешь меня к этому делу, добиваясь по праву твоего отца, а твой отец его лишился, то позаботься, о Абу Мухаммад, о самом себе и своей религии. И мир»[18].

Джундаб б. Абдаллах ал-Азди, доставлявший послание Хасана и ответ Му‘авии, посоветовал Хасану упредить соперника и начать готовить войско, чтобы сражаться на чужой территории. «Сделаю», — сказал Хасан и ничего не предпринял. А Му‘авийа между тем не терял времени: в Ираке действовали его агенты, которые информировали его о происходившем в стане Хасана и не упускали случая распускать деморализующие слухи. Двух из них, в Куфе и Басре, удалось поймать и казнить, что тоже вызвало переписку с Му‘авией[19]. Кроме того, Му‘авийа предпринимал попытки переманить на свою сторону некоторых наместников Хасана. Такое предложение получил Зийад б. Абихи, но

не удостоил Му'авию ответом и публично обозвал его в мечети «сыном пожирательницы печени» (см.: т. 1, с. 248, примеч. 73)[20].

Затем, то ли в ответ на очередное послание, то ли по собственной инициативе, Му'авийа предложил Хасану отказаться от халифата в его пользу (обещая сделать его своим преемником), а пока — забрать себе всю казну Куфы и ежегодно получать харадж с любого округа Ирака. Хасан ответил отказом, и Му'авийа стал готовить войско к походу[21]. Однако эти сведения должны относиться к несколько более позднему времени, так как упомянутые условия полностью совпадают с условиями договора об отречении Хасана.

Хасан спохватился только тогда, когда армия Му'авии переправилась через Евфрат у Манбиджа, примерно в 15 днях пути от Куфы. Худжр б. Ади был послан подтолкнуть наместников Ирака скорее прислать людей в Куфу, а сам Хасан выступил с речью в мечети. Он напомнил об обязательности войны за веру, сообщил о движении сирийцев на Ирак и приказал собраться для смотра войска в ан-Нухайле. Куфийцы ответили ему, как в свое время его отцу, молчанием. Ади б. Хатим стал стыдить малодушных и обратился к Хасану с уверениями в полной покорности его приказам. Хасан тут же сел на коня и поехал в ан-Нухайлу, приказав слугам привести туда все необходимое ему для похода. За Хасаном последовали верные Ади б. Хатим, Кайс б. Са'д, Ма'кил б. Кайс ар-Рийахи и Зийад б. Са'са'а, заверившие его, что поднимут людей в поход. Действительно, им вскоре удалось собрать достаточное число воинов, с которыми Хасан перешел из ан-Нухайлы в Дейр Абдаррахман, где пробыл еще три дня в ожидании пополнения[22].

Никаких дат, относящихся к обмену посланиями и выступлению в поход Хасана, в источниках не сохранилось. Если верить замечанию о двухмесячном бездействии Хасана, за которым последовал обмен письмами, потребовавший около месяца, то выступление Му'авии в поход придется на самое начало 41 г. х., т.е. на начало мая 661 г., а выступление Хасана из ан-Нухайлы — на конец того же месяца[23].

Из Дейр Абдаррахмана Хасан выслал авангард, который должен был прикрыть центральные районы Ирака и дать возможность собрать основные силы. Этот авангард насчитывал будто бы 12 000 человек, «каждый из которых стоил целого отряда»; командовать им был назначен Убайдаллах б. Аббас. Поведение его в Йемене, где он помешал организовать сопротивление Бусру, а потом позорно бежал, должно было предостеречь от назначения его на такой ответственный пост. Наказ Хасана слушаться советов Кайса б. Са'да не мог смягчить эту ошибку. Согласно

другой версии, Кайс командовал авангардом из 1000 человек[24], а не был бесправным советчиком Убайдаллаха.

Авангард прошел по левому берегу Евфрата до Анбара, а оттуда повернул к каналу Дуджайл, куда уже подходил Му'авийа. Оба войска стали лагерем около городка Маскин в 60 км севернее Багдада. В это время Хасан с остальным войском, которое вряд ли превышало 30 000 человек[25], двигался к ал-Мадаину, куда должны были подойти подкрепления из восточных областей. Во время остановки в Сабате произошли события, в корне изменившие ситуацию. Они излагаются историками непоследовательно и запутанно. Восстановить их ход удается лишь в самых общих чертах.

ОТРЕЧЕНИЕ ХАСАНА

Все источники сходятся на том, что во время пребывания Хасана в Сабате войско взбунтовалось и Хасан был ранен, но причины этого бунта указываются различно. По одной версии, в лагере Хасана распространился слух, что авангард у Маскина разгромлен и Му'авийа беспрепятственно движется на ал-Мадаин. В лагере началась паника, взбунтовавшиеся воины напали на ставку Хасана и разграбили его шатер[26]. По другой версии, бунт начался после того, как к Хасану в ал-Мадаин прибыла делегация от Му'авии во главе с Мугирой б. Шу'бой и после переговоров с Хасаном объявила о передаче им власти Му'авии[27].

Третья версия излагает события подробнее, логичнее и заслуживает большего доверия. Согласно ей, Хасан по прибытии в Сабат убедился, что большинство воинов не хочет сражаться[28], и во время утренней молитвы обратился с речью такого содержания:

«Клянусь Аллахом, я надеюсь, что по благости и милости Аллаха являюсь самым честным из его созданий по отношению к его созданиям, и не ношу ненависти ни к одному мусульманину, и не желаю зла или беды. И если то, что вам ненавистно в единении, лучше для вас того, что нравится вам в расколе, так ведь я и забочусь о вас больше, чем вы сами о себе. Не противьтесь моему приказу и не отвергайте моего решения. Да простит Аллах меня и вас и да направит меня и вас по истинному пути к тому, в чем любовь и согласие»[29].

Эта речь, несомненно, была больше и конкретнее, поскольку в некоторых ее версиях приводятся иные фразы, которые естественно было бы в ней ожидать. Так, в краткой ее версии у ад-Динавари имеется заключительная фраза, которая позволяет понять реакцию присутствовавших: «Я вижу, что большинство из

вас уклоняется от войны и боится сражений, а я не намерен вести вас к тому, что вам ненавистно»[30].

Туманные выражения этой речи вызвали недоумение у слушателей, и они стали спрашивать друг у друга: «Как вы думаете, что он хотел этим сказать?» Кто-то предположил, что Хасан намекает на желание замириться с Му‘авией и передать ему халифат. В войске было немало харуритов, простивших Хасану грехи отца за его готовность начать войну. Случайно высказанное предположение стало искрой, вызвавшей взрыв. Раздались возмущенные голоса: «Отрекся Хасан от религии (*кафара*), как отрекся от нее его отец!» Недовольные набросились на него, выдернули из-под него молитвенный коврик и содрали верхнюю одежду. От дальнейшей расправы его спасли приближенные, которые окружили его и вывели из мечети.

Хасан потребовал коня и поспешил в лагерь, где взбунтовавшиеся воины уже хозяйничали в его шатре. С помощью раби‘итов и хамданитов хариджиты и присоединившиеся к ним любители легкой поживы были разогнаны. Но дело этим не кончилось: когда Хасан поехал в Сабат, за стенами которого можно было чувствовать себя спокойнее, к нему подошел ал-Джаррах б. Синан ал-Асади, ветеран завоеваний в Иране и участник сражения при Нихавенде, схватил коня за узду и со словами: «Аллах велик, Хасан! Твой отец стал неверующим, а теперь ты?» — пронзил кинжалом ляжку Хасана до самого паха. Хасан ударил его мечом, не удержался, и они оба упали. Спутники Хасана поспешили ему на помощь, прикончили ал-Джарраха, подняли потерявшего сознание Хасана и отвезли в ал-Мадаин[31].

В этих событиях удивляет несоответствие реакции слушателей на довольно сдержанный тон речи. Причины этого были не вполне ясны даже историкам, близким ко времени этих событий. Сирийская историческая школа утверждала, что Хасан с самого начала не был настроен бороться за власть и лишь искал возможности продать свое отречение за бóльшую цену. Аз-Зухри писал: «Хасан не намеревался воевать, а хотел получить для себя от Му‘авии все, что возможно, а потом прийти к единению. И знал Хасан, что Кайс б. Са‘д не одобрит его решения, и отстранил его от командования, и назначил амиром Абдаллаха б. Аббаса»[32].

Иракские историки не отмечают никакой связи между назначением Ибн Аббаса (Убайдаллаха, а не Абдаллаха) командующим авангардом и желанием Хасана отречься в пользу Му‘авии. Единственным намеком на расхождения между Хасаном и Кайсом б. Са‘дом можно счесть обмен репликами между ними во время присяги. Кайс будто бы сказал: «Присягаю тебе с условием, [что будешь следовать] Книге Аллаха Великого и Славного и

обычаю его пророка и сражаться с нечестивцами (*мухиллӯн*)», на что Хасан ответил: «Книге Аллаха и обычаю его пророка — это стоит за всеми условиями»[33]. Это сообщение, предваренное у ат-Табари безличным «говорят», может свидетельствовать лишь о нежелании Хасана связывать себя обязательством добиваться признания своей власти с помощью оружия (если только это анонимное сообщение достоверно).

Все поведение Хасана до событий в Сабате: переписка с Му'авией (как бы ни была она обработана компиляторами), усилия по сбору войска, отправка сильного заслона навстречу сирийцам — говорит против утверждения о его изначальном намерении отречься на возможно более выгодных условиях. Иное дело, что его боевой дух стал быстро испаряться, когда он увидел, с какой неохотой иракцы собираются в поход. Своей речью в Сабате он хотел, скорее всего, устыдить колеблющихся, показав им, что из-за их нежелания воевать он вынужден будет отказаться от войны, но при этом не прозвучало даже намека на возможность отречения. Но воинствующей партии достаточно было упоминания о возможности отказа от войны, чтобы объявить Хасана предателем.

После этого о продолжении похода не могло быть и речи: Хасан вынужден был лежать в резиденции наместника ал-Мадаина, бывшем Белом дворце Сасанидов, залечивая свою рану[34], а войско тем временем, несомненно, сильно сократилось в численности. Любой человек на его месте задумался бы, стоит ли продолжать войну с такими силами. Многое теперь зависело от состояния наиболее боеспособной части войска, стоявшей под Маскином.

Известие о бунте войска и ранении Хасана не могло не сказаться на ее моральном духе; Му'авийа поспешил воспользоваться случаем для разложения противника. Верный своему принципу не лезть напролом, он стал действовать не силой, а подкупом. Сначала он посулил Кайсу б. Са'ду миллион дирхемов, если тот перейдет на его сторону, но Кайс отверг это предложение. Тогда он обратился с тем же к Убайдаллаху б. Аббасу и для убедительности сразу же переслал ему половину этой суммы, после чего тот с частью войска (будто бы 8000 человек) ушел ночью к Му'авии. Му'авийа был верен себе и, добившись цели, вторую половину обещанной суммы не отдал. Измену Убайдаллаха скорее всего можно отнести ко времени после получения письма Му'авии с сообщением о якобы смертельном ранении Хасана. Кайс б. Са'д остался командовать сильно уменьшившимся войском и даже, кажется, атаковал сирийцев[35].

К сожалению, нет возможности определить промежуток времени, отделяющий измену Убайдаллаха от ранения Хасана, по-

этому неясно, мог ли к этому времени Хасан оправиться настолько, чтобы предпринять какие-то активные действия для исправления положения. Му‘авийа не торопил события и не намеревался, пользуясь сложившейся обстановкой, решить дело с помощью оружия. Он понимал, что стоит ему свергнуть или убить Хасана, как иракцы сразу припомнят ему происхождение от злейшего врага пророка, и любое кровопролитие только усилит их волю к сопротивлению. Он предпочитал выждать, пока иракское войско, утомленное неопределенностью и разъедаемое всевозможными слухами, распространяемыми его лазутчиками, утратит всякую боеспособность и Хасану придется идти на переговоры о сдаче.

По сведениям ад-Динавари, Хасан, оправившись от ранения, вышел с оставшимися ему верными войсками на помощь Кайсу б. Са‘ду, осажденному в Анбаре (?). Навстречу ему был послан Абдаллах б. Амир, который обратился к воинам Хасана с призывом не проливать напрасно кровь, и они отказались от сражения. Хасан отступил в ал-Мадаин, Абдаллах б. Амир осадил его там и этим вынудил вступить в переговоры[36].

Некоторые источники объясняют решение Убайдаллаха б. Аббаса перейти на сторону Му‘авии дошедшими до него сведениями о намерении Хасана отречься[37]. Это несколько меняет возможную последовательность событий, однако, скорее всего, перед нами в данном случае версия, которая была призвана обелить одного из предков династии Аббасидов. Во всяком случае, выступление Хасана, в котором он известил о своем намерении отречься, прозвучало после измены Убайдаллаха.

«Иракцы! Что мне делать с вашими людьми, которые со мной? Вот письмо Кайса б. Са‘да, в котором он извещает меня о том, что ваши знатные люди (*ашрāфукум*) перешли на сторону Му‘авии. Клянусь Аллахом, какая мерзость с вашей стороны! Ведь это вы принудили моего отца в Сиффине к третейскому суду, а когда состоялось решение и вы узнали о нем, то выступили против. Потом он призвал вас снова сражаться с Му‘авией, но вы пренебрегли этим. А потом постигла его та милость Аллаха, какая постигла. Затем вы присягнули мне добровольно, без принуждения, и я принял вашу присягу и двинулся сюда. Аллах знает, что бы я сделал для этого, но было с вашей стороны то, что было. Иракцы, обойдусь я без вас и ваших наставлений мне в [делах] религии — я передаю это дело Му‘авии»[38].

Здесь мы снова остаемся в неведении, предшествовали ли этой речи какие-то переговоры или они начались лишь после того, как Хасан заявил о своем отречении публично. Сообщить Му‘авии условия отказа от халифата Хасан поручил Абдаллаху б. Науфалу, своему троюродному брату и сыну двоюродного брата

пророка. Источники расходятся в содержании этих условий. Согласно самому краткому перечню, их было три: 1) Хасан получит 5 млн. дирхемов из казны Куфы; 2) в дальнейшем будет получать годовой харадж Дарабджерда; 3) в его присутствии имя Али не должно сопровождаться проклятиями. Эти условия, характеризующие Хасана как человека, думающего только о своем кармане, соответствуют словам аз-Зухри, что Хасан хотел только получить от Му'авии все, что возможно[39]. Однако это опровергается другими сведениями. Согласно наиболее подробному сообщению о переговорах у ал-Куфи (судя по ссылке у Ибн Абу-л-Халида — восходящей к ал-Мадаини), Абдаллах б. Науфал сказал Му'авии: «Он вручает тебе это дело с условием, что после тебя власть перейдет к нему, ему ежегодно из казны пять миллионов дирхемов и харадж Дарабджерда и что все люди будут в безопасности друг от друга».

Му'авийа был хорошим политиком, т.е. прежде всего — реалистом. Его не смутили большие финансовые требования, которые в любом случае были меньше расходов на затяжную войну, и он сделал красивый жест: приказал принести чистый лист, подписал его, поставил свою печать и вручил Абдаллаху б. Науфалу со словами: «Отдай его Хасану, и пусть он впишет в него все, что пожелает».

Абдаллах б. Науфал вернулся в ал-Мадаин в сопровождении сирийской делегации. Узнав о согласии Му'авии на все условия, Хасан будто бы сказал: «Что касается власти после него, то я ее не желаю; если бы я ее хотел, то не отдал бы ее ему, а что касается денег, то не годится Му'авии выделять меня из мусульман. А без этого я подпишу»[40].

Это высказывание вызывает недоумение: если Ибн Науфал передавал Му'авии требования Хасана относительно денег и наследования власти, то отказ был бы бессмысленным. Кроме того, из этого рассказа следует, что Хасан должен был вписывать в чистый лист условия, сформулированные Му'авией, а не собственные. Видимо, рассказ о «чистом листе» является плодом стараний проумаййадски настроенных историков[41], и прав ад-Динавари, который говорит, что Му'авийа выслушал Абдаллаха б. Науфала, тут же велел записать условия Хасана, а затем скрепил своей подписью и печатью, так что Хасану оставалось лишь подтвердить соглашение второй подписью[42].

В окончательном варианте в соглашение вошли следующие пункты: 1) Му'авийа будет следовать Книге Аллаха и обычаю его пророка; 2) Му'авийа не назначает преемника, а передает решение о нем совету мусульман; 3) всем людям повсюду гарантируется неприкосновенность; 4) неприкосновенность гарантирована всем сторонникам Али и его приверженцам (*шӣ'а*), им самим, их

имуществам, женам и детям; 5) Хасану, его брату Хусайну и всей семье пророка не будет причиняться вреда ни явно, ни тайно, где бы они ни были. Это соглашение было подписано свидетелями с обеих сторон[43].

Первое условие соглашения было общим местом в формулировках позиции самых различных группировок и не содержало никакого конкретного смысла, служило чем-то вроде свидетельства о чистоте намерений. Условие избрания преемника советом вместо предварительно ставившегося условия передачи власти Хасану могло появиться в ходе дискуссии между сторонами. Если Хасан вначале настаивал на наследовании власти, то после предложения о передаче решения совету продолжать настаивать на этом ему было трудно.

Отсутствие упоминания денежных компенсаций в этом тексте не должно удивлять. Если одна сторона старалась представить Хасана корыстолюбцем, с самого начала готовым продать первородство за хорошее вознаграждение, то другая поступала прямо противоположно. Вероятно, именно поэтому ал-Исфахани в «Убиениях Талибидов» упоминает лишь условие амнистии всем сторонникам Али[44]. Условия денежной компенсации тоже заслуживают особого рассмотрения. Предложение о передаче 5 млн. из казны Куфы выглядит странно — Хасан был полным хозяином сокровищницы Куфы и мог забрать все, что в ней находилось, без согласия Му‘авии. Возникает подозрение, не является ли указанная сумма именно той, которая собиралась с Дарабджерда, ведь по договору 27/648 г. этот округ должен был платить именно 5 млн. дирхемов[45]. При передаче информации упоминание хараджа Дарабджерда могло отделиться от суммы, которую потом естественно отнесли к сокровищнице Куфы.

Договор, обеспечивший примирение мусульманской общины и объединение государства, был враждебно встречен всем окружением Хасана. Его решительно отверг Хусайн. Хасан оправдывался тем, что хотел прежде всего дать мусульманам отдохнуть от войны. Глядя из нашего далека, можно согласиться с Хасаном, что в той ситуации продолжение войны было бессмысленным. Конечно, проявив больше упорства, он мог оттянуть развязку, заплатить за продление агонии власти несколькими тысячами жизней, добившись лишь более бесславного конца.

Подписав соглашение, Хасан известил о нем Кайса б. Са‘да. Кайс оповестил об этом воинов и спросил, хотят ли они сражаться без имама или присягнут неправедному имаму и прекратят войну. Большинство предпочло последнее. Кайс вынужден был подчиниться их воле, но не признал Му‘авию[46].

После подписания соглашения Хасан и Му‘авийа с двух сторон направились в Куфу, туда же повел своих воинов и Кайс б.

Са‘д. В Куфе должен был состояться официальный публичный акт присяги Хасана и всех иракцев новому халифу. Вступление Му‘авии в Куфу датируется с разбросом в три месяца: от раби‘ I до джумады I. Наиболее вероятная дата подписания договора — воскресенье 21 раби‘ I/25 июля 661 г., а вступления Му‘авии в Куфу — 25 раби‘ I/29 июля[47].

По-видимому, как всегда, публичной присяге в мечети предшествовала индивидуальная предварительная присяга лидеров, которая должна была предотвратить возможные конфликты на людях. Кое-кто отказывался от присяги или давал ее в уклончивой форме, как Кайс б. Са‘д, который не пожелал протянуть руки Му‘авии, и тому пришлось самому коснуться его руки. По другим сведениям, он потребовал, чтобы Хасан сначала освободил его от прежней присяги. Решительно отказался присягать Хусайн; Му‘авийа, послушавшись совета Хасана, не стал его принуждать[48].

О том, как протекала присяга в мечети, сведений не имеется, а речь, будто бы произнесенную Му‘авией при этом, приводит только ал-Куфи, и она явно относится не к той торжественной ситуации. Он будто бы завершил ее словами: «Я дал вам обязательства (*шурӯт̣*), которыми хотел достичь дружелюбия, единения речей, улажения дела общины и потушить огонь. А теперь, когда Аллах сделал едиными наши речи и принял наши молитвы, то все обязательства, которые я взял перед вами, — отвергнуты, а все обещания, которые я кому-нибудь дал, — растоптаны*». Эта речь будто бы вызвала такое недовольство, что Му‘авийа раскаялся в сказанном, а на Хасана посыпались упреки, что он не сумел письменно скрепить достигнутые договоренности[49].

Эта концовка совершенно не согласуется с той осторожностью и снисходительностью ко вчерашним врагам, которую, судя по другим свидетельствам, проявил Му‘авийа. По порядку изложения у ал-Куфи этой речи предшествовало выступление Хасана, которое, по мысли Му‘авии (будто бы подсказанной Амром б. ал-Асом), должно было развеять у куфийцев последние сомнения относительно отречения. Текст его приводится в столь различных вариантах, что цитировать здесь какой-то один из них не имеет смысла. Объединяет их общая мысль, что Хасан поступается своим законным правом на власть ради блага общины, но между реальной политической властью и высшим духовным правом на власть нет ничего общего[50]. Эта идея, одна из важнейших в шиитской идеологии, могла быть вложена в уста Хасана позднее.

---

* Букв «под моими ступнями»

Отречение Хасана вызвало недовольство большинства сторонников его и его отца. Как оскорбление расценивали они то, что внукам пророка приходится сидеть у ног Му'авии, когда тот во время речей в мечети сидит на минбаре. Поступок Хасана воспринимался ими как личная обида, и никакие доводы не могли примирить их с отречением. Кое-кто вместо «повелителя верующих» стал издевательски титуловать его «унизителем верующих». Случившееся развело сторонников Хасана на две неравные части: те, для кого он был просто законным главой государства, смотрели на смену власти как на прискорбный, но реальный факт, с которым необходимо смириться, для тех же, для кого Али и Хасан были духовными лидерами не по праву избрания, а по праву родства, он. несмотря ни на что, остался имамом, достоинство которого, исходящее от Аллаха, никем не может быть умалено или отменено.

Эти его сторонники, прежде мало отличавшиеся от тех, которые были у Усмана, Му'авии или Талхи с аз-Зубайром, и равно называвшиеся «ши'а такого-то», превратились в религиозно-политическую партию, объединенную идеей, а не конкретной целью, слово же *шӣ'а* стало трансформироваться в термин, означающий сторонников наследственной власти потомков Али над мусульманской общиной[51]. И чем дальше были сторонники этой идеи от живых реальных членов этой семьи, тем более сверхчеловеческими чертами они их наделяли. Видимо, именно поэтому наиболее крайние формы шиизма, вплоть до обожествления, развивались вдали от Медины, где имамов знали как обыкновенных людей с самых малых лет.

Превращение политического движения в религиозное учение еще только начиналось, а пока живой и не божественный второй имам Хасан долечивал свою рану и собирался покинуть негостеприимную и лукавую Куфу, обманувшую надежды его и его отца, оставляя ее и ее проблемы на Му'авию.

НА ТРУДНОМ ПУТИ К ЕДИНЕНИЮ

Официальная передача власти и присяга куфийцев, а за ними и жителей провинций еще не означали всеобщего признания свершившегося факта. Среди наместников дальних провинций, да и в Ираке, могли найтись решительные противники соглашения, и уж, конечно, смириться с ним не могли хариджиты, для которых Му'авийа и до соглашения с Хасаном был кровным врагом. Они не признавали его, когда он был в далеком Дамаске, и тем более не могли терпеть в родном Ираке.

Первым, сразу же после присяги Му'авии, выступил Фарва б. Науфал, находившийся в Шахразуре с 500 сторонниками. Узнав о переходе власти к Му'авии, он заявил: «Вот пришел тот, в чьем деле мы не ошибемся и не сомневаемся, что правота — в сражении с ним», — и появился со своим отрядом у ан-Нухайлы.

Хасан в это время уже выехал из Куфы в Медину. Му'авийа не хотел расправляться с иракцами своими руками, чтобы не возбуждать лишнюю враждебность, и решил, что лучше всего поручить расправу с хариджитами Хасану, который не откажется отомстить за отца. Гонец нагнал Хасана около Кадисии, но тот решительно отказался: «Если бы мне пришлось выбирать, с кем из людей киблы* сражаться, то я выбрал бы тебя, но я отказался от этого ради улажения дела этой общины и умиротворения ее и прекращения пролития ее крови — так неужели я буду сражаться заодно с тобой?!»[52].

Му'авии пришлось послать против Фарвы сирийскую конницу, но, видимо, численность отряда была невелика, поскольку полтысячи хариджитов смогли нанести ему поражение. Посылать бóльшие силы было рискованно во всех отношениях. Му'авийа предпочитал усмирить иракцев руками иракцев. Он призвал куфийцев выступить против хариджитов, но они ответили ему так же, как Хасану, — молчанием. Тут-то он сорвался и выступил с угрозой отказаться от своих обязательств. Текст его речи по ал-Мадаини (в передаче Ибн Абу-л-Хадида) звучит совершенно иначе, чем у ал-Куфи (кроме фразы об отказе от обязательств): «Куфийцы! Неужели вы считаете, что я сражался с вами из-за [мусульманской] молитвы, заката и хаджжа? Я знал, что вы молитесь, и платите закат, и совершаете хаджж. Нет, я сражался с вами ради того, чтобы властвовать над вами и надзирать за вами, и Аллах дал мне это, хотя вам это и ненавистно. Да только ведь не все окровавленные одежды и кровь отомщены, и все обязательства, взятые мной, — вот они — под этими ступнями. Людей могут привести к порядку только три вещи — выдача жалованья, как следует, возвращение войска в свое время и война с врагом на его земле. Если вы не нападете на них, то я нападу на вас»[53].

Куфийцы поняли, что Му'авийа шутить не будет, и вышли против хариджитов во главе с Халидом б. Урфутой ал-Узри, ветераном завоевательных походов. Хариджиты стали стыдить их, напоминая, что у них есть общий враг — Му'авийа, надо сначала вместе справиться с ним, а уж потом разбираться между собой. После перестрелки, а может быть, и столкновения куфийцам удалось убедить Фарву сдаться, с ним ушли в Куфу еще несколь-

* «Люди киблы» — мусульмане.

ко предводителей, нашедших себе влиятельных покровителей. Оставшихся возглавил Абдаллах б. Абу-л-Хауса ат-Тайийи'и и погиб вместе с ними в бою в джумаде I 41/сентябре 661 г. Эта дата позволяет определить время отъезда Хасана из Куфы[54].

В ответ на подавление этого восстания в джумаде II/октябре к Куфе подошел из Бараз Руза Хаусара б. Вада' ал-Асади с отрядом в 150 человек. Он также был разгромлен куфийцами: 100 человек были убиты, а остальные сдались и возвратились в Куфу[55].

Хариджитское движение было пестрым по составу: наряду с фанатично убежденными в своей правоте людьми в нем участвовали совершенно беспринципные люди с разбойничьими склонностями. Так, Шабиб б. Баджра, соучастник покушения на Али, чудом спасшийся от расправы, пришел к Му'авии и стал хвастаться участием в покушении, надеясь получить какой-нибудь подарок. Однако Му'авийа разгневался и ушел во внутренние покои, наказав привратнику никогда не пропускать к нему этого человека, даже гнать от дверей. По ночам этот «идейный противник» Али убивал и грабил запоздалых прохожих[56]. Не лучше были и многие другие.

Напряженная обстановка не выпускала Му'авию из Ирака, являвшегося ключом ко всей восточной части Халифата. Едва были разгромлены хариджиты под Куфой, как из Басры пришло сообщение, что ею завладел Хумран б. Абан, маула Усмана б. Аффана, который призывает присягать Хусайну. В раджабе/ноябре в Басру был послан скорый на расправу Буср б. Абу Арта. «Овладение» Басрой, как оказалось, заключалось в захвате резиденции наместника, остававшейся бесхозной после отъезда Абдаллаха б. Аббаса вместе с Хасаном в Медину, племенные же кварталы продолжали жить своей жизнью. При появлении Бусра повстанцы разбежались, и он беспрепятственно вступил в город.

Наутро Буср, выступая в мечети, позволил себе бранить Али. Один из влиятельнейших людей Басры, Абу Бакра, не выдержал и обозвал Бусра лжецом, добавив, что Али лучше и его, и того, кто прислал его в Басру. Охранники Бусра бросились на Абу Бакру с бичами, но один из присутствующих закрыл его своим телом, а затем оправившиеся от неожиданности басрийцы окружили Абу Бакру и вывели из мечети. Последствий этот инцидент не имел, так как Буср, располагавший небольшим отрядом сирийцев, не рискнул ворошить такое осиное гнездо, каким была Басра. Абу Бакра не забыл избавителя от бичевания и дал ему в пользование (*ақṭа'а*) 100 джарибов (около 15 га) земли[57].

Басра была важна не только сама по себе, но и как мост к восточным провинциям, в первую очередь к Фарсу, наместник

которого, Зийад б. Абихи, не желал признать Му'авию. Му'авийа потребовал от него присылки положенной доли хараджа, на что тот ответил, что все положенное переслал покойному халифу, а остальное израсходовал на местные нужды. Тогда Буср, чтобы выманить Зийада из Истахра, прибег к надежному средству: приказал схватить трех его несовершеннолетних сыновей, живших в Басре, и пригрозил казнить их. Зийад не поддался на эту угрозу, а мальчиков спас их дядя, Абу Бакра, помчавшийся в Куфу к Му'авии. Абу Бакра пристыдил его: «Мы не на том тебе присягали, чтобы ты казнил детей». Му'авийа дал ему письмо к Бусру, в котором запрещал казнить сыновей Зийада. Абу Бакра за трое суток одолел четыреста километров до Басры и успел предотвратить казнь[58].

Му'авийа покинул Куфу только в самом конце 661 г. Сначала он намеревался оставить наместником Куфы Абдаллаха, сына Амра б. ал-Аса, но Мугира б. Шу'ба, мечтавший занять этот пост, объяснил ему, что назначить сына в Куфу, когда отец управляет Египтом, все равно что оказаться между челюстей льва. Му'авийа понял намек и назначил на это место Мугиру. Абдаллах догадался, откуда дует ветер, и отплатил той же монетой, сказав халифу, что доверить Мугире ведать хараджем — значит не досчитаться денег. Му'авийа прислушался и к этому совету, назначив ведать хараджем Куфы другого человека[59].

Басрой в течение полугода, т.е. до апреля 662 г., продолжал управлять Буср, затем он был отозван в Сирию, где шла подготовка к войне с Византией[60]. На его место Му'авийа собирался поставить своего брата Утбу, но этот пост выпросил себе Абдаллах б. Амир, ссылаясь на то, что в Басре у него большие поместья, которые без его догляда придут в упадок[61]. Абдаллах тоже был своим человеком и к тому же при Усмане уже управлял Басрой и знал местные условия, так что у халифа не было причин отклонять его просьбу.

Это наместничество не было синекурой. За шесть лет гражданской войны племена и племенные вожди привыкли полагаться только на себя и подчиняться наместникам лишь настолько, насколько это совпадало с их собственными интересами. Наместники же, располагавшие незначительными полицейскими силами, не могли с их помощью справиться с городской вольницей. Воры и бандиты хозяйничали по ночам на улицах, разбойники терроризировали путников на дорогах. Как мы видели, при Али они убили в Ираке наместника Хорасана, ехавшего к месту назначения, хотя при нем, несомненно, был значительный эскорт. При Хасане положение могло только ухудшиться.

Абдаллах б. Амир оказался неспособным применить жесткие меры для наведения порядка и не прибегал к таким наказаниям,

как отрубание рук за воровство, говоря: «Как я буду смотреть на человека, отцу и брату которого я отрубил руки»[62]. Скорее всего это объяснялось не его мягкосердечием, а боязнью настроить против себя могущественные кланы, которые могли стоять за наказанными.

В этой обстановке ему еще предстояло восстанавливать власть мусульман в восточных областях Хорасана и Сиджистана, которые за последние два года вновь обрели независимость. В Хорасан Му‘авийа сначала назначил подчиненного только ему наместника, Кайса б. ал-Хайсама ас-Сулами. Он оказался то ли некомпетентным администратором («...не трогал отступников и брал налоги с соблюдавших договор»), то ли слишком корыстолюбив и не все, что нужно, отсылал в Дамаск, во всяком случае, через год Му‘авийа переподчинил его Ибн Амиру[63].

Сиджистан с самого начала был подчинен Ибн Амиру. В 42/662-63 г. он послал туда для восстановления власти арабов Абдаррахмана б. Самуру. Тот прошел через весь Сиджистан, а затем через Буст и Руххадж с боями пробился до Кабула. Участие в походе таких, ставших позднее знаменитыми, людей, как Хасан ал-Басри и ал-Мухаллаб б. Абу Суфра, расцветило рассказ о нем легендарными деталями, особенно красочными в поздней персидской передаче[64].

Совершенно независимо от центральной власти, на свой страх и риск с 39/659-60 г. на западную окраину Индии совершал набеги ал-Харис б. Мурра ал-Абди. В 42/662-63 г. он был убит, и Ибн Амир послал туда Рашида б. Амра ал-Джудайди[65].

Активизировались действия арабов и на западных рубежах Халифата. Пока Му‘авийа был занят борьбой с Али и Хасаном, ему приходилось соблюдать перемирие с византийцами, купленное в 657 или 658 г. ценой ежегодной уплаты императору значительной дани деньгами и натурой. Феофан, сообщающий об этом договоре, говорит об условии выплаты за каждый день 1000 динаров, одного коня и одного раба[66]. Это буквально совпадает с условиями мирного договора, заключенного спустя четверть века Абдалмаликом, что заставляет несколько скептически отнестись к абсолютным цифрам, но во всяком случае договор был достаточно унизителен для арабов. Понятно, что при первой возможности Му‘авийа постарался прекратить выплаты и этим возобновил состояние войны. Решиться на это он мог после возвращения в Сирию (в ноябре—декабре 661 г.).

Обстановка в Византии благоприятствовала Му‘авии: Констант II в 661 г. покинул Константинополь и основное внимание стал уделять италийским проблемам, надеясь укрепиться в западной части империи[67]. Со следующего года и у Феофана, и у арабских историков систематически упоминаются военные дей-

ствия в Малой Азии и Армении, о которых подробнее будет сказано в следующей главе.

За годы противоборства двух претендентов на Халифат были утрачены многие позиции и в Северной Африке. Триполитания и даже Барка вышли из-под контроля наместников Египта. Одним из первых мероприятий Амра б. ал-Аса после утверждения в Египте стала посылка им в 41/661-62 г. своего двоюродного брата по матери, Укбы б. Нафи' ал-Фихри, в поход на Ливию и Маракию (район южнее Барки). Утвердив свою власть в этой области, Ибн Нафи' на следующий год продолжил поход и дошел до Гадамиса[68].

Такими были первые положительные для Халифата результаты политического единения, достигнутые благодаря уступчивости Хасана, сломленного обстоятельствами или движимого искренним желанием избавить собратьев по вере от ужасов братоубийственной войны. Как бы то ни было, объективно он совершил благое дело для своих единоверцев. Однако политическое единение не означало возврата к прежнему состоянию мусульманского общества. Изменения мало коснулись материальной стороны — военные действия захватили ничтожную часть государства, подавляющее большинство населения, иноверцы, жившие вне узкой зоны военных столкновений соперников, не было затронуто страстями, кипевшими в мусульманской среде в Сирии, Ираке и Мекке и Медине. Война не разрушила производительные силы и даже не потребовала больших дополнительных расходов, во всяком случае, христианские авторы не говорят об увеличении в это время налоговых тягот и о каких-то чрезвычайных поборах.

Но внутренняя жизнь мусульманской общины была навсегда изменена шестилетней гражданской войной, происшедший во время нее духовный раскол так и не был никогда преодолен, она уничтожила табу на убийство мусульман мусульманами, открыв путь дальнейшим междоусобицам, и разрушила слитность религиозного и политического авторитета главы государства. Последнее не означало разделение власти на светскую и духовную. Формально, а для большинства мусульман и реально, халиф объединял в своем лице и то и другое, но появилось убеждение, что можно признавать политическую власть халифа, не признавая его религиозного авторитета, и почитать иных духовных лидеров. Более того — появилась непримиримая и беспощадная внутриисламская оппозиция в лице хариджитов.

Глава 4

ХАЛИФАТ МУ‘АВИИ

ХАРАКТЕР НОВОГО ПРАВИТЕЛЯ

Новый, шестой по счету, халиф был немолод, под шестьдесят, и неказист на вид: коренаст, коротконог, с непропорционально большой головой, большие глаза навыкате придавали лицу грозное выражение, а любовь поесть добавила к этому большой живот и толстый зад; он умел ценить острое слово и заразительно хохотал, трясясь всем телом и заваливаясь на спину[1].

В отличие от своих предшественников, он пришел к высшей власти с богатым административным и политическим опытом, накопленным за 20 лет управления Сирией и Палестиной. Кроме того, прожив столько лет в одной из наиболее развитых областей Средиземноморья, он обладал значительно более широким культурным горизонтом по сравнению с теми халифами, которые не покидали пределы Аравии.

Характеризовать Му‘авию как человека непросто в силу предвзятости информации, исходившей либо от шиитов или аббасидских историков, стремившихся его очернить, либо от сирийских почитателей Му‘авии, превращавших его в идеального правителя[2]. Противопоставление его «праведным» халифам и его правления как светского царствования (*мулк*) правлению предшественников, основанному на религиозном принципе, не выдерживает критики. Конечно, он был сыном врага Мухаммада, но отец искупил свою вину перед исламом, потеряв зрение в сражении при Йармуке; конечно, его старший брат Ханзала погиб, сражаясь против Мухаммада при Бадре, но его сестра Умм Хабиба Рамла была одной из первых мусульманок и женой пророка. Му‘авийа поздно принял ислам, но затем по крайней мере два года был секретарем Мухаммада и записывал его откровения, а впоследствии с его слов передавали хадисы, не подвергая сомнению их достоверность. Правда, секретарство Му‘авии позволило потом Умаййадам и их сторонникам распространять хадисы, в которых доказывалось уважительное отношение пророка к Му‘авии[3].

Му‘авийа, будучи халифом, представлял весь обширный клан внуков и правнуков Умаййи, в котором прежде не играл перво-

степенной роли. Прочность положения в тогдашнем обществе помимо официального статуса и богатства определялась еще и численностью того круга мужских родственников, который обозначался понятием *'аш̄ӣра*, включавшим в себя братьев, их сыновей и внуков. В этом отношении позиция Му'авии была не особенно сильна. У него было шесть братьев, двое из которых давно умерли (Ханзала, как сказано, был убит, а Йазид умер от чумы, не оставив сыновей), а остальные жили в Медине; двое из них, Утба и Мухаммад, были с Му'авией при Сиффине, два других в этой связи не упоминаются. Определенных данных нет, но, похоже, говорить о дружном клане сынов Абу Суфйана не приходится.

Семья самого Му'авии была сравнительно невелика. Не в пример многим высокопоставленным современникам, по многу раз женившимся и разводившимся, он женился лишь четыре или пять раз[4], а в описываемое время имел лишь двух жен (были, конечно, еще и наложницы, но они в счет не шли, и биографы их редко упоминали); одна из них, курайшитка Фахита бт. Караза, родила двух сыновей, первый из них, Абдаррахман, по которому Му'авийа носил кунйу Абу Абдаррахман, умер в младенчестве, второй, Абдаллах, был болезненным и слабоумным. Вторая жена, Майсун, дочь вождя куда'итов Бахдала б. Унайфа ал-Калби (бану калб входили в группу куда'а), родила единственного сына, на которого он мог надеяться, Йазида. В 661 г. ему исполнилось 15 лет, так что опорой отцу он мог стать лишь через несколько лет.

Отсутствие других сыновей породило легенды, связывавшие это с хариджитским покушением. По одной из них, мечом была повреждена «совокупительная жила» *('ирк̣ ан-ник̄ах̣)*, согласно другой — врач, опасаясь, что меч был отравлен, предложил два средства: одно из них болезненное, а второе — безболезненное, но ведущее к бесплодию, Му'авийа выбрал второе, сказав: «Есть у меня Йазид, и мне достаточно»[5]. Действительно, все сыновья и четыре дочери родились до покушения, только не надо забывать, что к тому времени ему было под шестьдесят.

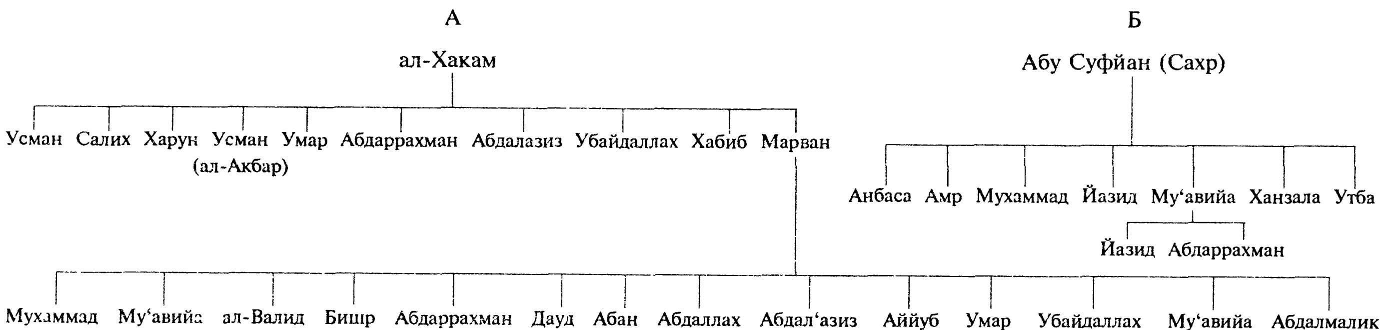
Насколько можно судить по генеалогическим сочинениям, мужское потомство братьев Му'авии было также сравнительно невелико: в общей сложности число сыновей и внуков Абу Суфйана не превышало полутора десятков человек, тогда как параллельный род ал-Хакама был вдвое больше: за спиной его главы, Марвана б. ал-Хакама, стояло 12 сыновей и 8 братьев с племянниками. Марван не сразу смирился с необходимостью признать первенство Му'авии: как мы видели, он после гибели Усмана не искал у него поддержки, а присоединился к Талхе и аз-Зубайру и лишь после их гибели стал искать покровительства

Таблица 1

Генеалогическое древо Умаййадов

АБДШАМС

- Хабиб
- Абдал‘узза
- Науфал
- Абдумаййа
- Умаййа (ал-Асгар)
- Раби‘а
- Абдаллах
- Умаййа (ал-Акбар)
  - Абу-л-Ис
    - Асид
  - Суфйан
  - ал-Ас
    - Ухайха
    - Са‘ид
      - Амр (ал-Ашдак)
  - Анбаса
  - Абу-л-Ас
    - ал-Хакам [А]
    - Аффан
      - Усман
    - Мугира
  - Абу Харб
  - Абу Амр
  - ал-Ис
  - Харб
    - [Б] Абу Суфйан
      - Му‘авийа
    - ал-Харис
  - Амр

у своего троюродного брата, хотя и не упускал случая подчеркнуть многочисленность своего рода[6].

Му'авийа предоставил ему почетный пост наместника Медины, который, впрочем, по реальной значимости не мог сравниться с наместничеством Египта, Куфы или Басры. Правда, несколько позже Му'авийа поручил ему дополнительно управление Меккой и Таифом. Примечательно, что своим родным братьям Му'авийа не предоставил ни одного значительного поста, предпочитая родственникам чужих, но дельных людей. Лишь первые два года его правления братьям поручалось руководить паломничеством, что было почетно, но не требовало особых талантов.

Можно представить, что единственный сын, способный стать преемником, должен был пользоваться особой любовью и вниманием отца. С одной стороны, он получил обычное мусульманское образование: изучал Коран, заучивал хадисы со слов отца и близких к нему сподвижников пророка, от отца же мог он получить знание курайшитских генеалогий; с другой стороны, у своих бедуинских родственников он постигал искусство верховой езды и тонкости поэтического творчества, впитывал бедуинские обычаи и представления, а вместе со стихами и пением приобщался к винопитию, в котором недавние христиане, калбиты, не видели особого греха. Вместе с тем их общество приучало без излишнего почтения относиться к мусульманским ценностям. Мировоззрение Йазида складывалось в полном соответствии с бедуинским представлением, что душевные качества человек наследует не от отца, а от брата матери (*х̱āл*).

И до Му'авии многие курайшиты женились на калбитках, калбитками были две жены Усмана (в том числе Наила), существенная разница заключалась в том, что Му'авийа жил в окружении калбитов, в стране, где они господствовали. Их родственная поддержка обеспечивала ему устойчивость и политическое долголетие. В ответ он отличал их высокими жалованьями, подарками и почетными местами на своих приемах[7].

При всей значимости поддержки калбитов главной причиной устойчивости его положения были все-таки личные качества: талант выбирать людей, на которых можно опереться, умение обращать в свою пользу слабости людей и не обращать внимания на мелкие уколы или неучтивости, если они не затрагивали главного — его власти. Му'авийа будто бы сказал в ответ на вопрос, как он может спустить человеку, который был с ним груб: «Я не мешаю людям и их языкам, пока они не мешают нам и нашей власти»[8]. Все средневековые авторы отмечают его снисходительность к мелким проступкам и разумную сдержанность (*х̣илм*): «Когда он слышал от человека неприятное, то отрезал

ему язык подарками или прибегал к хитрости, посылая его на войну командующим. Большинство его поступков было уловками и хитростью». Сам он говорил о себе: «Я не применяю меча там, где мне достаточно бича, и не применяю бича там, где мне достаточно языка. Даже если бы меня связывала с людьми одна волосина, и то я не порвал бы ее: если бы они потянули ее, я бы ее отпустил, а если бы они ее отпустили, то я потянул бы ее»[9].

Этот прием, хорошо известный удильщикам, в большинстве случаев срабатывал и в политике Му‘авии. Он старался не создавать лишних врагов и был сдержан даже по отношению к явным врагам. Так, когда делегация мединцев, приехавших выразить верноподданнические чувства, привезла с собой в качестве материального доказательства преданности Абдаллаха, сына одного из героев Сиффина, Хашима б. Утбы, и Амр б. ал-Ас стал настаивать на его казни, говоря, что от змеи родится только змея, Му‘авийа ограничился заточением его в темницу, заметив: «Не вижу в помиловании ничего, кроме добра»[10]. На его решение мог повлиять полный достоинства ответ Абдаллаха на брань Амра, а может быть, и желание одернуть своего слишком возомнившего о себе советника. О некоторой настороженности по отношению к нему может свидетельствовать упоминавшийся в конце предыдущей главы отказ назначить сына Амра наместником Куфы.

Умение балансировать между интересами противоположных сторон хорошо демонстрирует такой эпизод: Буср б. Абу Арта в присутствии Зайда б. Умара (сына халифа Умара и внука Али) стал бранить Али, Зайд ударил его палкой по голове до крови. Му‘авийа не встал на сторону своего верного Бусра, а выговорил обоим: Зайду за то, что ударил «саййида сирийцев», а Бусру сказал: «Ты бранил Али, который его дед, и к тому же он — сын амира верующих Умара, неужели ты думал, что он стерпит это?» Горечь выговоров он подсластил потом подарками **обоим**[11].

Этот эпизод заставляет с сомнением отнестись к широко распространенному мнению, будто Му‘авийа ввел проклинание Али с минбаров соборных мечетей, особенно если учитывать его уважительное отношение к Хасану, хотя Хасан и позволял себе иногда шпильки в его адрес. Однажды на приеме (*маджлис*) у Му‘авии, где разговор перескакивал с одной темы на другую, Му‘авийа выразил удивление тем, что Аиша считает, будто он занимает пост халифа не по праву. Сидевший рядом с ним, но ниже, Хасан сказал: «Могу сообщить тебе и более удивительное, чем это». — «Что же?» — «А то, что ты сидишь в центре маджлиса, а я — у твоих ног». Му‘авийа расхохотался, а потом спросил, верно ли, что на Хасане лежит большой долг. Услышав, что на него перешел долг отца в 100 000 дирхемов, Му‘авийа распорядился погасить его и вдобавок дать лично Хасану еще 100 000 и

столько же ему — для раздачи родственникам[12]. Этот рассказ прекрасно свидетельствует, как Му‘авийа умел «отрезать языки подарками».

Пожалуй, единственное прямое свидетельство проклинания Али в первые годы правления Му‘авии содержится в его наставлении Мугире б. Шу‘бе при назначении наместником Куфы: «Не уставай бранить и порицать Али и призывать милость и прощение [Аллаха] на Усмана, порочить сторонников Али, прогонять их и не прислушиваться к их жалобам»[13]. Но наставления подобного рода — наиболее ненадежная часть сведений средневековых источников, к тому же данный текст приводится без ссылки на информатора, который слышал бы это наставление своими ушами. Наконец, принимая его за достоверное, пришлось бы признать, что никакого указания на публичное проклинание в мечети не имеется, речь идет лишь об общем направлении политики. В других же случаях, где рассказывается о выступлениях сторонников Али против властей, мотив возмущения публичными проклятиями отсутствует.

Следует отметить еще одну черту характера нового халифа — его веротерпимость. Предшествующие халифы тоже не воздвигали гонений на иноверцев на подвластных территориях (что не исключало жестокостей во время завоеваний), но у них не было возможности, сидя в Медине, лично соприкасаться с христианским миром, в гуще которого 20 лет жил Му‘авийа. Его доверенным секретарем, ведавшим всей канцелярией, был христианин Сарджун (Сергий)[14]. В Дамаске действовали 12 церквей, и в праздники по его улицам шли крестные ходы, он, как мы видели, молился у христианских святынь Иерусалима, молился как мусульманин, но выказывал им почтение и, вероятно, имел представление о связанных с ними верованиях.

Христианство на Ближнем Востоке было представлено шестью независимыми друг от друга церквами: мелькитской, тремя монофизитскими (коптской, якобитской и армянской), монофелитской (маронитской), компромиссной между мелькитской и монофизитскими, и несторианской, распространенной на территории бывших сасанидских владений. Каждая из этих церквей имела своего главу, патриарха или католикоса. Коптский патриарх располагался в Александрии, якобитский патриарх, официально именовавшийся антиохийским, постоянной резиденции не имел, пребывая в той же обители, в которой монашествовал до избрания. В Антиохии же была резиденция мелькитского антиохийского патриарха. Иракские якобиты по традиции, идущей со времени их обособленности в Сасанидской империи, имели собственного главу, который хотя и не носил титула патриарха, но отдельно избирался иракскими епископами и имел резиден-

цию в Текрите. Несторианский католикос имел престол в Ктесифоне (ал-Мадаине). Иерусалимский патриарший престол, занимавшийся мелькитами, после смерти Софрония оставался вакантным в течение 29 лет, до 6-го года правления Му‘авии[15].

Как уже говорилось, с приходом арабов мелькитская церковь утратила статус государственной. Для мусульман все христиане были равны (наряду с иудеями). Но это не сняло остроты догматических разногласий между ними и острых диспутов о вере. Представители всех церквей старались заручиться поддержкой Му‘авии для ущемления своих противников, тем более что в материальных спорах между церквами суд чужого патриарха не имел бы силы, действенным могло быть только решение высшей светской власти.

Мусульмане в ту пору были еще далеки от религиозно-философских тонкостей, все споры вокруг халифской власти были чисто политическими, хотя и опирались на аргументы о чистоте веры и праве на власть того или иного претендента. Мусульманские источники не зафиксировали интереса к религиозным спорам христиан и не отмечают влияние их на формирование зарождавшегося мусульманского богословия. Тем более интересно упоминание анонимной маронитской историей присутствия Му‘авии на диспуте маронитов с якобитским патриархом Феодором и епископом из Киннашрина Себохтом в июне 658 г.[16]. Видимо, он выступал арбитром, так как по окончании диспута признал якобитов побежденными и обязал патриарха выплатить штраф в 20 000 динаров. Маронитский историк говорит, что якобитов обязали и в дальнейшем ежегодно выплачивать эту сумму с раскладкой по монастырям. Однако якобитские историки о такой дополнительной тяготе не упоминают. Отсутствие у них информации о проигранном диспуте не вызывает удивления, но о финансовых тяготах они, как правило, сказать не забывали, чтобы еще раз напомнить, что это — наказание за грехи. Конечно, молчание источника не аргумент в пользу отсутствия чего-либо, но в данном случае отсутствие упоминаний дополнительного обложения монастырей достаточно красноречиво на фоне утверждений якобитских историков о справедливости правления Му‘авии, бравшего только законные налоги[17].

Вряд ли Му‘авию можно признать авторитетом в решении христологических споров, которые к тому же скорее всего шли не на арабском, а на арамейском языке. Видимо, при нем были достаточно разбиравшиеся в сути спора люди, пояснявшие или переводившие ему аргументы сторон. Примечательно, что победу он присудил не якобитам, которые должны были ему быть ближе благодаря калбитским свойственникам, исповедовавшим прежде эту веру, а маронитам.

Можно думать, что обращение к халифу как к арбитру в межконфессиональных спорах не ограничивалось упомянутым случаем, поскольку западноевропейский паломник Аркульф, посетивший Иерусалим около 670 г., приводит легенду об обращении к Му‘авии христиан и иудеев за решением спора о реликвии, связанной с Иисусом. Появиться такая легенда могла только в том случае, если подобные разбирательства были обычным делом. Других сведений об отношении Му‘авии к иудеям нет ни в арабских, ни в еврейских источниках[18], возможно, в силу относительной малочисленности последних. Одно можно сказать, перефразируя известную поговорку: молчание источника — знак благополучия.

Жизнь Му‘авии в стране с преобладающим иноверческим населением, принадлежавшим к более высокой культуре, не только сделала его более веротерпимым, но и внушила иные представления о функциях и статусе правителя задолго до того, как он стал духовным главой общины. При всей доступности для рядовых арабов он научился держать дистанцию между собой и подданными. Хариджитские покушения 661 г. показали, что такая дистанция крайне необходима для безопасности, и она приобрела вещественное выражение в сооружении в мечети специального огороженного места для халифа, исключавшего возможность неожиданного нападения. Многие новшества, приписываемые Му‘авии, за которые его осуждали ревнители старины, относятся к годам его долгого правления, и о них речь пойдет позже. Здесь лишь важно отметить, что новый халиф во многом отличался от предшественников, рожденных в пустынной Мекке и возвысившихся в полусельской Медине.

БОРЬБА С ОППОЗИЦИЕЙ В ИРАКЕ

Мирная сдача Куфы и легкое подавление первых восстаний хариджитов не означали, что иракцы смирились с новым положением вещей. Брожение среди шиитов не прекращалось, и не исчезла питательная среда для хариджитской пропаганды.

Сторонники Али собирались друг у друга и вели крамольные речи, обсуждая прошлое и осуждая настоящее. Мугира знал об этих встречах, но смотрел на них спокойно, пока они не нарушали общественный порядок и разговоры не выносились из домов на публичное обсуждение в мечети. В крайнем случае слишком увлекающимся делал отеческое наставление не переходить границ. Вождя абдалкайс Са‘са‘а б. Сухана, открыто восхвалявшего Али и поносившего Усмана, он увещевал: «Берегись, чтобы

до меня не дошло, что ты порочишь Усмана при ком-то из людей. И берегись, чтобы до меня не дошло, что ты открыто заявляешь что-то о достоинствах Али. Ты ведь не упомянешь о достоинствах Али так, чтобы я не знал, нет — я узнаю об этом. А эта власть победила, и нам поставят в вину объявление людям его (Усмана) недостатков; нам приходится заявлять многое из того, что нам приказывают, и упоминать вещи, которых мы не можем избежать, защищая себя от этих людей скрытностью. И если ты будешь поминать его (Али) достоинства, то поминай их скрытно, среди своих людей, в своем доме. А прилюдно, в мечети, — этого халиф нам не спустит»[19].

Обращает на себя внимание доверительный тон увещевания — он идет не от представителя власти, а от своего, куфийца, который вынужден принимать чужие условия игры. Са‘са‘а обещал воздерживаться, но обещания не сдержал, тем не менее Мугира его не преследовал: как-никак Са‘са‘а и многие другие вожди шиитов принадлежали к верхушке общества и были для наместника своими людьми.

Опаснее для властей были хариджиты, они легче переходили от слов к делу и в деле бывали беспощадны. Поэтому в отношении их сходок Мугира проявлял меньшую снисходительность. Однажды, когда ему показалось, что собирающиеся становятся опасными, он послал стражников арестовать их. Большинству удалось разбежаться, схватили лишь двоих. Мугира не решился сам расправиться с ними и обратился к Му‘авии. Тот, верный принципу не плодить лишних врагов, велел их отпустить, если они никого не убивали и признают его халифом. При ближайшем рассмотрении один из задержанных оказался невменяемым (*маджнӯн*) и был отпущен. Второй же отвечал издевательски на все вопросы, и один из присутствовавших зарубил его. Впоследствии этого добровольного палача в свою очередь убил в отместку хариджит[20]. Этой-то цепной реакции казней и ответного террора и стремились избежать Мугира и Му‘авийа.

Такая снисходительность, понятно, иссякала, когда хариджиты от слов переходили к делу. Когда упоминавшийся в предыдущей главе Шабиб б. Баджра, не получив от Му‘авии подарка за участие в покушении на Али, стал промышлять в Куфе ночными грабежами, а потом сколотил шайку и перешел к разбою на большой дороге в ал-Куффе (севернее Вавилона), Мугира не задумываясь послал отряд конницы, которая быстро с ним расправилась[21].

Однако потушить хариджитское движение, подпитывавшееся постоянным притоком недовольных, оказалось невозможно ни снисходительностью к крамольным речам, ни решительным применением вооруженной силы к повстанцам.

В 663 г. недовольные стали собираться в Куфе вокруг участников нахраванской битвы: Салима б. Раби‘и, ал-Муставрида б. Уллафы, Му‘аза б. Джувайна и Хаййана б. Забйана. Заговорщики встречались в доме Хаййана и там же начали готовиться к восстанию. Рассказ о нем и его подавлении, восходящий к участникам событий, заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее.

В джумаде II/10 сентября — 8 октября 663 г. заговорщики выбрали своим руководителем ал-Муставрида и присягнули ему. Выступление было назначено на 1 ша‘бана/8 ноября. Мугире донесли об этом, и он послал стражников арестовать собравшихся в доме Хаййана. Но пока донос шел до Мугиры через начальника полиции, ал-Муставрид успел спрятать собранное оружие. Когда полиция нагрянула в дом, там кроме хозяина, Салима б. Раби‘и, и Му‘аза б. Джувайна было еще два десятка человек при мечах. Благодаря сметливости и расторопности жены-невольницы (*умм валад*) Хаййана, спрятавшей мечи под постелью, важная для обвинения улика была скрыта. Арестованные отрицали за собой какую-либо вину и утверждали, что собрались в таком числе, чтобы читать Коран. Мугира, конечно, не поверил этому объяснению и велел бросить арестованных в темницу.

Ал-Муставрид покинул Куфу и укрылся в одном из домов Хиры. Частые посещения его то пешими, то конными скоро привлекли внимание соседей. К счастью, сосед, зашедший полюбопытствовать, кто собирается в этом доме, пообещав молчать, сдержал обещание. Чтобы не испытывать дальше судьбу, ал-Муставрид возвратился в Куфу и укрылся в квартале бану абдалкайс у родственника своей жены, Сулайма б. Махдуджа.

Несмотря на все предосторожности заговорщиков, Мугире стало ясно, что готовится что-то серьезное, и он обратился к куфийцам с речью, в которой, напомнив о своей снисходительности, предупредил, что разумным людям придется отвечать за опасные действия своих неразумных сородичей, и посоветовал остеречь их. Ма‘кил б. Кайс встал и попросил назвать имена смутьянов. Мугира ответил, что не знает их, а затем созвал глав племен и потребовал выявить таковых. Са‘са‘а б. Сухан, если и не знавший, то догадывавшийся, кто скрывается на территории его племени, оказался в затруднительном положении: принять жесткие меры или указать место, где укрывался глава заговорщиков, он не мог, не вызвав внутреннего недовольства в племени, — право предоставления убежища было делом святым, но и рисковать, укрывая заговорщиков из числа врагов Али, ему было ни к чему. Са‘са‘а созвал глав родов, напомнил им преимущества, которые ислам дал арабам, отметил достойное поведение племени во время междоусобицы и заявил под конец, что ради

благополучия племени необходимо выявить людей, которые могут внести раскол в ряды общины.

Сулайм б. Махдудж тихо покинул собрание и предупредил ал-Муставрида об опасности. Тот, не желая подводить родственников, решил покинуть Куфу и передал своим товарищам, чтобы они пробирались мелкими группами к месту сбора в городке Сура около Вавилона. Сюда к нему собралось около 300 человек, с которыми он направился к ал-Мадаину.

Мугира стал готовить отряд для их преследования и призвал добровольцев, на призыв откликнулось много шиитов, в том числе Са'са'а б. Сухан, но Мугира приказал ему оставаться в Куфе, поскольку он является проповедником в мечети (*хатиб*). Комплектование этого и других карательных отрядов показывает, что в распоряжении наместника не было значительной готовой к бою вооруженной силы и каждый раз для сколько-нибудь серьезной операции приходилось созывать ополчение. Правда, надо учитывать и то, что среди воинов-куфийцев, посланных по приказу, могли оказаться сочувствующие тем, против кого их послали, добровольцы были надежнее.

Трехтысячный отряд куфийцев возглавил Ма'кил б. Кайс. Провожая его, Мугира рекомендовал не нападать на мятежников без предупреждения, а сначала предложить им помилование в случае сдачи без боя. Ал-Муставрид в это время был уже в Бахурасире (Селевкии) и попытался переправиться по наплавному мосту в Старый город (ал-Мадӣна ал-'атӣқа). Комендант ал-Мадаина Симак б. Убайд отбросил мятежников от моста, а потом распустил его. Ал-Муставрид отправил ему послание, в котором именовал себя амиром верующих и призывал следовать Книге и обычаю пророка, Абу Бакра и Умара, отвергая новшества Усмана и Али. Симак ответил ему решительным отказом.

Повстанцы простояли в Бахурасире два или три дня, а затем, узнав о приближении отряда Ма'кила, ал-Муставрид ушел из Бахурасира по правому берегу Тигра к Джарджарайа, там переправился на другой берег и пошел к Мазару. Здесь он оказался в сфере компетенции Абдаллаха б. Амира. Абдаллах также собрал отряд из шиитов и поручил командование им шиитскому лидеру Басры Шарику б. ал-А'вару. Басрийцев также было 3000. Тем временем Ма'кил дошел до ал-Мадаина, запасся там продовольствием и фуражом, выслал по следам хариджитов разведывательный отряд в 300 человек и пошел за ним.

Разведчики обнаружили лагерь хариджитов под Мазаром и загорелись желанием напасть на него, хотя командир, ссылаясь на приказ Ма'кила, отговаривал их от этого. Хариджиты, увидев их, атаковали первыми и обратили в бегство. Дважды останавливал их командир и вел против хариджитов, и все же хариджиты

одержали верх. Наступило время полуденной молитвы, бой прекратился. Оба отряда, разойдясь на расстояние видимости, встали на молитву. Находившийся на марше с главными силами, Ма‘кил, узнав о неудаче своих разведчиков, послал им на помощь 700 лучших воинов. Увидев вдали пыль приближающегося подкрепления, командир разведки не пожелал делить с ним славу победы и снова атаковал хариджитов. От окончательного разгрома его спас только подход подкрепления.

Ночью хариджиты отошли к Мазару, чтобы, имея его с тыла, оградить себя от неожиданного нападения. В это время к ал-Муставриду прибыл разведчик с сообщением о том, что в фарсахе находится отряд басрийцев. Ал-Муставрид решил, что для него безопаснее уйти на территорию, подвластную Куфе, куда басрийцы не пойдут, и иметь дело только с одним противником. Следуя этому решению, он прошел ночью через селение, взял проводника из местных жителей, и тот вывел их на дорогу, по которой они пришли в Мазар.

Ма‘кил же, опасаясь ночного столкновения, послал в селение разведку, которая узнала от жителей, что хариджиты ушли неизвестно куда. Несмотря на это, он всю ночь держал свой отряд в состоянии боевой готовности. Утром стало известно, что хариджиты ушли по той же дороге к Джарджарайа. Дальше произошло именно то, на что рассчитывал ал-Муставрид: басрийцы сказали, что у них хватает забот с восставшими курдами в Фарсе, а куфийскую территорию пусть сами куфийцы и защищают.

Авангард Ма‘кила в 600 человек настиг хариджитов около Джарджарайа. Хариджиты атаковали его первыми, имели некоторый успех, но сражение затянулось, ал-Муставрид побоялся, что подойдут основные силы куфийцев, вышел из боя, переправился через Тигр и повел свой отряд к Бахурасиру. Симак б. Убайд встретил его у ворот города, на стенах которого наготове стояли стрелки. Ал-Муставрид отошел к Сабату. Там он получил известие, что авангард Ма‘кила, в котором были лучшие воины, соединился с Симаком, и решился на смелый ход — напасть на ничего не подозревающего Ма‘кила на марше, и ушел из Сабата, разрушив за собой мост, чтобы затруднить преследование.

Расчет оказался верным. Нападение на растянувшийся на марше отряд оказалось неожиданным. Ма‘кил спéшил воинов, находившихся рядом с ним, они образовали вокруг него кольцо из нескольких рядов копий, через которое конникам ал-Муставрида никак не удавалось прорваться. Тогда ал-Муставрид напал на растянувшуюся колонну кавалеристов, обратил их в бегство и снова атаковал группу Ма‘кила.

Тем временем авангард Ма‘кила вступил в Сабат, подошел к каналу, обнаружил, что мост разрушен, и стал сгонять местных

жителей для его восстановления. Переправившись по восстановленному мосту, авангард стал встречать беглецов из разгромленного отряда Ма‘кила. Воины авангарда поспешили на помощь командиру, попутно поворачивая беглецов ударами по лицу. В это время хариджиты, спешившись, пытались прорваться сквозь заслон копейщиков к Ма‘килу. Зажатые с двух сторон после подхода авангарда, хариджиты сражались отчаянно даже после того, когда в поединке, пронзив друг друга копьями, погибли ал-Муставрид и Ма‘кил. Разгром хариджитов завершил преемник, назначенный Ма‘килом[22].

Арестованные до восстания предводители заговора, Хаййан б. Забйан и Му‘аз б. Джувайн, оставались в заточении после этого 15 лет.

Другие восстания того времени были гораздо меньше по числу участников. Так, за Сахмом б. Галибом и Йазидом б. Маликом ал-Хатимом в 662 г. в Басре последовало всего 70 человек. Они хозяйничали почти в самом центре города («между двух мостов»), нападая на неугодных им людей. Только после того, как они убили сподвижника пророка Убаду б. Курса с сыном и племянником, Абдаллах б. Амир лично возглавил борьбу с ними. Остатки разгромленного отряда скрылись в болотных зарослях, затем ал-Хатим и Сахм попросили пощады и сдались Абдаллаху. Халиф был недоволен таким мягкосердечием наместника, но не отменил дарованное им помилование[23].

Подробный и достойный доверия рассказ о восстании ал-Муставрида (основанный на воспоминаниях участников событий) свидетельствует об узкой базе хариджитского движения в это время. Его идеи были чужды местному населению, которое упоминается лишь в качестве проводников и поставщиков информации. Лишь принявшие ислам клиенты арабов — *мавали* оказывались иногда участниками этих восстаний. Но арабам их вмешательство в дела веры представлялось настолько противоестественным, что им были готовы простить участие в восстании, как неразумным детям, вмешавшимся в дела взрослых. Когда в 664 г. восстали мавли под предводительством Абу Марйама (или Абу Али), мавли ал-Хариса б. Ка‘ба, то баджилит, посланный для их усмирения, обратился к ним со словами: «Эй, инородцы (‘*улӯдж*), эти арабы сражаются с нами из-за веры. Какое вам до этого дело?», на что услышал в ответ: «Эй, Джабир, мы слушаемся чудотворного Корана, который ведет к праведности, мы уверовали в него и не ставим вместе с нашим господом никого. Ведь Аллах послал своего пророка ко всем людям и не скрыл его (учения) ни от кого». Примечательно, что в этом восстании приняли участие и две женщины. К счастью для них, один из вождей хариджитов, Абу Билал Мирдас б. Адийа, убедил Абу Али

удалить их из отряда, и они не были уничтожены вместе с остальными[24].

Ал-Балазури упоминает еще одно выступление хариджита-мавли, Абу Лайлы, к которому присоединилось 30 конников из мавали (видимо, из охранников арабской знати)[25].

С увеличением числа новообращенных из неарабов участие их в оппозиционных религиозных движениях становится все заметнее и наконец превращается в главную оппозиционную силу в Халифате и исламе.

Снисходительность Абдаллаха б. Амира к мятежникам стала одной из причин недовольства Му‘авии, которое особенно усилилось после того, как один из членов делегации куфийцев на вопрос о том, как обстоят дела в Ираке, ответил: «А что касается жителей Басры, то взяли верх над ними безумцы, а амир их — слаб». К этому добавился еще один грех Ибн Амира — присвоение казенных денег[26]. Му‘авийа готов был сместить его, требовалось лишь найти на это место решительного и надежного человека. Такого человека он нашел в лице Зийада б. Абихи, он же Зийад б. Убайд и Зийад б. Сумаййа — в зависимости от отношения к нему говорящего. Чтобы лучше понять, что представлял собой этот незаурядный человек, следует отступить назад и повторить некоторые детали его биографии, мимоходом упоминавшиеся в предыдущем томе.

ОТ ЗИЙАДА б АБИХИ ДО ЗИЙАДА б АБУ СУФЙАНА

Происхождение Зийада не совсем ясно, во всяком случае, оно считалось недостойным. Его мать, Сумаййа, рабыня из Ирака, была отдана лекарю из Таифа, сакифиту ал-Харису б. Каладе, в качестве гонорара за излечение ее хозяина, то ли араба из Каскара, то ли персидского дихкана. В Таифе она родила Нафи‘ и Нуфай‘а (более известного по кунье Абу Бакра), которых ал-Харис не признал своими сыновьями. Можно подозревать, что он заставлял Сумайю подрабатывать проституцией. Около 622 г. он отдал ее в жены рабу своей жены, греку (*ар-рӯмӣ*) Убайду, в браке с которым она родила Зийада. Во время осады Таифа Абу Бакра с десятком других рабов перешел к Мухаммаду, получив свободу и почетное положение мавли пророка. Разгневанный предательством Абу Бакры, ал-Харис в пику ему признал Нафи‘ своим сыном, заявив: «А Абу Бакра как был, так и останется рабом»[27].

Неизвестно, когда и как Зийад получил свободу; во всяком случае, в 635 г. он вместе с братьями при завоевании Убуллы

оказался в отряде Утбы б. Газвана (женатого на дочери ал-Хариса б. Калады и, следовательно, являвшегося шурином Нафи‘). Здесь четырнадцати- или пятнадцатилетний Зийад получил свое первое и весьма ответственное поручение — вести подсчет добычи, так как оказался самым сведущим в письме и счете. Каким образом он опередил в этом отношении своих старших братьев, также остается неизвестным. Можно думать, что об этом постарались либо отец, либо мать, от которой он мог также получить представление о разговорном персидском языке, а может быть и письме.

Далее он идет по проторенной дороге: служит секретарем Са‘да б. Абу Ваккаса и участвует в организации раздела добычи, взятой в Джалула[28]. Когда Умар сместил Утбу б. Газвана и назначил Мугиру б. Шу‘бу, Абу Бакра задался целью отомстить Мугире и организовал дело о прелюбодеянии (т. 2, с. 90—91). Мугиру спасло от сурового наказания только уклончивое показание Зийада, за что Мугира остался ему благодарен на всю жизнь.

В начале 40-х годов Зийад ведал какими-то финансовыми делами при Абу Мусе ал-Аш‘ари, вероятно, опять же занимался дележом и учетом добычи, получал 2000 дирхемов в год и смог выкупить из рабства отца и мать[29]. При Абдаллахе б. Амире (648—656) он был главой финансового ведомства в Басре и руководил проведением нескольких каналов (т. 2, с. 197—198). Во время «битвы у верблюда» занимал нейтральную позицию, а потом некоторое время воздерживался присягать Али. Али хотел привлечь его окончательно на свою сторону предложением наместничества Басры, но он, как мы знаем, посоветовал назначить кого-нибудь из родственников Али и после назначения Ибн Аббаса снова занял привычный и выгодный пост начальника финансов[30].

После провала попытки выманить Зийада из Истахра угрозой казни сыновей Му‘авийа приказал Мугире конфисковать собственность Зийада, хранившуюся у сына Абу Бакры, не останавливаясь перед применением пыток. Здесь воздалось Зийаду за его давнее деяние — Мугира арестовал сына Абу Бакры, инсценировал пытки, доложил халифу, что ничего обнаружить не удалось, и тут же предложил стать посредником в переговорах с Зийадом. Му‘авийа ухватился за эту идею и послал Зийаду через Мугиру охранную грамоту, гарантировавшую прощение, если он сдаст накопившиеся у него налоговые поступления с Фарса.

Мугира убедил Зийада, что упорствовать в верности присяге Хасану бессмысленно, когда тот сам передал власть Му‘авии, впрочем, Зийад и сам мог убедиться в устойчивости власти нового халифа. В 43 г. х., скорее всего в его начале, т.е. в апреле—

мае 663 г., Зийад покинул Истахр. По дороге, в Арраджане, его пытался перехватить Абдаллах б. Хазим, но, узнав о наличии у него охранной грамоты, оставил в покое. Тем не менее Зийад не решился ехать через Басру, а проехал в Куфу через Хамадан, находившийся под юрисдикцией Мугиры, а оттуда в Дамаск.

Явившись в Дамаск, Зийад тем самым ответил на вопрос о лояльности. Дальше разговор уже пошел о деньгах. Зийад представил полный отчет, по которому должен был внести в центральную казну 2 млн. дирхемов. Получив снова твердые гарантии неприкосновенности, Зийад написал своим доверенным лицам, у которых хранились деньги, распоряжение о доставке этой суммы в Дамаск. Халиф мог подозревать, что Зийад что-то припрятал и для себя, однако форма была соблюдена, в казну поступило хорошее пополнение, а кроме того, был приручен упорный и талантливый противник.

Зийад получил разрешение уехать в Куфу, а вслед пошло распоряжение Мугире присматривать за ним и за шиитскими вождями, Сулайманом б. Сурадом и Худжром б. Ади. Мугира принял Зийада как родного, даже позволял ему сидеть при своей молоденькой жене и видеть ее лицо[31].

По-видимому, в начале 665 г. Зийад еще раз посетил Дамаск. Во время этого визита Му‘авийа принял совершенно неожиданное для всех (и не совсем понятное) решение признать Зийада своим братом. Не исключено, что имелись какие-то слухи о похождениях Абу Суфйана в Таифе или имелось какое-то внешнее сходство Зийада с Му‘авией или Абу Суфйаном, что могло натолкнуть на такое решение. Му‘авийа основательно подготовил этот акт, так что когда он, появившись в мечети и посадив рядом с собой Зийада, обратился к присутствующим, не найдутся ли среди них свидетели, которые могут подтвердить отцовство Абу Суфйана, то сразу нашлись те, которым Абу Суфйан перед смертью признался, что Зийад — его сын, а некий Абу Марйам, бывший виноторговец из Таифа (конечно, случайно оказавшийся в Дамаске), поведал с интересными подробностями о том, как угощал Абу Суфйана вином, а потом привел к нему Сумайю, детали были так натуралистичны, что никто не должен был усомниться в том, кто отец Зийада.

Сам Зийад после этих показаний встал и сказал: «Люди! Вот амир верующих и свидетели сказали то, что вы слышали, а я не знаю, что правда и что неправда. Он и они лучше знают это. Но только Убайд — хороший отец и попечитель, которому я благодарен». Ублаготворенный халифом сын Убайда, Са‘ид, тоже подтвердил отцовство Абу Суфйана[32].

Понять это решение халифа очень трудно, даже если поверить, что свидетели дали правдивые показания. В ту пору в до-

мах богатых арабов было немало рабынь и они по воле хозяев выполняли не только работу по дому, а те мало беспокоились о судьбе их детей, могли признать или не признать их своими. Трудно поверить, что Абу Суфйана вдруг на старости лет настолько заела совесть, что он раскаялся в случайном сношении с чужой рабыней, — слишком уж «достоевский» сюжет. Если же все объяснялось только практической целью — привязать к себе верного и талантливого помощника, то придется признать за Му'авией редчайшую политическую отвагу — вряд ли много было подобных случаев в мировой истории.

К сожалению, этот важный политический акт датируется в пределах года (если этой дате можно доверять), и мы никак не можем увязать его с отставкой Абдаллаха б. Амира, датированной концом 44/мартом 665 г., когда Му'авийа во время его визита в Дамаск предложил на выбор: сделать полный финансовый отчет, сдать по нему деньги и остаться наместником или оставить себе деньги и уйти в отставку. Абдаллах выбрал последнее. На его место в начале 45 г. х. был назначен ал-Харис б. Абдаллах ал-Азди. Наместником Басры он пробыл только три-четыре месяца, а в конце раби' II или начале джумады I 45/18—19 июля 665 г. в Басру прибыл новый наместник, Зийад б. Абу Суфйан, который до этого некоторое время жил в Куфе, возможно, уже в качестве брата халифа, поскольку Мугира опасался, что он прибыл сменить его[33].

Решение Му'авии признать Зийада братом было враждебно встречено и Умаййадами, и родичами Зийада. Сыновья ал-Хакама подозревали, что таким путем Му'авийа хочет преградить им путь к власти. Брат Марвана б. ал-Хакама, Абдаррахман, в разговоре с халифом съязвил: «Неужели ты не мог найти никого, кроме этого негра, чтобы увеличить наше умаление и унижение?» Вдобавок он произнес стихи (свои или поэта Йазида б. ал-Муфаррига), обращенные к Му'авии:

Не хочешь, чтобы отец твой был невинен,
а хочешь, чтоб сказали: «Он прелюбодей».
Клянусь я, что твое родство с Зийадом
не ближе, чем к слону ослицыных детей.
Клянусь, она была беременна Зийадом,
но Сахр и рядом даже не был с ней.

Стихи эти, конечно, стали известны Му'авии, и Ибн ал-Муфарригу пришлось приносить извинения, а для верности — сочинить стихи в похвалу Му'авии[34].

Братья Зийада обиделись на него за то, что, признав отцом Абу Суфйана, он засвидетельствовал распутство собственной

матери и отрекся от отца. Да и как было не злиться, если сатиры на Зийада затрагивали и его братьев, вроде такой:

Нафи‘, Зийад и Абу Бакра,
воистину уж, чудо из чудес:
Все трое из одной утробы,
но свой у каждого отец.
Тот — курайшит, а этот — мавла,
и бедуин есть, наконец[35].

Были претензии и другого рода. Сын Са‘ида б. Убайда, не получив у Му‘авии приема, на какой рассчитывал, заявил ему: «Посланник Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует — постановил, что ребенок принадлежит [супружеской] постели, а прелюбодею — камень, а ты присудил прелюбодею ребенка, а постели — камень. Клянусь Аллахом, если и был Зийад сыном Абу Суфйана, то он — мой раб и опекаемый, которого освободила моя тетка Сафийа». Му‘авийа велел ему замолчать, если он не хочет получить по носу[36].

Несмотря на все пересуды и сатиры, Му‘авийа не должен был раскаяться в своем решении — Зийад стал его вторым «я» на востоке Халифата.

Зийад не был для Басры новым человеком и за двадцать лет работы с финансами изучил ее и подвластные ей провинции лучше, чем кто-либо другой, а теперь у него, как у брата халифа, руки были совершенно развязаны. Первое же его выступление в мечети стало холодным душем для извольничавшихся басрийцев. Эта речь стала классическим образцом арабского политического ораторского искусства. Ее приводят с разными вариациями, с различными сокращениями, добавлениями и перестановками многие источники. Некоторые ее части приводятся в другой связи, как самостоятельные речи того же Зийада[37]. Возможно, что пространный вариант его «тронной речи» и в самом деле был составлен позже из нескольких его выступлений. Приводя ее здесь по одному из наиболее полных вариантов (с небольшими пропусками), автор не настаивает и не ручается за то, что речь была произнесена именно в таком объеме и порядке текста — для нас важна характеристика внутреннего положения в Басре и методов, которыми собирался действовать Зийад.

По преданию, Зийад был настолько разгневан, что начал эту речь без длинного благочестивого вступления со славословиями, а сразу обрушился на своих земляков и подопечных: «Темное невежество, слепое заблуждение и разврат, — разжигающие жар вечного пламени для совершающих это, — которым следуют ваши безумцы и которые есть в ваших разумных людях, являются тяжкими грехами, в них вырастают малые, и не избегают их

старые; вы будто и не слышали айатов Аллаха, и не читали Книги Аллаха, и не слышали, какое щедрое вознаграждение уготовил Аллах повинующимся ему и какие болезненные мучения на вечные времена, без конца — противящимся ему. Вы что же, такие, как те, кому ослепил глаза бренный мир и закупорила уши похоть, и они предпочли преходящее вечному? Вы не задумываетесь над тем, что вы впервые совершили дела, которых не было прежде в исламе: кабаки напоказ, и грабят женщин у вас в присутствии многих людей. Неужели нет среди вас того, кто помешал бы нечестивцу нападать ночью и грабить днем?

Вы приближаете к себе родню и отдаляете религию, вы извиняете неизвиняемое и укрываете грабителя. Каждый из вас защищает своих безумцев, как поступает не боящийся наказания, а не как надеющийся на вечную жизнь. Нет, вы неразумны, вы следуете за своими безумцами, и они не останавливаются, видя ваше заступничество за них, они нарушают запреты ислама, а потом укрываются в сомнительных норах. Запретны для меня еда и питье, пока я не сровняю их с землей и не сожгу!

Я вижу, что исправить это дело до конца можно только тем же, чем следует начать: мягкостью без слабости и жесткостью без жестокости и насилия. Я клянусь Аллахом, что буду требовать с опекающего за опекаемого, остающегося за уезжающего, приехавшего за приезжающего, здорового за больного, пока вы не станете говорить: спасайся Са‘д — Су‘айд уже погиб*, — или пока не выпрямятся ваши рога. Ложь с минбара становится известной, и если вы уличите меня во лжи, то будете вправе восстать против меня; а если услышите ее от меня, то обвиняйте меня в ней и знайте, что я с ней подобен тем из вас, кто нападает ночью.

Я — поручитель за пропавшее у вас! Воздержитесь от ночных грабежей, ведь я пролью кровь нападающих. Я даю вам в этом отсрочку на время, которое идет известие до Куфы и возвращается ко мне. Берегитесь созывать сородичей на помощь, как во времена язычества: если я найду кого-нибудь, издавшего такой призыв, — отрежу ему язык. Вы придумали небывалые преступления, а мы введем для каждого преступления [соответствующее] наказание: кто кого-то подожжет — того сожжем, кто кого-то утопит — того утопим, кто сделает пролом в стене дома — тому проломлю сердце, кто ограбит могилу — того закопаю в нее живым. Если вы уберете от меня свои руки и языки, то и я удержу мою руку от наказаний. Как только кто-то из вас окажет противодействие тому, на чем стоит большинство, так отрублю ему голову.

---

* Персонажи легенды: два брата, которых отец перепутал в темноте. В данном случае — расхожие имена, как наше «Иванов, Петров»

Между мной и некоторыми людьми были ссоры, я оставляю это позади себя* и попираю ногами, а кто был хорош — пусть будет лучше, а кто был скверен — пусть оставит свою скверность. Воистину, если я узнаю, что кого-то снедает болезнь из-за ненависти ко мне, то я не сниму с него маску и не стяну покрывало, пока он не раскроет мне свое лицо, а если сделает это, то я не буду с ним рассуждать. Пересмотрите свои поступки и помогите сами себе, и, может быть, огорченный нашим прибытием возрадуется, а радовавшийся нашему прибытию огорчится.

Люди! Мы стали вашими правителями и защитниками, мы управляем вами властью, данной нам Аллахом, и защищаем вас средствами (*фай'*)**, предоставленными нам Аллахом. Вы обязаны слушаться и повиноваться нам в том, что нам угодно, а мы обязаны обеспечивать вам справедливость в том, чем нам поручено управлять. Отвечайте же на нашу справедливость и наши деньги (*фай'ана̄*) своей верностью. И знайте, что я могу в чем-то совершить упущения, но в трех делах я не сделаю упущения: не укроюсь от того из вас, у кого будет нужда, даже если он постучится ночью, не задержу выплату вам содержания (*ризк̣*) и жалованья позже положенного срока и не затяну вашего пребывания в походе. Молите Аллаха о праведности ваших предстоятелей (*а'имматукум*), ведь они — ваши правители и воспитатели и ваше прибежище, в котором вы ищете укрытия, и если они будут праведны, то и вы будете праведны. Не напаивайте ваши сердца ненавистью к нам: этим вы только усилите вашу злобу и продлите печали, но не достигнете нужного вам. И к тому же исполнение ваших желаний было бы злом для вас.

Молю Аллаха, чтобы он помог всем во всем. И если вы увидите, что я отдаю вам приказ, то исполняйте его, даже если он унижает вас. Клянусь Аллахом, многие из вас будут повергнуты мертвыми. Пусть каждый из вас постарается не оказаться среди поверженных»[38]. Есть и другая версия заключения речи: «Я вижу много качающихся на плечах голов, пусть каждый побережет свою»[39].

В этой речи власть впервые заговорила с подданными от первого лица во весь голос, без ссылок на пример предыдущих халифов, даже без ссылок на сунну пророка, и заявила, что власть над ними даруется непосредственно Аллахом и доказательством этого является сам факт обладания властью. Прежде халифы и их наместники уговаривали мусульман, напоминали об общих интересах. Упоминая о потустороннем воздаянии за зло и добро, государственная власть устами Зийада заявляла о своем праве

---

* Букв «за моими ушами»

** О термине *фай'* см . т 2, с. 132—133

здесь казнить и миловать в зависимости от послушания. В этой речи Зийад нарушил одно из установлений Мухаммада — каждый отвечает только за свои поступки — и объявил о введении коллективной ответственности.

По окончании речи одни бросились восхвалять красноречие и правоту амира, другие сразу же отметили противоречие нормам Корана. Один из теоретиков хариджизма Абу Билал Мирдас заявил: «А Аллах возвестил не то, что ты сказал. Аллах, Великий и Славный, сказал: „И [в свитках] верного Ибрахима, что не понесет [душа], несущая ношу, ношу другой, и будет человеку только то, чего он добивался“*. Аллах возвестил нам лучшее, чем ты, Зийад, возвестил нам». Зийад ответил ему: «К тому, чего хочешь ты и твои товарищи, я не нахожу иного пути, чем через кровь»[40].

Решиться произнести такую грозную речь перед своевольными басрийцами можно было, только имея за спиной несколько сотен преданных воинов, стоявших в стороне от внутрибасрийских взаимоотношений. Такой опорой могли быть только сирийские воины, но об их прибытии в Басру не сообщается, и это не случайно, так как до прибытия в Басру Зийад некоторое время жил в Куфе как частное лицо. Отряда личной охраны было бы явно недостаточно для обуздания басрийцев. Это заставляет думать, что наведение порядка в Басре происходило постепеннее, чем это изображают наши источники. А по их данным, после истечения отсрочки, данной для наведения внутриплеменной дисциплины, примерно спустя неделю после прибытия, Зийад запретил хождение по городу после вечерней молитвы: для возвращения домой из главной мечети давалось время, достаточное для прочтения одной из первых, самых длинных сур Корана, т.е. около часа, за это время можно было дойти до любой окраины города. После этого будто бы были посланы дозоры, которые без долгих разговоров отрубали головы всем встреченным на улице, за первую ночь набралось 500 отрубленных голов[41]. Для осуществления такой операции потребовались бы значительные полицейские силы, каких не имел в своем распоряжении ни один предшествующий наместник. Как сообщается, у него было 4000 стражников (*шурṭа*) и 500 конных полицейских (*rāбиṭа*), но для создания такого многочисленного полицейского корпуса требовалось время.

Неумолимость ночных патрулей приучила басрийцев немедленно покидать мечеть после вечерней молитвы, некоторые так торопились, что оставляли в мечети сандалии. На обезлюдевших ночных улицах прекратились грабежи, опасны стали и проломы стен. Через некоторое время наступила такая безопасность, что

---

* Коран, 53 37—39

люди перестали запирать дома на ночь[42]. Сдержал Зийад и свое обещание относительно притонов (или публичных домов), которых в городе насчитывалось до 700. Видимо, не все охотно расставались с местами развлечений в своих кварталах. В квартале бану кайс б. са‘лаба Зийаду пришлось лично руководить разрушением веселого заведения, после чего он запретил принимать свидетельства людей из этого племени. Следить за общественной моралью и порядком на рынке был назначен ал-Джа‘д б. Кайс, который вместе с начальником полиции сопровождал Зийада во время его поездок по городу: выявление проступка и наказание шли рядом[43].

Не ограничиваясь наказанием за совершенные проступки, Зийад начал преследовать и по подозрению (вопреки заявленному в речи), для чего должно было существовать организованное доносительство; доставлять информацию могли и официальные лица, например старосты кварталов. Далее он занялся наведением порядка на дорогах и, кажется, добился успеха. Во всяком случае, ему приписываются хвастливые слова: «Если пропадет веревка между мной и Хорасаном, я буду знать, кто ее взял»[44].

В этих условиях поубавился и пыл хариджитов. Ал-Хатим и Сахм б. Галиб, боясь Зийада, бежали в Ахваз, где сколотили отряд. Затем, вероятно, тогда, когда Зийад стал наводить порядок на дорогах, ал-Хатим явился (или был доставлен?) к Зийаду, сумел оправдаться в предъявленных ему обвинениях, получил помилование и был сослан в Бахрейн без права появляться в Басре, потом получил разрешение вернуться, с условием не покидать дом ночью, нарушил это правило и был казнен[45].

Свое положение представителя высшей власти Зийад подчеркивал разными способами. Он первым из наместников стал выезжать с почетным эскортом из шествовавших перед ним булавоносцев и конников с копьями. Не желая проходить в мечеть через толпу, в которой многие хотели бы расправиться с ним, он вместо прежнего дворца, стоявшего на расстоянии от мечети, построил новый, примыкавший к ней с юга, чтобы можно было проходить прямо из дворца (как в Куфе), а для верности соорудил по примеру Му‘авии максуру. Тогда же, скорее всего, была полностью перестроена и расширена мечеть. Деревянные столбы, поддерживавшие крышу, были заменены каменными колоннами, привезенными из Ахваза, крышу над галереями перекрыли индийским тековым деревом[46].

Зийад вызывал у басрийцев смешанное чувство страха и уважения. Суровость искупалась верностью слову и наведением порядка, казни непокорных уравновешивались щедростью и своевременной и полной выплатой жалованья, которое стало получать почти вдвое больше людей, чем прежде. 500 шейхов, знатоков Корана и религиозного предания, получили персональные

жалованья от 300 до 500 дирхемов в год и право присутствовать на приемах. Сподвижники пророка удостоились высоких постов: Имран б. ал-Хусайн стал кади Басры, а ал-Хакам б. Амр ал-Гифари — наместником Хорасана[47].

Как опытный финансист, Зийад строго следил за сбором хараджа и не допускал никаких послаблений для податного населения, коллективно отвечавшего за исполнение налоговых обязательств своего податного округа. Когда жители Даст Майсана (округа, в котором находилась Басра) прислали к нему делегацию просить о сокращении общей суммы налога, поскольку многие земли округа перешли в собственность мусульман, то он напустил на них басрийцев, которые с позором и побоями прогнали просителей[48]. Если же дело касалось его самого, то интересы казны забывались. Сыну обедневшего умаййада из рода Абу-л-Иса (см. табл. 1), который женился на дочери Зийада, откровенно признаваясь, что рассчитывает на подарок, он разрешил, назначив его наместником Суса, оставлять себе половину хараджа — 250 000 дирхемов[49].

Не стеснялся он идти и на откровенное жульничество, если оно сулило ему хорошую прибыль: когда он узнал, что Му‘авийа подарил своему шурину большой участок земли в окрестностях Басры и тот едет его посмотреть, то распорядился пустить на этот участок воду. Новый владелец решил, что халиф по незнанию наделил его заболоченной землей, и охотно уступил ее Зийаду за 200 000 дирхемов. Став владельцем, Зийад тут же осушил этот участок[50].

В его распоряжении были огромные государственные средства. За год в подвластных ему областях собиралось 60 млн. дирхемов налогов. 36 млн. из них шли на жалованье воинам, 16 млн. — их сыновьям, записанным в диван, 2 млн. — на текущие административные нужды и строительство, столько же откладывалось в резервный фонд на непредвиденные расходы, а остаток в 4 млн. отсылался в Дамаск[51]. Из этого потока денег можно было многое отложить и для себя. Широко пользовались щедротами Зийада его племянники, сыновья Абу Бакры. Немало перепадало и другим, стоявшим близко к власти, в том числе и неарабам, вроде хаджиба Зийада, Фила, выезд которого вызывал зависть даже у такого знатного басрийца, как Абу-л-Асвад ад-Дуали, выразившего свое возмущение новыми порядками в следующей стихотворной строке:

Не были пляски вокруг мавали
обычаем нашим во время пророка[52].

Этому Филу принадлежала вторая по времени постройки баня Басры, приносившая ему большой доход.

Мавали происходили из более развитых обществ и легко опережали в погоне за благосостоянием рядовых чистокровных арабов, которые, кроме умения ездить верхом и сражаться, не имели навыков ни в ремесле, ни в административных делах. Свободные арабы считали унижением прислуживать кому бы то ни было, поэтому камердинерами (*хаджибами*) у всех амиров были мавали, они же хозяйничали и в налоговых ведомствах, где требовалось знание местных литературных языков: персидского, греческого или коптского. Богатство Фила не было исключением, мавла Абу Мавийа, ведавший при Ибн Амире финансами, ворочал сотнями тысяч. Несколько позже встречались мавали, которые были в состоянии компенсировать адоптировавшему их племени всю сумму задержанного жалованья[53].

До тех пор пока арабы получали жалованье, обогащение их племенной верхушки не вызывало у большинства враждебности. Значительной отдушиной, отводившей энергию наиболее воинственных басрийцев, были завоевательные походы, они кого-то лишали жизни, а кого-то обогащали добычей. Восстановление единой власти в Халифате позволило их возобновить. Как мы видели, земледельческие районы Хорасана были вновь покорены уже при Абдаллахе б. Амире, но горные и степные районы, занятые кочевниками-тюрками, оказывали упорное сопротивление, и борьба шла с переменным успехом. Сведения об этих войнах обрывочны и неточны, даты разных источников часто не совпадают.

Последний год правления Ибн Амира был удачным для арабов: успешно закончился поход на Кабул, принесший большую добычу, ал-Мухаллаб б. Абу Суфра совершил набег на Кандабил (область к востоку от Келата и Кусдара) и на обратном пути в ал-Кикане, где-то в горах Кабулистана, успешно отразил нападение тюркской конницы[54]. В 45/665-66 г., уже при Зийаде, Абдаллах б. ас-Саввар предпринял набег на ал-Кикан и захватил в качестве добычи коней какой-то особой породы, прозванных *ал-кикани*; несколько из них были посланы Му‘авии. Какова была численность арабских отрядов, участвовавших в этих походах, и посылались ли они прямо из Басры или целиком состояли из контингентов, находившихся в Сиджистане, остается неизвестным, во всяком случае, скорее можно говорить о набегах с целью получения добычи и контрибуций, чем о завоевательных походах с участием многочисленного войска.

В 46/666-67 г. Му‘авийа сместил Абдаррахмана б. Самуру с управления Сиджистаном и назначил туда ар-Раби‘ б. Зийада ал-Хариси. Ему сразу же пришлось столкнуться с трудностями: кабул-шах, соединившись с тюрками, изгнал арабские гарнизоны из Кабула, Забулистана и Руххаджа. Ар-Раби‘ удалось остановить

их только у Буста и затем возвратить Руххадж и Давер (долина Хильменда выше Буста), однако Забулистан и Кабул сохранили отвоеванную независимость[55].

В следующие годы арабы почти ежегодно совершали походы на горные районы восточнее Сиджистана и Мекрана, но воинственные горцы каждый раз отбрасывали их назад. Во время боев в Мекране и ал-Кикане был убит командующий «индийским пограничьем» ар-Рашид б. Амр ал-Джудайди. Его сменил Синан б. Салама[56]. Едва спасся от гибели и наместник Хорасана ал-Хакам б. Амр ал-Гифари во время похода в горные районы Гура и Фараванда (Фераван, современный Парван, севернее Кабула): в 49/669 г. он с окруженным в горах войском оказался без продовольствия, дело дошло до того, что воины стали убивать и есть собственных коней. Положение спас ал-Мухаллаб, заставивший пленного под страхом казни указать малоизвестный проход из теснины[57].

В этих районах арабы, привыкшие к стремительным броскам, обеспечивавшим им победы над тяжеловооруженными профессиональными армиями, столкнулись с таким же подвижным противником, действовавшим к тому же в родных, хорошо знакомых местах небольшими отрядами. Уничтожение одного отряда не меняло дела: за следующим горным хребтом завоевателей встречали новые отряды. Генеральных сражений не было, а значит, не могло быть и решающих побед.

Кроме того, стала ощущаться отдаленность фронта боевых действий от основных военных баз, поставлявших воинов. Огромные завоеванные территории рассеяли и поглотили сравнительно небольшие контингенты завоевателей, расселившихся на ней мелкими гарнизонами. Дальнейшее продвижение требовало создания на Востоке новых опорных баз.

Впрочем, ослабление наступательного порыва арабов имело не только эти причины, поскольку в Малой Азии, расположенной в непосредственной близости от районов компактного обитания арабов, Халифат, несмотря на ежегодные походы, не добился заметных территориальных приобретений.

НОВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА ВИЗАНТИЮ

В течение четверти века война с Византией была привычным делом Му'авии. Значительные успехи на суше и на море в начале 50-х годов не получили дальнейшего развития. Втянувшись в борьбу за верховную власть в Халифате, он вынужден был дорогой ценой купить мир с Византией, чтобы сосредоточить все силы для этой борьбы. После победы такой обременительный

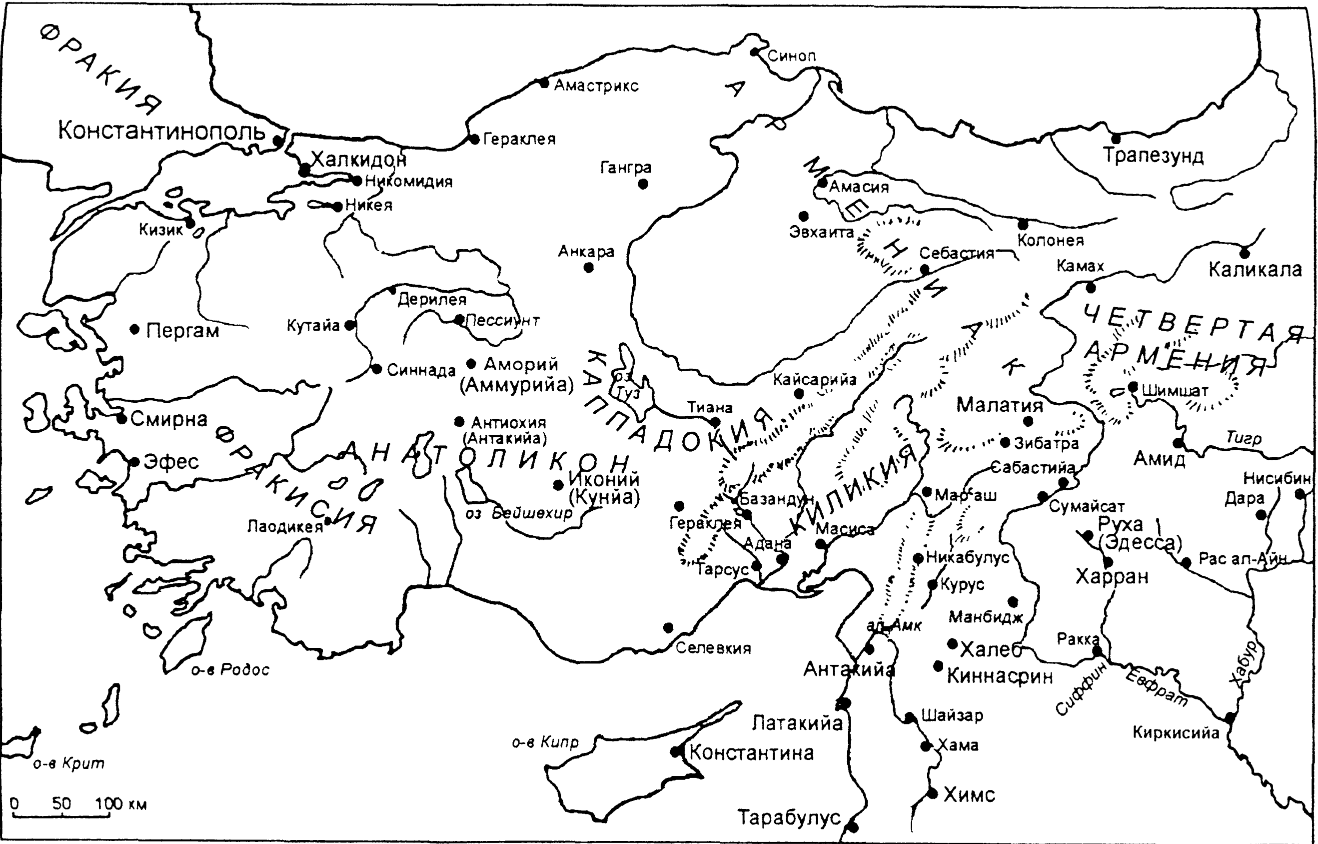

Рис 2 Малая Азия во второй половине VII в.

мир стал ненужным. Как свидетельствует маронитская хроника, Му‘авийа, обретя власть, порвал договор и заявил: «Если ромеи хотят мира — пусть платят джизью»[58].

Военные действия начались весной 662 г. Арабские историки говорят о них очень скупо и не всегда точно. Так, ал-Йа‘куби сообщает, что Му‘авийа, возвратившись в Сирию из Ирака, узнал о приближении многочисленного византийского войска во главе с императором и поспешил заключить в начале 42 г. х. (май 662 г.) мирный договор, по которому обязывался платить 100 000 динаров (ежегодно?). Договор 41 или 42 г. х. упоминают и некоторые другие историки, не указывая его условий.

В противоположность этому Феофан упоминает в 21-м году правления Константа (сентябрь 661 — август 662 г.) опустошительный набег арабов, которые увели много пленных. О том же говорит и ат-Табари: «В этом (т.е. 42/662-63 г.) году мусульмане совершили поход на аланов (ал-лāн), а также совершили поход на ар-Рум, обратили их, как говорят, в позорное бегство и убили множество их патрикиев»[59].

Подробно о поражении византийцев рассказывает армянский историк Гевонд, согласно которому Му‘авийа в первом году своего правления стал готовиться к походу на Византию. Константин (сын Константа, оставашийся в Константинополе) приказал командующему войском (ополчением?) Киликии выступить против арабов и призвал на помощь Смбата Багратуни. Опасаясь репрессий со стороны византийцев, к ним присоединился и Вард, сын Теодороса Рштуни, придерживавшегося арабской ориентации. Столкновение византийцев с арабами произошло где-то на Евфрате, иначе говоря, в пределах Четвертой Армении. Византийцы навели наплавной мост, переправились через Евфрат и вступили в сражение с арабами. Когда Вард, вызвавшийся охранять переправу, увидел, что арабы одерживают верх, то перерезал канаты, скреплявшие мост, и ушел со своим отрядом. Византийское войско, прижатое к реке, понесло огромные потери. Это сражение произошло в страстную субботу, пришедшуюся в 662 г. на 16 апреля[60]. Эта точная дата на 10 дней раньше начала 42 г. х., и, по-видимому, этим объясняется то, что сведения об этой кампании датируются то 41, то 42 г. х. Несомненно, в связи с этой кампанией в Четвертой Армении оказался умерший там Хабиб б. Маслама[61]. Поражение, видимо, заставило византийцев заключить перемирие с выгодными для арабов условиями (а не наоборот, как у ал-Йа‘куби).

Вместе с византийцами тяжелые потери должны были понести и сражавшиеся на их стороне армянские войска. Во всяком случае, вскоре после сражения католикос Нерсес и собрание нахараров признали зависимость Армении от Халифата. Му‘авийа

согласился получать от Армении 500 динаров в год, сумму, которую нельзя не признать символической, если только в договоре речь шла о динарах, а не литрах[62]. Григор Мамиконян и Смбат Багратуни год пробыли в Дамаске в качестве заложников, а затем были с почетом возвращены на родину, причем Григор был признан правителем Армении.

Раскрыть фразу ат-Табари о походе против аланов помогает «История страны Алуанк» Каланкатуаци, в которой сообщается о вторжении хазар в Закавказье. В 661 г. албанский царь Джуаншер изгнал их за пределы Дербентского прохода; на следующий год они вновь вторглись в Албанию, переправились через Куру и дошли до Аракса, захватив огромное количество скота, пригнанного из горных районов на зимнее пастбище, и много пленных[63]. Произошло это в пору зимнего солнцестояния (21—25 декабря), но год, к сожалению, указывается опосредованно. Джуаншер вступил в переговоры с каганом и заключил договор, по которому хазары возвратили 120 000 голов скота, 7000 лошадей и 1200 пленных, и каган выдал за Джуаншера свою дочь, после чего хазары ушли[64]. О том, какие обязательства взял на себя Джуаншер, не говорится, так как основная задача историка заключалась в прославлении подвигов и величия Джуаншера, а невыгодные для него обязательства могли затемнить его блистательный образ. Не упоминает он и вмешательство арабов, хотя, несомненно, они должны были столкнуться с хазарскими отрядами на Араксе, являвшемся северной границей Азербайджана. Можно предположить с большой долей вероятности, что тогда вместе с хазарами в Албанию вторглись и аланы.

Договор Джуаншера, обезопасивший Албанию от новых вторжений хазаров, был выгоден на этом этапе и для Халифата, так как за весь его правый фланг от Каспия до Четвертой Армении можно было не беспокоиться, возобновляя войну в Малой Азии.

Ситуация в пограничной полосе от залива Искендерон до верховьев Евфрата известна очень плохо. Арабские авторы характеризуют состояние отдельных городов и крепостей этой спорной полосы шириной около 100 км либо в первый период завоеваний, либо с конца VII в. Судя по отдельным замечаниям, большинство городов и крупных селений этой полосы запустели, а арабы не намеревались в них поселяться, предпочитая разрушать укрепления, чтобы ими не воспользовались византийцы, лишь иногда используя их как временные опорные пункты. Известно, что Му‘авийа в 31/651-52 г. разрушил все крепости на наиболее удобной для вторжения в Малую Азию дороге между Антакией (Антиохией) и Масисой. Сообщается также, что он восстановил укрепления Мар‘аша и разместил в нем гарнизон. неясно только, было это до или после гражданской войны[65].

Сообщения о военных действиях в Малой Азии в 663—670 гг. в арабских, греческих и сирийских источниках за редкими исключениями весьма лаконичны. Халифа и ат-Табари отделываются для каждого года одной фразой: «Такой-то совершил летний поход» — или добавляется: «...и зимовал в ар-Руме». Феофан почти так же краток, сделав исключение для 26-го года Константа, когда привел обширный полуанекдотический рассказ о препирательстве посла императора и посла мятежного византийского военачальника, прибывших одновременно к халифу с просьбой о помощи[66]. Лишь в анонимной маронитской хронике мы находим подробное описание двух походов, но датировка их несколько затруднительна.

В 43/663 г. поход в Малую Азию возглавил Буср б. Абу Арта, оставшийся там на зиму[67]. На следующий год его сменил Абдаррахман б. Халид, сын Халида б. ал-Валида, который также зимовал. По сведениям ал-Йа‘куби, он достиг Колонеи (ныне Шебинкарахисар в 130 км юго-западнее Трабзона)[68]. Признать это большим успехом трудно. Правда, Феофан говорит, что он опустошил многие районы (хоры), к нему присоединились славяне (вероятно, насильственно переселенные в Малую Азию) и 5000 человек вместе с ним ушли в Сирию и поселились в Селевкобеле около Апамеи. В кампанию 665 г. Абдаррахман достиг Антиохии в феме Анатоликон (см. рис. 2) и остался на зиму 665/66 г. В то же время Буср б. Абу Арта командовал операциями на море, поэтому у Феофана командующим арабскими войсками оказывается не Абдаррахман, а Буср[69].

Этот перечень событий, совпадающий почти у всех арабских авторов, нарушает маронитская хроника, согласно которой походу Абдаррахмана в 44/664-65 г. предшествует поход под командованием Йазида б. Му‘авии. К сожалению, в рукописи отсутствует его дата, которая пришлась на утраченный лист, и текст начинается с середины фразы: «...этого же года Йазид бар Му‘авийа также направился с большим войском. Когда они остановились в ТРКЙА...» и т.д.[70]. Судя по порядку изложения, этот поход должен прийтись на 43/663-64 г., однако арабские историки говорят, что Йазид впервые возглавил поход на Малую Азию в 49/669 или 50/670 г.[71], к тому же в 43 г. х. ему было не более 17 лет, и вряд ли отец поручил бы такому молодому и неопытному в командовании сыну возглавить поход. Если автор маронитской хроники не ошибся, упоминая Йазида, то он мог быть в том году только участником похода, а не его командующим.

Еще одной загадкой является название пункта, до которого дошли арабы. Все исследователи и переводчики от Ю.Велльхаузена до А.Пальмера переводят ТРКЙА как «Фракия» (Thracia,

Thrace)[72], не объясняя, каким образом арабы попали во Фракию, находящуюся за Босфором, минуя Константинополь, и почему Феофан не отметил это чрезвычайное событие. Есть два других варианта прочтения этого топонима, снимающих вопрос: перед нами либо «Фригия», либо усеченная форма названия фемы Фракиссия. Географически оба варианта весьма правдоподобны, так как известно, что Абдаррахман б. Халид в 665 г. доходил до Антиохии, которая находится недалеко от Фригии и Фракиссии.

Жители города (не названного в хронике), около которого арабы разбили лагерь, воспользовавшись тем, что арабы рассеялись по округе в поисках добычи, напали на стада, которые пасли гулямы[73] с небольшой охраной, многих убили и захватили часть скота. Воодушевившись успехом, горожане решили напасть на лагерь. Сын императора Константин, находившийся в городе, предостерегал их от этого; не послушавшись его, горожане со знаменами и хоругвями вышли из города. Арабы, не оказывая сопротивления, позволили им далеко отойти от города, а затем напали на них с тыла. Началось паническое бегство, арабы гнали их, убивая, до самого города и остановились только на пределе дальности камнеметных машин, стоявших на стенах. Ворота оказались закрытыми по приказу Константина, решившего наказать горожан за своеволие, их открыли в самый последний момент, и оставшиеся в живых укрылись за городскими стенами[74].

Ни одного имени арабских военачальников в этом рассказе не упоминается, и нельзя понять, идет речь о лагере главных сил арабов или о действиях какой-то части войска.

Следующий далее рассказ о походе Абдаррахмана б. Халида начинается с того, что он разбил лагерь около озера Скударин или Аскударин, где на мысу, отделенном от материка болотами, или на острове располагалось богатое селение. Абдаррахман приказал изготовить лодки и плоты и послал на них отряд для его захвата. Местные жители спрятались в прибрежных зарослях, дали арабам высадиться и отойти от берега, а затем захватили их лодки и отплыли, в это время другие напали на арабов, находившихся на болотистой прибрежной полосе, и уничтожили их на глазах остального войска, которое не могло помочь своим товарищам[75].

На обычном пути арабских походов в Малую Азию через Гераклею на запад находится несколько озер. Ибн Хурдадбих, описывая пути через Малую Азию, упоминает только одно из них, ал-Басилийун («Царское»), по местоположению соответствующее озеру, ныне называемому Туз[76], но на нем нет островов. Острова есть на озере Бейшехир в 75—80 км от Коньи (Икония). Абдаррахман вполне мог оказаться около него, если шел южной дорогой от Гераклеи через Иконий.

Потерпев неудачу на озере, Абдаррахман направился на север к Амориуму. Путь его должен был пройти мимо Антиохии, но она в этой связи не упоминается. Жители Амориума не стали испытывать судьбу и сдали город по договору. Оставив там гарнизон, Абдаррахман двинулся на запад и застрял около крепости Силос, которую А.Пальмер отождествляет с городом Синнада в сотне километров западнее Амориума[77]. Взять его с ходу не удалось, и пришлось сооружать баллисту. Местный мастер не сумел правильно рассчитать длину рычага (или сделал это умышленно), поэтому лишь один камень долетел до ворот, остальные падали ближе. Горожане, стоя на стене, потешались над арабами и кричали: «Прыгайте лучше, халидовцы!» Затем огромный камень, пущенный с городской стены, повалил арабскую баллисту и сломал ее. Ибн Халид не стал больше терять времени на осаду, пошел еще дальше на запад и захватил Пергам и Смирну[78]. Рукопись на этом обрывается, можно думать, однако, что Ибн Халид возвратился к Амориуму, захватил Антиохию и зазимовал в ней.

Рассказ об этих двух кампаниях свидетельствует о том, что за 30 лет войн с Византией арабы так и не обзавелись собственными мастерами по изготовлению осадных орудий и взятие укрепленных городов представляло для них трудную задачу. В этих условиях, можно думать, захват сразу двух больших городов, Пергама и Смирны, свидетельствует об отсутствии у них оборонительной стены. Зная об этом, невольно задаешься вопросом, почему византийцы, ежегодно подвергаясь опустошительным набегам на всей территории Малой Азии, не пытались организовать противодействие вторжениям арабов в горных проходах Тавра?

В 666 г. арабам представилась прекрасная возможность одним ударом покончить с Византией: командующий войсками (стратиг) Армениака Саборис Персогенис (букв. «Шапур Персородный») поднял восстание против императора и послал посла к Му'авии с предложением совместных действий против императора, обещая признать верховную власть халифа. Одновременно в Дамаск прибыл посол императора с призывом не помогать мятежнику. В остром споре между послами принял участие и правитель Албании (Аррана) Джуаншер, прибывший в Дамаск для переговоров с халифом[79]. Му'авийа, как и следовало ожидать, принял сторону мятежника и послал на помощь ему Фадалу б. Убайда.

Резиденцией Шапура называется Адрианополь, хотя вряд ли имеется в виду Адрианополь во Фракии, так как Фадала шел северным путем через Мелитену (Малатию) в сторону Армениака. В Малатии Фадала узнал о нелепой смерти Шапура: при

проезде через ворота его конь взвился на дыбы, он ударился головой об верх арки или притолоку, проломил череп и в тот же день умер. Его войско сразу же перешло на сторону императора. Стало ясно, что с наличными силами вторгаться на византийскую территорию опасно, и Му‘авийа послал вторую армию со своим сыном Йазидом. Арабы прошли через весь полуостров до Босфора и достигли Халкидона. С тысячами пленных Йазид отправился в обратный путь, оставив в Амориуме пятитысячный гарнизон. Зимой византийцы, предводительствуемые сакелларием (камергером) Андреем, тайно взобрались на стену и перебили арабский гарнизон, который из-за холодов укрывался в домах[80]. Арабские историки совершенно не отражают эти события и не упоминают Йазида, им неясно даже, кто зимовал в Малой Азии: Малик б. Абдаллах, Малик б. Хубайра или Абдаррахман б. Халид[81].

Внутреннее состояние Византии не способствовало организации активного сопротивления арабским вторжениям. Переселившийся в Сиракузы император смирился с потерей Малой Азии и думал лишь об удержании владений на Западе. Ссылка папы Мартина в Херсонес, представлявшийся римлянам чем-то вроде Магадана для нас, не прибавила Константу симпатий на Западе. Столичная знать, имевшая владения в Малой Азии, была недовольна его невниманием и лишением Константинополя статуса столицы; придворные, переселенные в провинциальные Сиракузы, мечтали о возвращении. Высшие придворные чины в течение шести лет препятствовали отъезду из Константинополя его жены и сыновей. Против императора сложился заговор, закончившийся его убийством: сакелларий Андрей, человек доверенный и заслуженный, обслуживая его в бане, намылив ему голову, ударил затем по голове кувшином с жидким мылом и проломил череп. От этой раны император скончался 15 сентября 668 г., а заговорщики избрали императором некоего армянина Мизизия[82].

Узнав о кончине отца, Константин снарядил большой флот, прибыл на Сицилию и казнил Мизизия и других участников заговора. Вернувшись в Константинополь, он объявил императором себя и своих братьев Тиберия и Ираклия. Новому императору, Константину IV, прозванному Погонатом («Бородатым»), предстояло отстоять Константинополь от арабов.

Параллельно с вторжениями в Малую Азию арабы после окончания гражданской войны активизировали свои действия в Северной Африке, в том числе и в районах, находившихся в составе византийских владений. Как отмечалось выше, в 661 г Амр б. ал-Ас послал своего двоюродного брата по матери Укбу б. Нафи‘ ал-Фихри в Ливию для приведения в покорность бербе-

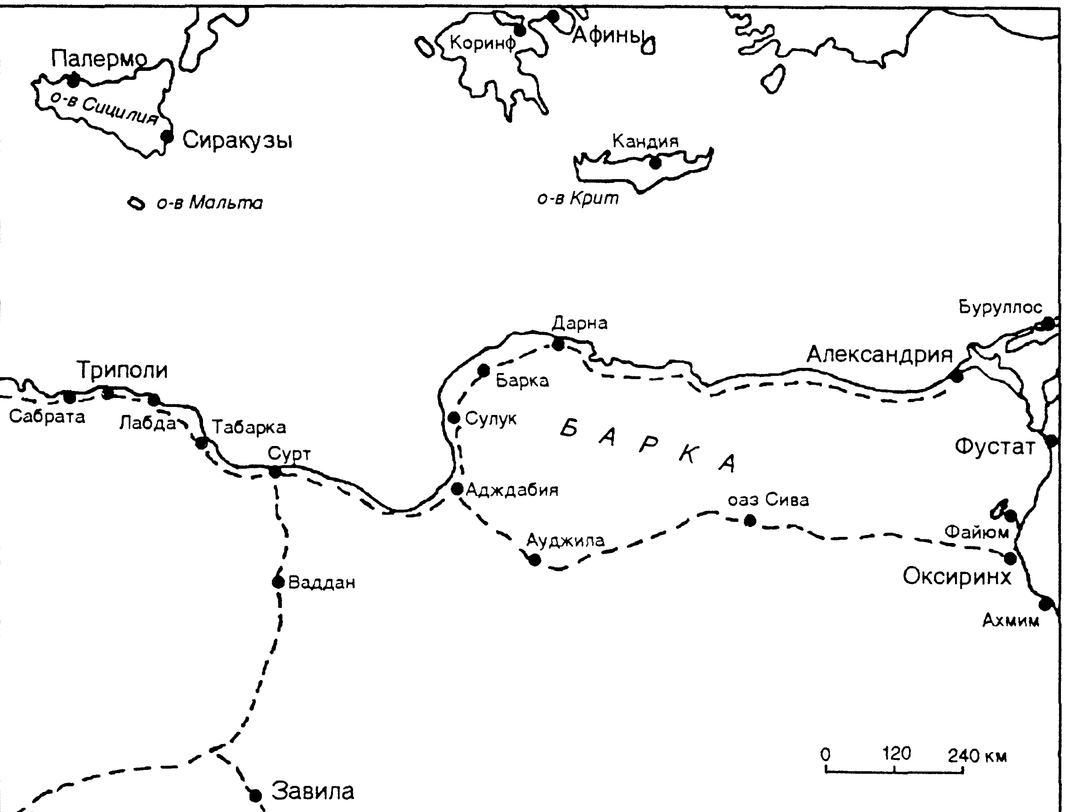

Рис. 3. Барка и Триполитания во второй половине VII в.

ров, переставших платить дань в те годы, когда наместники Египта были заняты внутренними неурядицами. Он восстановил арабскую власть в Барке и Маракии и вернулся с добычей и пленными, а на следующий год покорил Ваддан и Фаззан (см. рис. 3), причем египетская историческая традиция приписывает Укбе бессмысленную жестокость по отношению к вождям, с которыми он заключил договор. После пятимесячной передышки в самое жаркое время года Укба двинулся дальше на запад и захватил в 663 г. Гадамес, Кастилию (в районе Таузара) и Кафсу[83]. Параллельно Шарик б. Сумай начал завоевание Триполитании, также вышедшей из-под власти арабов, и овладел Либдой[84].

Дальнейшее продвижение, видимо, было остановлено смертью Амра б. ал-Аса, скончавшегося в праздник разговенья (вечером 30 рамадана или 1 шаввала/5 или 6 января 664 г.). Управление страной он поручил своему сыну Абдаллаху, но через месяц-полтора Му‘авийа прислал «ведать молитвой», т.е. религиозно-политическим главой провинции, своего брата Утбу б. Абу Суфйана, оставив сбор налогов в ведении Абдаллаха (зу-л-ка‘да 43/4 февраля — 4 марта 664 г.)[85].

Видимо, в 664 г. в Египте опасались возможного удара византийцев с моря в отместку за нападение мусульман на Ифрикию в предшествующие годы, поскольку комендант Александрии счел, что 12 000 воинов, находившихся в его распоряжении, недостаточно, и просил подкреплений. В ответ в Александрию прибыл сам Утба и построил новую резиденцию в цитадели Александрии и, можно думать, отремонтировал укрепления. Здесь же он и скончался в зу-л-хиджжа 44/23 февраля — 23 марта 665 г., оставив своим преемником Укбу б. Амира ал-Джухани, сподвижника пророка, знатока Корана и большого авторитета в области права. Му‘авийа утвердил его наместником, передав в его ведение и сбор налогов. При нем возобновились походы в сторону Ифрикии, но точное направление их неизвестно[86]. Деятельность Укбы почему-то не удовлетворила Му‘авию, и он назначил на его место Масламу б. Мухаллада в то время, когда Укба возглавлял морской набег на Родос[87].

Глава 5

РОЖДЕНИЕ ДИНАСТИИ

ПЕРЕЛОМНЫЕ ГОДЫ

В истории случаются моменты, когда в короткий промежуток времени совпадают несколько событий, в совокупности меняющих жизнь общества, будь то неблагоприятное сочетание экономических сложностей и стихийных бедствий или уход из жизни выдающихся деятелей, символизирующий определенную грань в истории общества и государства. Последнее зависит не столько от истинной значимости ушедших деятелей, сколько от того, в какой мере это совпадает с накапливавшимися исподволь изменениями. Таким переломным моментом в истории двадцатилетнего правления Му‘авии были 669—670 годы.

За восемь лет, прошедших после отречения, Хасан не проявлял никаких претензий на власть, хотя, как мы видели, не отказывал себе иногда в удовольствии подчеркнуть свою истинную значимость. Му‘авийа, со своей стороны, пропускал подобные колкости мимо ушей и строго соблюдал условия заключенного между ними договора. Как отмечал ад-Динавари, «ни ал-Хасан, ни ал-Хусайн не видели от Му‘авии, пока он был жив, ничего дурного по отношению к себе или неприятного; и он не лишал их ничего из того, что было обусловлено относительно их обоих, и не переменял своего благорасположения к ним»[1].

Лояльное отношение главы Алидов к халифу удерживало многочисленных сторонников Али в Куфе от антихалифских выступлений или иных проявлений враждебности, тем более что по условиям договора власть должна была перейти после смерти Му‘авии к Хасану, а время работало на Хасана: ему было в 669 г. 45 лет, тогда как Му‘авийа приближался к 70.

Этим ожиданиям не суждено было сбыться: неожиданно весной 669 г. Хасан заболел и через полтора месяца умер 5 раби‘ I 49/13 апреля 669 г.[2]. Эта смерть была настолько своевременна и выгодна Му‘авии, что у шиитов следующих поколений не было никаких сомнений в том, что его отравил халиф, чтобы расчистить дорогу своему сыну. Молва обвиняла одну из жен Хасана, Джа‘ду бт. Аш‘ас б. Кайс в том, что она отравила его по науще-

нию халифа, который обещал ей 100 000 дирхемов и отдать ее в жены своему сыну Йазиду. Потом он обещанные деньги дал, а вторую половину обещания выполнить отказался, будто бы сказав: «Хочу, чтобы Йазид был жив». Уверенность в ее вине настолько была велика, что ее потомков обзывали «дети отравительницы Хасана»[3].

Наиболее подробная и достоверная версия рассказа о последних днях Хасана (восходящая к Джа'фару ас-Садику, передававшему слова Али, сына Хусайна) гласит: «Пришел Хусайн к моему дяде Хасану б. Али, когда тот выпил яд, а тот встал и вышел по человеческой необходимости, потом вернулся и сказал: „Пил я яд несколько раз, но не пил такого, как этот, — изверг я часть своей печени, я обнаружил ее палкой, которая была в моей руке". И спросил его Хусайн: „Брат мой, кто напоил тебя [ядом]?" Он ответил: „Чего ты хочешь этим? Если это тот, на кого я думаю, то расчет принадлежит Аллаху. А если это кто-то другой, то я не хочу отвечать за невинного". И прошло после этого только три дня, и он умер»[4].

Перед смертью Хасан выразил желание быть похороненным рядом с дедом, если это не вызовет осложнений. На пути похоронной процессии к дому Аиши, где был похоронен Мухаммад, встал Марван б. ал-Хакам, который был наместником Медины, во главе многочисленных родичей и запретил хоронить Хасана рядом с пророком в наказание за позорные похороны Усмана (к чему Хасан никакого отношения не имел). Абу Хурайра заговорил об особом положении Хасана, которого пророк называл вместе с Хусайном саййидами юношей рая. Марван заявил, что Абу Хурайра это выдумал. Перепалка вокруг того, кто когда принял ислам и кто чего стоит, грозила закончиться кровопролитием, так как обе стороны схватились за оружие. Аиша, которая сначала вроде бы не возражала против погребения, перепугавшись, сказала: «Это мой дом, и я не позволю никого в нем хоронить». Положение спас выдержанный Мухаммад б. Али, который уговорил горячего Хусайна согласиться похоронить брата в ал-Баки' рядом с матерью[5].

На похороны Хасана будто бы собралось столько народу, «что если бы бросить иголку, она упала бы на чью-нибудь голову», а потом из-за горя и плача мединцев целую неделю в городе не работал базар[6]. Все это — поздние преувеличения. На самом деле смерть Хасана прошла настолько мало замеченной, что историки путались, в котором году он умер: в 49, 50 или 51 г. х.

Несмотря на то что смерть Хасана была как нельзя более выгодна Му'авии, некоторые обстоятельства заставляют сомневаться в справедливости обвинений Му'авии в отравлении, хотя оно всегда было надежным аргументом в борьбе за власть. Прежде

всего обращает на себя внимание отсутствие этих обвинений в ранних источниках[7]. Далее, во многих ситуациях, когда Алиды или шииты выдвигали различные обвинения Му‘авии, никогда не встречается обвинение в отравлении Хасана. Так, рассказывается, что Абдаллах б. Аббас выговаривал Му‘авии, что он откровенно радуется смерти Хасана, но даже не намекнул на возможность его вины[8]. Можно возразить, что до Ибн Аббаса могло еще не дойти известие о причинах смерти. Сообщается также, что шиитские вожди Куфы, узнав о кончине Хасана, написали Хусайну, что признают его преемником, и заверили в своей безусловной поддержке, если он прибудет к ним и начнет борьбу за Халифат[9]. Здесь-то уж Хусайн мог как-то выразить свое мнение по поводу причины смерти брата, вместо этого он посоветовал воздерживаться от выступлений и не давать повода для подозрений, пока жив Му‘авийа, т.е. по-прежнему считал себя связанным договором с ним, а ведь если верить его сыну, то именно Хусайну пожаловался Хасан на отравление. Как мы увидим дальше, никто из мединской верхушки, отвергая возможность передачи халифата сыну Му‘авии, никогда не предъявлял ему обвинение в отравлении Хасана.

Гораздо вероятнее, что Хасан умер естественной смертью от какого-то внутреннего кровоизлияния (например, от прободения язвы желудка или двенадцатиперстной кишки). Его жалобы на то, что принимал яд неоднократно, могут свидетельствовать о наличии приступов, которые с каждым разом усиливались[10].

Кроме ал-Аштара и Хасана Му‘авии приписывали отравление Абдаррахмана б. Халида и Са‘да б. Абу Ваккаса. Абдаррахман будто бы стал беспокоить халифа своим исключительным авторитетом в Северной Сирии, управлявшейся им из Химса. Особенно обеспокоился Му‘авийа после того, как вожди сирийцев на вопрос, кого бы они хотели видеть халифом после его смерти, ответили: «Абдаррахмана б. Халида». Тогда Му‘авийа послал к Абдаррахману, захворавшему по возвращении из очередного похода, своего врача-христианина Абу Усала, давшего больному отравленное питье (666 г.). В награду за услугу Абу Усал получил освобождение от хараджа и должность уполномоченного по сбору хараджа в провинции Химса[11].

Подтвердить или отвергнуть эти сообщения у нас нет оснований. Иначе обстоит дело с отравлением Са‘да б. Абу Ваккаса. Ал-Исфахани для вящего очернения Му‘авии утверждает, что его отравили в тот же год, что и Хасана[12], хотя в действительности он умер значительно позже: в 55/675 или даже в 58/678 г.[13], когда вопрос о престолонаследии был решен и никакое соперничество с Йазидом или Му‘авией не угрожало: после третейского суда он решительно отказался от всякого участия в политике и,

кроме того, за ним не стояло никакой влиятельной группировки, которая могла бы воспротивиться решению Му'авии о престолонаследии. Гораздо большую опасность для халифа представлял Абдаллах б. аз-Зубайр или Абдаррахман б. Абу Бакр, но их никто не трогал.

Возможно, со смертью Хасана связано смещение в том же месяце Марвана б. ал-Хакама с поста наместника Медины. Причиной его смещения некоторые источники называют жалобу дочери Му'авии Рамлы на то, что Марван подбивает ее мужа Амра б. Усмана б. Аффана заявить претензии на халифат, превозносится многочисленностью своего потомства и т.д.[14]. Сомнительно, чтобы одна такая жалоба могла подвигнуть осторожного политика на смещение влиятельного в Медине человека. Вероятно, со смертью Хасана в Медине менялось соотношение сил и давала себя знать тихая оппозиция мухаджиров и ансаров, которую мог использовать в своих целях Марван, а скандал вокруг похорон Хасана мог послужить вполне благовидным предлогом для смещения и назначения представителя другой, менее влиятельной ветви Умаййадов, Са'ида б. ал-Аса.

Зима 669/70 г. выдалась необычно суровой. Снег и морозы погубили много плодовых деревьев и скота[15], а затем, как обычно случалось после неурожайных лет, в Ираке началась чума, которая унесла еще одну крупную политическую фигуру — Мугиру б. Шу'бу. В разгар эпидемии он уехал из густонаселенной Куфы, а когда она стала спадать — вернулся, заразился и умер в ша'бане 50/24 августа — 21 сентября 670 г.[16]. Проблему замещения поста наместника Куфы халиф решил необычно: впервые за всю историю Халифата он объединил управление Куфой и Басрой в одних руках — в руках Зийада б. Абу Суфйана, а с ними вручил ему власть над всем востоком Халифата.

В Куфе эта весть не вызвала восторга, уже хотя бы потому, что с момента основания она была самостоятельна и подчинение басрийскому наместнику, тем более такому суровому правителю, как Зийад, воспринималось куфийцами как унижение. Сознавая это, Зийад обратился к куфийцам с лестной для них речью: «Я хотел приехать к вам с двумя тысячами охранников (*шурṭа*) Басры, но потом вспомнил, что вы — люди, следующие закону (*ḥаḳḳ*), и право победило у вас беззаконие, поэтому я прибыл лишь с семьей. Хвала Аллаху, который сложил с меня то, чем отягощают люди, и уберег меня от того, что ими испорчено».

В ответ на эту миролюбивую речь в Зийада полетели камни. Он сошел с минбара, дождался, пока несколько стих шум, велел сопровождавшей его охране встать у выходов из мечети и приказал присутствующим в мечети: «Пусть каждый из вас возьмет за руку сидящего рядом, и не говорите: не знаю, кто сидел рядом

со мной», затем сел у выхода из мечети и велел подводить присутствовавших по четверо. Их заставляли клясться, что никто из них не кидал камней. Тех, кто клялся, — отпускали, тех, кто не клялся, — отводили в сторону и тут же отрубали руку. Таких бунтарей оказалось около 30 человек[17].

Вместе с тем Зийад пытался найти общий язык с вождями шиитов, с которыми сравнительно недавно был в одном лагере. Он пригласил к себе одного из наиболее воинственно настроенных, Худжра б. Ади, бывшего прежде его приятелем. Посадив его рядом с собой, он доверительно сказал: «Воистину, дело, за которое мы стояли вместе с Али, было ложным, а должно быть таким, какое оно сейчас». — «Вовсе нет, — возразил Худжр, — наоборот, этот мир привлек тебя и испортил». Увидев, что Худжра не переубедить, Зийад просил его лишь быть сдержанным: «Это место — твое, и каждый день десять твоих желаний не будут отвергнуты, ты только следи за своим языком и удерживай руки. Но, клянусь Аллахом, если придется пролить твою кровь, то выпущу ее целиком — ты знаешь, что если я сказал, то сделаю»[18]. Худжр не внял этому предостережению.

К Зийаду стали поступать доносы о тайных собраниях шиитов. Он воздержался от немедленных карательных мер, а только предупредил, что собираться по домам не следует, а если хочется пообщаться и поговорить, то это можно сделать и в мечети, на людях[19]. Следует помнить, что кроме главной, соборной мечети в городе имелись также мечети в племенных кварталах, которые служили не только местом моления, но и своего рода мужскими клубами, поэтому совет Зийада был вполне резонным. Он, конечно, тоже не был принят теми, кто вел антиумайййадские разговоры.

Не ограничиваясь казнями, угрозами и увещеваниями, Зийад провел в Куфе серьезную административно-финансовую реформу: вместо семи групп, объединявших родственные племена, были организованы четыре *арбā‘*, с перемешанным составом. Первую из них, включавшую мусульманскую аристократию, мединцев (т.е. мухаджиров и ансаров и их потомков), возглавил махзумит Амр б. Хурайс. Во вторую вошли соперничавшие между собой тамимиты и хамданиты, их возглавил Халид б. Урфута ал-Узри. В третью группу вошли раби‘иты и киндиты, их возглавил Кайс б. ал-Валид ал-Махзуми. Во главе четвертой группы из асадитов и мазхиджитов был поставлен Абу Бурда, сын Абу Мусы ал-Аш‘ари[20]. Помимо того, что в каждую «четверть», кроме первой, вошли северные и южные арабы, во главе их встали не свои вожди, а **назначенные** главы из курайшитов или их домусульманских союзников. Таким образом, впервые был серьезно поколеблен принцип племенной организации на ее высших уровнях.

Зийад остался в Куфе наводить свои порядки, а Басру на это время поручил Самуре б. Джундабу, человеку не менее решительному, но, кажется, более жестокому[21]. В дальнейшем Зийад жаркую половину года проводил в Куфе, а прохладную — в Басре.

В начале 51/671 г. Зийад, используя свое исключительное положение наместника обеих столиц Ирака, осуществил давно напрашивавшееся мероприятие — поручил наместнику Хорасана ар-Раби' б. Зийаду ал-Хариси переселить из них большую группу воинов с семьями на крайний северо-восток Халифата, в Мерв, превратив его в базу для завоевания областей за Амударьей, Мавераннахра*. Ал-Балазури говорит о 50 000 воинов с семьями, однако такого числа воинов в Мерве и Мервском оазисе не было и полвека спустя; очевидно, в исходной информации имелось в виду общее число переселенцев, которое затем превратилось в число воинов. Исходя из этого, число воинов можно определить в 10—15 тысяч[22].

Судя по рассказу о том, как десятью годами позже набирался отряд для Сиджистана, переселение было делом добровольным, а роль властей сводилась к материальному обеспечению переселения. В Мерве их ждали свободные участки в сильно запустевшем городе и бесхозные земли в селениях оазиса[23].

Мерв стал теперь резиденцией наместника Хорасана, хотя в нем сохранялся местный владетель, марзбан, и весь его административно-фискальный аппарат, обеспечивавший сбор налога и передачу наместнику обусловленной договором дани.

Создание нового пограничного гарнизонного центра определялось новой ситуацией, сложившейся в Халифате, который после 10 лет внутренней стабильности готов был к новому завоевательному броску за пределы границ, сложившихся в конце правления Усмана. Вряд ли случайно, что годом раньше на противоположном конце Халифата Укба б. Нафи', продвинувшись далеко на север провинции Африка, основал в 50/670 г. другой пограничный гарнизонный центр, ал-Кайраван, или Кайруван («караванная стоянка»). Здесь большое незаселенное пространство было разделено между племенами, а затем каждый устраивался или застраивался по своему желанию[24]. Главная мечеть нынешнего Кайрувана до сих пор носит имя основателя города — Сиди Окба, хотя архитектурно она никак не связана с примитивным сооружением времени Укбы.

В том же году арабы овладели городом Джалула (в 30 с небольшим километрах западнее ал-Кайравана), честь завоевания которого приписывается Абдалмалику, сыну Марвана б. ал-

---

* *Мā варā' ан-нахр* — букв. «то, что за рекой»

Хакама[25]. В руках византийцев теперь оставался небольшой северо-восточный угол провинции Африка, и возникновение рядом с ним ал-Кайравана было предвестием скорого завоевания его арабами.

Переселение в Мерв должно было освободить Куфу и Басру от части наиболее беспокойных и воинственных людей. Тем не менее в том же году, в рамадане (11 сентября — 10 октября 671 г.), в отсутствие Зийада в Басре подняли восстание хариджиты, исповедовавшие идею дозволенности и необходимости уничтожения всех инакомыслящих мусульман (*исти‘ра̄д̣*), которыми руководили двоюродные братья: Курайб б. Мурра и Захҳаф б. Захр ат-Та’и. Восстание было задумано широко, но в последний момент хариджиты из группы мудар не явились вечером на сборный пункт — кладбище бану йашкур. В результате собралось всего 70 человек; стали раздаваться голоса, что при такой малочисленности лучше разойтись по домам. Этим колеблющимся разъяснили, что уже известно, кто ушел из дому, поэтому возвратившихся все равно казнят.

С кладбища бану йашкур мятежники направились к мечети бану дубай‘а, в которой по вечернему времени собралось много молящихся, и с кличем «Суд принадлежит Аллаху!» убили многих из присутствовавших. Затем, разделившись на несколько отрядов, хариджиты напали на другие мечети в квартале аздитов, убивая на своем пути встречных. Та же трагическая участь постигла собравшихся в мечети бану кутай‘а и Масджид ал-Му‘адил. Прославленная строгостью ночная стража почему-то отсутствовала и на призыв о помощи, раздавшийся с минарета мечети бану кутай‘а, никто не откликнулся. Лишь на площади перед мечетью бану али хариджитов встретили молодые стрелки бану али и бану расиб, осыпавшие их градом стрел. Только теперь за дело взялась полиция. Было будто бы полтысячи полицейских[26], но тогда непонятно, почему справиться с горсткой хариджитов они смогли только с помощью аздитов. Либо эта цифра относится к общей численности полицейских в Басре, либо к мятежникам успело присоединиться большое число сторонников. Остатки хариджитов укрылись в каком-то дворе, где они продержались до утра. Курайб пал в поединке с личным врагом, а его сотоварищи были перебиты.

Для устрашения оставшихся хариджитов тела руководителей восстания были распяты. Из Куфы срочно приехал Зийад. Он похвалил аздитов, давших отпор бунтарям, и пригрозил остальным, что тех, кто не будет усмирять своих преступных соплеменников, он лишит жалованья. Пострадали и жены руководителей восстания: их роздали отличившимся в подавлении восстания, а остальных выслали из Басры. Одну женщину, сочувст-

венно отозвавшуюся о распятых, тут же схватили и распяли рядом с ними. Она, или другая женщина, участвовавшая в восстании, была распята обнаженной. Страх подобного позора привел к тому, что женщины больше не участвовали в восстаниях хариджитов[27]. После казней участников восстания начались расправы с их единомышленниками.

Вскоре после этого, в конце 51/671 г., Зийаду пришлось подавлять волнения шиитов в Куфе, возглавлявшихся упомянутым ранее Худжром б. Ади. Шииты, которым Зийад запретил тайные встречи в домах, стали собираться вокруг Худжра в главной мечети города и, не стесняясь никого, поносить Зийада и самого халифа. Речи их ораторов собирали массу слушателей, как шиитов, так и любопытствующих, из которых вербовались новые сторонники. Иногда в мечети шииты составляли треть, а то и половину присутствующих.

Выведенный этим из терпения заместитель Зийада Амр б. Хурайс потребовал от присутствовавшей на молении племенной верхушки укротить смутьянов. В ответ на это наиболее горячие сторонники Худжра пробились к минбару, стали бранить Амра и бросать в него камни. Амр поспешно покинул мечеть и заперся в резиденции, не решаясь применить силу. В послании, отправленном Зийаду, Амр сообщил, что его власть ограничивается пределами резиденции. «Если тебе нужна Куфа, — завершил он его, — поспеши»[28].

Резиденция (*дāр ал-имāра*), примыкавшая с юга к мечети, была не столько дворцом, в котором помещались и присутственные места, сколько мощной крепостью. Стены четырехметровой толщины охватывали площадь 170×170 м, в центре которой располагался собственно дворец-замок (*ḳаṣр*), квадратное же двухэтажное здание размером 115×115 м с глухими наружными стенами и внутренним двором, куда выходили окна и двери всех служебных, жилых и парадных помещений. Это была настоящая цитадель, в которой могли укрыться около 2000 человек, а большая цистерна под дворцом, вмещавшая до 120 тонн воды, обеспечивала минимальные нужды такого числа людей в течение двух недель[29].

Так долго Зийад не заставил себя ждать, а сторонники Худжра не пытались овладеть резиденцией, довольствуясь моральной победой. Зийад появился в мечети в сопровождении начальника полиции и вооруженных стражников. Обратившись к присутствующим с увещеваниями и призывом образумиться, он закончил речь словами: «...а если вы не выздоровеете, то я дам вам ваше лекарство, оно у меня наготове» — и послал стражника привести Худжра, который находился в мечети в окружении сторонников. Они закричали: «Не ходи, не оказывай ему чести!» Обруганный

стражник вернулся назад. Зийад послал его вторично, придав ему несколько человек, и он снова вернулся ни с чем. Тогда Зийад обратился к куфийской верхушке: «Куфийцы! Вы одной рукой раните, а другой ласкаете, ваши тела со мной, а ваши сердца — с Худжром, с этим сумасшедшим дураком. Вы — со мной, а ваши братья и сыновья и родичи — с Худжром!» Его бросились уверять, что они преданы всей душой и только ждут его совета. «Тогда идите к окружающим его людям и поговорите с каждым из ваших сородичей!»

Увещевания старейшин подействовали на многих, и около Худжра, сидевшего возле Киндитских дверей, осталась горстка самых преданных сторонников, против которых были посланы стражники. Безоружные шииты отчаянно сопротивлялись, несколько человек были серьезно ранены, в том числе один из предполагаемых убийц Усмана, Амр б. ал-Хамик. Их сопротивление помогло Худжру выйти из мечети и укрыться в своем доме.

Зийад не решился послать стражников в квартал киндитов, а приказал главам всех племенных объединений поехать к Худжру и привезти его. Затем, опасаясь, что вмешательство северных арабов может только усилить нежелание киндитов выдать Худжра, поручил это деликатное дело одним южноарабским вождям. Сторонники Худжра оказали вооруженное сопротивление отряду мазхиджитов, приехавших за Худжром, он благополучно покинул дом и стал искать убежище в соседних кварталах; после нескольких неудач он нашел приют у Абдаллаха б. ал-Хариса ан-Наха‘и, брата Малика ал-Аштара.

Стражники узнали, что Худжр скрывается у кого-то в квартале бану ан-наха‘, и стали его там разыскивать. Ночью Абдаллах переправил Худжра в квартал аздитов, и там след его потерялся. Тогда Зийад вызвал Мухаммада б. ал-Аш‘аса, вождя киндитов, и пригрозил ему срубить все его пальмы, разрушить принадлежащие ему постройки и лишить жалованья, если он в трехдневный срок не представит ему Худжра. Худжр не пожелал быть причиной такой кары для Ибн ал-Аш‘аса и сообщил ему, что готов сдаться, если получит от Зийада гарантии сохранения жизни до прибытия к Му‘авии. Гарантами выступили Абдаллах б. ал-Харис и еще два знатных куфийца, и Худжр сдался Зийаду. Тот встретил его словами: «Воюют во время войны, а это — война, когда люди примирились. На своих накликала беду Баракиш!»*. Худжр не стал оправдываться, а сказал, что никому не изменял, потому что всегда был верен присяге, которую принес Али.

Зийад приказал заковать его в кандалы и до окончательного решения держать в заточении, а затем в течение 10 дней охотил-

---

* Поговорка, рожденная легендой о том, как лай суки Баракиш выдал ее хозяев, скрывавшихся от врагов

ся за его сторонниками в Куфе. Нужно отдать должное Зийаду — несмотря на приписываемую ему чрезвычайную беспощадность, он не казнил ни одного человека, ограничившись арестом 13 наиболее упорных, а остальных просто изгнал из города.

Решить судьбу Худжра было непросто. Казнь его в Куфе могла вызвать опасные последствия, длительное содержание в темнице подогревало бы ненависть к Зийаду, и он решил передать дело на решение халифа. Для подтверждения вины Худжра был составлен перечень его преступных действий.

Ему вменялось в вину: организация сборищ, публичное поношение халифа и призывы к войне с ним, утверждение, что только род Али имеет право на халифат, восстание в городе и изгнание наместника, открытое оправдывание Али и высказывание благопожеланий ему, осуждение его врагов и тех, кто воевал против него.

Для придания силы этому перечню Зийад призвал глав арба‘ подписать его, а после них подписались другие знатные куфийцы, в том числе три сына Талхи б. Убайдаллаха, ал-Мунзир б. аз-Зубайр, сын Са‘да б. Абу Ваккаса, сын Мугиры б. Шу‘бы и еще 35 человек.

Этот обвинительный акт вместе с кратким письмом Зийада был отправлен с начальником отряда, доставившего Худжра и его арестованных товарищей в Сирию. Начальник отряда оставил их в Мардж Азра (современная Адра), в 20 км северо-восточнее Дамаска, и повез порученные ему документы халифу. Му‘авийа собрал приближенных, зачитал обвинительный акт и спросил их совета, как поступить с Худжром и его товарищами. Ему посоветовали разослать мятежников по разным городам Сирии, где они не будут опасны. Му‘авийа все же не принял решения и сообщил о своих сомнениях Зийаду, на что тот ответил: «Если тебе нужен этот город, то не возвращай ко мне Худжра и его товарищей».

Пока Му‘авийа искал решение, влиятельные соплеменники арестованных в окружении халифа старались вызволить их под свое ручательство за их будущее благонамеренное поведение. Му‘авийа позволил взять на поруки всех, кто не упорствовал в его осуждении, запретив лишь возвращаться в Куфу. Таких набралось семь человек. Остальные упорно отказывались отречься от Али и веры в его исключительное право на халифат. Вождь киндитов Сирии, Малик б. Хубайра, также пытался добиться помилования Худжру под свое ручательство и единственный получил отказ.

Перед казнью нераскаявшимся еще раз предложили отказаться от своих убеждений, но никто не поступился ими, и все вместе с Худжром были обезглавлены и похоронены в Азра[30].

Убиение невооруженных мусульман, не нарушавших предписаний религии, произвело удручающее впечатление на мусульманское общество; многие упрекали Му'авию за казнь благочестивых мусульман, ему оставалось лишь ссылаться на свидетельство, подписанное многими достойными доверия земляками и соплеменниками казненных. Малик б. Хубайра в знак протеста перестал посещать приемы у халифа, но быстро примирился с ним, после того как получил от него в подарок 100 000 дирхемов[31] — Му'авийа действительно хорошо знал души своих подданных.

Худжр стал первым шиитским мучеником за веру, и не приходится сомневаться, что прошиитская историография преувеличила многое в рассказах о казни и об отклике на нее в мусульманской среде. Главным виновником был признан Зийад: за то, что принудил людей подписать свидетельство против Худжра, а потом своим письмом подтолкнул халифа к крайней мере.

Зийаду не пришлось долго носить на себе это клеймо — через два года, в рамадане 53/20 августа — 18 сентября 673 г., он то ли заразился в Куфе чумой, то ли просто от нарыва на пальце получил заражение крови и быстро скончался[32]. С его смертью закончился недолгий период, когда правление всем Востоком Халифата было сосредоточено в руках одного человека, которому халиф мог доверять без опасения, что он выступит против него.

Зийад не поручил своему сыну Убайдаллаху взять на себя управление наместничеством до назначения халифом, а Му'авийа сказал ему, что не может назначить его наместником, если на это не решился его отец. В Басре остался наместником Самура б. Джундаб, а в Куфе — Абдаллах б. Халид б. Асид, замещавший Зийада во время пребывания того в Басре. Ни тот, ни другой не были достаточно авторитетны, чтобы править всем Востоком.

НА ПУТИ К НАСЛЕДСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Казнь Худжра б. Ади могла совершенно испортить отношения между Му'авией и Хусайном, который не скрывал своего возмущения казнью, тем более что к нему зачастили шииты Куфы, побуждавшие возглавить борьбу с халифом. Эти визиты обеспокоили Марвана б. ал-Хакама, вновь назначенного наместником Медины, и он обратился к Му'авии за советом. Тот ответил, что Хусайна, соблюдающего верность присяге, надо оставить в покое, а сам все же написал Хусайну письмо, в котором призвал сохранять верность присяге и не поддаваться на подстрекательства безумцев, которые хотят смуты. Хусайн заверил его, что не собирается выступать против него[33].

Лояльность Хусайна позволяла Му‘авии предпринять некоторые шаги для укрепления своего духовного авторитета. В 50/конце 670 г., вторично руководя паломничеством в качестве халифа, Му‘авийа решил перевести из Медины к себе в Дамаск две реликвии, служившие инсигниями духовной власти: минбар и посох пророка, объявив это наказанием мединцам за потворство убийству Усмана. Это намерение вызвало всеобщее возмущение. Джабир б. Абдаллах ал-Ансари и Абу Хурайра заявили ему от лица всех мединцев: «Призываем тебя ради Аллаха Великого и Славного не делать этого. Это не годится — ты увозишь минбар посланника Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует — с места, на котором он его установил, и увозишь его посох в Сирию — так перевози тогда и мечеть!»

Возмущение мединцев заставило его отказаться от задуманного, но, желая сохранить лицо, он, как лисица в известной басне, заявил, что не хочет трогать минбар с места из-за его ветхости, а затем прибавил к нему снизу еще шесть ступенек, в компенсацию за свое неверное решение[34].

Однако дата ат-Табари явно ошибочна, так как у него же говорится, что Аллах послал Му‘авии грозное предостережение в виде полного солнечного затмения, а оно точно датируется воскресеньем 7 декабря 671 г.[35], т.е. 29 зу-л-ка‘да 51 г. х. По сведениям ал-Йа‘куби и ат-Табари, в 51 г. х. хаджжем руководил Йазид б. Му‘авийа, а по данным Халифы, и в 50 и в 51 гг. х. — Му‘авийа[36]. Это противоречие легко снимается, если предположить, что в хаджже 51 г. х. принимали участие и отец и сын.

Для этого были особые причины. Если Му‘авийа и после смерти Хасана продолжал соблюдать условия договора в отношении выплат и помилования прежних противников, то пункт о переходе власти к Хасану после его смерти отпал сам по себе. Хусайн мог видеть себя на месте Хасана, но юридически для этого не было основания. Шииты, конечно, считали Хусайна законным имамом, преемником Хасана, хотя это совсем не означало, что того же мнения придерживается большинство мусульман.

Оставлять вопрос о преемнике на волю случая Му‘авийа не собирался, а для него единственным возможным преемником был Йазид. Закрепить его право на халифат можно было только с помощью предварительной присяги ему как наследнику. Сложность проведения в жизнь такой присяги заключалась кроме несомненного сопротивления сторонников избрания халифа советом в том, что присяга наследнику при живом халифе противоречила традициям, сложившимся в исламе за предыдущие 40 лет. Поэтому Му‘авийа стал готовить почву заранее. Вероятно, впервые мыслью объявить Йазида наследником Му‘авийа

поделился с Зийадом и Мугирой[37]. Обеспечив себя поддержкой со стороны Ирака, он должен был проверить настроения мединцев и мекканцев, главных блюстителей мусульманских традиций. Участие Йазида в паломничестве 51/671 г. должно было стать своего рода смотринами будущего наследника. На это, кстати, указывает сообщение о том, что Зийад посоветовал Йазиду через третье лицо отказаться от некоторых привычек, которые могут отвратить от него мединцев. Йазид последовал совету и во время хаджжа воздерживался от вина и веселых компаний, а щедрая раздача денег закрепила добрую память о нем[38]. Тогда еще не говорилось о нем как о преемнике. До хаджжа Му'авийа послал сына в поход на Византию[39], что также должно было повысить его авторитет.

Лишь через четыре с половиной года Му'авийа приступил к осуществлению задуманного, во время умры (малого паломничества) в раджабе 56/20 мая — 18 июня 676 г.[40]. Наиболее подробный и логически связанный рассказ (хотя и не без некоторой романтизации событий) о подготовке и проведении присяги в священных городах дает Ибн А'сам ал-Куфи. Именно у него мы находим сообщение о раздаче денег Йазидом во время хаджжа в 50 или 51 г. х. По его словам, между первым изъявлением воли Му'авии и проведением присяги прошло семь лет. В 55/674-75 г. Му'авийа созвал представителей всех провинций (наместников?) и совещался с ними относительно присяги Йазиду. Мухаммад б. Амр б. Хазм ал-Ансари, один из наиболее уважаемых знатоков шариата в Медине и ярый враг Усмана, заявил: «Му'авийа, действительно, Йазид годится для того, чего ты хочешь, если предоставишь это ему. Он, клянусь жизнью, богат деньгами и обширен родством, да только Аллах Всевышний спрашивает с каждого пастыря за его паству. Побойся Аллаха, Му'авийа, и посмотри, кто будет управлять делами общины Мухаммада». Му'авийа помолчал, успокаивая себя, и сказал: «Эй, сын Амра! Ты — человек искренний и высказал свое мнение — другого для тебя не могло и быть. Но ведь не осталось из сыновей сподвижников никого, кроме моего сына и их сыновей, а я люблю моего сына больше, чем их сыновей». После этой отповеди никто не стал больше высказываться и все разошлись.

Наутро Му'авийа вызвал верного ад-Даххака б. Кайса, поручил ему выступить в поддержку Йазида и вновь созвал знать. Как только Му'авийа кончил восхвалять достоинства Йазида, ад-Даххак встал и сказал, что более достойного преемника нет. За ним, наслаждаясь собственным красноречием, выступил умаййад Амр б. Са'ид б. ал-Ас по прозвищу ал-Ашдак («Большеротый»), утверждая то же самое, его поддержали еще несколько человек.

Настроение собравшихся изменилось, и они все присягнули Йазиду как наследнику.

Заручившись поддержкой верхушки значительной части Халифата, Му‘авийа стал готовить почву в священных городах и написал о состоявшемся в Дамаске решении Марвану б. ал-Хакаму. Марван собрал знать Медины и, описав опасности раздоров и смуты, обратился к ним: «Люди! Годы амира верующих велики, истончились его кожа и кости, и угрожает смута после него. И дал ему Аллах прекрасную мысль: желает он избрать для вас наследника, который будет вам после него прибежищем, с его помощью Аллах объединит вас в согласии и избавит с его помощью от пролития крови. И хочет он, чтобы это было с вашего согласия и одобрения. Что вы скажете?»[41].

Со всех сторон раздались голоса: «Мы не против, если это угодно Аллаху». — «Так вот, он избрал для вас такого угодного (*ар-рида*), который будет для вас таким же, как праведные, идущие правильным путем халифы, и это — его сын Йазид». Услышав это, взорвался Абдаррахман б. Абу Бакр: «Клянусь Аллахом, врешь ты, Марван, и тот, кто приказал это тебе. Йазид не угоден, Йазид и его взгляды — ираклиевские*». Марван постарался нейтрализовать этот выпад: «Люди! Говорящий так — тот, о ком ниспослано: „...и тот, кто говорит своим родителям: плевал я на вас“**». Цитата была совсем не к месту, и это еще больше разозлило Абдаррахмана: он тут же припомнил Марвану его нечестие и происхождение, а в заключение стащил Марвана за ногу с минбара. За Марвана вступились умаййады. На шум вышла Аиша и поддержала брата, напомнив Марвану, что его отец был проклят пророком[42].

Узнав об этом, Му‘авийа решил сам взяться за дело и с эскортом в 1000 человек отправился в Хиджаз. На подъезде к Медине его согласно этикету встретили знатные мединцы, среди которых были и главные противники присяги: Хусайн, Абдаррахман б. Абу Бакр, Абдаллах б. Умар и Абдаллах б. аз-Зубайр. Му‘авийа грозно спросил их: «Что же это мне сообщили о ваших мыслях и безрассудстве?!» — «Осторожнее, Му‘авийа, — одернул его Хусайн, — мы не из тех людей, кому говорят такое». Му‘авийа не смутился: «Клянусь Аллахом, говорят! Еще жестче и грубее этих слов. То дело, которого вы хотите, Аллах отвергает!»

На прием, устроенный в Медине, он не допустил эту четверку, и они, обидевшись, уехали в Мекку. В речи, произнесенной затем в мечети, Му‘авийа восхвалял достоинства Йазида, а кончил ее угрозами четырем упрямцам. Ему пришлось услышать

---

* Т е византийские, христианские, а не мусульманские

** Коран, 46 17

упреки Аиши в том, что, убив одного ее брата (Мухаммада), он угрожает и второму. Му‘авийа объяснил ей, что уже не может отменить присягу Йазиду как наследнику, поскольку ее принесли очень многие люди, и пообещал быть мягче к сыновьям праведных халифов.

Встретившись с Абдаллахом б. Аббасом, Му‘авийа попенял ему за то, что хашимиты, будучи родственниками умаййадов и имея общие интересы, забывают о благодеяниях и почете, которые он им оказывает, и все время вспоминают Али и его войну с ним. Абдаллах признал его правоту, но просил учесть, что Хусайн — единственный на земле внук пророка.

На подъезде к Мекке Му‘авию также встречала знать города, в том числе сыновья халифов. На этот раз он встретил их приветливо, приказал каждому подать коня, ехал с ними отдельно, дружелюбно разговаривая на глазах толпы, так что сразу было ясно, что между ними нет разлада. До выступления с речью в мечети Му‘авийа решил переговорить с каждым из четырех с глазу на глаз. Первым был Хусайн. Выслушав доводы Му‘авии в пользу Йазида, Хусайн сказал: «Полегче, Му‘авийа! Не говори таких слов. Ты оставил в стороне того, кто лучше его и по отцу и по матери, и сам по себе». — «Ты, никак, подразумеваешь самого себя?» — спросил халиф. «А хотя бы и себя, — последовал ответ, — что тогда?» Му‘авийа согласился, что по происхождению Хусайн лучше, но Йазид лучше для общины. Хусайн возмутился: «Кто это лучше для общины Мухаммада? Йазид? Пьяница и развратник?» Выслушав это, Му‘авийа посоветовал воздержаться от таких высказываний при сирийцах: «Они враги твои и твоего отца».

Столь же безрезультатным был и разговор с Абдаррахманом б. Абу Бакром, с той только разницей, что тот был сторонником избрания преемника советом мусульман. И ему халиф посоветовал помалкивать при сирийцах. Абдаллах б. Умар сказал, что сыновья предыдущих халифов лучше Йазида, но он подчинится решению большинства. Абдаллах б. аз-Зубайр тоже говорил о необходимости избрания преемника советом мусульман. И ему был дан совет опасаться сирийцев.

После этого Му‘авийа позволил себе лишь один жест, недружелюбный по отношению к Хусайну: на приеме, где всем вручалось годичное жалованье, только хашимиты не получили ничего. Удивленному Ибн Аббасу он пояснил, что они лишились жалованья из-за отказа их главы, Хусайна, принести присягу Йазиду, но тут же выдал жалованье, которое взяли все, кроме Хусайна. Эта демонстрация должна была убедить окружающих, что теперь от присяги отказывается только Хусайн.

Затем Му'авийа снова собрал сыновей халифов и, не добившись их согласия, еще раз предостерег от гнева сирийцев, за которых не может поручиться.

Наутро Му'авийа созвал мекканцев в мечеть (сыновьям халифов было предоставлено почетное место у минбара, так, чтобы все их видели) и обратился к ним с речью: «О люди! До нас дошли рассказы слепцов, утверждающих, что Хусайн б. Али, Абдаррахман б. Абу Бакр, Абдаллах б. Умар и Абдаллах б. аз-Зубайр не присягают Йазиду, а эти четверо для меня — саййиды мусульман и лучшие из них. Я призвал их к присяге, и они оказались послушными и повинующимися, согласились и присягнули, послушались и отозвались и подчинились». При этих словах заранее подготовленные сирийские воины извлекли мечи из ножен и закричали: «Амир верующих, что ты думаешь об этих четверых! Разреши нам отрубить им головы! Мы не хотим, чтобы они присягали тайно, пусть присягают явно, чтобы слышали все люди!» Му'авийа лицемерно пожурил своих слишком ретивых заступников: «Ах, как скоры люди на зло и как ценят свою жизнь! Побойтесь Аллаха, сирийцы, и не спешите к усобице, ведь для убиения необходимо расследование и наказание по закону».

Упорствовавшие были застигнуты врасплох: сказать тут же «нет» — сирийцы могут зарубить, и Му'авийа не будет виноват, а отказаться потом — быть обвиненными в вероломстве и развязывании междоусобицы. Они промолчали. Под их молчание Му'авийа принял присягу остальных присутствующих, которые уверились, что их вожди принесли присягу во время частных встреч с халифом. Когда все разъяснилось и на них посыпались упреки — что-то изменить было поздно[43]. Дипломатическое искусство Му'авии позволило ему нейтрализовать серьезных противников, не прибегая к репрессиям. Но эта победа оказалась миной замедленного действия: чтобы воспользоваться ее плодами, преемник должен был обладать таким же искусством использовать слабости людей, каким славился Му'авийа; у импульсивного Йазида его не было.

Халифа б. Хаййат, излагающий события в Медине и Мекке на основе тех же источников, объясняет причину молчания Хусайна и его товарищей несколько иначе: к каждому из них будто бы были приставлены по два стражника, готовых зарубить того, кто воспротивится Му'авии[44]. Однако эта версия не согласуется с тонкостью интриги, разыгранной Му'авией, да и всем присутствующим было бы ясно, что их вождям угрожают расправой.

Присяга Йазиду была воспринята мусульманским обществом без энтузиазма. Его образ жизни, увлечение охотой, пиры смущали не всех — сирийцы воспринимали такой образ жизни ами-

ра как что-то естественное, смущала необычность присяги наследнику при живом амире, получалось что-то вроде отступничества от первой присяги. Но как бы то ни было, основание образованию династии было положено.

АКТИВИЗАЦИЯ ЭКСПАНСИИ

Кроме многих перемен политической жизни Халифата начало 70-х годов было отмечено началом нового этапа завоеваний. Создание новых военных баз на крайнем Западе и Востоке избавляло арабов от необходимости тратить лишнее время и утомлять войска дальними переходами до зоны военных действий.

В 671 г. наместник Хорасана ар-Раби' б. Зийад ал-Хариси, осуществив переселение арабов в Мерв, совершил поход на Балх. Его жители не оказали сопротивления и согласились платить дань на прежних условиях. Видимо, после этого он в том же районе совершил чисто символическое вторжение в Мавераннахр: переправился через Амударью и совершил там молитву. К этому же году относят его поход против тюрок Кухистана, закончившийся их поражением.

Укрепление позиций в самом Хорасане позволило в 673 г. Абдаллаху, сыну ар-Раби', перейти к овладению укрепленными городками, прикрывавшими важнейшие переправы через Амударью, — Амуйе и Заммом. Дальнейшее продвижение было прекращено из-за смерти ар-Раби', оставившего сына своим заместителем; Абдаллах спешно возвратился в Мерв и через два месяца также скончался[45].

Смерть ар-Раби' арабские источники объясняют шоком от известия о казни Худжра; однако последовавшая вскоре кончина его сына заставляет предположить, не погибли ли они от чумы, свирепствовавшей в эти годы то в одном, то в другом районе Ближнего Востока.

Дело, начатое ар-Раби', успешно продолжил Убайдаллах б. Зийад, назначенный наместником Хорасана в конце 673 г. Вскоре после прибытия, зимой, он переправился с двадцатичетырехтысячным войском через Амударью и впервые двинулся на Бухару. Причиной такой поспешности могло быть известие о смерти бухархудата, после которого Бухара осталась на попечении его вдовы, хатун, с младенцем-сыном. Это обещало легкий успех. Затруднения начались с осадой небольшого богатого торгового городка Байканда (Пайкенда) в 40 км от Бухары. Несмотря на значительный перевес сил, арабы смогли овладеть лишь полови-

ной города, разделенного надвое внутренней стеной[46], и небольшим соседним городком Зармитан[47].

Эта задержка дала бухарцам возможность подготовиться к обороне и призвать на помощь тюрок. Когда Убайдаллах подошел к Бухаре, правительница начала с ним переговоры, доказывая свое расположение подарками, чтобы выиграть время для подхода союзников. Арабы разгромили объединенное войско тюрок и согдийцев, захватили их лагерь и получили богатую добычу. После этого правительнице Бухары пришлось заключить мирный договор, обязавшись по нему платить дань[48]. Убайдаллах привел из этого похода тысячи пленных и 2000 лучников; когда на следующий год его назначили наместником Басры, он привез лучников с собой, выделил им участок для поселения и назначил жалованье[49], из чего следует, что они были скорее союзниками, чем пленниками.

Освободившееся место наместника Хорасана буквально вытребовал у халифа Са‘ид, сын халифа Усмана, через голову Убайдаллаха. Рассказы о его походе на Бухару и Самарканд, как, впрочем, и о походе Убайдаллаха, носят полулегендарный характер, особенно наиболее подробное повествование о нем у Наршахи.

Совершенно неясно, с какими силами прибыл он в Басру в сопровождении нескольких знатных мусульман, среди которых был двоюродный брат пророка Кусам б. Аббас. В Басре он с разрешения Убайдаллаха набрал для участия в походе 4000 человек из заключенных и всякого городского отребья. По пути к нему присоединились арабы, промышлявшие разбоем на больших дорогах.

В Бухаре ему тоже пришлось иметь дело с хатун. Рассказ о романтических отношениях между влюбившейся в него правительницей Бухары у Наршахи носит черты фольклорной обработки, а сообщение о победе над стодвадцатитысячной армией согдийцев и тюрок под Бухарой кажется параллелью к рассказу о сражении Убайдаллаха б. Зийада. По-видимому, в действительности прохождение мимо Бухары было гораздо более мирным. Хатун подтвердила договор с Убайдаллахом, согласившись платить 300 000 дирхемов, и предоставила в помощь Са‘иду отряд бухарцев[50].

Из Бухары Са‘ид пошел к Самарканду, столице Согда и резиденции царя (*ихшида*) Согда, верховного сюзерена долины среднего и верхнего Зеравшана и Кашкадарьи. На пути к Самарканду его встретило многочисленное согдийское войско, и произошло сражение, в котором Са‘ид проявил трусость, если судить по сохранившемуся началу сатиры на него:

Са‘ид, Усмана сын, амир трусливый,
войну, пока не видел, презирал,
В день Согда, стоя, трясся так от страха,
что думал я — христианином стал[51].

После сражения согдийцы отступили к Самарканду. Взять этот большой город с несколькими рядами стен было трудно. В течение месяца у его стен ежедневно происходили вооруженные столкновения, в которых обе стороны несли ощутимые потери[52]. Сам Са‘ид при этом потерял один глаз. Наконец, самаркандцы предложили заключить мирный договор. По некоторым данным, их побудило к этому опасение, что арабы могут захватить детей знати, укрывавшихся в каком-то замке вне города.

Условия мирного договора, если верить источникам, были достаточно тяжелы для Самарканда: он должен был выплатить 500 000 или даже 700 000 дирхемов, пропустить Са‘ида с частью воинов через весь город и дать заложников из знатных семей для беспрепятственного прохода через согдийскую территорию. Са‘ид будто бы не только прошел через город с 1000 всадников, но и метнул камень в цитадель, который застрял в бойнице.

В отличие от самаркандцев Са‘ид не сдержал слова и не освободил заложников перед вступлением на территорию, подвластную мусульманам, а увез их в Медину. Там с них сняли дорогие одежды, отобрали мечи и золотые пояса — знак высокого социального положения — и заставили работать в финиковых рощах, принадлежавших Са‘иду. Это коварство сгубило его: через несколько лет порабощенные аристократы напали на него во время объезда поместья и закололи кинжалами, а сами то ли тут же покончили с собой, то ли бежали, были осаждены на безводной вершине горы под Мединой и погибли там от голода и жажды[53].

Напоминанием об этом полулегендарном походе в Самарканде осталась могила Кусама б. Аббаса, превратившегося со временем в святого — «живого царя» (*шāхи зинда*). Вокруг нее в XI—XII вв. сложился комплекс погребальных и культовых сооружений Шахи-Зинда[54].

Правление Са‘ида было недолгим. Ал-Балазури упоминает присвоение им части хараджа, что дало Му‘авии основание для его смещения[55]. По другим данным, Са‘ид вроде бы и не был наместником Хорасана, так как одновременно с ним в Мерве находился наместник, назначенный Убайдаллахом б. Зийадом, — Аслам б. Зур‘а ал-Килаби. Он оставался на этом посту еще два года, но никаких походов не предпринимал. Сменивший его в 678 или 679 г. Абдаррахман б. Зийад (брат Убайдаллаха) рискованным мероприятиям предпочитал спокойную жизнь и вольное распоряжение финансами. Другой брат Убайдаллаха, Аббад, пра-

вивший Сиджистаном с 673 г., совершил единственный поход на Кандагар в том же, 673 г. и захватил там храм, получивший у участников похода прозвание «Дом золота» из-за большого количества драгоценностей, находившихся в нем[56].

Параллельно с расширением зоны военных предприятий арабов в Хорасане и Мавераннахре успешно шла война с Византией в Малой Азии и восточной части Средиземного моря. Теперь военные действия постоянно шли на западе полуострова, причем одно войско сменяло другое. Арабские историки очень скупо освещают эти события, быть может, потому, что повествование о них было бы прославлением успехов Му‘авии: каждой ежегодной кампании уделяется одна, от силы — две строчки. Впрочем, и византийские историки немногим более многословны.

В 670 г. Фадала б. Убайд дошел до Халкидона, пробиться к Константинополю не смог и отошел зимовать в Кизик. В 671 г. Му‘авийа, отвечая на просьбу Фадалы о помощи, прислал подкрепление под командованием Йазида. Следующие три года были самыми критическими для Византии. Арабы к этому времени приобрели значительный опыт войны на море и построили большой флот. В 672 г. несколько флотилий блокировали важнейшие гавани от Киликии до Смирны включительно. По сведениям Феофана, ими командовали Мухаммад б. Абдаллах и некий Кайс, не упоминаемый в этой связи арабскими источниками. Кроме того, Джунада б. Абу Умаййа ал-Азди захватил остров Родос и оставил там гарнизон[57].

Византийцы в том же году нанесли арабам ответный удар, высадившись в Баруллусе между восточным и западным рукавами Нила; выбивая этот десант, арабы понесли большие потери[58]. Наибольшего накала война на море достигла в 673 г. С апреля по сентябрь у самого Константинополя ежедневно происходили столкновения между судами арабов и византийцев. В то же время арабы под командованием Джунады б. Абу Умаййи высадились на Крите.

Исход войны на море решило изобретение гелиопольским греком Калинником самовозгорающейся смеси, которой византийцы сожгли значительную часть арабского флота. Остатки его отошли на время осенне-зимних штормов в гавань Кизика[59].

Следующий год оказался переломным: новое оружие позволило византийцам взять верх над арабским флотом, а осенняя буря окончательно его добила. На суше византийцы также нанесли серьезный удар, разгромив армию Суфйана б. Ауфа, потерявшую будто бы 30 000 человек. Арабские авторы не упоминают в этом году серьезных сражений (как и поражения на море), но Суфйан б. Ауф больше не встречается на страницах арабских хроник, из чего можно заключить, что и он погиб в том же сражении[60].

Эти неудачи не остановили арабов: военные действия в Малой Азии продолжались зимой и летом. По данным ал-Йа‘куби, в 676 г. походом командовал Йазид б. Му‘авийа, который дошел до Константинополя[61], но другие источники этого не подтверждают.

В 677 или 678 г. византийцы, воспользовавшись ослаблением арабского флота, высадили десант на ливанском побережье около Сура и Сайды и подстрекнули к восстанию христиан-мардаитов (*джараджима* арабских авторов), населявших горные районы севернее Антиохии. Ни византийские, ни арабские источники не сообщают, каким образом мардаитам удалось быстро овладеть всеми ливанскими горами. Возможно, прав ал-Балазури, который относит успех мардаитов к периоду второй гражданской войны[62].

Во всяком случае, острие военных действий оказалось направленным в самое сердце Халифата, и Му‘авийа был вынужден пойти на переговоры о мире. В Дамаск прибыло византийское посольство во главе с патрикием Иоанном Питцигаудисом, хорошо владевшим арабским языком. Было заключено перемирие на 30 лет, в течение которых Халифат должен был выплачивать Византии ежегодно по 3000 литр золота (216 000 динаров), 50 пленных (рабов?) и 50 породистых коней[63]. Каковы были обязательства византийской стороны кроме прекращения военных действий — не сообщается.

Арабские историки этот договор не упоминают, а пишут о походах 58/678 и 59/679 гг. Намеком на какое-то изменение ситуации могут служить слова ал-Вакиди, что в 59 г. не было военных действий на море[64].

Единственной компенсацией за неудачи последних лет правления Му‘авии было продвижение в Северной Африке. Там в 678-79 г. Абу-л-Мухаджир Динар, сменивший Укбу б. Нафи‘ на посту наместника Ифрикии, после нескольких кровопролитных сражений осадил столицу Африки, Карфаген (Картаджина), и жители ее, как когда-то александрийцы, выговорили себе право беспрепятственно покинуть город морским путем. После этого арабы продвинулись на запад на 350—400 км до городка Мила[65].

Таким образом, результатом почти непрерывных войн в течение 18 лет оказалось завоевание Ифрикии. Невольно возникает вопрос, почему мусульманское государство, несомненно значительно окрепшее по сравнению с первыми десятилетиями существования, имея перед собой более слабых противников, чем прежде, настолько утратило способность к дальнейшему расширению?

Безусловно, определенную роль играли внешние факторы: с одной стороны, на восточных границах арабы столкнулись с

трудностями войны в высокогорных районах и многочисленной тюркской конницей, не уступавшей арабам в быстроте передвижений, с другой — на западе Византия, быстро потерявшая инонациональные области Ближнего Востока, обрела единство и национальную идею, укрепившую волю к сопротивлению, в какой-то мере сказывалось и превосходство технических знаний. Однако основная причина ослабления наступательного порыва арабов заключалась в процессах, происходивших в мусульманском обществе.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА МУ'АВИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ХАЛИФАТЕ

В 680 г. арабской империи исполнялось 45 лет с момента ее выхода за пределы первоначального расселения арабов, и почти половина этого срока, 19 лет, приходилась на правление Му'авии.

В историческом масштабе этот срок ничтожен, но в жизни любого молодого, формирующегося государства он столь же богат изменениями, как каждый год в детстве человека по сравнению с его зрелыми годами. Заметные изменения, происходившие в Халифате в третьей четверти VII в. в системе управления и образе жизни мусульманского общества, связывались у современников и следующих поколений с личностью Му'авии. Мнения о нем были противоречивы, часто прямо противоположны. В памяти сирийцев он превратился в такого же образцового мудрого государя, каким для иранцев был сасанидский царь Ануширван[66], а для подкрепления этого образа создавались хадисы об одобрительном отношении к нему пророка[67]. С другой стороны, шииты и Аббасиды рисовали его чуть ли не нечестивцем, хотя и сыновья Али, и родоначальник аббасидской династии Абдаллах б. Аббас пользовались при нем покровительством и щедрыми дарами.

Популярный литератор IX в. ал-Джахиз, приводя примеры щедрости и мудрой сдержанности Му'авии, не удержался от того, чтобы подчеркнуть, что знаменитые *хилм* и щедрость были показными и средством прославиться[68]. Образ Му'авии он рисует одними черными красками:

«Уселся Му'авийа на царство и пренебрег оставшимися [членами] совета и всеми мусульманами из ансаров и мухаджиров в год, который назвали „годом единения". Но был это не год единения, а год разъединения, подчинения, принуждения и одоления, год, в котором имамство превратилось в хосроевское цар-

ство, а халифат — в кесаревское установление... И дошло до того, что совершенно открыто было отвергнуто и явно нарушено решение посланника Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует — относительно ребенка постели и того, что полагается прелюбодею, хотя вся община сходилась на том, что Сумаййа не принадлежала постели Абу Суфйана и что он в отношении ее был прелюбодеем. И перешел он этим от беззакония к неверию.

А убиение Худжра ибн Ади, и передача хараджа Египта в кормление Амру б. ал-Асу, и присяга отверженному Йазиду, и присвоение фай'а, и выбор правителей по пристрастию, и освобождение от законных наказаний из-за благорасположения и родства являются одним из видов отречения от предписаний и общеизвестных правил и установленных обычаев»[69].

Эта гневная тирада не прибавляет ничего нового к уже известным нам фактам. Больше нового для характеристики Му'авии как государственного деятеля дает перечень его нововведений у ал-Йа'куби:

«Был Му'авийа первым в исламе, кто завел стражу (*ҳарас*), и полицию[70], и привратников (*бавва̄бӯн*), и опустил завесы, и стал использовать в качестве секретарей христиан, и перед кем шли с копьями. Он стал брать закат с жалованья и сидеть на троне, а люди — ниже него. Он ввел диван печати, строил и возводил постройки и заставлял людей работать на стройке без оплаты, а до него никто не заставлял работать без платы. Он объявил бесхозной (*истаҫфа̄*) собственность мусульман и взял ее себе. Са'ид б. Мусаййаб говаривал: „Пусть Аллах как следует накажет Му'авию — ведь он первый превратил это дело* в царство". И говорил Му'авийа: „Я — первый из царей"»[71].

Этот перечень характеризует два направления изменений в жизни мусульманского общества: обособление власти от рядовых мусульман (в чем, собственно, и видели превращение халифа в царя) и сложение в нем новой административно-фискальной практики. Последнее нельзя смешивать с экономическими отношениями, которые не были изменены арабским завоеванием и правлением Му'авии, — добрые 95% населения продолжали жить привычной жизнью.

Противопоставление халифа, амира верующих, царю, малику, не было для мусульман формально-терминологическим. Оно выражало всю совокупность различий между праведным руководителем общины, избранным Аллахом посредством волеизъявления лучших ее представителей, первым среди равных, призванным вести общину по праведному пути, и главой государства,

---

* Т.е халифат

действующим по своему разумению и в собственных интересах, притесняющим подданных налогами. Внешне это различие выражается в отделении правителя от своих подопечных, что и подчеркивает ал-Йа‘куби упоминанием привратников и «опускания завес».

Можно упрекнуть ал-Йа‘куби в некоторых неточностях, в частности в том, что Му‘авийа не был первым, кто обзавелся хаджибом. Он был уже у Умара, хотя благочестивая традиция утверждает, что Умар не отгораживался от людей и у него не было «ни врат, ни привратников» (*лā бāба ва лā ẖиджāба*)[72]. Халифа б. Хаййат упоминает не только хаджиба Умара, но называет его первым, при ком появился начальник полиции (*ṣāẖиб аш-шурṭа*): им был некий Абдаллах б. Кунфуз из курайшитского клана тайм[73], никем более не упоминаемый. Начальник шурты Али, Малик б. Хабиб ал-Йарбу‘и, в последний год правления Усмана бывший наместником Динавара, при вступлении Али в Куфу уже сопровождал его в качестве начальника шурты, во время сиффинского сражения оставался в Куфе для поддержания там порядка и самостоятельно решал вопрос о казни нарушителя[74]. Кроме того, при Али появилась войсковая полиция, *шурṭа ал-ẖамӣс*, которую возглавлял ал-Асбаг б. Нубата ал-Муджаши‘и, более прославившийся как знаток права и поставщик информации для историков[75]. Отряд полиции из нескольких десятков индийских пленных имелся, как мы видели, у наместника Али в Басре, Усмана б. Хунайфа, но функции их заключались прежде всего в охране наместника.

При всем том ал-Йа‘куби прав по существу, так как при Му‘авии эти должности и институты власти приобрели качественно иной характер. Хаджибы Умара и Усмана были всего лишь доверенными слугами, оберегавшими покой хозяина во внутренних помещениях дома, и не играли никакой политической роли. Шурта Усмана не сыграла никакой роли в охране его дома, если только не считать шуртой десяток-другой гулямов Усмана, принявших участие в обороне дома. Иными стали функции и положение хаджиба и шурты при Му‘авии.

Му‘авийа, живя в стране, население которой вне зависимости от национальности и религиозной принадлежности привыкло к высокому статусу правителя и определенным нормам его поведения, не мог вести себя, как мединские халифы среди своих собратьев и единоверцев; он понимал, что снижение образа правителя ослабляет его авторитет и уважение к власти. Об этом он будто бы говорил Умару в ответ на его упреки в недопустимой роскоши и в том, что держит просителей перед запертыми дверями: «Мы в стране, которая недалеко от наших врагов, и есть у

них проницательные шпионы, и я хочу, амир верующих, чтобы они видели величие ислама»[76].

Террористические акции хариджитов сделали личную охрану не только элементом престижа, но и жизненной необходимостью. Охрана, сопровождавшая халифа (и наместников) в общественных местах, в том числе и в мечети, где халиф должен был быть среди своих, отделила его от собратьев по вере. Выросла и численность полиции, превратившейся в самостоятельную силу, инструмент подавления сепаратизма племен в больших городах. Сведения о 4000 полицейских в Басре кроме 500 конных стражников, конечно, преувеличены, но несколько сотен стражей порядка создавали новое соотношение сил между наместником и своевольными племенными группировками. В Дамаске ситуация была несколько иная, чем в гарнизонных городах, — здесь большинство населения составляли местные жители-иноверцы, не осмеливавшиеся выступать против завоевателей.

Му‘авийа стал первым халифом, который обзавелся дворцом и создал при себе двор. Первый дворец был очень скромным, сложенным из сырца, затем его сменил кирпичный дворец. У византийских послов он вызывал насмешки, они обзывали его мышиной норой (*байт ал-фа’р*) или «скворечником» (*байт ал-‘аṣāфӣр*)[77], но он выполнял главную функцию — обособил халифа и его окружение от простонародья. На людях он появлялся теперь только в сопровождении эскорта, и к нему уже нельзя было подойти запросто и поговорить, как с Умаром или Усманом, а халиф уже не наводил порядок собственноручно с помощью бича, как его предшественники, — для этого был начальник полиции.

Во дворце накапливались различные дары, привозившиеся посольствами других государей и делегациями из провинций, доставлявшими вместе с законной долей добычи особенно ценные предметы искусства, в числе которых оказывалась и скульптура, вроде захваченных при набеге на Сицилию статуй из драгоценных металлов, которые Му‘авийа продал в Индию[78]; в памяти некоторых басрийских благочестивцев, противников Му‘авии, это превратилось в доставку ему идолов из Синда[79]. Не исключено, что какая-то скульптура все-таки оставалась украшать внутренние покои. При дворце или где-то за городом содержались диковинные звери и птицы, привозившиеся с другими дарами отовсюду. Среди них одно время был и слон, которого халиф подарил царю Албании Джуаншеру вместе с диковинной птицей (павлином?). Этот слон прошествовал от Дамаска до Партава (Барда‘а), не оставив никакого следа в памяти мусульманских и христианских историков Сирии и Месопотамии[80].

Стены дворца и многочисленные служители отделили халифа не только от простых мусульман, но даже верхушка, за исключением узкого круга лиц, не имела свободного доступа к персоне халифа, он являлся перед ними только на приемах, деловых или торжественных. Допуском к халифу ведал хаджиб, превратившийся из простого доверенного слуги в важную придворную фигуру. Хаджибы были всегда из вольноотпущенников, которые стояли вне племенных пристрастий и были всецело преданы своему патрону. Перед хаджибом, несмотря на его рабское происхождение, заискивали даже знатные арабы, порой унижаясь до взяток[81].

Где двор, там и церемониал. За сорок лет правления у Му‘авии сложился определенный порядок дня, который подробно описан у ал-Мас‘уди. Ежедневно, кроме пятниц, он принимал в мечети жалобщиков и просителей из простого народа. Закончив с ними, возвращался во дворец и принимал знатных просителей, подавших заранее записки с изложением дела, по ходу приема посетителям предлагалось угощение. В некоторые дни таких посетителей бывало до 40 человек. Затем возвращался в свои покои и отдыхал до полуденной молитвы. После нее был второй прием для высших чинов. День заканчивался большим приемом после вечерней молитвы, на котором выступали поэты и рассказчики историй о делах давно минувших дней и мудрости царей и полководцев[82].

Современные исследователи приписывают Му‘авии замену титула «халиф посланника Аллаха» на «халиф Аллаха», в котором «халиф» означало «уполномоченный», «представитель», и возведение таким образом своей власти непосредственно к Аллаху, минуя ее легитимизацию волей общины[83]. Однако документальных свидетельств официального употребления этого титула не имеется — нет ни монет с пространными надписями, ни подлинных документов, ни эпиграфических свидетельств. Ссылки же на употребления его в поэтических панегириках столь же мало документальны, как уподобление правителей солнцу. Не слишком достоверны и ссылки на собственные слова Му‘авии, приводимые некоторыми историками. Так, он будто бы сказал Са‘са‘а б. Сухану: «Земля принадлежит Аллаху, а я — халиф Аллаха, и то, что я взял, — мое, а что оставил людям — то моя милость (*фаḍл*)»[84]. Однако эта и ряд других бесед Му‘авии с Са‘са‘а не более чем образец излюбленного средневековыми арабскими литераторами жанра остроумной беседы двух знаменитостей. К тому же Са‘са‘а, будучи довольно плодовитым поставщиком шиитской информации, мог вложить в уста Му‘авии порочащие его слова.

Если бы Му‘авийа присвоил себе титул, менявший представление об основе легитимности власти халифа, превратив себя из

преемника власти пророка в прямого представителя Аллаха, то вряд ли его оппоненты, осуждавшие даже за сидение на возвышении, упустили бы случай упрекнуть его за непомерную претензию быть представителем Аллаха на земле. Если же все-таки этот новый титул вошел в употребление и об этом противники Му‘авии не сочли нужным говорить, то приходится признать, что современные исследователи преувеличили его идеологическую значимость. Видимо, *халӣфату-л-Лахи* означало не «заместитель Аллаха», а «халиф волею Аллаха». Главным инструментом власти Му‘авии над людьми были не нововведения в титуловании — его вполне удовлетворяло обращение «амир верующих», — а деньги.

Вторая часть упреков ему у ал-Йа‘куби относится к незаконным методам извлечения дополнительных доходов. По словам Абдаллаха б. Заквана, представителя поколения, появившегося на свет в конце правления Му‘авии, «все время, что правил Му‘авийа, дела его шли хорошо и деньги не переставали обильно поступать к нему, и привлекал он сердца людей раздачей денег и дарами, говоря: „Раздача денег заменяет справедливость“»[85]. Особенную щедрость он проявлял к потенциальным соперникам, сыновьям предшествующих халифов, не останавливаясь перед тем, чтобы уступить в спорных случаях свою собственность[86].

Для такой расточительности халиф должен был иметь в своем распоряжении значительные свободные средства. Об их размере можно судить лишь приблизительно, поскольку прямых указаний на общую сумму поступлений в центральную казну и о личных доходах Му‘авии не имеется. Настоящего централизованного государственного бюджета еще не существовало, поступления в отдельных провинциях (за исключением Савада и Египта) определялись договорами, заключенными при завоеваниях, остаток после покрытия местных административных и военных расходов отсылался в Дамаск, так же как и пятина от добычи, но совершенно неясно, соответствовали ли этапы пересылки денег в центр иерархии назначений, т.е. посылал ли, например, наместник Сиджистана или Хорасана, назначенный из Басры, свой остаток сначала в Басру или же — непосредственно в Дамаск.

Отсутствие сведений о финансовой системе Халифата при Му‘авии обусловило соответствующий пробел во всех исследованиях об экономике Умаййадского Халифата[87].

Единственные сведения об объеме налоговых поступлений при Му‘авии (правда, без точной даты и указания на происхождение) сохранил нам ал-Йа‘куби. Согласно ему, общий объем налогов, взимавшихся в бывших сасанидских владениях, достигал 655 млн. дирхемов, но приводимые далее сведения по провинциям примерно на треть меньше:

Савад	120 млн.
Ахваз	70 млн.
Йамама и Бахрейн	15 млн.
Округа Тигра	10 млн.
Нихавенд, Мах ал-Куфа (Динавар), Мах ал-Басра (Хамадан)	40 млн.
Рейй	30 млн.
Хулван	20 млн.
Мосул	45 млн.
Азербайджан	30 млн.

Раздел о налогах с восточных провинций заключается примечанием: «...[это] после того, как Му‘авийа исключил из [хараджа] каждой области те обработанные поместья, что были собственностью царей Персии, а он сделал своей собственностью, из которой наделил (*аkта‘аху*) многих своих родственников. А наместник Ирака доставлял ему из его домена (*аṣ-ṣавāфӣ*) в этой области сто тысяч дирхемов, из которых были его дары и награды». Далее перечисляются поступления из западных провинций:

Египет	3000 тыс. динаров
Палестина	450 тыс.
Урдунн	180 тыс.
Дамаск	450 тыс.
Химс	350 тыс.
Киннасрин	450 тыс.
Дийар Мудар и Раби‘а	55 млн. дирхемов
Йемен	1200 тыс. динаров или 900 тыс.[88]

(для сопоставления следует учесть, что в это время динар равнялся 12 дирхемам).

Некоторые из приведенных данных вызывают сомнения в достоверности, так как суммы налогов, взимаемых с равных по экономическим возможностям областей, различаются иногда во много раз, а неравные по возможностям — платят примерно одинаково: Египет, имевший лишь немногим меньшую площадь обрабатываемых земель, чем Савад, платит в 3,33 раза меньше[89]; сумма налогов Сирии и Палестины в 5,3 раза меньше налогов Савада, скудные Бахрейн и Йамама платят почти столько же, сколько значительно более богатая Сирия.

Объяснить различие между Савадом и другими областями можно, опираясь на более поздние сведения, тем, что подавляющую часть налогов Савада составляли натуральные поставки зерном. По данным 204/819-20 г., деньгами было уплачено 8 095 800 дирхемов, а стоимость собранного зерна составила 100 361 850 дирхемов. Эти цифры и сведения о налогах отдельных областей не абсолютно точны, но отдельные ошибки не меняют общего соотношения натуральной и денежной части

налогового обложения Савада[90]. К сожалению, для Египта сведений о соотношении денежной и натуральной части налоговых поступлений не имеется. Возможно, расхождение сведений о размере хараджа Египта, от 2 до 10 и даже 12 млн. динаров[91], объясняется расхождением между натуральной и денежной частью налоговых поступлений.

Однако не все парадоксы налогообложения, замечаемые в сведениях ал-Йа‘куби, могут быть объяснены такой же причиной: в ряде случаев выявляются явные ошибки. По сведениям Ибн Хурдадбиха и Кудамы б. Джа‘фара, восходящим к одному источнику — первому сохранившемуся дивану 204/819-20 г., Мосул платил 4 или 6,3 млн. дирхемов, а не 45, Азербайджан — 2 или 4,5 млн., а не 30 млн.[92], — эти расхождения явно являются плодом описок, изменивших первоначальные цифры ровно в 10 раз.

Указанные цифры соответствуют общей сумме поступлений, а не тому, что в конце концов доставлялось в Дамаск. Грубое представление о соотношении этих сумм в восточной части Халифата дают сведения ал-Балазури о распределении расходов в Басре при Зийаде. Здесь можно также говорить только о пропорциях, так как общая сумма поступлений Басры (60 млн. дирхемов) и Куфы (40 млн. дирхемов) меньше общей суммы поступлений одного только Савада, идентичного в данном случае Куфе. Поэтому невозможно сказать, о чем идет речь: только о денежных поступлениях всего Востока в эти два центра или об одних иракских средствах. Для нас в данном случае важно указание на то, каких сумм требовало содержание воинов, получавших жалованье. В Басре эти расходы составляли 52 млн. дирхемов, а в Куфе, следуя пропорции численности воинов и размеру поступлений, — около 35 млн. Располагая достаточно точными сведениями о натуральной части налогов в Саваде Куфы, мы можем определить размер остатка после выплаты пайков, составлявших 15 са на человека в месяц (48,75 кг). В Куфе на пайки 80 тыс. воинов и 120 тыс. членов семей требовалось 117 000 тонн пшеницы, или 40 000 курров, из 100—120 тыс. курров, поступавших в виде хараджа. Остальное зерно, несомненно, реализовалось на рынке, давая дополнительно от 35 до 65 млн. дирхемов в зависимости от уровня цен.

Для нас в конце концов важно указание, что из Басры в Дамаск поступало 4 млн. дирхемов и примерно $^{2}/_{3}$ такой суммы — из Куфы. Из Египта в Дамаск поступало около 600 тыс. динаров (7,2 млн. дирхемов)[93], кроме того, из Египта поступало зерно в Мекку и Медину, а также на содержание гарнизонов и верфей сирийского побережья. Таким образом, с учетом пятины добычи в Дамаск ежегодно поступало около 20 млн. дирхемов. Нововве-

дением Му'авии в отношении добычи было требование выделения особо ценных предметов из драгоценных металлов до раздела, что вызывало возмущение сподвижников пророка, командовавших войсками[94].

Был и еще один дополнительный источник доходов — бесхозные земли, *савафи*, считавшиеся коллективной собственностью общины, которой управлял халиф. Харадж с савафи расходовался в провинциях, в которых они находились. По свидетельству ал-Йа'куби, Му'авийа стал получать доходы в полное свое распоряжение и дарить земли из этого фонда своим родственникам. Только в Ираке это давало ему дополнительно будто бы 50 или 100 млн. дирхемов[95]. Поверить этим цифрам невозможно, так как изъятие подобных сумм из бюджета Ирака немедленно больно сказалось бы на выплате жалованья, а мы знаем, что при Зийаде оно выплачивалось своевременно и в полном объеме. Несомненно, здесь мы в который раз встречаемся с обычным для ранних источников десятикратным увеличением исходных данных, а в десять раз меньшие суммы, получавшиеся дополнительно из Ирака, как оказывается, имели иное происхождение.

По сведениям ал-Балазури, мавла Му'авии Абдаллах б. Даррадж, назначенный в 662 г. ведать хараджем Куфы, по распоряжению халифа осушил часть заболоченных земель в низовьях Тигра, принадлежавших прежде Сасанидам, и вновь культивированные земли стали приносить халифу доход в 5 млн. дирхемов[96]. Что ал-Йа'куби имел в виду то же самое, подтверждают его слова, сказанные в другом случае: «Абдаллах б. Даррадж узнал у местных дихканов, где хранятся сасанидские земельные кадастры, и написал об этом халифу, тот распорядился: „Сосчитай эти савафи и сделай их освобожденными и построй на них дамбы“»[97]. Доход с рекультивированных земель никак не наносил ущерба иракскому бюджету. Конечно, с точки зрения морали присвоение дохода с земель, наверняка осушенных за счет государственных средств, нельзя назвать безгрешным, и моралисты могли поставить это в вину халифу, само же право собственности на вновь освоенные («оживленные») земли не было привилегией халифа: любой человек, оросивший или осушивший пустующую землю, становился ее собственником и платил привилегированный налог — ушр.

Сказанное не исключает возможности того, что доход от обрабатывавшихся земель савафи в Саваде стал поступать непосредственно халифу, однако размер его был в 10—20 раз меньше указанного ал-Йа'куби: при Умаре поступления с савафи составляли 7 млн. дирхемов, затем часть их (во всяком случае вокруг Куфы) была роздана Усманом в качестве наделов (*ḳaṭā'i'*) мусульманской верхушке[98]. Исключение этих 6% общей суммы

налогов из дивана хараджа не могло заметно сказаться на выплате жалованья, поэтому арабские историки и не отмечают сокращения жалований[99].

Утверждение же ал-Йа‘куби о присвоении Му‘авией савафи в Медине представляется плодом какого-то недоразумения: здесь не могло быть бесхозных и запустевших земель, земли изгнанных иудейских племен давно были поделены между мухаджирами, а о конфискации наделов, дарованных Мухаммадом, нет никаких сведений. Мы знаем лишь один случай, когда управляющий имениями халифа в Медине, его мавла ан-Надир, засеял необработанный участок, дарованный Умаром своему племяннику Абдаррахману. В ответ на жалобу Абдаррахмана Му‘авийа сказал, что, согласно решениям Умара, необработанная земля принадлежит тому, кто ее засеял. Кади решил вопрос иначе — земля должна быть возвращена владельцу, который обязан возместить стоимость обработки и посева. Му‘авийа сделал широкий жест — отказался от компенсации и даже дал Абдаррахману добавку к жалованью[100].

Вполне допустимо, что было несколько других, менее заметных случаев присвоения земли на том же основании, однако основной массив земель Му‘авии в Медине и ее окрестностях состоял из вновь орошенных и освоенных земель на базе колодезного орошения. Проводились и более трудоемкие работы, например, упоминается «плотина Му‘авии» (Садд Му‘авийа) в 20 милях (40 км) восточнее Медины, создавшая водохранилище в русле вади[101]. Рабочей силой, проводившей эти работы, были многочисленные рабы и военнопленные.

Кроме того, Му‘авийа, располагавший огромными денежными средствами, не смущаясь ценами, скупал земли у нуждавшихся в деньгах мединцев. Все вместе взятое сделало его крупнейшим землевладельцем в районе Медины, хотя определить размеры его владений не представляется возможным[102].

Примеру Му‘авии следовали многочисленные представители рода Умаййи и сыновья предыдущих халифов, также тратившие десятки и сотни тысяч динаров и дирхемов на приобретение земель и водных источников, без которых земля была бы бесполезна. Сообщается, что один из сыновей Талхи купил источник с участком земли, на котором росло 20 000 пальм, за 200 000 динаров[103]. И на этих полях работали сотни, а то и тысячи рабов (вспомним судьбу согдийских заложников, вероломно порабощенных Са‘идом б. Усманом). Рядовые ансары, участки которых были зажаты полями могущественных землевладельцев, молча копили гнев на этих богачей.

Му‘авийа вроде бы не создал особой канцелярии для управления своими поместьями и доходами. Диван печати, упоминае-

мый всеми историками как нововведение, был лишь канцелярией, регистрировавшей и заверявшей исходящие документы. Такая же канцелярия имелась и у Зийада, но кроме нее он имел непонятный по назначению «диван зимам», заведенный по образцу сасанидского[104]. Возможно, что он-то и ведал доходами и расходами, не проходившими через диван хараджа.

В бывших иранских провинциях был возрожден древний обычай приношения даров государю к двум важнейшим праздникам: наурузу и михраджану. Крупные землевладельцы-дихканы и местные правители и после арабского завоевания продолжали получать традиционные дары от крестьян и подданных, идея заставить их делиться с новым государем, вероятно, пришла в голову тому же Зийаду. Приобщение к этому источнику доходов, от которого предыдущие халифы отказывались как от языческого обычая, дало Му'авии еще 10 млн. дирхемов[105].

ПОЛОЖЕНИЕ ИНОВЕРЦЕВ И НОВООБРАЩЕННЫХ

Естественно было бы ожидать, что активные поиски способов увеличения личных доходов халифа приведут к ухудшению положения основной массы налогоплательщиков-иноверцев. Мусульманских историков эта тема не волновала, и от них напрасно было бы ожидать подобных сведений. Однако и христианские авторы, жившие на территории Халифата, не говорят об усилении налоговых тягот при Му'авии. Их молчание не случайно: мелькитский монах Иоанн Фенек (Бар Пенкайе), живший в Северной Месопотамии на рубеже VII—VIII вв., прямо свидетельствует, что при Му'авии «со всех людей не брали ничего, кроме [законного] налога, и позволяли каждому исповедовать любую религию, какую захочет. Среди них* были даже христиане, одни из которых принадлежали к еретикам, другие — к нашим. Пока правил Му'авийа, был такой мир на свете, какого никогда не было и какого не упоминали наши отцы и отцы наших отцов»[106].

В этой восторженной характеристике времени правления Му'авии возможно некоторое тенденциозное преувеличение, так как автор, стремясь доказать, что политические и природные бедствия его времени — законное испытание, ниспосланное богом за прегрешения христиан, противопоставляет своему грешному времени времена Му'авии. И все же свидетельство Бар Пенкайе говорит за то, что изменений в размере налогового обложения при Му'авии не произошло. Известно также, что в не-

---

* Т е. налоговых чиновников

которых случаях ради политических выгод он шел на снижение дани с вассальных областей: например, он по просьбе Джуаншера уменьшил на треть или даже наполовину дань с Аррана[107].

Бар Пенкайе, как и ал-Йа‘куби, отмечает присутствие христиан в государственном аппарате, явно имея в виду не местное мелкое чиновничество, которое вело налоговые реестры на коптском, греческом, сирийском и среднеперсидском языках, а людей, близких к верховной власти по служебному положению или личным отношениям. Секретарем Му‘авии, ведавшим хараджем Сирии или его личными финансами, был христианин Сарджун (Сергий), отец знаменитого впоследствии богослова Иоанна Дамаскина[108]. Личным врачом халифа был христианин Абу Усал — это было в порядке вещей, еще несколько столетий медицина оставалась монополией христиан, — примечательно то, что Му‘авийа назначил его ведать хараджем Химса к великому возмущению арабов-мусульман[109]. Постоянным участником вечерних бесед Му‘авии был поэт-христианин ал-Ахтал. Бывали на этих беседах и иудеи. Один из них осмелился даже заявить, что Ка‘б ал-Ашраф был убит вероломно (см.: т. 1, с. 92, 119). Мухаммад б. Маслама, принимавший участие в его убийстве, возмущенно сказал Му‘авии: «Неужели ты не схватишь его, когда он обвинил посланника Аллаха в вероломстве!» Му‘авийа ограничился тем, что сказал провинившемуся: «Уходи от нас!»[110].

О том, что Му‘авийа не просто пользовался знаниями полезных ему христиан, а относится с уважением к христианской культуре, свидетельствует ремонт собора в Эдессе, пострадавшего от землетрясения 3 апреля 679 г., что особо отмечается многими христианскими историками[111].

Отношение к зороастризму было более враждебным. В 50/670 или 51/671 г. Зийад, назначив Убайдаллаха б. Абу Бакру наместником Сиджистана, отдал ему приказ уничтожить храмы огня и убить жрецов. Если верить автору «Истории Систана», это распоряжение вызвало сопротивление не только со стороны местных жителей, но и со стороны мусульман, которые сочли его нарушением договора и написали жалобу Му‘авии, который отменил это распоряжение[112].

Вполне доброжелательно относились мусульмане и мусульманские власти и к приезжающим иноверцам, совершающим паломничество к святым местам Палестины, о чем определенно свидетельствуют записки монаха Аркульфа, посетившего Палестину и Египет около 670 г. и не нашедшего повода упрекнуть «неверующих»[113].

Атмосфера веротерпимости, которую питало сохранявшееся убеждение, что каждому народу посылается свой пророк с подобающим ему вероучением, в сочетании с умеренной налоговой

политикой не принуждала христиан и иудеев к массовому переходу в ислам. Несколько иначе обстояло дело с зороастрийцами, которых ислам мог привлекать отсутствием сословных преград, но в большинстве иранских провинций сохранялась значительная внутренняя автономия, консервировавшая традиционные отношения.

Исламизация неарабов шла главным образом за счет обращения многочисленных рабов. Для хозяина обращение раба было актом благочестия, для раба — шагом на пути к обретению свободы, так как принявший ислам скорее мог рассчитывать на освобождение. Обращению рабов способствовало и их близкое общение с хозяевами-мусульманами, помогавшее усвоению языка религии. Кроме доброй воли хозяина освободить раба в вознаграждение за верную службу или особые заслуги существовали обстоятельства, когда Коран предписывал освобождение раба в виде епитимьи: за нарушение клятвы (в том числе и о разводе) и за непреднамеренное убийство мусульманина (Коран, 4:92/94, 5:89/91, 58:3/4). Добровольное освобождение раба не было слишком накладным для хозяина, поскольку бывший раб, становясь его «подопечным», мавлей, не порывал с ним, пополнял число челядинцев и союзников, сопровождая своего патрона (также называвшегося *мавла*) в походах, был его помощником и младшим партнером в торговой или ремесленной деятельности, поддерживал его вместе с кровными родственниками в трудных ситуациях. Подобные отношения складывались и у выкупившегося раба, хотя в этом случае самостоятельность его была больше, в меру его богатства.

Освобожденный раб, лишенный среди чужаков поддержки родственников, мог рассчитывать только на своего патрона-покровителя и поэтому был предан ему без требований и претензий. Оттого, как мы видели, правители разных рангов доверяли своим мавлам посты, от которых зависела их личная безопасность и сохранность финансов. Говорили, что Му‘авийа, жалуясь Зийаду в письме на родственников, советовал: «Держись мавлей, ведь они лучше помогают, легче прощают и более благодарны»[114].

Однако понятие «мавла» шире, чем вольноотпущенник. Человек, принявший ислам стараниями какого-то мусульманина, становился его мавлей. Позднее мусульманские юристы обозначили эту форму отношений *вала̄' ал-исла̄м* или *вала̄' ат-тиба̄‘а* («покровительство следования»)[115]. Отношения покровительства возникали и при поселении неарабов в арабских кварталах, создававшем отношения зависимости и покровительства, аналогичные доисламскому *джива̄р*. Такие поселенцы считались мавлами племени или рода, на территории которого поселились. Возмож-

но, что в некоторых случаях присельники были сначала немусульманами, а потом принимали ислам.

Провести четкую границу между покровительством (*вала̄'*) и союзом (*х̣илф*) непросто: все зависело от реального соотношения сил сторон. Ряд больших групп неарабов, обращенные в ходе завоеваний, сразу же были приравнены к арабам, внесены в диваны и стали получать жалованье за службу. Так, во время осады Казвина отряд дейлемитов, призванный горожанами на помощь против арабов, перешел на их сторону, принял ислам, был внесен в диван, поселился в Куфе и участвовал в дальнейших завоеваниях. В Куфе эти *х̣амра̄' ад-Дайлам* вступили в союз (*х̣ила̄фа*) с Зухрой б. ал-Хуваййей, вождем тамимитского племени бану са‘д[116].

Более многочисленными были подобные группы в Басре. На первом месте были *аса̄вира*, персидские всадники, перешедшие на сторону арабов и принявшие ислам во время осады Мугирой Тустара (см.: т. 2, с. 95, 148). Они также были приравнены к арабам, многие из них получили высшее жалованье (2000 и 2500 дирхемов). В Басре они вступили в союз с тамимитским племенем бану са‘д[117]. Несмотря на союз, асавира не участвовали на стороне бану са‘д во время битвы «у верблюда». В качестве союзников бану ханзала здесь поселились индусы (*ас-сийа̄биджа*) и цыгане (*аз-зут̣т̣*), жившие прежде в Бахрейне[118]. Возможно, что позже к ним присоединились пленные, захваченные позже на границах Синда[119]. Ас-сийабиджа, как упоминалось выше, состояли в охране Абдаллаха б. Амира и охраняли сокровищницу Басры[120]. Позднее с Убайдаллахом б. Зийадом из Бухары в Басру прибыли 2000 лучников, получивших земельный участок под застройку, об их союзе с каким-либо племенем сведений нет, и неизвестно, считались ли они мавлами Убайдаллаха.

Чистокровные арабы относились к мусульманам-инородцам свысока, издевались над нечистым выговором, иными привычками в быту, избегали родниться с ними. Наиболее националистически настроенные арабы говорили: «Молитву делают недействительной трое — осел, собака и мавла». Далее тот же источник свидетельствует: «Они не называли их по кунье*, а звали только по именам и прозвищам, не шли с ними в одном ряду и не пускали их вперед в торжественных выходах, а если они присутствовали на трапезе, то [арабы] сидели перед ними. Если же угощали мавлу из уважения к его возрасту, достоинствам и знанию, то сажали его в проходе для разносчика хлеба, чтобы не было ни от кого скрыто, что это не араб. Не звали их читать молитву над покойником, если присутствовал араб, даже если

---

* Т е с уважительным обращением «Отец такого-то»

присутствующий был ничтожным человеком. А тот, кто сватался к женщине из них, обращался не к ее отцу или брату, а к ее патрону, и если тот давал согласие — женился, а если нет — отказывался. А если ее выдавал замуж отец или брат без согласия своего патрона, то брак был недействительным; даже если он совокупился с ней, это считалось сожительством, а не браком»[121].

В действительности отношение к мавали и их положение в обществе были не столь однозначны. Ограничение прав на заключение брака могло осуществляться в полной мере только в отношении вольноотпущенников, остававшихся в большом доме патрона, и не могло действовать, когда мавла вел самостоятельное хозяйство и тем более если жил в другой местности. Реально действовал традиционный для арабов принцип *кафā'а* («равноценности»): родственники по отцовской линии старались выдавать дочерей за равного по происхождению и положению (или более высокого), женитьба же на женщине более низкого положения была делом обычным; это объяснялось тем, что дети следовали статусу отца, а не матери. Особенно ревниво относились к этому курайшиты, выдававшие дочерей только за курайшитов. Поэтому и браки арабов с неарабками были делом обычным, даже если они не были мусульманками. Как всегда бывает в жизни, случались и исключения, зависевшие от реального социального и материального положения мавли[122]. Вряд ли бедный араб отказался бы выдать свою дочь за мавлу халифа, управлявшего финансами целой провинции, с каким бы презрением ни относились к нему курайшитские аристократы; вряд ли арабы племени мурад отказались бы породниться со своим мавлей, богатым торговцем Абу Дукайном, который был в состоянии ссудить им 700 000 дирхемов, когда произошла задержка жалованья[123].

Презрение арабов более всего касалось вольноотпущенников — мелких торговцев, ремесленников, крестьян, которые напрасно надеялись улучшить свое положение переходом в ислам. Особенно много их было в Ираке, в самих гарнизонных городах и прилегающих к ним районах.

Новообращенные искали подтверждения своего равноправия с арабами в Коране и мусульманском предании. Убеждению арабов в том, что данное Мухаммаду откровение ставит их выше остальных народов[124], мусульмане-неарабы противопоставляли тезис о том, что это откровение — для всех. Препятствием на пути к утверждению равноценности всех мусульман были трудности освоения тонкостей арабского языка. Неспособность персов произнести некоторые характерные для него звуки, приводившая к смешным искажениям смысла, порой к неприличностям, потешала арабов и вызывала презрительное отношение к

«инородцам» (*'аджам, 'улӯдж*). Там, где это касалось Корана, такие языковые ошибки становились святотатством.

Освоение и безупречное владение арабским языком для утверждения своей полноценности и равноценности стало целью многих мавлей-горожан. Арабы относились к этому стремлению различно. Абу-л-Асваду ад-Дуали приписывают составление первой грамматики арабского языка для обучения неарабов[125], в то же время хадисовед и один из первых арабских историков Амир аш-Ша'би негодовал на то, что в мечети стало невозможно сидеть спокойно из-за инородцев, изучающих арабский язык и хадисы, и издевался над их учителями-арабами: «Что там тебе рассказывают эти задницы-торгаши о сподвижниках пророка? Заучивай это!»[126].

Невзирая на насмешки арабов, мавли уверенно входили в первые ряды знатоков Корана и мусульманского предания (*сунны*). Примерно полвека спустя на расспросы ревнителя превосходства арабов аббасида Исы б. Мухаммада о лучших знатоках мусульманского права в различных городах и странах кади Куфы Абдаллах б. Абу Лайла назвал одних мавлей, чем очень разгневал Ису[127]. Многие из названных им авторитетов начинали свое обучение именно в описываемое нами время, достаточно назвать имена басрийцев Хасана ал-Басри и Мухаммада б. Сирина, мекканца Ата б. Абу Рабаха и сирийца Сулаймана б. Йасара[128].

В убеждении о равенстве всех мусульман мавли смыкались с хариджитами, противопоставлявшими равенство всех мусульман на заре ислама расколу и притеснениям своего времени. Выше мы уже приводили ответ предводителя одного из хариджитских восстаний, мавли Абу Марйама, на упрек в том, что религиозные споры касаются только арабов: «Аллах послал своего пророка ко всем людям и не скрыл его (учение) ни от кого». Среди многочисленных обвинений, предъявленных Худжру б. Ади, было и то, что он настоял на казни араба, убившего мавлу, как за убийство араба, хотя другие считали, что убийство неараба не может возмещаться смертью араба[129]. Хариджиты не упускали случая отомстить за своих единомышленников независимо от их личности. В Басре запомнился случай, когда хозяину раба, отказавшемуся отпускать его на сходки хариджитов, предложили за него выкуп. Хозяин не только отказался, но и убил раба, тогда хариджиты из бану аназа ночью перерезали поджилки его верблюдам[130].

Распространение хариджитских идей шло главным образом путем изучения и толкования Корана и хадисов на дому, поэтому такие собрания в домах со столь благочестивыми целями считались преступными[131], как когда-то у нас групповое изучение молодежью марксистского учения дома, а не на официальных семинарах могло привести к обвинению в ревизионизме.

За полтора десятка лет после подавления восстания ал-Муставрида, в котором участвовали в основном хариджиты-арабы, в Ираке значительно увеличилось число мусульман-неарабов, представлявших прекрасную питательную среду для всевозможных оппозиционных движений. Однако суровое правление Зийада, а затем Убайдаллаха, превентивные аресты по подозрению сделали затруднительным массовые выступления хариджитов. Единственный известный случай — уход из Басры в 58/677-78 или 60/679-80 г. чудом спасшегося от казни Абу Билала Мирдаса с 10 сторонниками для мирного противостояния беззакониям властей. На пути к Асаку, в Ахвазе (см.: т. 2, рис. 9, с. 88), его отряд увеличился до 40 человек. Он перехватил хараджные деньги, которые везли в Басру, взял из них причитающееся ему и его людям жалованье, остальное роздал как милостыню, а в контролируемом им районе отменил налоги (с мусульман?). Хариджиты успешно отразили и обратили в бегство 1000 басрийцев, посланных на их подавление, и только четырехтысячный отряд Аббада б. ал-Ахдара полностью истребил восставших, в бою пали все, кроме одного. Басрийские хариджиты позже отомстили Аббаду, убив его прямо на улице около мечети (но не тронули ехавшего с ним сына)[132].

Рассказ об этих событиях явно происходит из хариджитской среды, судя по идеализации Абу Билала и совершенно несоразмерному соотношению его сил и тех, что понадобились для подавления его восстания.

Казни отдельных хариджитов, ответные убийства и гибель мстителей, распятые тела казненных были нередкими явлениями в жизни Басры[133]. Вероятно, что-то подобное случалось и в Куфе, хотя источники молчат об этом. За пределами Ирака, там, где арабы составляли подавляющее большинство, или там, где мусульмане были небольшими островками в море иноверцев и держались единодушнее, обстановка была спокойнее. Ирак стал пороховой бочкой, готовой взорваться от первой искры.

Глава 6

ПРЕЛЮДИЯ ВТОРОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

СМЕНА ВЛАСТИ

Шел двадцатый год правления Му‘авии. Годы брали свое: судя по некоторым сообщениям, восьмидесятилетний[1] халиф, отличавшийся продуманностью решений, стал допускать промахи, которые можно объяснить скорее всего старческой неуверенностью в себе[2]. Чувствуя это, он во время визита басрийской делегации во главе с Убайдаллахом б. Зийадом в 679 г. пожелал, чтобы они подтвердили присягу Йазиду[3].

Весной 680 г. Му‘авийа занемог, стал терять силы и сильно похудел. Некоторые современники полагали, что он заразился лихорадкой от новой хорасанской невольницы, другие придумывали совершенно невероятные причины. Упоминание сильного отхаркивания скорее свидетельствует о сильном воспалении легких. Под конец он настолько ослаб, что стал терять сознание и бредить. Готовясь к отходу в мир иной, он завещал половину своих денег казне (т.е., по идее, общинной кассе) и пожелал быть похороненным в рубахе, подаренной ему Мухаммадом, и с обрезками его ногтей, бережно подобранными полвека назад[4]. В один из последних дней он попросил умастить его и подкрасить и через силу вышел к людям, чтобы опровергнуть слухи о безнадежном состоянии. Видимо, он боялся, что эти слухи могут вызвать политические осложнения до того, как Йазид успеет перенять бразды правления[5], но дождаться этого не успел и скончался в четверг 13 раджаба 60/19 апреля 680 г.[6].

Его кончина возрождала старый спор о власти, временно погашенный договором с Хасаном, молчаливо признанным затем Хусайном. Взятое им обязательство не выступать против Му‘авии и не претендовать на власть, пока тот жив, теперь становилось недействительным и ненужным, присяга Йазиду как наследнику (если Хусайн ее формально принес) по сравнению с этим имела второстепенное значение, тем более что оно было обязательством перед Му‘авией, а не перед Йазидом. Йазид не мог не понимать ответственность момента, но почему-то не был рядом с отцом в последние дни его жизни, уехав на охоту в свою любимую резиденцию в Хувварине.

Последнюю волю умирающего принял его начальник полиции ад-Даххак б. Кайс, которому он передал власть до прибытия Йазида. На долю ад-Даххака выпало объявить о смерти халифа и организовать похороны. Впервые они проходили при большом стечении народа, честь нести погребальные носилки до Малых ворот разделили между собой курайшиты и сирийцы.

Йазид прибыл через три дня[7]. Посетив могилу отца, он поехал во дворец и принял приближенных, принесших ему соболезнования и поздравления со вступлением во власть. Он принял присягу, щедро одарил присутствовавших, прибавил жалованье, а некоторых повысил в должности[8]. Все наместники провинций были оставлены на своих местах и организовали присягу. Неприятностей можно было ожидать только из Медины, где находились три возможных претендента на халифство: Хусайн, Абдаллах б. аз-Зубайр и Абдаллах б. Умар.

Йазид немедленно отправил гонца в Медину к ее наместнику ал-Валиду б. Утбе с извещением о происшедших переменах, а к этому официальному тексту, который полагалось огласить в мечети, внизу очень мелким почерком, «как мышиное ухо», сделал приписку с распоряжением во что бы то ни стало привести к присяге трех главных соперников.

Гонец, доставивший это послание 28 раджаба/4 мая, по его собственным словам, прибыл в Медину вечером, когда ал-Валид прекратил прием и удалился во внутренние покои. Хаджиб впустил его только после того, как посланец сказал, что привез приказ[9]. Узнав о смерти дяди, ал-Валид расплакался и настолько растерялся, что не смог принять самостоятельного решения и послал за Марваном б. ал-Хакамом, который был зол на ал-Валида за то, что тот сменил его на посту наместника. Марван сразу понял, что случилось, и, забыв об обиде, тотчас откликнулся на приглашение. Растерявшемуся наместнику он посоветовал немедленно вызвать Ибн аз-Зубайра и Хусайна и заставить принести присягу, пока они не узнали о случившемся и не скрылись.

Чтобы не вызвать подозрений, ал-Валид послал за ними малолетнего внука Усмана, который нашел их в мечети. Отослав мальчишку сказать, что придут следом за ним, и обменявшись мнениями, они решили, что умер халиф и от них потребуют присяги, иначе не вызвали бы в такой неурочный час. Ибн аз-Зубайр посоветовал немедленно уехать, Хусайн же решил явиться в сопровождении вооруженных людей, которые в случае необходимости пришли бы ему на помощь.

Ал-Валид прочитал Хусайну официальное послание и предложил присягнуть. Хусайн пожелал покойнику милости Аллаха и добавил: «Такие люди, как я, не присягают тайно, и не думаю,

чтобы ты хотел получить от меня присягу тайно, в отсутствие предводителей людей». Ал-Валид подтвердил: «Конечно». — «Вот когда выйдешь к людям и призовешь их к присяге, призовешь и нас к присяге вместе со всеми». Успокоенный этим, ал-Валид отпустил его: «Тогда ступай с богом и придешь к нам вместе со всеми людьми».

Услышав это, Марван вскричал: «Если ты отпустишь его сейчас без присяги, то не добьешься этого никогда, пока не умножатся убитые между вами. Задержи этого человека, не дай ему выйти, пока не принесет присягу, или отруби ему голову!» Хусайн вскочил и со словами: «Ты меня убьешь? Или он? Врешь, клянусь Аллахом, и грешишь!» — ушел домой. Марван обрушился на ал-Валида с упреками, а тот возражал, что отказ Хусайна от присяги не заслуживает пролития его крови.

А Абдаллах б. аз-Зубайр вовсе не удостоил наместника посещением; на все настояния и даже брань посланцев он отвечал: «Сейчас приду» — и не трогался с места. Кончилось тем, что Джа‘фар б. аз-Зубайр пришел к ал-Валиду и сказал, чтобы брату перестали докучать и оставили в покое до утра. Тем временем Абдаллах послал сына в свое поместье в Зу-л-Хулайфе подготовить верблюдов, а глубокой ночью, когда весь город уснул, вместе с Джа‘фаром покинул дом, в Зу-л-Хулайфе они сели на верблюдов и направились в Мекку по горной дороге через ал-Фур‘ (ал-Фар‘, Эль-Фар; см.: т. 1, с. 98, рис. 8). Посланные утром в погоню за ними 70 всадников вернулись к вечеру ни с чем.

Весь этот день Хусайн не покидал дома и отделывался обещаниями присягнуть позже, а вечером посулил («если захочет Аллах») появиться утром. Утра он дожидаться не стал, а по примеру Ибн аз-Зубайра тайно покинул Медину с сыновьями, женами, сестрами, братьями и племянниками. Это была ночь на воскресенье 30 раджаба/6 мая[10].

За ним не последовал лишь Мухаммад б. ал-Ханафийа. Он не претендовал на власть и был к ней равнодушен. Да и брату сказал на прощание: «Если люди объединятся не вокруг тебя, то Аллах не умалит этим ни твоей веры, ни твоего разума и не отнимет этим твоей доблести и достоинства»[11].

Бегство Хусайна нанесло тяжелый удар по самолюбию ал-Валида. Чтобы отыграться за провал, он арестовал сторонников Ибн аз-Зубайра, сыновей ближайших сподвижников пророка: Абдаллаха, сына Мути‘ б. ал-Асвада, и Мус‘аба, сына Абдаррахмана б. Ауфа. Бану ади, соплеменники Абдаллаха б. Мути‘ и Умара б. ал-Хаттаба, обратились за помощью к Абдаллаху б. Умару, который (как и Абдаллах б. Аббас) принес присягу Йазиду. Абдаллах ходатайствовал за соплеменника, но получил ответ, что арест произведен по приказу Йазида. Тогда молодые адиты

силой освободили арестованного, и он уехал в Мекку к Ибн аз-Зубайру[12].

Все эти неудачи вызвали недовольство халифа. Он сместил ал-Валида, назначив на его место более решительного и даже несколько безрассудного Амра б. Са‘ида ал-Ашдака из умаййадского рода ал-Аса (сына сестры Марвана б. ал-Хакама), прибывшего в Медину в рамадане (5 июня — 4 июля). Он отставил прежнего начальника полиции и назначил Амра б. аз-Зубайра, своего двоюродного брата по матери и родного брата Абдаллаха б. аз-Зубайра по отцу.

Хусайн и Ибн аз-Зубайр, отказываясь признать Йазида халифом, не предпринимали против него враждебных действий. Ибн аз-Зубайр ограничился тем, что отказался участвовать в общем молении, которое по должности проводил наместник халифа, и совершал отдельное моление во главе своих почитателей[13]. О Хусайне ничего подобного не известно, хотя число его сторонников в Мекке было больше, чем у Ибн аз-Зубайра, но явно недоставало для того, чтобы организовать присягу в его пользу и идти на открытый конфликт.

Иначе обстояло дело в Куфе, где весть о смерти Му‘авии и отказе Хусайна присягнуть его преемнику пробудила в сердцах почитателей его отца надежды на восстановление власти семьи пророка, а заодно и возвращение Куфе статуса столицы. Вскоре после этого в Куфе, в доме главы куфийских шиитов Сулаймана б. Сурада, собрались вожди шиитов, обсудили новости и решили возобновить борьбу за халифа из рода пророка, а для этого позвать в Куфу Хусайна. Тут же было составлено послание к нему, текст которого сохранился в нескольких вариантах, переработанных переписчиками и компиляторами, не только сокращавшими его, но и украшавшими его своими дополнениями, из-за чего реконструировать первоначальный текст вряд ли возможно. У ат-Табари послание выглядит так:

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного.

Хусайну ибн Али от Сулаймана ибн Сурада, и ал-Мусаййаба ибн Наджабы, и Рифа‘а ибн Шаддада, и Хабиба ибн Музахира, и его сторонников (*ши‘а*) из верующих и мусульман Куфы. Мир тебе. Истинно, хвалим тебе Аллаха, кроме которого нет божества. А затем: хвала Аллаху, который сокрушил твоего могущественного упорного врага, напавшего на эту общину, завладевшего ее делом, который захватил ее и дурно обращался и повелевал ею без ее согласия. Затем он убил лучших ее людей и оставил [в живых] худших из нее. И отдал он средства Аллаха (*māл Аллах*)* тем в ней, кто могуществен и богат, да сгинет он, как са-

* Т.е. общее достояние мусульманской общины, государственные финансы

муд*! Воистину, нет у нас имама. Приезжай, может быть, Аллах объединит нас с твоей помощью на пути истинном. Во дворце правления — ан-Ну‘ман ибн Башир, мы не молимся с ним в пятницу и не выходим на Праздник**, а если мы узнаем, что ты прибываешь, то выгоним его и прогоним в Сирию, если захочет Аллах. И мир»[14].

Характеристика положения наместника Куфы (в других версиях говорится даже, что он осажден в резиденции, его никто не слушается и не платит хараджа) явно не соответствовала действительности, неясно только, пытались ли этим авторы послания подтолкнуть Хусайна к приезду в Куфу или перед нами позднейшее добавление[15].

Это послание Хусайн получил через месяц после появления в Мекке, 10 рамадана/14 июня 680 г.[16]. Через несколько дней прибыли новые посланцы из Куфы и привезли 53 индивидуальных и коллективных письма с выражениями преданности и призывами приехать и возглавить борьбу; поток писем на этом не прекратился, всего набралось будто бы две переметные сумы.

Хусайн не торопился с ответом, он хорошо помнил судьбу отца и брата, положившихся на обещания куфийцев. А Абдаллах б. аз-Зубайр не мог дождаться, когда же Хусайн покинет Мекку, — при сыне Али ему приходилось довольствоваться второстепенной ролью, — и убеждал его, что, имея столько сторонников, он бы непременно поехал к ним. Последней каплей, подточившей устойчивость Хусайна, вероятно, стало прибытие в Мекку представителя басрийских шиитов Йазида б. Нубайта с двумя сыновьями. Обещание поддержки со стороны второй столицы Ирака укрепляло надежду на успех восстания. А тут еще пришел из Куфы отчаянный призыв поспешить: «Люди ждут тебя, и мнение их на твоей стороне. Поторопись! Поторопись, о сын дочери посланника Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует. Зазеленели сады, и поспели плоды, покрылась земля травой, а деревья — листвой. Приезжай, если хочешь, ведь ты прибудешь к своему собравшемуся войску. И мир тебе и милость Аллаха и благословение, а до тебя — твоему отцу»[17].

На этот раз Хусайн решился ответить согласием, но послал с письмом своего двоюродного брата Муслима б. Акила, чтобы он на месте убедился, соответствуют ли эти посулы истинному положению дел. В послании, врученном Муслиму для доставки и подтверждавшем его полномочия, сообщалось, что Муслим послан проверить истинность сообщений куфийцев и, если они в самом деле поддерживают Хусайна, принять у них присягу[18].

---

* Легендарный народ, уничтоженный Аллахом за грехи.

** Праздник жертвоприношения 10 зу-л-хиджжа

В середине рамадана (около 20 июня) Муслим выехал из Мекки и, чтобы замаскировать истинную цель поездки, направился не прямо в Куфу, а через Медину, оттуда же — не по большой дороге, а окольными путями, на которых чуть не погиб от жажды, когда проводники сбились с дороги. 5 шаввала/9 июля он прибыл в Куфу и остановился у ал-Мухтара б. Абу Убайда[19]. Сюда стали приходить шииты: слушали чтение письма, плакали и клялись в верности. Сохранить многочисленные визиты в тайне от соседей было трудно, да и сами посетители, наверное, не раз проговаривались; по городу пошли слухи о посланце Хусайна и дошли до наместника. Ан-Ну‘ман б. Башир обратился к куфийцам с речью, в которой предупредил о тяжелых последствиях всяких смут, но не упомянул ни Хусайна, ни Муслима и не предпринял мер для ареста Муслима. Двое приближенных упрекнули наместника за слабодушие, а затем написали Йазиду, что ан-Ну‘ман слишком слаб для своей должности.

Между тем Хусайн послал письма и вождям басрийцев, в том числе ал-Ахнафу б. Кайсу, Малику б. Мисма‘ и некоторым другим, в которых напоминал о праве «семьи пророка» на замещение принадлежавшего пророку места в общине и обещал вести тех, кто последует за ним, праведным путем[20]. Адресаты сохранили получение посланий в тайне даже друг от друга, лишь ал-Мунзир б. ал-Джаруд, тесть Убайдаллаха б. Зийада, доложил своему зятю о письме и указал на мавлу Хусайна, доставившего это письмо. Мавла отказался отвечать на все вопросы и был казнен.

Это событие совпало с получением письма от халифа, в котором тот назначал Убайдаллаха наместником Куфы с приказом найти и казнить Муслима, а голову прислать в Дамаск. Так Убайдаллах, подобно отцу, объединил в своих руках всю восточную половину Халифата.

Оставляя Басру на своего брата Усмана, Убайдаллах пригрозил басрийцам, что не потерпит смуты и будет казнить не только самих смутьянов, но и их родственников и старост подразделений (арифов). В Куфу он взял с собой Муслима б. Амра ал-Бахили, привезшего приказ о назначении, нескольких знатных басрийцев, в том числе уже известного нам Шарика б. ал-А‘вара, старого соратника Али, и вооруженный конвой[21].

Тем временем стараниями Муслима б. Акила несколько тысяч куфийцев (источники говорят о 12, 18 и даже 80 тысячах)[22] присягнули Хусайну, обещая положить за него жизнь. Окрыленный этим, Муслим отправил в Мекку гонца с извещением об успехе и возможности приехать в Куфу.

В эти дни, скорее всего в середине зу-л-ка‘да (16—18 августа)[23], к Куфе подъехал Убайдаллах. В Кадисии он отделился от

основного отряда и, пересев на мулицу, с закутанным лицом в сопровождении нескольких человек въехал в город под вечер со стороны, откуда ожидалось прибытие Хусайна. Встречные принимали его за долгожданного имама и радостно приветствовали. Убайдаллах ехал молча, не отвечая на приветствия и с трудом сдерживая гнев. Наконец, ехавший рядом с ним Муслим б. Амр не выдержал и на очередные благопожелания ответил: «Перестаньте! Это — ваш амир Убайдаллах ибн Зийад!»

Познакомившись таким необычным способом с настроениями куфийцев, Убайдаллах наутро обратился к ним в мечети с краткой, но недвусмысленной речью:

«Так вот, амир верующих, да сохранит его Аллах, назначил меня правителем вашего города и вашего пограничья и повелел мне восстановить справедливость для обиженных среди вас и наделить несчастных, быть добрым к тем, кто повинуется, и твердым к подозрительным и бунтующим. И я исполню его повеление относительно вас и осуществлю его предписание. Да, я благожелателен к вам и благодетелен, как щедрый отец, но у меня есть плеть и меч для тех, кто пренебрежет моим приказом и воспротивится моему распоряжению. Пусть каждый ответит за себя. Правдивость защитит тебя, а не страх».

После этого Убайдаллах перешел к решительным действиям: арифам было приказано составить списки всех приезжих, разыскиваемых, хариджитов и подозрительных; тот, у которого никто не будет записан, должен поручиться, что подозрительных действительно нет. «А тот ариф, в ирафе которого будет найден хоть один преступник против амира верующих, о котором он не дал нам знать, будет распят на воротах собственного дома, а эта ирафа будет лишена жалованья и сослана в дикие места ‘Умана»[24]. Такой крутой поворот дел сразу охладил большинство горячих голов, еще вчера клявшихся жизнь отдать за внука пророка. Муслим побоялся навлечь беду на хозяев дома, где прожил больше месяца, и покинул его. Случайно или не случайно он оказался около дома Хани б. Урвы ал-Муради, одного из вождей мазхиджитов, получил разрешение войти в дом и попросил у Хани покровительства (*дживāр*). Просьба не обрадовала хозяина, но бедуинская этика не позволяла знатному человеку отказать в покровительстве вошедшему в его дом, о чем он прямо и сказал[25].

На некоторое время Муслим исчез из поля зрения Убайдаллаха, но настойчивые поиски в конце концов привели к дому Хани. Согласно одной версии, местопребывание Муслима открыл мавла Убайдаллаха, притворившийся шиитом из Сирии, который хотел бы передать посланцу Хусайна деньги (данные ему для этой цели Убайдаллахом). Какой-то простодушный шиит указал

ему, где тот скрывается, и он вручил деньги[26]. По другой версии, этому предшествовало посещение Убайдаллахом дома Хани, где остановился тяжело заболевший Шарик б. ал-А‘вар. В Шарике проснулись старые убеждения, и он подговорил Муслима убить наместника, когда он подаст знак. Муслим не захотел причинять неприятностей приютившей его семье и не вышел, когда Шарик произнес условную фразу. Через три дня Шарик скончался, и ничего не подозревавший Убайдаллах читал над ним молитву. Лишь после этого мавла Убайдаллаха дознался, где укрывается Муслим[27].

Убайдаллах потребовал к себе Хани. Тот сначала все отрицал, но когда ему представили лжешиита, приносившего деньги, то вынужден был признать, что дал убежище гонимому человеку, но в доме не хранилось оружие и не было никакой враждебной деятельности. Убайдаллах велел ему самому привести Муслима, Хани ответил, что не может выдать гостя, попросившего убежища. Хани избили и заперли в одном из помещений резиденции. Слух об этом дошел до мазхиджитов, решивших, что Хани убит. Они стали рваться в ворота резиденции. Тогда Убайдаллах поручил кади Шурайху, пользовавшемуся в городе большим авторитетом, выйти и заверить (очень по-современному), что Хани не убит, а только задержан для выяснения наместником некоторых обстоятельств. Мазхиджиты успокоились и разошлись.

Арест Хани побудил Муслима к открытым действиям. Сразу после вызова Хани к наместнику Муслим послал Абдаллаха б. Хазима узнать, чем кончится дело. Узнав, что Хани избили и арестовали, он поскакал к Муслиму и сообщил о случившемся. Рассказ о дальнейшем предоставим самому Ибн Хазиму. «Я первым въехал к Муслиму и увидел: во дворе собрались женщины-мурадитки и вопят: „О несчастье! О утрата!“ Я вошел к Муслиму б. Акилу с этим известием, и он приказал мне созвать его сторонников, а ими были полны окружающие дома. Ему присягнули восемнадцать тысяч, а в этих домах было четыре тысячи. Он сказал мне: „Возгласи: Помогающий, укрепи!“ — и я воззвал: „Помогающий, укрепи!“ И стали куфийцы созывать друг друга и собираться к нему. И привязал Муслим Убайдаллаху б. Амру ибн ал-Кинди знамя руб‘а кинды и раби‘и и сказал: „Иди передо мной во главе конницы“; потом привязал Муслиму ибн ал-Аусаджу знамя руб‘а мазхиджа и асада и сказал: „Ступай с пехотой, ты над ней“; и привязал знамя руб‘а тамима и хамдана Абу Сумаме ас-Са’иди, и привязал знамя руб‘а techмединцев Аббасу ибн Джа‘де ал-Джадали, а потом направился к дворцу. И когда узнал Ибн Зийад о его приближении, укрылся во дворце и закрыл ворота»[28].

Как сообщают другие информаторы, Ибн Зийад произносил речь в мечети, услышал крики «Ибн Акил пришел!» и тотчас

ушел во дворец, расположенный, как уже говорилось, сразу же за южной стеной мечети. В его распоряжении оказалось тридцать своих охранников и десятка два знатных куфийцев. На площади у дворца бушевала толпа, понося самого Убайдаллаха и его отца. Убайдаллах поручил Мухаммаду б. ал-Аш‘асу, ал-Ка‘ка‘ б. Шауру и некоторым другим выйти в город и убеждать соплеменников прекратить бунт, пугая бедами междоусобной войны и возможными репрессиями со стороны халифа. Посланные вскоре вернулись, приведя с собой подкрепление из верных людей. Гарнизон осажденного дворца вырос настолько, что Мухаммад б. ал-Аш‘ас предложил сделать вылазку, Убайдаллах отверг это предложение, надеясь на действие своей агитации. Абдаллах б. Хазим вспоминал, как Касир б. Шихаб говорил мазхиджитам, что амир в наказание разошлет их воевать в составе сирийских отрядов, а детей лишит жалованья, «и когда услышали люди их речи, начали рассеиваться и начали уходить»[29].

Бездействие Муслима, рассчитывавшего, что все произойдет само собой, погубило восстание — страх ссылки и лишения жалованья оказались сильнее желания потусторонней награды. К вечерней молитве с ним осталось около трехсот человек, а силы наместника значительно выросли. Увидев это, Муслим увел их от дворца, но по мере движения через город и эта горстка сторонников неудержимо таяла и никто не предложил ему убежища.

Убайдаллах, удивленный тишиной вокруг дворца, послал людей подняться на крышу и посмотреть, в чем дело. Ему доложили, что на площади никого нет. Решили проверить, нет ли засады в мечети, оказалось — и там пусто. Тогда Убайдаллах распорядился созывать людей на ночную молитву. Когда мечеть наполнилась, он обратился к присутствующим с краткой речью: «Воистину, сын Акила — трус и дурак*. Вы видели, какие произошли неповиновения и раздор. Не будет покровительства Аллаха человеку, в доме которого его найдут. А кто приведет его, тому будет выплачена цена кровной мести**. Повинуйтесь Аллаху, рабы Аллаха!» Затем начальник полиции получил приказ поставить охрану в начале каждой улицы для проверки прохожих.

В это время Муслим шел на юг от Куфы и дошел до Хиры[30]. Там он остановился около одного из домов и попросил напиться у хозяйки. Напившись, он не ушел. Женщина спросила, чего еще ему нужно, если уже напился. Муслим сказал, что его преследуют и ему нужно убежище на ночь. Женщина потребовала назвать себя; услышав, кто перед ней, она в отличие от мужчин, присягавших и заверявших в верности до гроба, не испугалась и

---

* *Āкил* по-арабски «умный»

** Размер виры за убийство — 1000 динаров или их эквивалент в скоте (100 верблюдов)

дала ему приют. Пришедшего позже сына она просила сохранить в секрете имя человека, которому оказала гостеприимство. Однако сын наутро заявил о местонахождении Муслима, и Убайдаллах послал Мухаммада б. ал-Аш‘аса с отрядом в несколько десятков человек арестовать его. Муслим встретил приехавших во дворе с мечом в руке и после жаркой схватки вытеснил их за ворота. Отбивая повторную атаку, Муслим получил удар по лицу, рассекший верхнюю губу, и все-таки сумел выбить всех со двора. Желавших еще раз встретиться с ним лицом к лицу не нашлось; нападавшие поднялись на крышу, стали кидать в него камни и бросили во двор связки горящего камыша. Муслим вышел на улицу и, прислонившись к стене, приготовился принять последний бой. Кажется, и здесь он еще сражался некоторое время. Рассказы о последнем бое Муслима явно страдают преувеличениями в его пользу, и трудно представить истинную картину[31]. Длительное сопротивление может объясняться не только его мужеством и превосходным владением оружием, но и тем, что нападавшие на него не намеревались его убивать и не желали рисковать своей жизнью.

Увидев, что арест может стоить много крови, Мухаммад б. ал-Аш‘ас стал уговаривать Муслима сдаться, гарантируя от себя сохранение жизни (*амāн*). Обессиленный Муслим сдался. Его беспокоило только то, что Хусайн, обманутый его оптимистическим письмом, может появиться в предательской Куфе, и он попросил Ибн ал-Аш‘аса сообщить Хусайну, что нужно возвратиться в Мекку.

Муслима доставили к Убайдаллаху. Услышав от Ибн ал-Аш‘аса, что тот гарантировал Муслиму пощаду, Убайдаллах разгневался: «Какое тебе дело до помилования?! Как будто мы посылали тебя давать ему помилование. Мы посылали тебя, чтобы ты доставил его нам!» Историки передают пространную беседу Убайдаллаха с Муслимом, в которой он упрекал его за раздор, внесенный в общину, а Муслим порицал и самого Убайдаллаха, и его отца, доказывая правоту своего дела. Подлинность ее сомнительна, вряд ли человек с такой раной, как у Муслима, мог вступить в дискуссию. Услышав приказ о казни, Муслим упрекнул Мухаммада б. ал-Аш‘аса: «Если бы ты не гарантировал мне безопасность, я не сдался бы». Казнь была поручена тому человеку, который, ранив Муслима, сам получил от него удар и теперь мог отомстить. Ибн ал-Аш‘ас, искупая свою невольную вину в позорной смерти Муслима, выполнил предсмертную просьбу казненного и послал навстречу Хусайну человека предупредить об опасности появления в Куфе.

Провал восстания Муслима и его гибель решили также судьбу Хани б. Урвы. При его аресте Ибн ал-Аш‘ас выпросил у Убайд-

аллаха б. Зийада помилование для него, предупреждая, что за него могут вступиться его соплеменники мазхиджиты. Но когда исчезла угроза со стороны Муслима и стало ясно, что куфийцы запуганы репрессиями, Убайдаллах приказал его казнить. Расчет наместника оказался верным: когда Хани вывели со связанными за спиной руками для казни на овечий рынок, никто из соплеменников не откликнулся на его отчаянные призывы о помощи. Лишь через некоторое время нашелся человек, который заколол копьем палача Хани. Тела Хани и Муслима были распяты на базаре, а головы отосланы халифу[32].

Ал-Мухтар оказался удачливее. О восстании он узнал, находясь в своем имении в ал-Хутарнии (около 30 км севернее Куфы), и поспешил принять в нем участие, но добрался до соборной мечети, когда в его провале не было никакого сомнения. Амр б. Хурайс, командовавший отрядом, посланным защищать дворец от мятежников, предложил присоединиться к его отряду. Наутро ал-Мухтар вместе со всеми явился на прием. Ибн Зийад обвинил его в участии в восстании, но Амр б. Хурайс заверил, что он все время находился в его отряде. Отвергнуть это свидетельство Ибн Зийад не решился (Амр был главой мединцев в Куфе) и сорвал свою злобу, ударив ал-Мухтара палкой по лицу (и повредил глаз), а затем бросил в темницу[33]. О судьбах других участников восстания и близких к Муслиму людей ничего не известно. Возможно, что публичных казней двух видных людей было достаточно, чтобы убедить всех, что Убайдаллах не остановится ни перед чем.

Восстание датируется вторником или средой, 8 или 9 зу-л-хиджжа/9—10 сентября (в действительности эти дни — воскресенье и понедельник), как разночтение второй даты следует принять 7 зу-л-хиджжа, которое является средой. Средневековые историки считают его одновременным с выступлением Хусайна из Мекки, которое в большинстве случаев относят ко «дню жертвоприношения» — 8 зу-л-хиджжа и только один источник — ко вторнику 3 зу-л-хиджжа/4 сентября[34] (и этот день действительно вторник). Расчет соотношения по времени ряда взаимозависимых эпизодов говорит в пользу более поздних дат.

ТРАГИЧЕСКИЙ ПОХОД ХУСАЙНА

Полторы тысячи километров и две недели, требовавшиеся для передачи известий через гонцов, отделяли Мекку от Куфы, и когда Хусайн получил от Муслима сообщение о том, что Куфа готова принять его с распростертыми объятиями, там все уже переменилось: вместо снисходительного ан-Ну‘мана б. Башира

появился непреклонный Убайдаллах, а Муслиму приходилось скрываться от него.

Для понимания реакции Хусайна на это сообщение важно было бы знать, сколько времени прошло между его получением и выступлением из Мекки — большой промежуток свидетельствовал бы о долгих колебаниях. К сожалению, имеющиеся даты вызывают некоторые сомнения. Из трех абсолютных дат: выступления Хусайна из Мекки (8 или 9 зу-л-хиджжа/9—10 сентября), прибытия в Кербелу (четверг 2 мухаррама/2 октября — в действительности вторник) и его гибели (10 мухаррама 61/10 октября 680 г.) — последняя единственно надежна. Имеется еще одна важная дата, определяемая лишь относительно, — письмо Муслима, призывающее приехать, было отправлено за 27 дней до казни[35], т.е. 11—12 зу-л-ка‘да/13—14 августа. Труднее на этом основании определить, когда Хусайн мог его получить. Если считать, что гонец, не меняя своего верхового животного, мог в среднем проезжать около 100 км в сутки, то письмо дошло бы примерно 26—27 зу-л-ка‘да/28—29 августа с отклонением в обе стороны на один-два дня. Таким образом, Хусайну потребовалось 10—12 дней для принятия окончательного решения. Расположенные к нему люди и родственники пробовали его отговорить (некоторые из сообщений об этом явно выдуманы задним числом)[36], но Хусайн был непреклонен в своем решении.

8 зу-л-хиджжа/9 сентября, совершив начальный обряд хаджжа, Хусайн к вечеру, когда многие тысячи паломников, запасшись водой, двинулись через долину Мина к Арафату, покинул свое жилище в сопровождении всех жен и детей, с двоюродными братьями и племянниками (всего с ним было 82 мужчины) и влился в общий поток, двигавшийся вверх по долине. Когда вдруг караван Хусайна повернул влево на дорогу, которая одновременно выводила и на иракскую, и на мединскую дорогу, Амр б. Са‘ид побоялся, что Хусайн направляется в Медину, чтобы захватить ее в его отсутствие, и послал стражников во главе со своим братом Йахйей остановить его. Произошла стычка, в которой обе стороны буквально схлестнулись плетями. Спутники Хусайна оказались напористее, и Йахйа предпочел оставить их в покое.

В Тан‘име, в 10 км севернее Мекки, где расходились дороги на Медину и Ирак (см.: т. 1, с. 53, рис. 5), Хусайну повстречался караван, который вез халифу из Йемена благовония и ткани. Хусайн конфисковал груз, а сопровождавшим его предложил либо присоединиться к нему, и тогда он заплатит им то, что они должны были получить за доставку, либо возвращаться домой с оплатой проделанной части пути. Часть караванщиков согласилась присоединиться к нему[37].

Рассказы о движении Хусайна к Куфе довольно обширны, особенно о второй половине пути. Описываются встречи с разными людьми и разговоры с ними; содержание этих бесед не отличается разнообразием: встречные остерегают Хусайна от поездки в Куфу, он объясняет свои права на власть или изъявляет упования на Аллаха. Нередко одни и те же фразы вкладываются в уста различных людей, а один и тот же человек встречается в нескольких местах. Так, ставший позже очень знаменитым поэт ал-Фараздак будто бы сказал Хусайну, что сердца куфийцев с ним, а мечи — с сынами Умаййи; в одном случае он произносит эти слова в хараме Мекки, в другом — в ас-Сифахе и, наконец, в аш-Шукуке в доброй тысяче километров от Мекки. Но те же слова говорит Хусайну некий асадит, встретившийся в Зат-Ирке[38], из чего можно сделать только один вывод — кто-то в самом деле дал эту выразительную характеристику ситуации, она запомнилась, и ее стали приписывать разным людям в разных ситуациях.

Зная время, которое потребовалось Хусайну, чтобы достигнуть Кербелы, мы можем вычислить среднюю скорость движения и с небольшими ошибками датировать время прохождения через различные пункты, расположение которых хорошо известно[39]. На этом основании можно сказать, что 16 зу-л-хиджжа/ 17 сентября Хусайн отправил из вади ар-Рима гонца в Куфу с извещением о своем приближении. Имена посланцев различаются, хотя дальнейшая судьба их описывается одинаково[40]. Отсюда явствует, что в это время, находясь в 900 км от Куфы, Хусайн еще ничего не знал о гибели Муслима. О месте, где он получил это известие, и о том, кто его доставил, сообщается различное. Наиболее достоверным представляется рассказ двух асадитов, которые по окончании хаджжа поехали вдогонку за Хусайном, любопытствуя, чем кончится его поход. Они догнали его в Заруде и там заметили едущего из Куфы всадника, который, увидев Хусайна, съехал с дороги и объехал его стороной. Асадиты обратили внимание, что Хусайн хотел бы расспросить его о новостях, и погнались за проезжим. Он оказался также асадитом, охотно разговорился с соплеменниками и сообщил о гибели Муслима, добавив, что сам видел, как тела его и Хани волокли за ноги по базару. Асадиты присоединились к Хусайну только на подъезде к ас-Са‘лабии, где и поведали печальную новость. Хусайн был потрясен — все рушилось, ехать в Куфу стало бессмысленно, и он уже решил было повернуть назад, но братья Муслима горели жаждой мести и потребовали идти на Куфу. Их поддержали другие, льстиво убеждая Хусайна, что он не Муслим и за ним-то куфийцы пойдут. С тяжелым сердцем Хусайн продолжил путь[41].

Настояние братьев Муслима отомстить убийцам убедительно объясняет непонятное иначе упорство Хусайна в достижении ставшей явно нереальной цели. Некоторые мусульманские исследователи объясняют это упорство решением пойти на мученическую смерть, чтобы совершить переворот в религиозном сознании мусульман, и именно это, а не достижение политической власти с самого начала было его целью[42].

Согласиться с этим никак нельзя. Человек, намерившийся пожертвовать собой ради идеи, не взял бы с собой жен и детей (если, конечно, психически здоров), к тому же борьба за политическую власть была в то же время и религиозной идеей восстановления справедливости, попранной врагами ислама. Хусайн потому и взял с собой всю большую семью, что опасался сделать ее заложницей в руках Умаййадов, когда он захватит Куфу и начнет открытую вооруженную борьбу против них. Действительно, Хусайн начал поход, не располагая вооруженной силой, но он знал, что ему обещали помочь тысячи присягнувших куфийцев, а кроме того, он надеялся по примеру отца пополнить свой небольшой отряд за счет бедуинов. Но бедуины были более склонны присоединиться к большому войску, сулившему победу, чем к небольшой группе родственников. В пути к нему присоединились буквально единицы. При приближении к Куфе в его распоряжении было 45 конников и 100 пеших (которые, конечно, не плелись пешком позади каравана, а ехали на верблюдах)[43]. Рассчитывать на успех с такими силами было нельзя. Оставалось надеяться на чудо и уповать на Аллаха.

Видимо, вскоре после расправы с Муслимом Убайдаллах б. Зийад выставил посты на южных подходах к Куфе для проверки выезжающих и особенно въезжающих. Одним из таких постов был задержан гонец Хусайна, отправленный из вади ар-Рима к куфийцам. Его привезли к наместнику, и тот потребовал, чтобы он с крыши дворца объявил людям, что Хусайн — лжец. Посланец, наоборот, ославил халифа и наместника, за что был сброшен с пятнадцатиметровой высоты. Страшные муки разбившегося окончил какой-то куфиец ударом меча. Известие об этом привез через четыре дня посланец Мухаммада б. ал-Аш‘аса, встретивший Хусайна около Зубалы, в 320 км от Куфы[44].

Теперь отпала и последняя призрачная надежда, что призыв Хусайна будет поддержан куфийцами. Не желая втягивать в безнадежную борьбу присоединившихся в пути, Хусайн предложил всем, кто не готов идти на смерть, вернуться к семьям. И большинство покинуло его.

Подступы к Куфе охраняли 4000 воинов, расставленных несколькими отрядами от Куткутаны до Кадисии и далее — до Евфрата у Хаффана, под командованием начальника полиции

ал-Хусайна б. Тамима. Зная о приближении Хусайна, он выслал навстречу ему 1000 воинов под командованием ал-Хурра б. Йазида ат-Тамими. Их встреча произошла в 100 км от Кадисии[45]. Заметив на горизонте приближающийся отряд, Хусайн хотел укрыться за горой обочь дороги, но не успел.

Ал-Хурр не проявил враждебности, а Хусайн, со своей стороны, сделал жест, который должен был расположить к нему воинов ал-Хурра, проехавших по безводной пустынной дороге 75 км, — напоил их и их коней из своих запасов. Пришло время полуденной молитвы, Хусайн переоделся для нее и обратился с речью к воинам ал-Хурра, объясняя, что прибыл сюда только потому, что жители Куфы призывали его, а если они против, то он вернется туда, откуда приехал. Воины не откликнулись на эту речь и предложили начать молитву. Хусайн спросил ал-Хурра, будут ли они молиться отдельно, тот ответил, что будут молиться вместе под его руководством. Затем отряды разделились, ал-Хурр ушел в палатку, а его воины уселись в тени своих животных, не выпуская поводьев из рук.

Когда спала жара, Хусайн стал готовиться в путь, провел снова совместную молитву, а затем обратился к куфийцам с речью, в которой объяснил, что имеет больше прав на власть, чем нынешние притеснители, и что его призвали многочисленные письма из Куфы. Ал-Хурр ответил, что ни о каких письмах они не знают. Хусайн предъявил две переметные сумы писем. «Мы не из тех, кто писал тебе, — ответил ал-Хурр. — Нам приказано, если встретим тебя, не отпускать тебя и доставить Убайдаллаху ибн Зийаду». — «Смерть к тебе ближе, чем это», — бросил ему Хусайн и стал поднимать свой караван в путь. Ал-Хурр дождался, когда проехали женщины с детьми, и предложил Хусайну ехать с ним к Убайдаллаху. Хусайн только обругал его. Препирательство кончилось тем, что ал-Хурр сказал: «Мне не приказывали сражаться с тобой, а только не отпускать тебя, пока не доставлю в Куфу. Если ты отказываешься, то отправляйся своей дорогой, но не въезжай в Куфу и не возвращайся в Медину. Пусть будет среднее решение, пока я не напишу Ибн Зийаду, а ты, если хочешь, можешь написать Йазиду ибн Му‘авии». Затем Хусайну было предложено взять влево от дороги на Куфу. Так, следуя параллельно, оба отряда доехали до Узайба ал-Хиджанат[46], отсюда до Куфы оставалось каких-то 40 километров, но прорваться напрямую было невозможно, и Хусайн решил обойти главный заслон и двинуться на север, а за ним неотступно следовал ал-Хурр.

Вечером 1 мухаррама/1 октября 680 г. Хусайн достиг Каср ал-Мукатил (или Бану Мукатил), где-то за Куткутаной, и увидел там лагерь Убайдаллаха б. ал-Хурра, бывшего соратника

Му'авии, который из-за оскорбления, нанесенного ему Амром б. ал-Асом, превратился во врага, а затем стал разбойничать в степи. Поддержка такого опытного бойца могла оказаться весьма полезной, и Хусайн послал к нему человека пригласить к себе. Услышав о приглашении Хусайна, Убайдаллах воскликнул: «Боже мой! Я из Куфы уехал только из-за того, чтобы не быть там, когда войдет Хусайн. Не хочу его видеть и не хочу, чтобы он видел меня!» Узнав об отказе, Хусайн обулся и сам пришел к нему с предложением соединиться, но Убайдаллах решительно отказался[47].

Посреди ночи, запасшись водой, Хусайн поднял свой отряд и тихо двинулся на север, чтобы обогнать ал-Хурра и пройти к Куфе с другой стороны. Но утром ал-Хурр его догнал и несколько раз отражал попытки прорваться к Евфрату. К вечеру оба отряда подошли к селению Найнава у Кербелы. Здесь ал-Хурр получил приказ задержать Хусайна там, где его застанет письмо, не подпускать к воде и не давать ему остановиться в укрепленном месте. Исполняя это распоряжение, ал-Хурр не позволил Хусайну дойти ни до одного из трех ближайших селений, расположенных в культурной полосе. Один из соратников посоветовал Хусайну напасть на ал-Хурра, пока еще не подошли подкрепления, но Хусайн сказал, что первым нападать не будет, отверг он и предложение захватить ближайшее укрепленное селение на берегу Евфрата, сочтя, что его название, ал-Акр, сулит дурное*. Наутро это стало совсем невозможным — к Кербеле подошел с четырехтысячным войском Умар, сын Са'да б. Абу Ваккаса, поставленный возглавить арест и доставку Хусайна к наместнику.

Для задержания семи-восьми десятков мужчин, обремененных обозом с женщинами и детьми, не требовалось такого количества воинов; совершенно очевидно, что для Ибн Зийада было важно привлечь к аресту Хусайна как можно больше куфийцев, чтобы этим лишить их морального права поддерживать в дальнейшем Алидов. С этой же целью был выбран и командующий из курайшитской верхушки Куфы. Сына завоевателя Ирака совсем не привлекала позорная честь командовать арестом и, может быть, даже убийством внука пророка; согласился он на это только потому, что Ибн Зийад пригрозил отменить его назначение наместником Реййа, если он откажется от задания. Ясно было, что Умар б. Са'д станет искать почетных условий сдачи для Хусайна.

Умар начал с того, что послал к нему человека спросить, зачем он направляется в Куфу. Ответ был прежним — пришел по призыву куфийцев, которые писали ему. Хотя в этом не было

---

* *'Акр* может быть понято и как «укус» или «ранение»

ничего нового, Умар сообщил этот ответ Ибн Зийаду и спросил, что делать. Ибн Зийад ответил решительно и кратко: «Заставь Хусайна присягнуть Йазиду ибн Му‘авии, его и всех его спутников. Если сделает это — посмотрим, как быть». Затем, 6 или 7 мухаррама («за три дня до убиения Хусайна»)[48], пришел приказ отрезать Хусайна от воды, чтобы он так же страдал от жажды, как осажденный Усман. Лишение его воды за страдания Усмана представляется совершенно надуманным — Хусайн в этом был совершенно неповинен, но сама эта мера была самым действенным средством вынудить его сдаться. Такой приказ будто бы получил и ал-Хурр, но вряд ли успел исполнить его до прибытия Умара, который первые дни, видимо, не препятствовал водовозам Хусайна, так как о недостатке воды до этого приказа ничего не сообщается. Прямое распоряжение Умар не мог не выполнить, и ему пришлось поставить заслон на дороге к Евфрату. Последствия этого в лагере Хусайна ощутили очень скоро, и следующей же ночью Хусайн поручил своему брату Аббасу с 30 конниками и 20 пешими при бурдюках прорваться к воде. Пока конники отвлекали на себя заслон, люди с бурдюками набрали воды. Обе стороны не проявили в бою большой горячности, поскольку после него оказался только один смертельно раненный.

На следующую ночь Хусайн предложил Умару встретиться для переговоров. Они съехались между лагерями и, оставив свои эскорты по 20 человек на расстоянии, с которого их не могли слышать, долго беседовали друг с другом. Хотя никто их переговоров не слышал, стали рассказывать, что Хусайн убеждал Умара перейти на его сторону и обещал возместить весь ущерб, который может быть нанесен его имуществу репрессиями халифа. Прекрасно видя, на чьей стороне сила, Умар не поддался на уговоры.

После этой встречи Умар написал Ибн Зийаду, что Хусайн согласен на три варианта: возвратиться в Мекку, уехать в какую-нибудь пограничную область и жить там рядовым мусульманином или лично встретиться с халифом для переговоров. Ибн Зийад будто бы был готов согласиться на эти условия, но Шамир Зу-Джаушан, давний соратник Му‘авии, настоял на том, что следует требовать сдачи без всяких предварительных условий. Шамир и был послан к Умару б. Са‘ду с приказом перейти к решительным действиям или сдать командование ему и распрощаться с наместничеством.

Прибытие непримиримого Шамира расстроило Умара, еще надеявшегося на бескровное разрешение конфликта. Он упрекнул Шамира за то, что он расстроил дело, которое стало налаживаться. Шамир ответил: «А скажи-ка мне, что ты сделал? Ты

исполнил приказ амира и убил его врага? А нет, так не стой между мной и этим войском». Уступать командование и наместничество Умар не пожелал и начал готовить войско к бою.

Сложность положения состояла в том, что на поле боя должны были столкнуться не только единомышленники, но и родственники. Так, среди сопровождавших Шамира был племянник Умм ал-Банин, матери четырех братьев Хусайна — Аббаса, Джа'фара, Абдаллаха и Усмана, — находившихся в лагере Хусайна; он получил от Шамира, также соплеменника Умм ал-Банин, охранную грамоту для них и послал со своим мавлей, на что они велели передать привет и сказать, что покровительство Аллаха лучше покровительства сына Сумаййи. Шамир подъезжал потом к лагерю Хусайна, чтобы лично уверить их в гарантии пощады, и услышал от них, что им не нужно помилование, когда его нет внуку пророка.

После предвечерней молитвы Умар б. Са'д предпринял последнюю попытку примирения и послал группу воинов с предложением сдаться. Хусайн ответил через своего брата Аббаса, что такое дело требует обдумывания, он просит отложить решение до утра.

Ночью на 10 мухаррама/10 октября люди Хусайна стали готовиться к сражению: теснее составили шатры, крепко связав их веревками, чтобы защитить себя с тыла от нападения конницы, углубили находившуюся за ними ложбину или канаву, превратив в ров, и заполнили его сухим камышом и бурьяном, чтобы зажечь при нападении. У Хусайна было около 80 бойцов (32 из них на конях) против 4 или 5 тысяч у Умара б. Са'да. При таком соотношении сил сопротивление соратников Хусайна должно бы было быть подавлено за несколько минут, но для Убайдаллаха б. Зийада желаннее была сдача Хусайна, чем его смерть, к тому же в стане куфийцев было немало сочувствующих ему. Правда, среди них нашелся только один человек, который перешел на сторону Хусайна после того, как войско было выстроено в боевой порядок, — ал-Хурр б. Йазид[49].

Сражение началось с обычных поединков. Затем во главе кавалеристов подскакал Шамир. Хусайн приказал зажечь хворост. Шамир крикнул с издевкой: «Эй, Хусайн, зачем ты поспешил разжечь огонь на этом свете, не дождавшись Судного дня?»[50]. В ответ раздалось: «Это ты, сын козятницы*, больше заслуживаешь жариться в нем». Один из воинов Хусайна приготовился выстрелить в Шамира, но Хусайн остановил его: «Не стреляй,

* Разведением коз занимались беднейшие бедуины, поэтому «сын козьей пастушки» звучало примерно так же оскорбительно, как «сын свинопаса» в устах европейского дворянина

боюсь, чтобы это не заставило их начать нападение». Видимо, он еще надеялся обойтись без большого кровопролития.

Сражение 10 мухаррама 61/10 октября 680 г., «йаум ал-‘а̄шӯра̄’», и мученическая смерть в нем Хусайна, сыгравшая важную роль в формировании шиитской идеологии, естественно, привлекала внимание к нему мусульманских (прежде всего куфийских) историков, которые собрали большое количество воспоминаний очевидцев, в которых на удивление мало фантастического элемента, вроде голосов с неба и помогающих герою ангелов. Однако этот обширный, но фрагментарный материал трудно расположить последовательно, а поэтому приходится ограничиться самым общим описанием этой странной битвы 80 человек с пятитысячной армией.

В первой половине дня на лагерь Хусайна один за другим нападали небольшие конные отряды. Их каждый раз контратаковали, и куфийская кавалерия отступала, не ввязываясь в серьезные схватки. Командующий кавалерией, видя явное нежелание подчиненных сражаться не щадя жизни, стал настаивать на введении в бой пехоты. Но командовавший ею Шабас б. Риб‘и упорно отказывался повести ее в бой. Тогда Умар б. Са‘д поручил ал-Хусайну б. Тамиму возглавить отряд из 500 стрелков. Атака, по-видимому, не состоялась, но стрелки вывели из строя всех коней хусайновского отряда и убили несколько человек, в том числе ал-Хурра.

Когда день переполовинился и куфийская кавалерия получила возможность беспрепятственно подъезжать к лагерю, Шамир прорвался до палатки Хусайна, проткнул ее копьем и приказал поджечь. Перепуганные женщины выскочили из нее с воплями, Хусайн стал позорить и проклинать его за это распоряжение. Шамир отказался от своего намерения, но не столько из-за проклятий Хусайна, сколько из-за недовольства собственных воинов этим приказом. Ему было сказано, что его посылали не для войны с женщинами и детьми и что амир будет недоволен. Совершенно очевидно, что именно нежелание большинства куфийцев сражаться с внуком пророка позволило горстке бойцов Хусайна продержаться полдня против подавляющих сил нападавших.

Тем не менее во время одиночных схваток люди Хусайна гибли, и приближалась неминуемая развязка. К сожалению, рассказы о финальном этапе боя разноречивы и в некоторых деталях вызывают сомнения. Он предстает в виде отдельных эпизодов, последовательность которых во времени трудно установить. Внешне наиболее связное повествование дает ад-Динавари. В его изложении Хусайн после гибели своего брата Аббаса остался один перед лицом врагов. Его ударили мечом по голове, рана оказалась неопасной — Хусайн лишь скинул разрубленный бур-

нус, ему принесли калансуву*, он надел ее и поверх обвязался чалмой, — взял на руки маленького сына и сел у шатра. Пущенной кем-то стрелой младенец был убит. Опечаленный Хусайн продолжал сидеть, и никто не решался на него напасть. Затем он попросил напиться, ему подали чашу с водой, и в этот момент стрела ал-Хусайна б. Нумайра[51] влетела ему в рот. Хусайн выронил чашу и пошел по дамбе к Евфрату, ему преградили путь, и он вернулся к шатру. Здесь он был ранен стрелой в плечо, а Зур'а б. Шарик ударил его мечом, Хусайн инстинктивно прикрылся рукой, и удар пришелся по ней. Тут же Синан б. Аус пронзил его копьем. Хаулий б. Йазид пытался отрезать голову Хусайна, но не смог, и дело довершил его брат[52].

Более подробное изложение этих же эпизодов в том же порядке у ат-Табари все же не позволяет принимать порядок их изложения за истинную последовательность событий, нет и твердой уверенности, что все это происходило, когда Хусайн остался в одиночестве.

Так, после рассказа о гибели младенца (названного Абдаллахом) говорится о схватках Хусайна с врагами, гибели нескольких его близких и только потом упоминается ранение в рот и попытка прорыва по дамбе на коне, причем указывается ситуация, в которой она была предпринята: «Рассказал мне тот, кто сам видел Хусайна в его войске, что, когда его войско было побеждено, он поехал по дамбе, направляясь к Евфрату. Он сказал: и крикнул человек из бану абан ибн дарим: „Эй вы, отрежьте его от воды, чтобы не присоединились к нему его сторонники!“ Он сказал: он хлестнул своего коня, и последовали за ним люди и отсекли его от Евфрата»[53].

Цель этого прорыва не ясна: то ли попытка прорваться к основной массе куфийцев, не принимавших участия в бою, и повести их за собой, то ли отчаянный порыв человека, измученного жаждой. Тема жажды Хусайна в этот день популярна в житийной литературе, и до наших дней в Ираке в «ашура» на бачках с водой, выставляемых для общего потребления на улицах, можно видеть надпись: «Пей и вспоминай жажду Хусайна». Однако наиболее надежные источники эту тему не затрагивают. Жажда упоминается только раз, и то в связи с тем, что его ранили в момент, когда он открыл рот, чтобы напиться; не сообщается и о том, что кони были не поены перед боем. Но позже в том же материале так переставляются акценты и изменяется порядок изложения, что эта тема получает особое звучание. Уже Абу-л-Фарадж ал-Исфахани в первой половине X в. в книге «Убиения

* Остроконечный колпак, в каких художники обычно изображают восточных мудрецов и звездочетов

талибидов» переместил ночную вылазку Аббаса к воде накануне боя на день боя и этим совершенно изменил всю картину, не искажая текста сообщения[54].

По-видимому, к моменту возвращения Хусайна с дамбы относится рассказ о том, что Хусайн оказался отделен от шатра, где помещались его жены и вся кладь, Шамиром с десятком пеших воинов. Он устыдил Шамира за попытку войти в шатер и потребовал: «Избавьте мою семью и кладь от вашего сброда и невеж!» Шамир внял его призыву и увел людей от шатра[55]. После этого снова повествуется о том, что Хусайн отбил нападение пехотинцев и они отступили. Вряд ли это было возможно сделать в одиночку.

Это подтверждается рассказом о переодевании Хусайна в ожидании гибели, когда у него осталось три или четыре человека: он надел штаны (*сара̄вӣл*), предварительно продырявив их, чтобы никто не соблазнился снять с убитого, оставив позорно лежать с обнаженным срамом. Возникший при этом спор, что лучше надеть, показывает, что оставшиеся не участвовали в этот момент в бою.

Конечно, с четырьмя и даже десятью соратниками нельзя было надеяться на спасение. И его врагам было ясно, что после гибели сыновей и братьев Хусайн не сдастся и его придется убить, но все-таки убить этого израненного, фактически беспомощного человека никто не решался. Все надеялись, что это сделает кто-то другой. Наконец Шамир не выдержал и закричал: «Эй, вы! Что вы смотрите на этого человека, чтоб вас потеряли матери, убейте его!» Несколько воинов из его сопровождения бросились на Хусайна. Зур‘а б. Шарик (упоминаемый в истории только единожды в связи с этим поступком) замахнулся мечом, Хусайн закрылся рукой, и меч отсек ему кисть левой руки; тут же Синан б. Анас (один из тех, кто с Шамиром намеревался войти в шатер Хусайна, и кого участник этой битвы, Хумайд б. Муслим, характеризует как придурковатого поэта) пронзил его копьем и приказал Хаулию б. Йазиду отрезать голову. У того так дрожали руки, что он ничего не смог сделать, тогда Синан сам отрезал ее.

Теперь убийц не останавливал ни страх, ни смущение. Тут же Хусайн был раздет догола, стали добивать раненых и обезглавливать убитых, начался грабеж в шатрах, где укрывались женщины. С них срывали не только драгоценности, но и дорогие одежды. Подоспевший Умар б. Са‘д остановил мародерство и потребовал вернуть личные вещи. Грабеж прекратился, но украденное никто и не подумал возвращать.

В одном из шатров лежал несовершеннолетний больной сын Хусайна, Али Мла̀дший. Его спас Хумайд б. Муслим, убедивший

Шамира, что нельзя убивать несовершеннолетнего, да еще и больного[56]. Кроме него пощадили, как несовершеннолетних, сыновей Хасана — Умара и Хасана. Спаслись также мавла дочери Хусайна, выдавший себя за раба (а раб, как неполноправный человек, нес за все меньшую ответственность), и один из асадитов, взятый соплеменниками под покровительство на поле боя[57].

Голову Хусайна, главный трофей, поручили доставить в Куфу Хаулию б. Йазиду; остальные занялись погребением своих 88 павших товарищей, залечиванием ран и приведением себя в порядок, 72 убитых и обезглавленных соратника Хусайна остались лежать на поле боя без погребения. Среди них было 26 ближайших родственников Хусайна: три или четыре его сына, семь братьев, четыре брата Муслима б. Акила и три его сына, три сына Хасана и четыре сына Абдаллаха б. Джа‘фара б. Абу Талиба[58].

На следующий день победители отправились в обратный путь, везя с собой пленных вдов и сирот, перед которыми всю дорогу маячили вздетые на копья головы их мужей, братьев и отцов. Больше всего этих кровавых трофеев добыли киндиты (23) и хавазин (20). Оставшиеся на поле боя обезображенные тела были похоронены местными жителями из племени асад[59].

12 мухаррама/12 октября, в пятницу, войско возвратилось в Куфу. На приеме во дворце голову Хусайна бросили к ногам Убайдаллаха, и он потыкал бамбуковой тростью в ее зубы. Старый Зайд б. Аркам, ансар, сопровождавший пророка в 18 походах, не выдержал этого надругательства и сказал: «Убери свою палку от этих зубов! Я видел, как эти губы целовал посланник Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует», — и залился слезами. Слова Зайда мало тронули Убайдаллаха — он был из другого поколения, которое считало, что раз уж власть дарована им Аллахом, то оправданны любые средства для ее защиты, — и он с презрением ответил: «Клянусь Аллахом, если бы это не был бред выжившего из ума старика, я отрубил бы тебе голову». Зайд покинул зал со словами: «Раб дал власть рабу и сделал ее наследственной, а вы, арабы, после этого дня — рабы. Вы убили сына Фатимы и сделали амиром сына Марджаны*. Он убивает лучших из вас и делает рабами худших из вас, а вы — одобряете унижение. Да пропадут одобряющие унижение!»[60].

Здесь же присутствовали пленницы, из которых выделялась Зайнаб, дочь Али и Фатимы, демонстративно сидевшая в присутствии наместника. Тот не мог не заметить этого и с возмущением спросил: «Кто это такая уселась?» Зайнаб не удостоила его

---

* Марджана происходила из басрийских *асавира*, но некоторые утверждали, что она была рабыней В любом случае в глазах арабов происхождение ее было низким

ответом, а потом вступила в спор, защищая правоту погибших родственников. Убайдаллах вышел из себя; приближенным пришлось напомнить ему, что женщины не отвечают за свои слова и не надо обращать внимание на ерунду, которую они говорят. Тогда он обратил внимание на Али, спросил, кто это, и приказал выяснить, достиг ли он зрелости. Страж заглянул ему под изар и сказал «да», и Убайдаллах приказал казнить его. Зайнаб вступилась: «Тогда убей и меня с ним», а Али с истинно аристократической выдержкой ответил: «Если у тебя есть родство с этими женщинами, то пошли с ними благочестивого человека сопровождать их, как полагается в исламе», — подразумевая, что он, Али, единственный здесь мужчина, правомочный по степени родства сопровождать и опекать своих родственниц.

Убайдаллах опешил, замолчал, посмотрел на пленников, потом — на приближенных и наконец изрек: «Поразительное родственное чувство!» — и распорядился отправить Али к халифу вместе с женщинами.

В мечети, где, видимо, в тот же день, в пятницу, Убайдаллах объявил о победе над «лжецом, сыном лжеца, Хусайном, сыном Али» и о его гибели, произошел еще один неприятный для него эпизод: из рядов присутствовавших послышалось: «Эй, сын Марджаны! Лжец-то сын лжеца — это ты и твой отец и тот, кто назначил правителями тебя и твоего отца. Эй, сын Марджаны! Вы убиваете сыновей пророков, а говорите так, будто вы правы!» Стражники схватили дерзкого, им оказался старый соратник Али, потерявший один глаз под Басрой, а другой — при Сиффине, благочестивец, все дни проводивший в мечети. Соплеменники-аздиты отбили его и отвели домой. Позже его все-таки забрали, отрубили голову и распяли на окраине Куфы, в ас-Сабахе[61].

Этим и ограничились открытые изъявления осуждения куфийцами убийства их имама, которого они сами же невольно завлекли в ловушку. Лишь по домам в кругу близких и единомышленников решались они выражать свои чувства.

Сразу же были посланы гонцы в Дамаск и Медину с извещением о победе. Медина огласилась воплями хашимиток, оплакивающих гибель многочисленных родственников, а Амр б. Са‘ид с удовлетворением заметил: «Этот плач — за плач по Усману». Гонец, посланный к халифу, радостно доложил о поголовном истреблении врагов, но Йазид не выразил восторга, а только заметил: «Если бы я имел с ним дело, то простил бы его»[62]. Обычного в таком случае подарка за радостную весть гонец не получил.

Когда пленных доставили в Дамаск (а везли их с нарочитым небрежением, на Али, например, был надет позорный железный ошейник), Йазид не знал, как с ними обращаться. Сначала он

высказал Али недовольство его отцом и чуть было не отдал Фатиму, дочь Али, какому-то сирийцу без заключения брака, как рабыню (это курайшитку-то из знатного рода!), но получив полный достоинства ответ Али и гневную отповедь той же Зайнаб за то, что Йазид хочет поставить себя вне мусульманской общины, сменил гнев на милость. Трудно полностью довериться рассказам источников, но во всяком случае в Дамаске курайшиткам было разрешено открыто оплакать погибших, Али и Умар, сын Хасана, присутствовали на трапезах халифа, а затем пленных достойно отвезли в Медину[63].

Благопристойное завершение эпопеи ни в чем не повинных женщин и детей не смягчило враждебного отношения шиитов к Йазиду, вина которого в трагедии Хусайна совершенно неясна, имя его стало для них ненавистным наряду с именами Ибн Зийада и Шамира. Гибель Хусайна завершила кристаллизацию идеологии шиизма, которому до сих пор не хватало мученика. Павший герой всегда величественнее, чем живой, — он безупречен и идеален. Мученическая кончина Хусайна стала для его почитателей примером, как надо бороться с безбожными правителями, не щадя жизни, и поставила его выше отца. Хотя еще при жизни стали подчеркивать то, что он сын Фатимы, т.е. прямой потомок пророка, в отличие от отца, который был лишь его двоюродным братом[64].

МЯТЕЖ АБДАЛЛАХА б. аз-ЗУБАЙРА

После отъезда Хусайна из Мекки самым влиятельным человеком в ней стал Абдаллах б. аз-Зубайр. В отличие от Хусайна, опиравшегося на сравнительно немногочисленный род Абу Талиба, Ибн аз-Зубайр пользовался поддержкой всего клана асад и близких ему кланов зухра и джумах. К тому же мекканская аристократия видела в нем противовес господству Медины и Дамаска. Не присягая Йазиду, он долго не проявлял и открытой враждебности. Хаджж 60 г. х., которым руководил Амр б. Са‘ид, он провел независимо от него, и наместник не предпринял никаких попыток заставить его присягнуть. На фоне открытого выступления Хусайна поведение Абдаллаха представлялось менее опасным. Первое его резкое выступление, запомнившееся современникам, прозвучало после получения в Мекке известия о гибели Хусайна. В нем досталось и изменникам-куфийцам, и его убийцам. Вероятно, чувства его были искренними, его и других курайшитов должно было потрясти убиение такого числа знатных соплеменников, но вместе с тем смерть Хусайна избавляла его от

авторитетного соперника в борьбе за власть и расширяла круг возможных приверженцев в этой борьбе. Именно с этого момента он стал активно вербовать сторонников, тайно присягавших ему на верность. На этом этапе он не заявлял прямо своих прав на халифат, а призывал к созыву совета для избрания халифа[65].

Сведения о развитии событий в первой половине 61/конце 680 — начале 681 г. хронологически неопределенны. Йазид, узнав о враждебных действиях Ибн аз-Зубайра, будто бы поклялся сгоряча, что его приведут к нему с цепью на шее, а потом стал искать способа отказаться от этого замысла и обойти выполнение клятвы. С этой целью он прислал Ибн аз-Зубайру серебряную цепочку и шелковую одежду, под которой можно было бы спрятать цепочку от посторонних глаз, чтобы чисто условно с цепью на шее присягнуть халифу. Трудно поверить, что Йазид мог надеяться заполучить Ибн аз-Зубайра для присяги с символической цепью, когда тот совершенно не намеревался ему присягать. Но в связи с этой полулегендарной цепочкой упоминаются два посольства. В первое входили ан-Ну‘ман б. Башир, Хаммам б. Кабиса и несколько человек, присоединившихся к ним в Медине. Во время переговоров ан-Ну‘ман согласился, что Ибн аз-Зубайр имеет больше прав на халифат, но выступление в защиту этого права привело бы к бедствиям междоусобицы, поэтому надо присягать Йазиду.

Второе посольство было многочисленнее и состояло из вождей сирийских племен, исключение составлял ад-Даххак б. Кайс ал-Фихри — единственный курайшит среди 12 поименно названных членов посольства. Такой состав позволяет думать, что посольство должно было продемонстрировать упрямцу решимость сирийцев идти до конца в борьбе с ним. Не случайно, что один из посланцев, Абдаллах б. Идах ал-Аш‘ари, прямо сказал, что в случае необходимости святость Ка‘бы не поможет Ибн аз-Зубайру[66].

Убедившись в бесплодности переговоров с Ибн аз-Зубайром, Йазид приказал Амру б. Са‘иду использовать вооруженную силу. Командовать походом на Мекку вызвался Амр б. аз-Зубайр, который давно враждовал со своим единокровным братом Абдаллахом, оспаривая у него лидерство в родном клане бану асад.

Идея похода на Мекку не вызвала у мединцев энтузиазма. Многие воины на жалованье (*джунд*) предпочли выставить для участия в нем наемных заместителей. Амру удалось собрать 400 воинов джунда, некоторое число добровольцев и привлечь к участию в нем мавлей Умаййадов. Всего набралось около 2000 человек. Марван б. ал-Хакам пытался отговорить Амра от похода, который нарушит неприкосновенность священной тер-

ритории Мекки, но тот был непреклонен и сказал, что достанет Абдаллаха даже из Ка'бы.

Весть о подготовке похода и движении отряда Амра вызвала в ответ приток в Мекку сторонников Абдаллаха б. аз-Зубайра из соседних районов, Таифа и даже Медины, откуда прибыл ал-Мисвар б. Махрама. К приходу авангарда Амра из 700 человек под командованием Унайса б. Амра ал-Аслами зубайровцы были готовы к отпору. Абдаллах б. Сафван напал на него и разгромил: Унайс был убит, а его воины по большей части разбежались. Ту же судьбу разделил остальной отряд. Участвовавший в разгроме Амра Убайд б. аз-Зубайр поспешил на помощь брату, взял его за руку, подвел к Абдаллаху б. аз-Зубайру и сказал, что гарантировал ему защиту. Абдаллах заявил, что не может быть никакой защиты человеку, к которому у людей есть законные претензии, и арестовал Амра. Пострадавшие от него в Медине сторонники Абдаллаха стали требовать возмещения за незаконные наказания в виде того же количества ударов плетью или оплеух, которые они получили от него. От многочисленных бичеваний спина его не успевала заживать, загноилась, и он умер от этого, а после смерти был распят[67].

Провал экспедиции против Ибн аз-Зубайра был использован ал-Валидом б. Утбой и его сторонниками для устранения Амра б. Са'ида. Они сообщили халифу, что Амр не проявил желания расправиться с Абдаллахом б. аз-Зубайром. Халиф поверил этому, сместил Амра и восстановил ал-Валида. Он вступил на пост наместника 1 зу-л-хиджжа 61/22 августа 681 г.[68] и сразу же повел паломников в хаджж. На этот раз паломничество совершалось тремя группами: общей, во главе с ал-Валидом, группой сторонников Ибн аз-Зубайра и повстанцами из Йамамы под предводительством Наджды б. Амира ал-Ханафи[69].

Пребывание в Мекке ал-Валид использовал для новых переговоров с Ибн аз-Зубайром, о чем мы узнаем из письма, написанного последним халифу от лица мекканцев, в котором вина за неуспех переговоров возлагалась на ал-Валида: «Если бы ты прислал к нам человека с ровным характером, не рубящего сплеча*, то, надеюсь, сгладилось бы то, что стало неровным в делах, и соединилось бы то, что разъединилось»[70].

Возвратившись в Медину, ал-Валид арестовал 300 мавали и рабов Амра б. Са'ида на том основании, что они были куплены на деньги, предназначавшиеся для жалованья, и поэтому являлись государственной собственностью. Амру не удалось отстоять свои права на них; он выехал из Медины, а из Вади-л-Кура послал человека для организации их побега. Ночью они выломали

* Букв. «с мягким плечом»

дверь, сели в условленном месте на заранее приготовленных верблюдов и присоединились к своему хозяину и покровителю. В Дамаске Амр сумел доказать халифу, что предпринял все, что было в его силах, для противодействия Ибн аз-Зубайру, вплоть до установления контроля за въездом в Мекку, и получил прощение[71].

Ал-Валид недолго продержался на посту наместника. Причиной его смещения называют упомянутое письмо Ибн аз-Зубайра. Его место занял двоюродный брат Йазида Усман б. Мухаммад, человек молодой и неопытный. Некоторые полагают, что таким образом Йазид пошел навстречу Ибн аз-Зубайру[72].

Усман б. Мухаммад оказался в еще более трудном положении, чем его предшественники. Влияние Ибн аз-Зубайра в Хиджазе выросло, на его сторону стала переходить мусульманская аристократия. Так, Абдаррахман б. Зайд, племянник Умара б. ал-Хаттаба, посланный халифом наместником Мекки, перешел на сторону Ибн аз-Зубайра. Посланный на тот же пост Абдаллах б. Му‘ин ал-Махзуми вряд ли контролировал обстановку, если Ибн аз-Зубайр смог подчинить себе Таиф, после того как там было подавлено сопротивление полусотни мавлей Умаййадов, составлявших гарнизон этого города[73]. Тем не менее Усман б. Мухаммад мог беспрепятственно провести хаджж 62/18—22 августа 682 г.

Вскоре после этого Йазид пригласил к себе в Дамаск Мухаммада б. ал-Ханафийу, который после гибели Хусайна возглавил род Абу Талиба. Его позиция в тех условиях могла стать решающей для исхода борьбы с Ибн аз-Зубайром. Халиф принял его с почетом, выразил сожаление о трагической гибели Хусайна и заверил, что это произошло не по его вине. Мухаммад не стал опровергать и согласился возобновить присягу Йазиду. В знак признательности Йазид одарил его 300 000 дирхемов для раздачи родственникам.

Таким же путем решил он привлечь сердца недовольных мединцев. Спустя месяц после возвращения из хаджжа Усман б. Мухаммад по его указанию отправил в Дамаск делегацию мединцев, в которую из влиятельных людей вошли: ал-Мунзир б. аз-Зубайр, Абдаллах б. Абу Амр ал-Махзуми и Абдаллах, сын Ханзалы ал-Гасили («Обмытого ангелами»), приехавший с восемью сыновьями. После почетного приема все были щедро одарены: Абдаллах б. Ханзала получил 100 000 дирхемов, каждый из его сыновей — по 10 000, остальные — по 50 000, кроме денег все получили дорогие одежды и другие ценные подарки[74]. Вместе с делегацией уехал в Медину и Мухаммад б. ал-Ханафийа.

Результат посещения мединцами халифа оказался прямо противоположным ожидавшемуся. Вместо того чтобы преисполниться благодарностью, возвратившиеся (кроме ал-Мунзира, который из Дамаска сразу уехал в Куфу к своему приятелю Абдаллаху б. Зийаду) стали с возмущением рассказывать о нечестивом поведении халифа, о его пьяных пирушках с музыкантами и певицами, о его забавах с охотничьими собаками* и обезьянами. Правда, кое-кто из мединцев ехидно спрашивал, зачем же они принимали подарки от такого человека, на что Абдаллах б. Ханзала ответил: «Чтобы укрепиться для борьбы с ним».

Эта пропаганда, конечно, не могла побудить мединцев к восстанию, как полагают некоторые исследователи[75], но увеличивала ряды недовольных Йазидом. Он попытался погасить недовольство, послав в Медину ансара ан-Ну‘мана б. Башира. Его призывы к единению были приняты холодно, и ансары упрекнули его за измену общему делу[76].

Весной 683 г. недовольство переросло в открытый конфликт. Причина была самой что ни на есть земной — земельные владения халифа, *савафи* (см. конец предыдущей главы). Их привилегированное положение в отношении водоснабжения и дерзкое поведение мавали халифа, обрабатывавших эти земли, и раньше вызывали конфликты, теперь они разыгрались на фоне всеобщего недовольства и ослабления власти.

Столкновения начались из-за прохода рабочих через земли бану балхарис. В течение месяца их то пропускали, то не пропускали на земли савафи. Последней каплей стало проведение через земли бану балхарис арыка для подвода дождевой воды с харры** на савафи. Возмущенные этим владельцы участков заявили Ибн Мине, управляющему савафи в Медине, что это — новшество, которое наносит им ущерб, и прогнали его. Ибн Мина пожаловался Усману б. Мухаммаду, тот вроде бы договорился с хозяевами, но на следующий день они снова не пустили Ибн Мину через свои владения. Тогда Усман придал ему вооруженный отряд, приказав пройти «хотя бы даже по их животам». Но на помощь балхарис пришли другие ансары и курайшиты. Стражники не решились напасть, и Ибн Мина вынужден был вернуться[77].

Дальнейшее не совсем ясно. Несомненно одно — Усману пришлось покинуть Медину. Произошло это будто бы после его выступления в мечети, где он обрушился с бранью на мединцев,

* Собака считалась нечистым животным. В ходу было высказывание Мухаммада: «Не войдут ангелы в дом, где собака».

** Харра — лавовое поле. В данном случае речь идет о харре к востоку от Медины.

но, видимо, его не изгнали тут же разъяренные мединцы, а он сам тайно покинул город ночью[78], опасаясь последствий.

После его бегства мединцы публично в мечети низложили халифа: Абдаллах б. Абу Амр вышел вперед и перед всеми скинул наземь чалму со словами: «Я скидываю Йазида, как скидываю эту чалму!» За ним последовали другие, швыряя с подобной формулой кто чалму, кто сандалию. Свергнув Йазида, мединцы не стали присягать Ибн аз-Зубайру, считая, что халиф должен быть избран советом[79]. Пока же присягнули как амиру Абдаллаху б. Ханзале.

Перепуганные Умаййады всем составом, с чадами и домочадцами, чуть ли не тысяча человек, перебрались в обширное подворье Марвана б. ал-Хакама, обрекая себя на добровольную изоляцию. Появляться на улицах они не решались — в них летели камни и комья земли. Марван сообщил о бедственном положении сородичей Йазиду, посланцу было наказано поторопиться и добраться до Дамаска за 12 дней и столько же затратить на обратный путь.

Прочитав письмо Марвана, Йазид возмутился, что такое число мужчин даже не попыталось оказать сопротивление, тем не менее распорядился собирать войско для подавления мятежа. Командовать им было предложено Амру б. Са‘иду ал-Ашдаку. Амр отказался, не желая сражаться с курайшитами. Были, вероятно, и другие кандидаты, отказавшиеся идти войной на город пророка, так что поход пришлось возглавить старому и больному Муслиму б. Укбе. Для привлечения добровольцев было объявлено, что каждый получит сразу на руки годовое жалованье и «пособие» (*ма‘ӯна*) в 100 динаров. Набралось около 5000 человек[80].

Йазид приказал Муслиму б. Укбе дать мединцам три дня на размышление, а затем атаковать, захватить город и отдать войску на три дня для разграбления.

Узнав о подготовке сирийцев к походу, мединцы изгнали из города Умаййадов, заставив их поклясться перед минбаром пророка, что не присоединятся к сирийской армии и не будут помогать ей советами. Затем мединцы стали готовиться к обороне. Во главе ансаров встал Абдаллах б. Ханзала, во главе курайшитов — Абдаллах б. Мути‘, мухаджиров-некурайшитов возглавил Ма‘кил б. Синан ал-Ашджа‘и, а мавлей — некий Ибн Хурайра. Периметр города, точнее — северная полуокружность, был поделен в соответствии с этим на четыре сектора обороны. Был подновлен ров, выкопанный при Мухаммаде, проходы между домами были заложены. На все это ушло 15 дней[81].

Тем временем сирийское войско достигло Вади-л-Кура, где обосновались изгнанные Умаййады. Муслим предложил присоединиться к войску и послужить проводниками, но все оказались

верны присяге, и только Марван и его сын Абдалмалик согласились оказать содействие. В начале 20-х чисел августа 683 г. сирийское войско подошло к Медине и сначала расположилось в Джурфе (см.: т. 1, с. 84, рис. 6). Муслим дал мединцам три дня на размышление, провел разведку и убедился, что город хорошо подготовлен к обороне[82]. По истечении трех дней мединцы ответили, что намерены сражаться. Попытки сирийцев ворваться в город с севера через ров оказались безуспешными, тогда Муслим по совету Марвана перевел войско на расположенную к востоку от города харруВаким, а Марван повел переговоры с людьми из бану ал-харис (балхарис) о предоставлении прохода через их владения.

27 зу-л-хиджжа/27 августа 683 г. на границе харры и города началось сражение. Мединцы успешно противостояли атакам сирийцев и сами контратаковали их кавалерией, стараясь пробиться к Муслиму, который руководил боем, сидя в кресле или даже лежа. Сирийцы несли ощутимые потери.

В это время Марван с сотней всадников незаметно перешел через владения бану ал-харис, с которыми предварительно заключил соглашение, и ворвался в город. Заслышав звуки боя в городе, мединцы стали покидать поле боя и устремляться на защиту домов и семей. Сирийцы на их плечах ворвались в город с востока через квартал бану абдалашхал. Началось избиение разрозненных групп и отдельных мединцев, пытавшихся с оружием в руках защитить свои дома. Подавляя сопротивление, сирийцы врывались в дома, грабили их, случалось, насиловали арабок, а уж рабыням и совсем не было спуску. При этом погроме нередко слышалось презрительное: «У-у, евреи»[83], как напоминание об иудаистском прошлом многих мединцев.

Потери мединцев были огромными. По наиболее достоверным сведениям Халифы б. Хаййата, погибло 306 курайшитов и ансаров, из которых он поименно перечисляет соответственно 97 и 173 человека. Из последних больше всего погибло бану ан-наджжар (71 человек), живших в центре города около мечети. Вероятно, большинство из них погибло в самом городе, когда битва превратилась в избиение. Другие говорят о 3500 и даже 10 000 убитых кроме курайшитов и ансаров, число которых у них значительно преувеличено по сравнению с Халифой; причем чем позднее источник, тем больше число погибших курайшитов и ансаров, доходя до 2300 и 2700[84], первая из этих цифр скорее всего и соответствует общему числу погибших. Преувеличения коснулись и описания бесчинств сирийцев в течение трех дней погрома. В частности, это касается надругательств над женщинами. Ал-Балазури говорит только о насилиях над рабынями, ал-Йа‘куби упоминает девственниц, родивших после этого неиз-

вестно от кого, у Йакута уже появляется конкретная цифра: 800 женщин, родивших от изнасилования, у ас-Самхуди их становится 1000[85]. Отмечая явные преувеличения во многих сообщениях о погроме Медины, все же нельзя полностью отрицать сам факт, как это делают некоторые исследователи[86], — рассказы о нем в значительной части очень конкретны.

На четвертый день после захвата Медины Муслим созвал мединцев в мечети Куба и потребовал присягать Йазиду с условием предания в его распоряжение жизней и имущества. Формально это означало признание рабской зависимости от халифа. Несколько человек гордо отказались присягать на таких условиях и были казнены; среди них был Ма‘кил б. Синан, сподвижник пророка, участник завоевания Мекки и битвы при Хунайне[87].

После двухнедельного пребывания в Медине Муслим в середине мухаррама 64/12—13 сентября 683 г. повел свое войско на Мекку. В Медине был оставлен Раух б. Зинба‘. В пути, за Абва, болезнь Муслима обострилась, и в ал-Мушаллале или Кудайде он передал командование ал-Хусайну б. Нумайру и умер. Мстительная память мединцев сочинила впоследствии рассказ о том, что тело его было выкопано и распято и ал-Хусайну пришлось вернуться, чтобы похоронить его вторично[88]. 27 мухаррама/ 25 сентября ал-Хусайн б. Нумайр подошел к Мекке и расположил свое войско по северо-западному краю вади Мекка. Абдаллах б. аз-Зубайр, к которому за это время присоединились остатки войска, разгромленного под Мединой, и хариджиты Йамамы, устроил свой лагерь в ал-Масджид ал-Харам. Начавшуюся кампанию средневековые историки обычно называют осадой Мекки, хотя она не была окружена и военные действия не касались самого города. Среди противников Умаййадов, присоединившихся к Абдаллаху б. аз-Зубайру, был и ал-Мухтар, которого Убайдаллах б. Зийад освободил из заключения по ходатайству Абдаллаха б. Умара б. ал-Хаттаба, приходившегося ему шурином.

ПОЛОЖЕНИЕ НА ГРАНИЦАХ

Бурные политические события в Хиджазе мало затронули остальной Халифат. В Ираке порядок поддерживался твердой рукой Убайдаллаха б. Зийада, Сирия была верным доменом Умаййадов, в Иране и Египте малочисленность арабских гарнизонов в море иноверцев заставляла мусульман сохранять внутреннее единство, необходимое для самосохранения и ведения пограничных войн.

В 61/680-81 г. Йазид сместил наместника Хорасана Абдаррахмана б. Зийада, которого современники характеризовали как

человека щедрого, но корыстного и слабого (не совершившего ни одного похода за два года). Йазид предложил оставить его, если он сдаст ему накопленные за время наместничества деньги. Абдаррахман предпочел расстаться с постом и сохранить 20 млн. дирхемов. Заодно был смещен и наместник Сиджистана Ийад б. Зийад. Наместником Хорасана и Сиджистана стал Салм б. Зийад. Он прибыл в Басру с предписанием Убайдаллаху от халифа предоставить ему возможность отобрать лучших воинов для Хорасана. В предвидении богатой добычи басрийцы охотно записывались в поход. Из знатных басрийцев к Салму присоединились Абдаллах б. Хазим, ал-Мухаллаб б. Абу Суфра и Талха б. Абдаллах.

Многочисленные сыновья Зийада не были едины. Убайдаллах, узнав о назначении Салма, предупредил своего ставленника Ийада о предстоящем смещении, и тот роздал все наличные деньги своим воинам и вооруженным рабам (*мамāлūк*), чтобы они не достались брату.

Салм назначил своим представителем в Сиджистане Йазида б. Зийада[89], а сам обосновался в Мерве и стал непосредственно управлять Хорасаном. Сразу же начались активные военные действия. Ранней весной 681 г. ал-Мухаллаб с четырьмя или шестью тысячами воинов напал на какой-то городок на юге Хорезма, в котором будто бы собирались хорасанские царьки для переговоров о совместных действиях, и получил по договору дань в 400 000 дирхемов[90].

После этого Салм переправился через Амударью и совершил поход на Самарканд. Рассказы об этом и следующем походе путанны и полулегендарны. По сведениям ал-Балазури, Салм дошел до Самарканда и получил с его царя выкуп в 1000 выкупов за кровь (*дийа*), т.е. 1—1,2 млн. дирхемов. Оттуда он выслал отряд в сторону Ходжента, но отряд этот потерпел поражение. Арабам точно запомнилось только то, что жена Салма родила в походе сына, которого назвали Сугди, взяла у жены царя Согда поносить драгоценный венец и «забыла» его возвратить[91].

На следующий год Салм повторил поход за Амударью. Под Бухарой он встретил серьезное сопротивление: правительница Бухары хатун обратилась за помощью к согдийцам и тюркам. На ее призыв с большим войском прибыл некий Бандун (или Бидун) ас-Сугди, в котором можно видеть тудуна Согда, т.е. уполномоченного тюркского хакана по сбору дани. Сражение с тюркско-согдийским войском, в котором отличился командир арабского авангарда ал-Мухаллаб и был убит тудун, произошло северо-восточнее Бухары на канале Харкан-руд[92]. Арабское войско тоже понесло тяжелые потери, и Салм не пошел на этот раз в глубь Мавераннахра.

В Сиджистане дела мусульман шли хуже. Во время первого же похода против восставших жителей Кабулистана Абу Убайда б. Зийад был разгромлен и среди других попал в плен к победителям. Йазид б. Зийад поспешил ему на выручку и погиб в неудачном для арабов сражении. Новому наместнику, прибывшему в 63/682-83 г., Талхе б. Абдаллаху (известному также по прозвищу Талха ат-Талахат), удалось лишь выкупить Абу Убайду и других пленных за полмиллиона дирхемов. В начале 64/сентябре—октябре 683 г.[93] Талха умер, а затем началась междоусобица.

В Синде арабы совершили в 61/680-81 г. очередные набеги на ал-Кикан, ал-Букан, Кандабил и Кусдар и вернулись с добычей без каких-либо территориальных приобретений[94].

В 681 г. возникла угроза стабильности азербайджанской границы: был убит царь Албании (Аррана) Джуаншер, и хазары вторглись в Закавказье, чтобы отомстить за смерть зятя хакана. Правда, конфликт был быстро разрешен: хазары узнали, что преемник убитого, его племянник Вараз-Трдат, не убийца-узурпатор, а законно избранный знатью царь, не пошли дальше Утика и вернулись назад. Более того, при Вараз-Трдате установились более тесные отношения между Албанией и Хазарией, после того как миссия епископа Исраэла обратила в христианство хазарского правителя Варачана (Баланджара)[95]. Вараз-Трдата признал и Йазид, видимо, на тех же условиях, что и его предшественника.

На сиро-византийской границе военная инициатива по-прежнему принадлежала арабам. В 681 г. они, воспользовавшись тем, что император со всей армией ушел к низовьям Дуная, чтобы отразить вторжение болгар, и потерпел там сокрушительное поражение, совершили набег до Икония (Кунйа). На следующий год одному отряду удалось дойти только до Кайсарии, а второй отряд, под командованием ал-Хусайна б. Нумайра, совершил «сирийский» поход; судя по названию, он был направлен против мардаитов-джараджима, восставших в горах севернее Антиохии[96]. О том, что происходило в Малой Азии в 683 г., сведений не имеется.

Наиболее дерзкое военное предприятие этих лет совершил в Северной Африке Укба б. Нафи‘, которого Йазид восстановил на посту наместника Ифрикии. Прибыв в ал-Кайраван, он сразу же арестовал Абу-л-Мухаджира Динара в отместку за то, что был арестован им при предыдущей смене власти в Ифрикии. В 681 г. Укба оставил в ал-Кайраване небольшой гарнизон для охраны семей, командовать которым поручил Зухайру б. Кайсу, а сам со всем войском направился на запад, где сохранялись остатки бывших византийских владений. Первое столкновение произошло около городка Багайа (см. рис. 4). Городское ополчение дало бой в поле, потерпело поражение и укрылось в городе. Укба

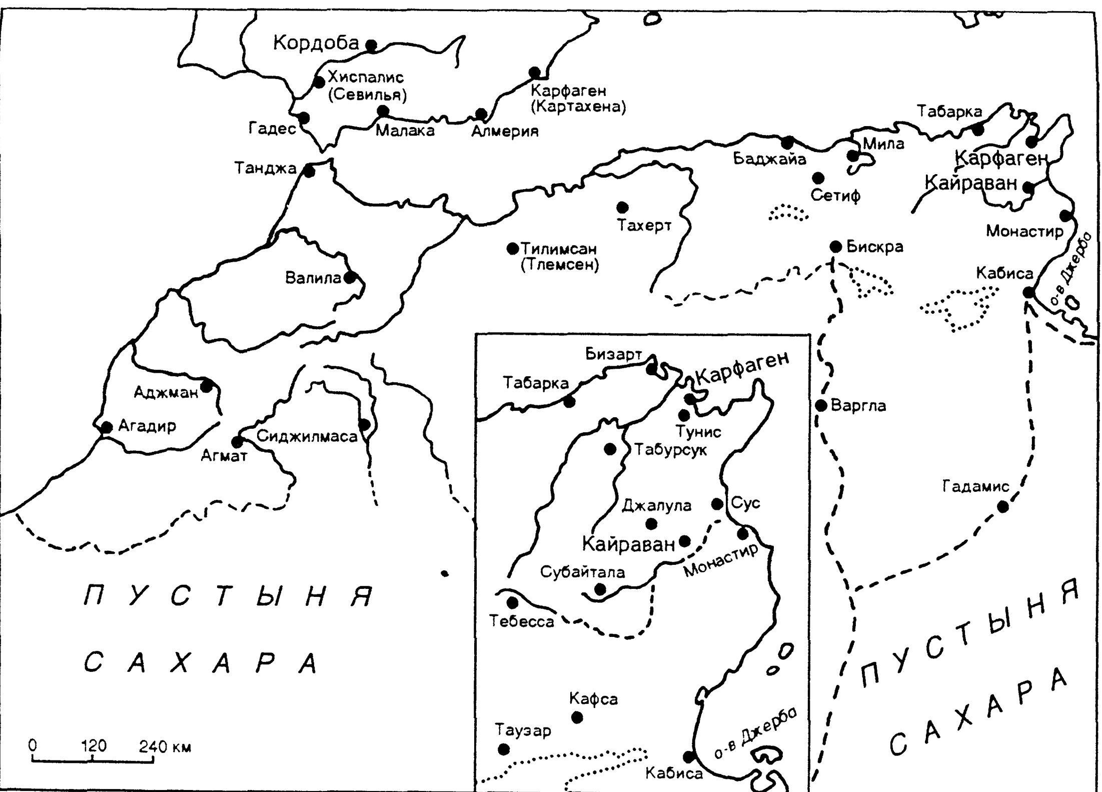

Рис. 4. Ифрикийа и Магриб во второй половине VII в.

осадил город, осада затянулась, и Укба отступился от него. После одного или двух сражений он подошел к Тахарту, где его встретило объединенное войско тахартцев и призванных ими на помощь берберов. После тяжелого сражения оно было разгромлено, и арабам открылся путь далее на запад. Можно думать, что слух об этой победе отбил у берберов охоту сталкиваться с арабами, потому что о 750-километровом пути от Тахарта до Танжера (Танджа) не осталось никаких воспоминаний. Правитель Танжера Юлиан вышел с войском навстречу Укбе, но боя не принял, а предпочел заключить мирный договор.

Отсюда Укба повернул на юг к главному городу края Валиле (Валубилису), разгромил встретивших его берберов, захватил город и, преследуя отступающих берберов, дошел до верховьев реки Дра‘, за которой начинались пески Сахары. После столкновения с санхаджами Укба повернул на северо-запад и совершил полукруг в районе между реками Сус и Тансифт от современного Марракеша до Атлантического океана. Точно воспроизвести его маршрут трудно из-за значительного изменения топонимики. Возможно, в некоторых случаях ему удавалось склонить берберов к формальному принятию ислама, поскольку упоминается сооружение мечетей в вади Дра‘ и Наффисе.

Многочисленные, хотя и победоносные бои за два года должны были значительно сократить войско Укбы, не получавшее подкреплений. В 683 г. отягощенное добычей арабское войско повернуло назад. Три четверти пути были пройдены без осложнений. В восьми днях пути от ал-Кайравана, около Тибны, Укба отослал вперед часть войска с захваченной добычей, а сам остался с 5000 воинов. Добыча, по-видимому, дошла до ал-Кайравана, но Укбе не довелось ею попользоваться. Ослабевший победитель стал жертвой побежденных. Жители Тахуды, в которой Укба намеревался запастись продовольствием, убедившись в его слабости, отказались иметь с ним дело и заперли ворота. На пути от Тахуды на Укбу напал вождь местных берберов Касила сын Камрама*, принявший ислам при Абу-л-Мухаджире, который решил теперь посчитаться с Укбой за нанесенную ему прежде обиду. Силы были неравными. Укба и Абу-л-Мухаджир погибли вместе с большей частью войска. Остатки его прорвались через Кафсу к ал-Кайравану. Одержав победу над Укбой, Касила подошел к ал-Кайравану. Как все города-лагери, он не имел оборонительных стен и не мог обороняться против превосходящего противника. Зухайр б. Кайс почел за благо покинуть его и увезти от опасности семьи погибших и добычу в Триполитанию[97].

---

* Имя отца воспроизводится арабскими источниками в нескольких вариантах

Глава 7

ВТОРАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

СМЕРТЬ ЙАЗИДА I И НАЧАЛО ДВОЕВЛАСТИЯ

27 мухаррама 64/25 сентября 683 г. сирийское войско подошло к Мекке и заняло ее южную, «нижнюю» часть. Абдаллах б. аз-Зубайр, говоривший, что он всего лишь один из голубей Ка‘бы, ищущий у нее защиты, расположил свой лагерь во дворе ал-Масджид ал-Харам, стены которой были не только символической, но и реальной защитой от нападения. Сирийцы полмесяца не предпринимали активных действий, не желая нарушать святость ее территории и возбуждать враждебность жителей, еще не присоединившихся к Ибн аз-Зубайру.

Первое столкновение произошло 11 октября за пределами мечети. В нем погибли три сирийца и четыре зубайровца. После этого стычки и поединки, в которых с обеих сторон погибло несколько именитых людей, стали происходить постоянно, не меняя положение в чью-либо сторону. Убедившись в непреклонности Ибн аз-Зубайра, ал-Хусайн б. Нумайр пошел на небывалый шаг — установил на горе Абу Кубайс, возвышающейся с юга над мечетью, катапульту и стал метать в нее камни.

История с этой катапультой и обстрелом Ка‘бы сильно затемнена желанием историков максимально очернить тех, кто осмелился так надругаться над святостью мечети; и как в случае с погромом Медины, чем дальше, тем мрачнее оказывается картина. Ранние историки, до ат-Табари включительно, упоминают **одну** катапульту, а уже у ал-Мас‘уди появляются камнеметные машины разного типа (*ал-маджāнӣк ва ал-‘аррāдāт*)[1], которые не только мечут камни, но и забрасывают мечеть зажигательными снарядами и горящей паклей. Неясен и урон, нанесенный мечети и людям в ней. Сообщается, что камнем из катапульты был расколот Черный камень и ранен в щеку ал-Мисвар б. Махрама, умерший затем в день получения известия о смерти Йазида. Однако Черный камень мог пострадать и от пожара, случившегося несколько дней спустя, а об ал-Махраме упоминается также, что он был убит в бою[2]. По всей вероятности, катапульта действова-

ла недолго и погибла от удара молнии вместе со всеми обслуживавшими ее людьми[3].

Ка‘ба серьезно пострадала несколькими днями позже. Осень была холодная, люди в мечети грелись у костров, и в субботу 3 (точнее — 4) раби‘ I/31 октября 683 г. от случайной искры загорелись легкие постройки, в которых использовалось много сухих пальмовых листьев, сильный ветер раздул пламя и перебросил его на покров Ка‘бы, а от него занялись деревянные прослойки стен, отчего часть их разрушилась. Называли разных виновников пожара, не связывая его с обстрелом зажигательными снарядами[4]. Это печальное для ислама событие не повлияло на ситуацию вокруг мечети: безрезультатное противостояние продолжалось еще почти месяц.

Судьба Халифата решалась в это время в другом месте. 14 раби‘ I/10 ноября 683 г. в Хувварине пьяный Йазид во время охоты упал с лошади и разбился[5]. Умирая, он успел назначить преемником своего старшего сына Му‘авию. Этот выбор был сделан Йазидом примерно год назад, когда он после сильного печеночного приступа, опасаясь за будущее, призвал своего двоюродного брата, вождя калбитов Хассана б. Малика б. Бахдала, и принял от него и ближайшего окружения присягу Му‘авии как наследнику[6].

Его выбор не был удачным. Му‘авийа ни духом, ни телом не был пригоден для руководства государством. Болезненность направляла его мысли в сторону смерти, современники характеризовали его как «благочестивого юношу, много думающего о потустороннем»[7]. Не желая осквернять себя делами бренного мира, он поручил их Хассану б. Малику и оставил в провинциях прежних наместников[8]. Хассан б. Малик был авторитетен в Палестине и Сирии, но ничего не значил за их пределами. Халифат оказался обезглавленным, и это сразу дало себя знать.

Весть о смерти Йазида пришла в Мекку через 16 дней, 1 раби‘ II/27 ноября; Абдаллах б. аз-Зубайр сразу перестал быть мятежником, поскольку новому халифу он присяги не приносил. Не присягнул ему и ал-Хусайн б. Нумайр. Он вступил в переговоры с Ибн аз-Зубайром и даже предложил присягнуть ему, если он поедет с ним в Сирию и там объявит себя халифом. Ибн аз-Зубайр отказался покинуть надежную Мекку и сменить ее на Сирию, где был бы чужаком. Кроме того, ал-Хусайн б. Нумайр, участник избиения мединцев, был неприемлем для него как союзник[9].

Ал-Хусайна ничто больше не задерживало в Мекке, и надо было спешить в Сирию, где при живом халифе шла подпольная борьба за раздел власти. По дороге он на несколько дней остановился в Медине, жители которой в новых обстоятельствах не

скрывали своей враждебности к сирийцам. Лояльность проявил только Али б. Хусайн, снабдивший сирийцев фуражом. Впрочем, это могло быть сделано ради того, чтобы избавить мединцев от конфискаций. Вместе с сирийской армией Медину покинули Умаййады, справедливо полагавшие, что враждебность мединцев не сулит им ничего хорошего[10].

Не приняли нового халифа или заняли выжидательную позицию и другие провинции. Египтяне, враждебно относившиеся к наместнику, назначенному Йазидом, явно склонялись к Ибн аз-Зубайру и вступили в переписку с ним. Ирак, со времен Али недолюбливавший власть сирийцев, был готов не признать нового халифа. Во всяком случае, не сохранилось никаких сведений о проведении в нем присяги Му‘авии II. Убайдаллах б. Зийад, находившийся по зимнему времени в Басре, вместо того чтобы организовать присягу, созвал басрийцев и после речи, в которой обрисовал им, какого расцвета достигла Басра и как благоденствуют они сами в его правление, предложил затем присягнуть ему как амиру, до того как в Дамаске разберутся со властью. Басрийцы присягнули ему в этом, хотя потом многие, выходя из мечети, отирали руки о двери и стены, чтобы стереть с руки принесенную рукобитием присягу[11].

Обнадеженный поддержкой басрийцев, Убайдаллах послал делегацию к куфийцам, предлагая им принести такую же присягу. На призыв к присяге и сохранению единства куфийцы ответили отказом. Известие об этом вдохновило противников Убайдаллаха в Басре, начавших пропаганду в пользу Ибн аз-Зубайра. Убайдаллах прибег к испытанному средству поддержания авторитета: приказал досрочно выплатить жалованье воинам и пособие семьям. Писцы трудились над списками, не разгибая спины, даже ночью при светильниках. Но это не принесло примирения. Тамимиты, среди которых было много хариджитов, потребовали от Убайдаллаха выпустить их собратьев, заключенных в темницу. Убайдаллах отговаривал их: «Они погубят вас», но вынужден был уступить их настояниям, что, естественно, усугубило положение[12]. К тому же в это время, по-видимому, из Мекки вернулись хариджиты, сражавшиеся вместе с Ибн аз-Зубайром, во главе с Нафи‘ б. ал-Азраком. Они рассорились с Ибн аз-Зубайром, после того как он заявил, что одобрял и одобряет правление Усмана б. Аффана[13]. Их появление еще больше осложнило положение.

Убайдаллах оказался в изоляции: обширное семейство Зийада отказалось поддержать его в вооруженной борьбе против его противников, остались в стороне и его подопечные бухарские стрелки[14].

Убайдаллах решил использовать межплеменное соперничество. Долгое время в Басре господствовали тамимиты, но с конца

правления Му‘авии б. Абу Суфйана в Басру усилился приток аздитов из Бахрейна и Омана, которые вступили в соперничество с тамимитами. Поскольку главные противники Убайдаллаха были среди тамимитов, естественно было искать поддержки у аздитов.

Вождь аздитов, Мас‘уд б. Амр, отнюдь не был склонен разжигать вражду ради Убайдаллаха. Некогда всемогущему наместнику пришлось искать посредничества малоизвестного аздита, чтобы он ночью тайно сопроводил его в квартал аздитов и поставил Мас‘уда перед свершившимся фактом — отказать в покровительстве человеку на территории своего племени было нельзя без ущерба для чести. Убайдаллах прибыл с братом Абдаллахом и остатками казны в несколько миллионов 1 джумады II 64/25 января 684 г.[15].

Басра осталась без правителя. Начались раздоры между мударитами и кайситами, аздитами и кайситами, и все это обострялось действиями необузданных хариджитов. Глава тамимитов ал-Ахнаф б. Кайс блокировал резиденцию, казнохранилище и канцелярии (*диваны*), чтобы их никто не узурпировал.

В дополнение к политической неопределенности и начавшимся междоусобицам наступила необычайно холодная зима. На севере Сирии и Месопотамии выпал снег, ударили такие морозы, что Евфрат в течение шести дней был покрыт льдом. Погибло много маслин и виноградников, пало много скота, были и человеческие жертвы. Обычные после такой зимы неурожай и голод обещали стать прекрасной питательной средой для эпидемии чумы[16].

В середине февраля безвластие в Халифате достигло апогея. После трех месяцев добровольного заточения Му‘авийа б. Йазид объявил общий сбор на моление и заявил, что отрекается от власти. «Я думал о том, что выпало мне из вашего дела и вашей власти, которой я облечен, и нашел, что не могу справиться с тем, что между мной и моим господом в отношении управления людьми, когда есть среди них люди лучше меня, и имеющие больше права на это, и сильнее меня в том, чем я облечен. Выбирайте одно из двух: или я предложу вам человека, которого сочту подходящим для вас и способного на это, и Аллах наставит его в делах веры и мира сего, или выбирайте сами и освободите меня от этого»[17].

Однако не произошло ни того, ни другого. Преемника себе он не назначил, хотя мать настаивала, чтобы он предложил своего брата и ее сына Халида; возможно, этому медлителю не хватило времени для окончательного решения, так как он вскоре скоропостижно скончался, похоже, пав жертвой начинавшейся эпидемии чумы[18]. С его смертью исчезла последняя видимость власти. Некий поэт сказал в связи с его смертью:

Вижу, как закипает котел смуты
и власть после Абу Лайлы получит, кто ее захватит[19].

Растерянные придворные предложили возглавлять молитву до выбора преемника племяннику Му‘авии б. Абу Суфйана (по отцовской линии) и Абдаллаха б. аз-Зубайра (по материнской линии) Усману б. Анбасе, но он отказался, заявив, что уезжает к своему дяде Абдаллаху. Выбор Усмана б. Анбасы, как можно думать, определялся тем, что ввиду малой политической значимости он никому не представлялся серьезным соперником.

Наиболее естественный преемник Му‘авии, Халид б. Йазид, сам не рвался к высшей власти, будучи человеком совершенно иного склада; его интересовали нетрадиционные для мусульман науки: позже он стал известен занятиями химией и переводами с греческого[20], но на него ставил его двоюродный дядя Хасан б. Малик.

Кроме того, реальной политической силой в Сирии после бегства Умаййадов из Медины стали представители родов, параллельных роду Абу Суфйана, прежде всего род ал-Хакама, возглавляемый Марваном б. ал-Хакамом.

На фоне горячих событий в Хиджазе и Ираке смерть Му‘авии II прошла настолько малозаметно, что ни даты смерти, ни длительности правления никто толком не запомнил; оно определяется в пределах от 40 дней до трех месяцев. Из-за такой неопределенности трудно судить о степени влияния его смерти на быстро развивавшиеся события в Халифате.

Средневековые историки излагают ход событий после смерти Йазида таким образом, что создается впечатление, будто между ней и объявлением Абдаллаха б. аз-Зубайра халифом почти нет разрыва. Время призрачного правления Му‘авии II совершенно исчезает. Это оказало влияние на соответствующую трактовку событий несколькими поколениями исследователей. Лишь после появления в распоряжении историков «Истории» Халифы б. Хаййата картина стала проясняться[21].

По его сведениям, Абдаллах б. аз-Зубайр объявил себя халифом 7 или 9 раджаба 64/29 февраля или 2 марта 684 г.[22]. Это означает, что при всей враждебности к Йазиду он не считал себя вправе претендовать на сан халифа. Учитывая уже известную нам скорость передачи информации, можно утверждать, что Му‘авийа II скончался примерно 10 февраля, т.е. правы те историки, которые говорили о трех месяцах его правления.

Ибн аз-Зубайр принимал присягу с обязательством следовать Книге и обычаю пророка и праведных халифов (первых трех, о его отношении к Али трудно что-то сказать). Решение самому провозгласить себя халифом неприятно поразило тех его сторон-

ников, которые сражались вместе с ним за проповедовавшуюся им идею избрания халифа советом. «Неужели ты не мог подождать, когда мы выберем тебя и присягнем тебе», — упрекал его один из его сторонников[23]. Хариджиты тоже сочли себя обманутыми и ушли кто в Йамаму, кто в Басру. Число их на фоне всеобщего признания Ибн аз-Зубайра было невелико, но они стали мощным катализатором антиумаййадского движения в Аравии, Ираке и Иране.

Отказались присягнуть Ибн аз-Зубайру и два почтеннейших представителя мусульманской аристократии: Мухаммад б. ал-Ханафийа и Абдаллах б. Умар, считавший себя как сына халифа более достойным претендентом на этот сан, чем сын аз-Зубайра. Их позиция никак не могла повредить Ибн аз-Зубайру, поскольку за ними не стояли никакие политические силы.

СИТУАЦИЯ В СИРИИ

Единственной реальной политической силой, которая могла противостоять претензиям Ибн аз-Зубайра, были Умаййады, но после смерти Му'авии б. Йазида у них не было общепризнанного главы и к тому же распалось единство сирийских арабов, которое так тщательно оберегал Му'авийа б. Абу Суфйан. Все противоречия вдруг вышли наружу, определяя отношение к Ибн аз-Зубайру и его противникам.

Хауран, район между Дамаском и рекой Йармук, был населен гассанитами, значительная часть которых давно перешла к оседлости. Му'авийа пользовался их бо́льшим по сравнению с другими арабами административным опытом, и одним из его секретарей наряду с небезызвестным Сарджуном был гассанит Убайд б. Аус[24]. В военном отношении они не имели особого значения.

Главной силой в Сирии после завоевания и исламизации служило большое объединение племен бану куда'а. Господствующую роль в нем играло племя калб, название которого иногда переносили на все объединение[25].

Зоной их обитания издавна был пустынный треугольник с вершинами у Айн ат-Тамра, Тадмура и вади Сирхан. С мусульманскими завоеваниями ее границы расширились в сторону культурных земель Дамаска и Иордана за счет территории гассанитов. Оставаясь в подавляющем большинстве кочевниками, калбиты свысока смотрели на полукочевников, заселявших окраины культурных земель, тем более что как кочевники они обладали большим воинским потенциалом. Их особое положение в Сирии определялось еще и тем, что Му'авийа б. Абу Суфйан

был женат на дочери их вождя Бахдала и Йазид был наполовину калбитом, двоюродным братом тогдашнего главы калбитов Хассана б. Малика.

Территорию к югу от вади Сирхан до Хаулана занимало менее значительное куда‘итское племя бану кайн, или балкайн, которое в эти годы возглавлял Хубайш б. Дулджа, принимавший участие в походе на Медину и Мекку. Еще южнее, от Мертвого моря по направлению к Табуку, обитало куда‘итское же племя джузам, постепенно просачивавшееся на территорию Палестины.

Давними обитателями Северной Сирии были таййиты, оторвавшиеся от основного ядра племени в Неджде. Они в значительной части перемешались с местным арамейским населением и перешли к оседлой жизни. Еще до мусульманского завоевания один из пригородов Халеба был населен таййитами. Некоторые племена Северной Сирии еще сохраняли христианское вероисповедание: танух (к югу от Халеба) и таглиб (в районе Хабура).

В процессе завоевательных походов на территории Сирии появились другие арабские племена. Район Химса заняло южноаравийское племя кинда. Не имея здесь значительной племенной территории, киндиты в большей степени, чем другие, зависели от жалований и соответственно от халифов.

Совершенно новым элементом в Сирии после завоеваний стали североарабские племена, объединяемые общим названием кайс (амир, сулайм, бахила, гани и др.). Они заняли земли, оставленные прежними обитателями при завоевании, но их недоставало, и из-за этого часто возникали конфликты с куда‘итами. К концу правления Му‘авии эти разнородные племена образовали в противовес калбитам объединение кайс айлан, или просто кайс[26]. Эта группировка была наиболее могущественной в племенном союзе мудар, вследствие чего наименование кайс нередко прилагалось как синоним ко всем мударитам[27].

Основное ядро кайситов поселилось в районе Киннасрина, но отдельные племена и части племен были рассеяны по всей территории Сирии. Это порождало частые конфликты со старыми обитателями из-за пастбищ и водопоев и вело к созданию различных союзов и объединений, в которых реальная генеалогия либо игнорировалась, либо переоформлялась в угоду злобе дня.

Эта пестрая масса до поры до времени сохраняла единство, пока имелся сильный правитель. С исчезновением его начались разброд и межплеменная борьба. Сведения об этом плохо датированы, и проследить последовательность событий можно только в самых общих чертах[28].

Дамаск оставался в руках Умаййадов, точнее — в руках ад-Даххака б. Кайса, которому дамаскинцы присягнули как амиру, «пока не объединится дело общины Мухаммада»[29]. Он колебался, не зная, на чью сторону встать. Хассан б. Малик решительно поддерживал кандидатуру Халида б. Му‘авии как халифа. Сами Умаййады не имели единого мнения о том, кто должен их возглавить.

В обширном клане потомков Умаййи, делившемся по числу его сыновей на пять ветвей: Абу-л-Аса (Усман б. Аффан и Марван б. ал-Хакам), Харба (Му‘авийа), ал-Аса (Амр б. Са‘ид ал-Ашдак), Абу-л-Иса и Абу Амра, — только представители первых трех родов по своему значению могли претендовать на верховенство: Марван б. ал-Хакам, ал-Валид б. Утба б. Абу Суфйан и Амр б. Са‘ид ал-Ашдак. Прямой наследник Йазида был еще слишком молод, чтобы иметь вес в глазах сородичей.

Старшим в роду Абу Суфйана в этот момент был ал-Валид б. Утба, но о его претензиях на главенство хотя бы в своему роду ничего не известно. Ал-Мас‘уди объясняет это тем, что ал-Валид, читая молитву над телом Му‘авии б. Йазида, после второго такбира вдруг пал замертво от чумы (*ту‘ина*), но точно известно, что несколько месяцев спустя он еще был жив[30]. Судя по ситуации, связанной с последним упоминанием, он поддерживал своего племянника Халида.

Ал-Ашдак, как показали дальнейшие события, не прочь был бы стать во главе государства, но не пользовался достаточным влиянием, чтобы действовать самостоятельно.

Оставался Марван б. ал-Хакам, но и этот опытный и честолюбивый человек утратил уверенность в себе. Положение к началу лета 684 г. обстояло следующим образом. В Египте уже действовал наместник Ибн аз-Зубайра Абдаррахман б. Утба б. Джахдам ал-Фихри, прибывший в ша‘бане/24 марта — 21 апреля 684 г. в сопровождении хариджитов, помогавших Ибн аз-Зубайру оборонять Мекку. Их поведение вызывало глухое недовольство арабской верхушки Египта, которая и рада бы была признать иного правителя, но не имела для этого сил и решимости[31].

В Палестине вождь джузамитов Натил б. Кайс, воспользовавшись ослаблением позиций Хассана б. Малика, вытеснил его наместника Рауха б. Зинба‘ из Палестины и присягнул Ибн аз-Зубайру. Таким образом джузамиты оказались расколотыми надвое[32].

В Киннасрине, центре кайситского расселения в Сирии, Зуфар б. ал-Харис ал-Килаби (командовавший киннасринцами еще при Сиффине) изгнал Са‘ида б. Малика б. Бахдала, назначая которого управлять кайситской областью Йазид, несомненно, хотел укрепить здесь свои позиции (а может быть, просто хотел

предоставить своему двоюродному брату видный пост). Зуфар, много лет возглавлявший киннасринцев, затаил обиду и теперь при первой возможности восстановил свое положение. Ибн аз-Зубайр, узнав об этом, прислал ему грамоту наместника Киннасрина. В это же время присягнул Ибн аз-Зубайру и наместник Химса ан-Ну‘ман б. Башир[33].

Ирак продолжал сохранять независимость от Ибн аз-Зубайра больше двух месяцев после того, как он провозгласил себя халифом. Сведения о событиях в Куфе после отказа ее жителей подчиняться Убайдаллаху б. Зийаду очень скудны. Известно только, что избранный ими амиром Амир б. Мас‘уд ал-Джумахи продержался на этом посту три месяца после смерти Йазида (вероятнее — после получения известия о ней) — до второй половины февраля 684 г. По времени это совпадает со смертью Му‘авии б. Йазида, но она ли повлияла на смену власти, сказать невозможно. Наместником Куфы стал сподвижник пророка семидесятилетний Абдаллах б. Йазид ал-Ансари. Так излагает события ат-Табари.

Более подробные сведения ал-Балазури говорят о том, что Амир б. Мас‘уд был смещен Ибн аз-Зубайром и на его место 22 рамадана/13 мая прибыл Абдаллах б. Йазид[34].

Абдаллах б. Йазид был куфийцем, и пребывание его до этого в Мекке не зафиксировано. Возможно, что он оказался в Мекке с группой куфийцев, совершавших малый хаджж в рамадане, и тогда получил от Ибн аз-Зубайра назначение.

Спустя неделю, в пятницу 29 рамадана 64/20 мая 684 г. в Куфе появился ал-Мухтар. Пять месяцев он ждал от Ибн аз-Зубайра вознаграждения за помощь при защите Мекки — какого-нибудь выгодного назначения, но Ибн аз-Зубайр, оказавшись хозяином положения, не нуждался в слишком требовательных помощниках (к тому же ал-Мухтар мог быть просто не из приятных людей, и поощрять его не хотелось). Когда в рамадане в Мекку прибыла группа паломников из Куфы, рассказавших об анархии, царящей в ней, и о готовности шиитов выступить для отмщения за убийство Хусайна, если бы нашелся вождь, ал-Мухтар понял, что настал его час, и покинул Мекку и обманувшего его надежды Ибн аз-Зубайра[35].

Большие перемены произошли в эти дни и в Басре. Когда Убайдаллах б. Зийад укрылся у аздитов, басрийцы избрали своим амиром Абдаллаха б. ал-Хариса по прозвищу Бабба, курайшита из рода Науфала. Этот человек маленького росточка (отсюда и прозвище «малыш») ничем не отличился и был не в состоянии восстановить единство басрийцев. Постоянные мелкие стычки между различными племенами и группировками заставили басрийцев возродить межплеменные союзы, существовавшие до

ислама. Убайдаллах подтолкнул Мас‘уда заключить союз с бакр б. ваил (главным племенем группы раби‘а), чтобы добиться перевеса над господствующей в Басре группой мудар, возглавляемой тамимитами, и истратил на убеждение бакритов около двухсот тысяч дирхемов.

Главой нового объединения, к которому подключились и киндиты, стал Мас‘уд. Почувствовав силу, Мас‘уд в конце рамадана предложил Убайдаллаху захватить резиденцию и вернуться к власти. Осторожный Убайдаллах предоставил выполнение этого плана Мас‘уду. В начале шаввала (22—23 мая) Мас‘уд с аздитами вышел на захват мечети и резиденции, а глава раби‘итов Малик б. Мисма‘ напал на кварталы тамимитов в Мирбаде. Мас‘уд успешно пробился к центральной площади и захватил мечеть. Глава тамимитов, ал-Ахнаф б. Кайс, не отреагировал на это. Отбивать мечеть бросился Салма б. Зуайб ар-Рийахи с пятьюстами молодых тамимитов и четырьмя сотнями персов-асавира во главе с Бих Афридуном. Они ворвались в мечеть и убили Мас‘уда во время проповеди или принятия присяги у своих сторонников. Видимо, среди ворвавшихся в мечеть было немало хариджитов, так как в некоторых сообщениях убийство Мас‘уда приписывается именно им.

Ал-Ахнаф б. Кайс вмешался в события, когда узнал, что люди Малика б. Мисма‘ начали жечь дома тамимитов. Кровавую схватку удалось прекратить обещанием ал-Ахнафа уплатить аздитам десятикратную пеню за смерть Мас‘уда. Избранный басрийцами наместник сидел все это время дома: «Он предавался благочестию и говорил: не буду я губить себя ради улажения дел людей». Благочестие не помешало ему позаимствовать из казны 40 000 дирхемов[36].

Участие Убайдаллаха б. Зийада в этой междоусобице не упоминается. По одним сведениям, он во время выступления Мас‘уда подготовился к отъезду и уехал после его гибели, по другим — Мас‘уд дал для его охраны 100 аздитов, т.е. Убайдаллах уехал до его гибели[37].

Басрийцы поняли, что без назначения со стороны не найдут человека, который навел бы порядок в городе, и обратились к Ибн аз-Зубайру. Тот прислал грамоту руководить молитвой Малику б. Анасу. Получить ее басрийцы могли только в конце шаввала/15—20 июня[38].

В Хорасане Абдаллах б. Хазим, оставленный Салмом б. Зийадом своим заместителем (после ал-Мухаллаба), преодолел сопротивление бакритов и йеменцев, утвердился в Мерве; затем его полномочия были подтверждены Ибн аз-Зубайром[39].

Таким образом, к концу мая — началу июня 684 г. вне зоны влияния Ибн аз-Зубайра оставалась небольшая территория от Дамаска до Мертвого моря, да и здесь не было единства. Реальную силу представлял только Хассан б. Малик, поддерживавший Халида б. Йазида; ад-Даххак, державший в своих руках Дамаск и его округ, склонялся к признанию Ибн аз-Зубайра, и только присутствие в Дамаске Умаййадов еще сдерживало его, хотя никто из них в этот момент не представлял никакой легитимной власти. Лишь поддержка Хассана б. Малика заставляла как-то считаться с ними.

Когда стало ясно, что ад-Даххак готов признать Ибн аз-Зубайра, Хассан б. Малик отправил ему послание, в котором порицал Ибн аз-Зубайра и доказывал исключительное право Умаййадов на власть, предложив огласить его в мечети во время пятничной молитвы. Одновременно копия его была послана Умаййадам, и еще одна осталась у посланца, чтобы он огласил ее, если ад-Даххак умолчит о послании. Ад-Даххак так и сделал; тогда гонец Хассана встал и зачитал свой экземпляр. Присутствовавший на молении ал-Валид б. Утба закричал: «Верно!» — и стал бранить Ибн аз-Зубайра. Его поддержали один гассанит и один калбит. Тут же нашлись защитники Ибн аз-Зубайра, и в мечети завязалась драка с помощью сандалий. Ад-Даххак приказал стражникам схватить ал-Валида и двоих поддержавших его. Драку прекратил Халид б. Йазид, обратившийся к присутствовавшим с убедительной красноречивой речью.

Конфликт не кончился на этом. Калбиты и гассаниты пошли к тюрьме и отбили своих товарищей вместе с ал-Валидом. Эта схватка получила название «первый день Джайруна», по названию места около ворот мечети, где произошла драка. Некоторое время спустя ад-Даххак позволил себе в мечети осудить Йазида б. Му‘авию, как можно думать, за побоище в Медине. Тут же нашлись и сторонники, и противники. Какой-то молодой калбит палкой ударил ад-Даххака. За него вступились. На этот раз в ход пошли мечи, пролилась кровь. Вероятно, верх в этой схватке одержали калбиты, потому что ад-Даххак укрылся в резиденции и утром не вышел в мечеть провести моление, а позвал к себе Умаййадов и, извинившись перед ними, заверил, что не замышлял против них ничего дурного. Он тут же предложил написать Хассану б. Малику и встретиться в Джабии, чтобы выбрать из Умаййадов халифа и присягнуть ему.

Сторонники ад-Даххака возмутились: еще вчера он доказывал, что нужно присягать Ибн аз-Зубайру, а теперь перекинулся на

другую сторону, — и убедили его открыто заявить о признании Ибн аз-Зубайра и выступить против Умаййадов. Ад-Даххак вышел из Дамаска и стал лагерем в Мардж Рахит (см.: т. 2, с. 33, рис. 4)[40].

Решительный шаг ад-Даххака поколебал уверенность Умаййадов, и даже Марван б. ал-Хакам заколебался, не присягнуть ли Ибн аз-Зубайру, чтобы покончить со смутой. В этот критический момент в Сирии появился Убайдаллах б. Зийад. Его прибытие можно датировать достаточно точно: покинув Басру 1 шаввала, он мог оказаться около Дамаска 20 шаввала/10 июня 684 г. Произошло это, кажется, до выступления ад-Даххака в Мардж Рахит, поскольку в одной из версий Убайдаллах оказывается инициатором его ухода из Дамаска[41]. По другой версии, Убайдаллах перехватил Марвана в Азри‘ате, когда тот вместе с Амром б. Са‘идом направлялся в Мекку присягать Ибн аз-Зубайру[42]. В любом случае именно появление Убайдаллаха б. Зийада переломило настроение Марвана.

После встречи Марван и Амр поехали в Тадмур поднимать калбитов, и те будто бы присягнули Марвану как амиру. Убайдаллах же прибыл в Дамаск и убедил ад-Даххака самому заявить права на халифат. Это сразу же оттолкнуло от ад-Даххака многих его сторонников, тогда он снова признал Ибн аз-Зубайра и по совету Убайдаллаха ушел из Дамаска. В этих рассказах есть и логические и хронологические противоречия — их приходится принимать такими, как они дошли до нас.

Несомненно только то, что в июне все противники Ибн аз-Зубайра собрались в Джабии, чтобы прийти к единому мнению относительно кандидатуры будущего халифа, которого можно было бы противопоставить Ибн аз-Зубайру. Источники дают нам две даты: среда 3 зу-л-ка‘да 64/22 июня 684 г. и понедельник в середине того же месяца, т.е. 4 июля[43]. Весьма вероятно, что они не противоречат друг другу: первая может относиться к началу встречи, вторая — к ее завершению, присяге Марвану. Сведения о том, что встреча продолжалась 40 дней, не стоит принимать всерьез, так как это — круглое число, означающее «много», в данном случае — «долго».

Обсуждались три кандидата: Халид б. Йазид, Марван б. ал-Хакам и Абдаллах б. Умар б. ал-Хаттаб, но иногда, видимо, возникало и имя Ибн аз-Зубайра. Раух б. Зинба‘ сказал, что Ибн Умар полон достоинств, но человек слабый, а такой не может руководить общиной Мухаммада. За Марвана выступал ал-Хусайн б. Нумайр, подчеркивая его возраст и опытность, защиту Усмана во время осады и борьбу вместе с Али ради отмщения за кровь невинно убиенного халифа. Малик б. Хубайра ас-Сакуни, соплеменник Ибн Нумайра, пугал его тем, что многочисленные

родичи Марвана припомнят ему наказания, которые он назначал им, будучи начальником шурты, и что они благодаря своей многочисленности всех обратят в рабов.

Вероятно, в эти дни Марван взял в жены мать Халида, отодвинув его таким способом в родственном отношении на ступень ниже. Этот случай показывает, какую большую роль в общественном сознании арабов играло родство по женской линии. Этим объясняются многочисленные странные, на наш взгляд, женитьбы сравнительно молодых мужчин на пожилых женщинах.

Спор о власти решился компромиссом. Хассану б. Малику пришлось согласиться на признание Марвана халифом с условием, что после его смерти власть перейдет к Халиду. Кроме того, он получил гарантии, что за калбитами сохранятся привилегии, установленные Му‘авией и подтвержденные Йазидом: 2000 жалований их воинам по 2000 дирхемов в год, право занимать почетные места на приемах и участвовать в советах, невмешательство в дела племени на его территории и гарантия перехода власти в племени к его сыну или двоюродному брату[44]. Ал-Хусайн б. Нумайр выговорил себе за поддержку Марвана предоставление киндитам земель на восточном берегу Мертвого моря (ал-Балка) «для прокормления» (*ма'кала*). Сторонники ал-Ашдака получили лишь моральное удовлетворение: им было обещано, что он будет преемником Халида[45].

Теперь Марвану предстояло завоевать обещанную ему власть. Прежде всего надо было справиться с ад-Даххаком, за которым стояли все кайситы Сирии. На помощь ему пришли воины химсского и киннасринского округов. Говоря о битве на Мардж Рахит как столкновении кайситов и калбитов, следует учитывать, что на стороне ад-Даххака сражались также калбиты (джузамиты во главе с Натилем б. Кайсом) и другие южные арабы (например, Шурахбил б. Зу-л-Кала‘, глава йеменцев Химса) — чисто политические соображения и локальная принадлежность могли оказаться сильнее полумифических генеалогических уз. Совершенно неожиданно в стане ад-Даххака мы находим сына Му‘авии I, Абдаллаха. Средневековые историки объясняют его позицию слабоумием[46], хотя она могла быть вполне обдуманной, например как протест против предоставления власти Марвану.

Численность обоих войск определяется очень различно: от 6 до 18 тысяч у Марвана и от 22 до 60 тысяч у ад-Даххака[47]. Как всегда в таких случаях, меньшие цифры вызывают большее доверие. Правда, здесь важно определить, действительно ли у ад-Даххака было большое численное преимущество, как свидетельствуют некоторые источники. На наш взгляд, ближе всего к истине сведения ал-Куфи. Равенством сил объясняется продолжительность столкновений у Мардж Рахит — не менее 20 дней.

Первым успехом Марвана в этой борьбе был захват Дамаска со всеми находившимися там припасами и деньгами. О ходе самой битвы конкретные сведения сообщает только Халифа, у остальных историков рассказ сводится к описанию отдельных эпизодов и цитированию стихов по их поводу[48]. По сведениям Халифы, исход битвы решило коварство Убайдаллаха б. Зийада, предложившего Марвану заключить с ад-Даххаком обманное перемирие, а затем неожиданно бросить на него кавалерию. Неожиданное нападение обратило кайситов в бегство. В бою погиб сам ад-Даххак и около 80 предводителей, ан-Ну‘ман б. Башир бежал, но был настигнут и убит. Если верить сведениям Абу Таммама, то со стороны Марвана за все дни битвы погибло 1300 человек, а побежденные потеряли 6000[49].

Узнав о судьбе ад-Даххака и ан-Ну‘мана, Зуфар б. ал-Харис покинул Киннасрин с группой преданных людей и ушел в Джазиру. Там он обманным путем вошел в городок Киркисийа и изгнал наместника Ибн аз-Зубайра. Натил же бежал в Мекку к Ибн аз-Зубайру.

Теперь вся Сирия признала нового халифа. Власть над ней была поделена между новыми людьми: Палестина досталась старшему сыну Марвана Абдалмалику, Дамаском стал управлять ал-Ашдак, а Химсом — Халид б. Йазид. Хассан б. Малик остался в Урдунне[50].

Развивая успех, Марван начал готовиться к завоеванию Египта, овладение которым совершенно изменило бы соотношение сил в расколотом Халифате.

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ МАРВАНА

Два обстоятельства определяли важность Египта для Абдаллаха б. аз-Зубайра: значительные денежные поступления (Му‘авийа получал оттуда не меньше 600 000 динаров) и, что не менее важно, доставка зерна морем в Мекку, ставшая особенно насущной, после того как Сирия и Палестина вышли из-под его контроля. Прекращение поставок египетского зерна не вызвало бы голода в Мекке, но резко повысило бы цены и понизило авторитет мекканского халифа. Кроме того, Египет был бы постоянной угрозой для Марвана в случае попытки организовать поход на Мекку — удар через Айлу отрезал бы его от Сирии.

Сторонниками Ибн аз-Зубайра в Египте были низшие по статусу арабские племена и беднейшие слои мусульманского населения, которых представляли «хариджиты». В какой мере эти мятежники были идеологически близки к иракским хариджитам-

харуритам, судить трудно, известно только, что и их лозунгом было «суд принадлежит Аллаху». С позиций истинного хариджизма Ибн аз-Зубайр не был законным халифом, выбранным по воле мусульман, и иракские хариджиты после снятия осады Мекки порвали с ним и не признавали его.

Арабы из племен-первопоселенцев, принимавших участие в завоевании Египта, особенно их верхушка, были недовольны господством выскочек и ворчали: «Что за диво мы видим — эта кучка скрытников распоряжается нами, а мы не можем ответить на их дела». Восстановление умаййадской власти вселило в них надежду на перемены. Аристократическая оппозиция вступила в переписку с Марваном и обещала поддержку изнутри в случае нападения на Египет, не скрывая этого от наместника, Абдаррахмана б. Утбы б. Джахдама.

Вскоре после утверждения в Сирии Марван начал подготовку к походу на Египет. Абдаррахман в ответ стал готовить Фустат к обороне. Время выступления сирийских войск неизвестно. Шло оно двумя колоннами. Одна, под командой сына Марвана Абдал‘азиза, наносила удар через Айлу на Кулзум, а другая, под командованием самого Марвана, двигалась по приморской дороге. О противодействии египетских войск на границе сведений не имеется, но мы знаем, что Абдаррахман, готовясь к обороне, успел выкопать ров (прикрывший Фустат с востока), над которым целый месяц трудилось 30 000 рабочих. Либо его начали копать при первых известиях о готовящемся нападении, либо сирийские войска продолжительное время стояли на границе Египта.

Раух б. Зинба‘, находившийся при Марване, обнаружил, что в Палестине находится младенец-сын ас-Саиба б. Хишама, противостоявшего приморскому войску Марвана, захватил его и пригрозил отцу обезглавить его, если он не откроет дорогу на Египет. Ас-Саиб дрогнул и отступил, а Абдал‘азизу пришлось прорываться через теснину у Айлы с боем. Оба войска соединились у Фустата. Абдаррахман б. Утба послал флот, чтобы отрезать сирийцев, но буря разметала его.

Опираясь на ров, египтяне упорно сопротивлялись. Основные бои происходили у Айн Шамса. Фустатцы обороняли ров, сменяя друг друга через один-два дня. Племенная знать в лице Курайба б. Абрахи (главы химйаритов), Абиса б. Са‘ида ал-Муради (в разное время бывшего начальником полиции и судьей) и других выступила посредником и выговорила Абдаррахману б. Утбе почетную отставку[51].

Марван вступил в Фустат 1 джумады I 65/14 декабря 684 г.[52], принял присягу в мечети и распорядился о постройке для себя дворца. Многие из бану ма‘афир отказались нарушить присягу

Ибн аз-Зубайру, за что 80 человек из них были казнены. В середине джумады II/27 января 685 г. был казнен вождь лахмитов ал-Акдар б. Хумам (участник завоевания Египта), командовавший флотом, посланным против Марвана. Последнее обстоятельство не могло быть причиной казни. Скорее, его вина заключалась в принципиальной верности Абдаллаху б. аз-Зубайру, товарищу по завоеванию Египта, в котором он и другие ветераны ислама и завоеваний видели гаранта возвращения им былого почета и власти в государстве[53]. Арест ал-Акдара вызвал возмущение в Фустате, тысячи воинов собрались у ворот дворца, требуя его освобождения, но было поздно: казнь уже свершилась. Как Марван уладил этот конфликт — не сообщается[54].

Продемонстрировав египтянам свою силу и непреклонность и выстроив дворец в Фустате, Марван вскоре возвратился в Сирию, оставив ведать всеми делами Египта — от молитвы до сбора налогов — своего сына Абдал‘азиза.

Возвратился Марван очень своевременно, потому что Ибн аз-Зубайр воспользовался его отсутствием, чтобы помочь Натилу отвоевать Палестину, и отправил туда войско во главе с Мус‘абом б. аз-Зубайром. Марван выслал ему навстречу часть своих воинов во главе с Амром б. Са‘идом, и они легко разгромили Мус‘аба на подходе к границам Сирии; место их встречи никем не упоминается.

В ответ Марван организовал поход на Медину, поручив командовать им вождю племени балкайн Хубайшу б. Дулдже. Вероятно, его соплеменники и составляли ядро войска, потому что в войске из 6400 человек не упоминается ни один известный деятель, если не считать прославившегося впоследствии ал-Хаджжаджа б. Йусуфа, значит, основные силы сирийской армии оставались при Марване.

Ибн аз-Зубайр выслал навстречу ему свои наличные вооруженные силы во главе с Масруком ан-Насри. Они явно были немногочисленны, так как одновременно наместники Куфы и Басры получили распоряжение выслать подкрепления. Из Куфы вышел двухтысячный отряд Мухаммада б. ал-Аш‘аса, а из Басры — трехтысячный отряд ал-Хатафа (читается также ал-Хунайф) б. Сиджфа ат-Тамими.

Войско Хубайша беспрепятственно дошло до Зу-Марвы. При известии об этом наместник Медины бежал. Хубайш стал лагерем в Джурфе, и где-то между Джурфом и Мединой произошло столкновение с отрядом Масрука, кончившееся разгромом мекканцев. Хубайш похоронил своих убитых, а мекканцы остались лежать в поле непогребенными.

Марван предупредил Хубайша, чтобы тот не трогал мединцев, которые не поддерживают явно Ибн аз-Зубайра. Хубайш не на-

рушил этого распоряжения — о казнях не сообщается, — но не скрывал своего презрения к techмединцам. Как рассказывали, он, сидя на минбаре пророка, ел финики и бросал косточки в присутствующих, приговаривая: «Хочу этим дать вам понять, как мало вы для меня значите».

Узнав о разгроме мекканцев, Мухаммад б. ал-Аш‘ас с дороги вернулся в Куфу. Басрийцев же это не смутило, и они продолжили свой марш на Медину. Хубайш не стал ожидать их в Медине, а вышел навстречу к ар-Рабазе с 4000 воинов. Бой под ар-Рабазой был упорным, и перевес клонился на сторону Хубайша; исход его решила тысяча всадников, до последнего момента укрывавшихся в лощине. Неожиданный удар опрокинул палестинцев, Хубайш был убит, оставшиеся в живых бежали, их преследовали и брали в плен. В плену оказалось от 500 до 800 человек. Заместитель, оставленный Хубайшем в Медине, бежал из нее с остатками войска. Бой под ар-Рабазой датируется очень широко — от осени 684 до весны 685 г.

Мединцы радостно встретили победителей. Семьи, пострадавшие в битве на харре, получили полное моральное удовлетворение: 800 пленных палестинцев были казнены на том же месте, где Муслим б. Укба два с небольшим года назад казнил мединцев. Казнями руководил специально для этого приехавший Мус‘аб б. аз-Зубайр[55].

Сражения под Мединой показывают, что собственные вооруженные силы Ибн аз-Зубайра были невелики, навязать с их помощью свою волю какой-нибудь провинции, не признавшей его добровольно, было невозможно, только моральный авторитет Ибн аз-Зубайра и ненависть к Умаййадам обеспечивали ему признание. Особенно важно было для него укрепить свое влияние в такой богатейшей области, как Ирак, которому с конца 684 г. стал угрожать Убайдаллах б. Зийад, вступивший во главе многочисленного войска в Джазиру, чтобы вернуть себе Ирак, 20 лет бывший вотчиной Зийада и его сыновей. С этой целью Ибн аз-Зубайр послал в Басру наместником своего брата Мус‘аба[56].

НАЧАЛО ДИНАСТИИ СУФЙАНИТОВ

Кандидатура Марвана была результатом компромисса нескольких сил. Большинство ведущих политических деятелей, приведших его к высшей власти в Халифате, видели в нем временную фигуру, не исключавшую в дальнейшем поиска новых лиц. Марван думал иначе: как и Му‘авийа, он хотел видеть преемником своего сына. Завоевание Египта и утверждение поло-

жения в Сирии и Палестине превратили его в реального властителя. Наиболее опасный противник на сирийской почве, ад-Даххак б. Кайс, погиб; Убайдаллах б. Зийад, активно содействовавший успеху Марвана, был отправлен на поиски утерянной власти; легально признанные преемники не имели за собой силы, которая могла противостоять Марвану. И он решился объявить наследником своего сына Абдалмалика.

Конечно, это было грубым нарушением обязательств, взятых на себя перед людьми, которые сделали его халифом на определенных условиях, правда, трудно сказать, закреплялись ли они присягой-рукобитием или все ограничилось словесными заверениями. Дата и обстоятельства проведения присяги Абдалмалику излагаются в источниках различно: одни говорят о проведении ее сразу после возвращения из Египта (это дает Г.Роттеру основание предполагать, что Марван использовал отсутствие Амра б. Са‘ида, отражавшего в это время нападение Мус‘аба на Палестину)[57] и называют местом проведения присяги ас-Синнабру, городок на Тивериадском озере в трех милях южнее Табарии, где любил проводить зиму Му‘авийа б. Абу Суфйан, другие называют Дамаск[58].

Если Марван покинул Египет в конце джумады II/5—10 февраля 685 г., то прибытие его к Тивериадскому озеру можно ожидать 15—20 февраля, как раз в соответствующий сезон. В марте временные обитатели (так и хочется употребить слово «курортники») ас-Синнабры покидали ее ради весенних пастбищ Хаулана и Джабии. Отсюда следует, что в ас-Синнабре присяга могла состояться не позже начала марта 685 г., а в Дамаске — не ранее апреля.

Поводом, подтолкнувшим Марвана к проведению присяги Абдалмалику, будто бы послужили слова ал-Ашдака, сказанные после разгрома Мус‘аба: «Это дело (т.е. халифат) будет моим после Марвана». Марван сообщил об этом Хассану б. Малику, и тот во время вечернего приема у халифа встал и предложил присягнуть Абдалмалику как наследнику, а затем — Абдал‘азизу[59]. Такая отзывчивость Хассана б. Малика вызывает недоумение. Возможно, здесь некоторую роль сыграло то, что среди других требований выполнить обещания, данные при выборах в Джабии, было и требование вождя бану сакун Малика б. Хубайры передать его племени земли в ал-Балка[60]; не задевало ли это каким-то образом интересы Хассана? Напротив, ал-Йа‘куби сообщает, что по возвращении из Египта Марван узнал о присяге Хассана ал-Ашдаку, потребовал от него объяснений, Хассан отрицал факт присяги ал-Ашдаку и согласился в подтверждение своей невиновности присягнуть Абдалмалику[61].

Марван ненадолго пережил это событие, скончавшись, скорее всего, 7 мая 685 г.[62].

Причины смерти Марвана не были ясны современникам: одни считали, что он умер своей смертью, другие объясняли ее чумой, наконец, в ней обвиняли мать Халида б. Йазида, которая отомстила ему за оскорбление сына, отравив или задушив подушкой[63]. Абдалмалик будто бы хотел ее казнить, но она остановила его, припугнув позором для него, если станет известно, что отец погиб от рук женщины[64]. При всей развлекательности этой гаремной истории предпочтение, вероятно, следует отдать смерти от чумы, которая в 684 г. охватила весь Ближний Восток от Басры до Египта.

Абдалмалик, по всей видимости, не присутствовал при смерти отца, хотя многие источники говорят, что он читал над ним погребальную молитву. Против этого свидетельствует сообщение ал-Йа‘куби: «Воспротивились сирийцы Абдалмалику, и поспешил он в Дамаск, боясь восстания Амра б. Са‘ида». Отсутствие его в Дамаске подтверждается упоминанием присяги ему в Иерусалиме[65]. Главным соперником Абдалмалика был Амр б. Са‘ид ал-Ашдак, считавший себя преемником Марвана после того, как Хассан б. Малик перестал настаивать на кандидатуре Халида б. Йазида. Абдалмалику удалось умиротворить ал-Ашдака, признав его своим наследником и пообещав привлекать к решению всех вопросов.

Абдалмалику в ту пору было около 40 лет. В отличие от тучных Али и Му‘авии он был строен, несколько выше среднего роста, большеглазый, с большим горбоватым носом. Живя в Медине, он посещал кружок передатчиков хадисов, любил поэзию, но был скуповат, а став халифом, проявил слабость к неумеренным восхвалениям и лести. Ко времени избрания халифом Абдалмалик приобрел большой военный и административный опыт, без которого вряд ли справился бы с труднейшей задачей восстановления единства Халифата[66].

Основная опасность в этот момент грозила не со стороны Ибн аз-Зубайра (который был пассивен и лишь принимал присягу от провинций, где верх брали его сторонники или люди, предпочитавшие анархии хоть какую-то власть), а с севера, от Византии. Оправившись от удара, нанесенного болгарами на Дунае, Константин IV воспользовался безвластием, начавшимся после смерти Йазида, и повел наступление на Халифат по всему фронту. Изгнание арабов с Родоса, Крита и Кипра восстановило господство византийского флота в Восточном Средиземноморье; гибель египетского флота в ноябре 684 г. лишила арабов возможности противостоять нападениям византийцев на приморские города. В это смутное время, скорее всего уже в начале лета 685 г., византийцы напали на важнейшие приморские города Сирии и Палестины Аскалон, Кайсарию, Акку и Сур и разруши-

ли их укрепления. Особенно болезненным был удар по Суру и Акке, главным верфям и базам военного флота арабов в Сирии[67], после этого господство Византии на море снова стало абсолютным.

Произошел перелом и в Малой Азии: в 684 г. арабы уже не вторгались на византийскую территорию, а затем были вынуждены покинуть Малатию и Мар‘аш, главные исходные базы арабских походов на Малую Азию. Константин IV перенес свою штаб-квартиру в Масису, явно намереваясь продолжить наступление на Сирию, в горных районах которой хозяйничали мардаиты, и захватил Антиохию[68].

Выход был один — попытаться возобновить договор, заключенный Му‘авией и нарушенный Йазидом. Все внимание Абдалмалика летом 685 г. было переключено на север. Он перебрался из Дамаска в Химс и, вероятно, перенацелил армию Убайдаллаха б. Зийада с восточного на западное направление, иначе нечем объяснить ее пассивность в Джазире после сражения у Айн ал-Варды. Перемещение ее к Сумайсату может объяснить и готовность императора пойти на переговоры.

Условия договора были крайне невыгодны для Абдалмалика: он обязывался платить по 1000 динаров, одному рабу и одному породистому коню за каждый день мира, т.е. лишался примерно четверти всех налоговых поступлений Сирии. Эти условия так точно совпадают с условиями мирного договора, будто бы подписанного Му‘авией, что невольно закрадывается мысль, не приписан ли ему договор Абдалмалика. Особенно показательно обязательство императора отозвать мардаитов из ливанских гор, которые при Му‘авии еще не нападали на Сирию. Договор был заключен 7 июля 685 г.[69], а 18 июля (10 зу-л-хиджжа 65 г.х.) Абдалмалик совершил в Химсе праздничное жертвоприношение[70].

Хаджжем этого, как и предшествующего, года руководил Абдаллах б. аз-Зубайр. Для вящей славы он не просто отремонтировал Ка‘бу после пожара, но полностью перестроил, разрушив до основания и возведя снова в значительно больших размерах[71].

Пока Абдалмалик улаживал отношения с Византией, Натил б. Кайс вновь овладел Палестиной. Сведения об этих событиях очень нечетки. Можно предполагать вслед за ал-Йа‘куби, что Натил захватил Палестину вскоре после смерти Марвана, но Абдалмалик, узнав о подготовке императора к вторжению в Сирию, предпочел сначала уладить дело с наиболее сильным противником. Теперь он мог использовать силы, занятые на севере, против Натила.

Сражение, в котором вместе с халифом принимал участие ал-Ашдак, произошло у Аджнадайна; местоположение его, как отмечалось ранее (см.: т. 2, с. 26), неопределенно, и поэтому труд-

но судить, как далеко проник Натил. Неизвестна и дата сражения. Натил был разгромлен и погиб. Палестина снова оказалась под властью Абдалмалика[72].

ШИИТСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

Ибн аз-Зубайр не был единственным противником Абдалмалика, и мусульманское общество было расколото не на два, а на четыре лагеря: соперничавшим халифам приходилось иметь дело еще с шиитами и хариджитами.

Расправа с Хусайном была моральным шоком для куфийских шиитов: они не могли не чувствовать своей вины перед имамом, которого сами же пригласили к себе и предали. Требовалось какое-то время, чтобы найти себя в новой обстановке, тем более что ни брат Хусайна, Ибн ал-Ханафийа, ни его сын Али не выказывали желания возглавить борьбу против убийц Хусайна, держась подчеркнуто лояльно по отношению к Йазиду и Марвану.

Ведущей идеей на этом этапе для куфийских шиитов стала месть за Хусайна во искупление своей вины. Ядром нового движения стали пять старых соратников Али: Сулайман б. Сурад ал-Хуза‘и, ал-Мусаййаб б. Наджаба ал-Фазари, Абдаллах б. Са‘д б. Науфал ал-Азди, Абдаллах б. Ва’л ат-Таими и Рифа‘а б. Шаддад ал-Баджали; вокруг них образовался круг из сотни молодых приверженцев. В конце 61/начале сентября 681 г. состоялась первая встреча куфийских шиитов в доме Сулаймана б. Сурада. Инициативу взял на себя ал-Мусаййаб б. Наджаба. Он напомнил собравшимся, что они призвали сына дочери пророка в Куфу, но испугались за свои жизни и не оказали ему помощи. Теперь есть только один путь к очищению перед страшным судом — пожертвовать собой и убить убийц Хусайна. А для этого надо избрать руководителя, который подготовит план действий для получения помилования от Аллаха. Рифа‘а б. Шаддад повторил те же мысли и сказал, что готов подчиняться ал-Мусаййабу, если тот согласится их возглавить, а если нет, то предлагает избрать вождем сподвижника посланника Аллаха Сулаймана б. Сурада, человека храброго и разумного.

Присутствующие согласились с ним и избрали Сулаймана б. Сурада своим вождем. Сулайман ответил прочувствованной речью, описывая тяжесть совершенного ими греха и необходимость искупить его хотя бы даже ценой жизни. Речь была встречена с воодушевлением, в порыве религиозного энтузиазма многие стали жертвовать свое имущество на общее дело. Для хранения и управления им тут же был назначен казначей. Затем Су-

лайман б. Сурад направил послания Са‘ду б. Хузайфе б. ал-Йаману в ал-Мадаин и ал-Мусанне б. ал-Махраме в Басру, в которых развивалась та же мысль о необходимости покаяния и личной жертвы.

Пока власть в Куфе принадлежала Убайдаллаху б. Зийаду или его заместителю, шиитам приходилось соблюдать строгую конспирацию. Смерть Йазида воодушевила шиитов. Наиболее горячие головы стали предлагать Сулайману немедленно выступить, изгнать амира Убайдаллаха б. Зийада и приняться за дело отмщения. Сулайман отвечал, что истинные убийцы — племенная знать Куфы и если она узнает, что движение направлено против нее, то сразу разгромит его. А нужно усилить пропаганду в городе и увеличивать число сторонников. Его послушались. Сулайман оказался прав — в обстановке слабой власти в городе число сторонников стало быстро расти[73].

В это время в Куфе появляется новая фигура: из Мекки приехал ал-Мухтар, рассчитывавший использовать ситуацию и поднять шиитов против убийц Хусайна, а по существу — против халифа. Его приезд совпал с новой переменой власти в Куфе: 13 мая 684 г. туда прибыл первый назначенный самим Ибн аз-Зубайром наместник, Абдаллах б. Йазид, а 20 мая появился ал-Мухтар[74].

Перед отъездом из Мекки он был у Мухаммада б. ал-Ханафии и пытался получить от него согласие представлять его в Куфе в деле мести за Хусайна. Мухаммад промолчал. Ал-Мухтар решил считать это согласием и в Куфе сразу же стал представляться посланцем Мухаммада б. ал-Ханафии и убеждать людей, что Сулайман б. Сурад слишком нерешителен и несведущ в военном деле, чтобы руководить восстанием[75]. Наиболее нетерпеливые сторонники Сулаймана стали переходить на сторону ал-Мухтара.

В конце 684 г. в Джазире появился Убайдаллах б. Зийад во главе многочисленного войска, с которым он должен был подчинить власти Умаййадов (а заодно — и своей) Ирак. Появление главного виновника убийства Хусайна подтолкнуло Сулаймана б. Сурада к выступлению, тем более что в его списках числилось 16 000 присягнувших. Испуганный этими приготовлениями, Умар б. Са‘д, командовавший куфийцами при Кербеле, перебрался ночевать в резиденцию наместника, зная, что некоторые соратники Сулаймана б. Сурада советовали, прежде чем идти против сирийцев, расправиться со своими куфийскими убийцами Хусайна.

Наместник Куфы Абдаллах б. Йазид пришел к Сулайману и предложил совместно выступить против общих врагов, а не дробить силы. Сулайман ответил, что у него и его товарищей своя цель, которую они должны осуществить. Абдаллах б. Йазид

предложил подождать немного, чтобы собрать им в помощь куфийское войско. Сулайман отказался и от этого — заслугу перед Аллахом положить свою жизнь во искупление совершенного тяжкого греха не хотелось умалять привлечением чьей-то помощи.

Сбор в ан-Нухайле был назначен на 1 раби' II 65/15 ноября 684 г. Вместо ожидавшихся 16 000 пришло только 4000 человек. Остальные или не пожелали идти в поход, или перешли на сторону ал-Мухтара. Сулайман послал людей проехать по Куфе и повторить призыв. После этого появилась еще тысяча человек. Сулайман не переменил своего решения выступить в поход и объявил, что численность не имеет значения, так как они идут не за добычей, а отомстить или погибнуть.

По пути на север «кающиеся» (*таввāбӯна*) прошли мимо Кербелы, чтобы помолиться на могиле Хусайна, и задержались там на пять дней. Весьма вероятно, что Сулайман б. Сурад ожидал там подхода сторонников из ал-Мадаина и Басры, но так и не дождался. Далее «кающиеся» прошли через Анбар и по левому берегу Евфрата достигли Киркисийа. Там они узнали от Зуфара б. ал-Хариса, что Убайдаллах переправился у Ракки и идет к Айн ал-Варде (Рас ал-Айн). Зуфар, для которого Убайдаллах после Мардж Рахита стал таким же врагом, как и для шиитов, снабдил войско Сулаймана б. Сурада припасами и предложил совместно действовать против сирийцев, но Сулайман отказался и от этого предложения, удовольствовавшись советами тактического характера.

Сулайман б. Сурад повел свое войско вверх по Хабуру, идя параллельно сирийцам с целью опередить их и занять богатый водой и плодородный район Айн ал-Варды. Путь от устья Хабура до Айн ал-Варды почти на треть длиннее, чем от Ракки, все же Сулайман б. Сурад опередил сирийцев, обустроил лагерь западнее Айн ал-Варды и дал войску отдых. 3 января 685 г. ал-Мусаййаб б. Наджаба в суточном переходе от Айн ал-Варды обнаружил передовой отряд Зу-л-Кала', неожиданно напал на него своими четырьмя сотнями воинов, разгромил и обратил в бегство. Но наутро (в среду 22 джумады I/4 января 685 г.) подошел двухтысячный отряд ал-Хусайна б. Нумайра. Сулайман б. Сурад обратился к противнику с предложением отречься от халифа, выдать им Убайдаллаха б. Зийада и согласиться на передачу власти семье пророка. Сирийцы же предложили присягнуть халифу[76]. Обе стороны отвергли предложения противников. Началось сражение, продолжавшееся до темноты; с ее наступлением оба войска возвратились в свои лагеря.

Наутро к ал-Хусайну подошел Зу-л-Кала' с основными силами (8000 человек). Несмотря на значительный перевес на сторо-

не сирийцев, воины Сулаймана б. Сурада удержались и в этот день. Всю ночь три агитатора-касса ходили среди воинов Сулаймана, вдохновляя их перед решительным днем боя. Он оказался последним, потому что ночью подошли еще 10 000 сирийцев. «Кающиеся», отбросив ножны мечей по примеру своего вождя, что означало решимость сражаться до конца, приняли бой и долго выдерживали атаки сирийской конницы. Перелом в сражении обеспечили стрелки, выдвинутые ал-Хусайном б. Нумайром. Стрелой был сражен Сулайман б. Сурад, но его воины не побежали, как часто бывало после гибели командующего, а продержались до темноты.

Ночью Рифа‘а б. Шаддад ал-Баджали подобрал, кого мог, из раненых и увел остатки войска на восток. Утром после восьмидесятикилометрового марша он переправился у Тунайнира через Хабур и уничтожил за собой переправу. Идя далее на юг по восточному берегу Хабура, он уничтожал все переправы, чтобы не дать сирийцам возможности использовать их при преследовании.

Но сирийцы не стали преследовать. Они тоже понесли за эти три дня немалые потери, а преследование и даже уничтожение отряда Рифа‘и отвлекало от главной задачи — овладения Джазирой.

Рифа‘а своим решением спас значительно больше сотни человек, судя по тому, что мог выделить в арьергард 70 всадников. Они не только охраняли остальных от нападения с тыла, а еще и подбирали упавших от ран и изнеможения и даже теряемые при отступлении вещи. В Киркисийа отряд Рифа‘и был так же радушно принят Зуфаром. Он предложил остаться у него и вместе оборонять город, но куфийцы отказались и после трехдневного отдыха продолжили свой путь домой.

Долгожданные отряды из ал-Мадаина и Басры сильно запоздали. Мадаинцы дошли до Хита, когда там уже стало известно о разгроме и гибели Сулаймана б. Сурада. Они повернули обратно и в Сандауда встретились с 300 басрийцев, поделившись с ними печальной новостью, мадаинцы вместе с ними дождались отступавших, затем все возвратились по домам[77].

При подготовке Сулаймана б. Сурада к выступлению или уже во время похода, когда число шиитов в Куфе уменьшилось, куфийская племенная верхушка решила заодно избавиться и от слишком ретивого ал-Мухтара. Умар б. Са‘д б. Абу Ваккас и еще три представителя знати (не главы ли *арба̄‘*?) явились к Абдаллаху б. Йазиду и Ибрахиму б. Мухаммаду (первый ведал «молитвой и войной», а второй — хараджем) и предупредили, что ал-Мухтар готовит восстание против них.

Абдаллах б. Йазид арестовал ал-Мухтара, и, когда остатки «кающихся» вернулись в Куфу, он находился в заточении. Его

снова выручил тесть, Абдаллах б. Умар, обратившийся к наместнику с письмом, в котором давал ручательство за ал-Мухтара. Наместник потребовал представить поручителей из числа куфийцев. 13 шиитов, и среди них Рифа'а б. Шаддад, поручились за ал-Мухтара. Сам ал-Мухтар вынужден был дать убедительную клятву разводом с женой и освобождением раба, что пока эти два амира правят Куфой, он не выступит против них.

Конечно, эти клятвы не остановили ал-Мухтара, и, выйдя на свободу, он снова стал призывать отомстить за кровь Хусайна, выступая по существу и против зубайридской, и против умаййадской власти. Его положение упростилось после смещения старого наместника и замены его Абдаллахом б. Мути' б. ал-Асвадом — теперь он был свободен от данной им клятвы. Произошло это 24 или 25 рамадана 65/4 или 5 мая 685 г., почти одновременно со смертью Марвана и приходом к власти Абдалмалика[78].

Ал-Мухтар постоянно представлял себя уполномоченным Мухаммада б. ал-Ханафии, и теперь, когда он стал единственным вождем шиитов, несколько человек из последователей Сулаймана б. Сурада решили справиться у самого Ибн ал-Ханафии и поехали к нему в Мекку. Мухаммад не опроверг и не подтвердил притязаний ал-Мухтара, сказав, что несчастье, случившееся с Хусайном, касается всех мусульман и он надеется, что то, к чему призывает ал-Мухтар, с помощью Аллаха будет осуществлено тем, кого Аллах пожелает. Посланцы решили, что этот дипломатичный ответ подтверждает полномочия ал-Мухтара, и с тем вернулись в Куфу. Ал-Мухтар с опаской спросил их, с чем приехали, и с облегчением узнал, что они получили от Мухаммада разрешение помогать ему.

Однако оказалось, что мало одного полномочия имама и веры последователей, нужен был еще какой-то авторитетный для куфийцев неформальный вождь. Шииты обратились к Ибрахиму б. ал-Аштару, сыну преданнейшего сподвижника Али. Ибрахим согласился, но с условием, что возглавит все дело. Ему возразили, что ал-Мухтара назначил сам ал-махди. Ибрахим потребовал письменного подтверждения, и через некоторое время в Куфе появилось письмо Мухаммада б. ал-Ханафии Ибрахиму, прямо утверждающее, что ал-Мухтар послан им. Письмо было направлено от лица «Мухаммада ал-Махди сына Али», и это вызвало подозрения у Ибрахима. Он во всеуслышание заявил, что переписывался с Мухаммадом и тот всегда называл только свое имя и имя отца. Тут несколько авторитетных лиц заявили, что это подлинное письмо Мухаммада (не надо забывать, что в ту пору высокопоставленные лица крайне редко писали письма своей рукой, если имели секретаря). Ибрахиму пришлось смириться и уступить первенство ал-Мухтару[79].

Употребленный в этом письме титул *ал-махди*, фигурировавший также в пропаганде ал-Мухтара, еще не приобрел смысла «мессия», а использовался в буквальном значении «ведомый правильным путем», и вряд ли Мухаммад б. ал-Ханафийа использовал бы в своем письме этот эпитет даже в таком смысле. Скорее всего, Ибрахим верно почувствовал в письме некую стилистическую фальшь.

На этом этапе основной идеей большинства шиитов была месть за Хусайна и вручение **политической** власти угодному им (*ар-ридā̦*) члену «дома пророка»; идеи прихода спасителя, в котором воплотилось божество, большинству участников движения, особенно арабам, были чужды, их занимали гораздо более земные проблемы, о которых они ясно сказали Абдаллаху б. Мути‘ после его первого программного выступления по прибытии в Куфу.

В нем кроме обычных обещаний карать бунтующих и поощрять благонамеренных Абдаллах б. Мути‘ обещал не посылать излишки налоговых поступлений Ибн аз-Зубайру без согласия куфийцев и следовать образу действий Умара и Усмана. Ас-Саиб б. Малик возразил ему: «Что касается образа действий Усмана, то он — вожделение и корысть, мы в нем не нуждаемся; а что касается образа действий Умара, то он из этих двух менее вредный для нас. А тебе нужен бы был образ действий Али ибн Абу Талиба, и ничего другого мы не хотим». Это же заявление в более конкретной форме приводит ат-Табари со ссылкой на ал-Мадаини: «Что касается приказа тебе Ибн аз-Зубайра не увозить от нас излишки нашего хараджа (*фай’*) без нашего разрешения, то мы свидетельствуем тебе, что не желаем, чтобы ты увозил излишки нашего фай’а от нас, а [желаем, чтобы] ты делил их только между нами и обращался с ними по образу действия Али ибн Абу Талиба, который он осуществлял в этой нашей стране...»[80].

Отсюда становится ясно, что экономическая программа шиитских вождей Куфы заключалась в отказе отправлять излишки налоговых поступлений, остающиеся после выплаты жалований и других необходимых местных расходов, любой центральной власти — все деньги должны делиться на месте. Это не снимало проблемы неравномерности раздела внутри провинции, но сулило всем некоторое увеличение жалований.

Выполнил ли Абдаллах б. Мути‘ свое обещание удовлетворить это пожелание куфийцев, установить не удается. Во всяком случае, вербовка сторонников и подготовка восстания ал-Мухтаром продолжалась. Восстание было назначено на ночь 14 раби‘ I 66/20 октября 685 г.[81]. Чтобы лучше понять, в какой обстановке оно развивалось, следует обратиться к событиям, происходившим в провинциях, подчиненных Басре.

Хариджиты, вернувшиеся из Мекки во главе с Нафи‘ б. ал-Азраком и Надждой б. Амиром, сначала попали в тюрьму, а затем получили свободу вместе с остальными заключенными, освобожденными Убайдаллахом б. Зийадом по настоянию басрийцев. Число освобожденных было около полутора сотен[82], но они стали мощной закваской, поднявшей хариджитское движение в Басре, попавшее в особенно благоприятные условия после отказа Ибн Зийада от власти (конец января — март 684 г.). Составить сколько-нибудь ясное представление о действиях хариджитов в этот период невозможно, так как это были действия отдельных групп, которые скорее можно назвать шайками. Их главный лагерь располагался на окраине города в Мирбаде, но действовали они и в центре, то присоединяясь к борьбе своих племен за власть в городе, то действуя самостоятельно. Установление межплеменного мира ограничило прежние вольности, хариджиты почувствовали необходимость объединения и выработки плана действий. У ат-Табари сохранилось упоминание собрания хариджитов, на котором победило мнение умеренных. Нафи‘ б. ал-Азрак, настаивавший на восстании, собрал 300—350 сторонников и в конце шаввала 64/18—19 июня 684 г. ушел в Ахваз[83].

Через месяц между ним и Надждой б. Амиром возникли острые разногласия. Нафи‘ был непримирим в отношении мусульман, не принимавших взгляды хариджитов, — он считал их безбожниками, стоящими вне закона и заслуживающими только смерти, а общение с ними — грехом. Наджда не мог примириться с убийствами детей и допускал общение с нехариджитами. Окончательно рассорившись, Наджда ушел с частью людей в Йамаму.

Взгляды Ибн ал-Азрака были четко изложены в одной из речей перед своими сторонниками. Он объяснил им, что сейчас они относятся к остальным мусульманам, как посланник Аллаха относился к язычникам, и процитировал первый айат 9-й суры: «Разрешение Аллаха и его посланника тем из многобожников, с кем вы заключили договор», подразумевая, что все знают продолжение: Аллах дает отсрочку на четыре месяца («А когда кончатся эти запретные месяцы, то избивайте многобожников, где их найдете, захватывайте их, осаждайте их, устраивайте им засады во всех скрытных местах...»*). Им, хариджитам, Аллах открыл глаза на истину и направил по правильному пути, они, как в свое время посланник Аллаха, не должны общаться с инако-

* Коран, 9·5.

верцами-мусульманами, которые для них, как многобожники (*кāфирӯн*): нельзя есть забитый ими скот, жениться на их женщинах, принимать их свидетельства, наследовать им, учиться у них религии. Таким образом, Ибн ал-Азрак теоретически обосновывал свое и своих последователей право обращаться со всеми мусульманами как с врагами Аллаха, ставил себя и своих последователей вне всего мусульманского сообщества.

Затем он послал письмо с изложением этих принципов в Басру Абдаллаху б. ас-Саффару и Абдаллаху б. Ибаду. Письмо попало к Ибн ас-Саффару, и он скрыл его от остальных, опасаясь возникновения раздоров. Ибн Ибад узнал о послании и потребовал дать для ознакомления. Прочитав, он возмутился: «Эти люди (т.е. не хариджиты) отвергают милости и заветы, но они не многобожники, мы можем только убивать их, но вся их собственность запретна для нас»[84].

Здесь мы впервые встречаемся с четко сформулированной программой крайних хариджитов, получивших позже название «азракитов» по имени Ибн ал-Азрака, и принципиальным положением, отделяющим их от умеренных хариджитов, суфритов и ибадитов (по имени родоначальников течений: Абдаллаха б. ас-Саффара и Абдаллаха б. Ибада), — азракиты считали всех мусульман, не разделяющих их взгляды, язычниками (*мушрикӯн*), со всеми вытекающими последствиями, т.е. людьми, с которыми в отличие от христиан, иудеев и зороастрийцев нельзя идти на соглашение и общаться, тогда как суфриты и ибадиты считали иноверующих мусульман совершающими тяжкий грех (*кāфирӯн*), но мусульманами, решение о которых принадлежит Аллаху[85].

Установив контроль над частью Ахваза, Нафи‘ удовлетворился тем, что стал собирать с нее налоги, не делая попыток напасть на Басру. Г.Роттер объясняет это эпидемией чумы, свирепствовавшей в Басре[86], но возможно и другое — Нафи‘, как мы сейчас увидим, не располагал для этого достаточными силами. Негласное перемирие закончилось в январе 685 г., когда басрийцы решили расправиться с хариджитами, направив против Нафи‘ отряд из 700 человек во главе с Муслимом б. Убайсом. Хариджиты встретили его у Дулаба в двух или четырех милях южнее Ахваза на восточном берегу Дуджайла (Карун). В распоряжении Нафи‘ было 500—600 человек. Равенство сил определило ожесточенность сражения: в бою погибли и Нафи‘, и Муслим, а за ними — еще по четыре командующих с обеих сторон. К вечеру хариджиты обратили басрийцев в бегство, и только храбрость последнего командира басрийцев Харисы б. Бадра, с горсткой воинов стойко прикрывавшего беспорядочное отступление, спасла их от полного уничтожения. Убайдаллах б. Башир, возглавивший азракитов после сражения, отошел в Ахваз; основная часть басрий-

цев возвратилась по домам, а Хариса б. Бадр с небольшим отрядом остался в Нахр Тира и некоторое время спустя успешно отбил попытку хариджитов прорваться к Басре[87].

Через пять месяцев, в зу-л-ка‘ка 65/9 июня — 8 июля 685 г., наместник Ибн аз-Зубайра в Басре, Умар б. Убайдаллах, направил против азракитов десятитысячное (?) войско под командованием своего брата Усмана. Сражение произошло на том же месте. Басрийцы снова потерпели поражение, а Усман был убит[88].

Ибн аз-Зубайр сместил Умара б. Убайдаллаха и назначил ал-Хариса б. Абдаллаха ал-Махзуми по прозвищу ал-Куба‘ (Еж). Хариса б. Бадр просил его поручить ему ведение войны с хариджитами и придать для этого людей. В ответ на это ал-Куба‘ приказал ему возвратиться в Басру. Хариса ослушался приказа и остался в Нахр Тира, но значительная часть его воинов с удовольствием вернулась домой. Воспользовавшись его ослаблением, хариджиты напали ночью, Хариса пытался спастись по воде, но перегруженная лодка потонула, и никто из обремененных оружием и панцирями людей не спасся.

Гибель энергичного и опытного военачальника открыла хариджитам путь к Басре. Убайдаллах б. Башир обосновался в Нахр Тира и послал своего двоюродного брата аз-Зубайра б. Али к Басре. Силы хариджитов после их побед значительно выросли по сравнению с тем, что было у Нафи‘, и аз-Зубайр мог располагать внушительным отрядом, когда внезапно появился у моста через Тигр[89]. Басрийцы при его приближении распустили наплавной мост, но аз-Зубайр быстро восстановил его и оказался «между двух мостов», в непосредственной близости от города. Тут уж басрийцы, забыв все раздоры, не сговариваясь, дружно вышли навстречу ему с оружием в руках, и аз-Зубайру пришлось отступить за реку[90].

Непосредственная опасность для Басры миновала, но вся территория севернее Тигра, с которой в город поступала значительная часть денег, продуктов и товаров, осталась в руках хариджитов. В то же время их позиции укрепились и в Йамаме и Бахрейне, с которыми Басра имела тесные экономические связи. Сюда после прекращения осады Мекки приехала группа хариджитов во главе с Абу Талутом, а затем, как уже говорилось, прибыл Наджда б. Амир. Абу Талут захватил поместья, принадлежавшие Му‘авии около Хидримы, и разделил 4000 рабов и членов их семей, работавших там, между своими людьми. Несколько позднее Наджда, располагавший отрядом в 60 человек, захватил караван, с которым везли Ибн аз-Зубайру деньги, собранные в Бахрейне. Наджда предложил Абу Талуту разделить эту добычу поровну между воинами обоих отрядов, если они согласятся возвратить рабов, чтобы те по-прежнему обрабатывали

землю, принося хариджитам постоянный доход. Воины Абу Талута согласились на это и признали главенство Наджды. Присягнул ему и Абу Талут. Все это происходило в пределах 66/685-86 г.[91]. Укрепив свои позиции в Йамаме и значительно пополнив ряды приверженцев, Наджда через несколько месяцев в том же, 66 г.х. завладел Бахрейном, с которым Басра была тесно связана[92]. Таким образом, Басра оказалась блокированной с двух сторон. Сокращение поступлений в казну (а с ними и сокращение жалований) сопровождалось и сокращением торгового оборота.

Теперь басрийцы решили взяться за ум и поручить войну с хариджитами опытному военачальнику и авторитетному для всех человеку. После долгих споров выбор пал на ал-Мухаллаба б. Абу Суфру. Он был аздитом, но в разгар борьбы в Басре между тамимитами и аздитами находился в Хорасане, замещая Салма б. Зийада до назначения Абдаллаха б. Хазима. В ожесточенной борьбе между тамимитами и бакритами за власть в Хорасане, начавшейся вскоре после этого, он также не участвовал. Можно думать, что все эти острые моменты он пережил в Мекке. По некоторым сведениям, Ибн аз-Зубайр вручил ему грамоту на управление Хорасаном и он оказался в Басре по пути к месту назначения. Эта версия не кажется убедительной, потому что Абдаллах б. Хазим, захвативший власть в Хорасане, присягнул Ибн аз-Зубайру[93].

Ал-Мухаллаб не сразу согласился на предложение басрийцев — слишком хорошо понимал он сложности управления войском, составленным из недружелюбно расположенных друг к другу племенных группировок. Наконец он согласился, поставив условием, что ему предоставят отбор людей, дадут средства на подготовку к войне, он будет распоряжаться отвоеванными областями и оставлять для своих нужд все налоги, которые будут там собраны.

Если три первых условия не вызвали возражений, то последнее вызвало недовольство наместника и племенной верхушки — не для того собирались они изгонять хариджитов, чтобы по-прежнему оставаться без денег. Ал-Мухаллабу было разрешено расходовать деньги только в пределах выплаты жалованья воинам, остальное следовало отсылать в Басру.

Ал-Мухаллаб отобрал воинов во всех пяти объединениях и будто бы собрал около 12 000 человек; правда, судя по числу противостоявших ему хариджитов, в действительности его войско было значительно меньше. Когда же он обратился в казнохранилище за деньгами, то в нем оказалось всего 200 000 дирхемов, на которые можно было обеспечить для похода одну-две тысячи воинов. Ал-Мухаллаб обратился за кредитом к басрийским купцам и ссуженными деньгами и товарами снабдил свое

войско, правда, и после этого оно было обеспечено оружием хуже, чем хариджиты[94].

Ал-Мухаллаб навел мост, переправил войско, отбросил хариджитов к Нахр Тира и сразу же принялся собирать налоги; затем подошел к Нахр Тира и снова не встретил сопротивления. Первое серьезное сражение произошло в Малом Маназире у селений Салла и Саллибра (между Нахр Тира и Ахвазом). Оно длилось три дня. Был момент, когда басрийцы подумали, что ал-Мухаллаб убит, и обратились в бегство. Исход сражения решила гибель Убайдаллаха б. Башира. Поле боя осталось за басрийцами, но потери их были больше, чем у хариджитов[95].

После этого сражения, датируемого шаввалем 66/1—29 мая 686 г., вся территория к западу от Дуджайла (Каруна) оказалась в распоряжении ал-Мухаллаба. Он собрал налоги и рассчитался с басрийскими купцами. Хариджиты, которых возглавил двоюродный брат Убайдаллаха, аз-Зубайр б. Али, отошли в горы на границе Исфахана, привели себя в порядок и перешли к активным действиям сначала в районе Суса, потом у Тустара. Можно догадываться, что ал-Мухаллаб в это время твердо удерживал почти весь Хузистан, так как военные действия затем перенеслись к Арраджану[96].

ВОССТАНИЕ ал-МУХТАРА

Ал-Мухтар и Ибрахим б. ал-Аштар договорились начать восстание сбором сторонников вечером четверга 14 раби‘ I 66/в ночь с 18 на 19 октября 685 г.[97]. О подготовке восстания узнал начальник полиции Ийас б. Мудариб и стал совершать ночные объезды центра города, а Абдаллаху б. Мути‘ посоветовал ставить с вечера на вторник на внутриквартальных площадях, где обычно происходили всякие сборы, посты из верных ему людей.

Однако восстание началось неожиданно на один день раньше, вечером с 17 на 18 октября. Этим вечером, как всегда, Ибрахим поехал к ал-Мухтару. Его сопровождала сотня соплеменников в кольчугах и с мечами, спрятанными под плащами. Ибрахим, человек молодой и горячий, поехал через центр города и встретился с разъездом, возглавляемым Ийасом. Ийас остановил его и потребовал поехать во дворец к наместнику, объяснить, зачем едет с таким количеством людей ночью. Ибрахим увидел в сопровождении Ийаса своего приятеля, подозвал его, выхватил у него копье и заколол Ийаса. Стражники разбежались, а Ибрахим с головой начальника полиции приехал к ал-Мухтару и сказал: «Мы договорились выступить в четверг на следующую ночь, но

случилось дело, из-за которого мы должны выступить этой ночью». Для этого Ибрахим вызвался поехать в свой квартал, уничтожить там пост, собрать своих сторонников и с ними ехать по кварталам, призывая к восстанию. Ал-Мухтар одобрил его, но просил по возможности избегать кровопролития.

Всю ночь в отдельных кварталах Куфы шли столкновения между сторонниками наместника и ал-Мухтара. К утру образовались два центра: ал-Мухтара — в ас-Сабахе, на юго-востоке Куфы, и Абдаллаха б. Мути‘ — вокруг дворца и главной мечети. К ал-Мухтару собралось 3800 человек, в распоряжении наместника было вдвое больше. Первое время восставшим пришлось обороняться, пока Ибрахим б. ал-Аштар не убил в схватке Рашида б. Ийаса, сына начальника полиции, командовавшего одним из двух основных отрядов наместника. После этого отряд его бежал, а Ибрахим смог прийти на помощь ал-Мухтару; они соединенными силами пробились к центру города и осадили Абдаллаха б. Мути‘ во дворце.

Осада длилась три дня. Куфийская знать, оставшаяся с Абдаллахом б. Мути‘, настояла на сдаче, получила от ал-Мухтара гарантию неприкосновенности и согласилась присягнуть ему. Принимая присягу на следующий день, ал-Мухтар так определил ее условия: «Присягайте мне на условии [следовать] Книге Аллаха и обычаю Пророка, и отмщения за кровь членов его семьи, и сражения с нечестивцами, и защиты слабых, и войны с теми, кто будет воевать со мной, и быть в мире с теми, кто в мире со мной, и быть верными нашей присяге; ни вы, ни мы не расторгнем ее».

Ал-Мухтару досталось в казне 9 млн. дирхемов, из которых он тут же вознаградил участников восстания: те, кто сражался с начала, до осады дворца, получили по 500 дирхемов (их было 3800 человек), а те, кто присоединился во время осады, — по 200 дирхемов (таких оказалось 6000). Абдаллах б. Мути‘ не мог заставить себя принести присягу и до вечера не появлялся на людях. Вечером ал-Мухтар, когда-то бывший в дружбе с ним, прислал 100 000 дирхемов со словами: «Я знаю, единственное, что мешает тебе уехать, — отсутствие средств для отъезда». Ибн Мути‘ понял намек и уехал[98].

После этого ал-Мухтар как амир всех областей, подчиненных Куфе, будто бы назначил Абдаллаха б. ал-Хариса б. ал-Аштара наместником Армении, Мухаммада б. Умайра б. Утарида — наместником Азербайджана, а Абдаррахмана б. Са‘ида — наместником Мосула. Са‘д б. Хузайфа б. ал-Йаман с 2000 всадников был послан в Хулван охранять главную дорогу в Северный Иран. Были сменены и наместники округов Ирака[99]. Первые два назначения были чисто номинальными, так как Армения в эти

годы совершенно вышла из подчинения Халифату, а положение Азербайджана по источникам установить не удается.

Когда Абдаррахман б. Са‘ид подошел к Мосулу, наместник Ибн аз-Зубайра покинул его и уехал в Текрит. Насколько можно судить по ходу событий, Мосул был потерян для Ибн аз-Зубайра в начале зимы 685-86 г. В то же время Абдалмалик послал Урву б. Унайфа к Медине с шеститысячным отрядом, приказав в Медину не вступать и никого не трогать. Такой странный на первый взгляд приказ мог объясняться голодом, царившим в Медине, где мудд пшеницы (812 г) стоил 2 дирхема, т.е. примерно в 50 раз дороже обычного. Наместник Ибн аз-Зубайра, ал-Харис б. Хатиб, бежал из Медины, и город остался ничейным. Урва по пятницам приходил в Медину и молился со всеми, но в город не вступал. Через месяц он получил приказ возвратиться, тогда в Медину вернулся ал-Харис. Воспользовавшись отступлением Урвы, Ибн аз-Зубайр послал от себя наместника в Хайбар и Фадак.

В ответ Абдалмалик послал своего двоюродного брата Абдалмалика б. ал-Хариса к Медине, придав ему 4000 воинов. Он дошел до Вади-л-Кура и обосновался там, а затем послал отряд, который завладел Хайбаром и Фадаком[100].

В это время Наджда уже контролировал значительную часть Йамамы, отрезав от Ибн аз-Зубайра Бахрейн, а с ним и связь с Южным Ираном, а азракиты подошли к Басре. Положение Ибн аз-Зубайра значительно осложнилось. Тогда ал-Мухтар (к сожалению, все события вокруг Медины не датированы) вдруг решил послать против Ибн аз-Зубайра трехтысячный отряд, который после занятия Медины должен был пойти на Мекку.

В этом отряде под командованием хамданита Шурахбила б. Варса было только 700 арабов, остальные — плохо вооруженные мавали. Ибн аз-Зубайр разгадал замысел ал-Мухтара и послал Аббаса б. Сахла с 2000 воинов. Оба отряда встретились в ар-Ракиме около Медины. Аббас предложил Шурахбилу соединиться и пойти против общего врага в Вади-л-Кура. Шурахбил ответил, что прежде должен войти в Медину и дождаться приказа своего амира. Аббас узнал, что куфийцы израсходовали все продукты, и прислал им по овце на 10 человек и муку. Куфийцы набросились на еду, потеряли бдительность и не смогли организовать оборону, когда 1000 мекканцев вдруг атаковала их. Шурахбил и 70 человек с ним пали с оружием в руках, около трехсот человек, по-видимому в основном арабы-хамданиты, спаслись бегством, остальные сдались и были казнены. Пресытившись убийствами, мекканцы отпустили около двухсот человек, но большинство из них погибло по дороге в Куфу.

Ал-Мухтар решил получить от Ибн ал-Ханафии письменную просьбу о помощи войском, но Мухаммад, как обычно, уклончиво ответил, что во всем полагается на Аллаха[101].

Сложность положения ал-Мухтара заключалась в том, что ему приходилось опираться на две противостоящие и враждебные друг другу силы: арабскую племенную верхушку, поставлявшую лучшую вооруженную силу, и многочисленных бедняков-арабов и особенно мавали и беглых рабов, которым была обещана свобода[102]. На приемах ал-Мухтар окружал себя знатью, что вызывало недовольство основной массы восставших, видевших в нем своего спасителя. На их недоуменные вопросы он отвечал: «Я с вами, я — ваш», а знать требовала возвращения беглых рабов и, как когда-то при Али, возмущалась тем, что мавали получали жалованье из казны, которую считала своим достоянием[103]. Наконец, аристократическая верхушка шиитов возмущалась элементами язычества, возродившегося в верованиях низов.

Ал-Мухтар возглавил восстание как уполномоченный Мухаммада б. ал-Ханафии, и шиитской верхушке этого было достаточно, а массам был нужен вождь, наделенный сверхъестественными способностями; пойти на верную смерть легче за пророком, чем за чьим-то уполномоченным, — и ал-Мухтару приходилось искать для себя атрибуты, единящие его с Али, который для многих уже представлялся полубогом. В этой связи своеобразным знаменем стало подлинное или выданное за него кресло (*курсӣ*) Али. Украшенное парчой, оно стало священной реликвией, у которой испрашивали победы и дождя (последнее было особенно актуально в засушливом 686 г.)[104].

Недовольство накапливалось постепенно и достигло того уровня, когда достаточно небольшого внешнего толчка, чтобы устойчивость нарушилась. Таким толчком явились события, связанные с вторжением Убайдаллаха б. Зийада в восточную часть Джазиры в начале лета 686 г. Численное превосходство войска Убайдаллаха заставило Абдаррахмана оставить Мосул без боя и отойти в Текрит. Ал-Мухтар послал навстречу Убайдаллаху Йазида б. Анаса ал-Асади с 3000 кавалеристов. Он прошел форсированным маршем вдоль северного склона горной гряды Хамрин, лучше обеспеченной водой, до Банат Тали, где-то в районе Мосула.

Убайдаллах б. Зийад выслал навстречу ему два отряда по 3000 человек. Первым столкнулся с куфийцами Раби‘а б. ал-Мухарик. Йазид к этому моменту тяжело заболел, судя по скоротечности — чумой, но, поддерживаемый с двух сторон из-за слабости, руководил боем до победного конца. Наутро в бой вступил второй отряд сирийцев и тоже потерпел поражение. К Йазиду подвели 300 пленных — у него хватило сил только для того, чтобы знаком приказать отрубить им головы. Вечером он умер.

Преемник Йазида не имел его боевого духа и, посовещавшись с верхушкой, решил отступить. В Куфе никто не мог понять, в чем дело. Ал-Мухтар послал Ибрахима б. ал-Аштара с 7000 человек встретить и завернуть обратно войско Йазида б. Анаса. А куфийцы решили, что Йазид убит (мавлами?), и предъявили все свои претензии ал-Мухтару: он назначает командующих, не советуясь с ними, приблизил к себе их мавлей, позволил им ездить на конях, дает им жалованье и пропитание из их, арабов, собственности (*фай'*), их рабы восстали против них, и все это повредило сиротам и вдовам. Он выслушал их представителя и спросил: если он вернет им их мавлей и их долю жалований, будут ли они сражаться вместе с ним против Умаййадов и Ибн аз-Зубайра? Тот ответил, что надо посоветоваться, и больше не появился. Куфийская знать решила избавиться от ал-Мухтара, воспользовавшись тем, что из Куфы ушел Ибрахим б. ал-Аштар. Когда Ибрахим дошел до Сабата (три или четыре дня пути), в Куфе началось восстание[105].

Восставшие собрались в своих кварталах и потребовали, чтобы ал-Мухтар явился к ним. Он затеял переговоры, а тем временем послал гонца вслед Ибрахиму с приказом немедленно вернуться. Гонец прибыл в Сабат утром третьего дня, еще дня три потребовалось Ибрахиму, чтобы вернуться. Все это время для восставших пропало зря: они блокировали центр, перекрыли воду, дважды отдельными группами затевали схватки, но амбиции отдельных вождей и племенной сепаратизм не позволили им объединиться и покончить с ал-Мухтаром до возвращения Ибрахима. С его возвращением судьба мятежников была предрешена. 24 зу-л-хиджжа/22 июля 686 г. началось их подавление.

Мятежники сконцентрировались в двух местах: мудариты — в ал-Кунасе, а йеменцы — в квартале ас-Саби'. Ал-Мухтар взял на себя подавление собратьев Ибрахима, а тот расправился с мударитами. Все завершилось в один день. Сопротивление было подавлено сравнительно легко. Затем начались казни. Казнили не за восстание, а во имя осуществления мести за кровь Хусайна. Разбежавшихся по домам вылавливали и со связанными руками приводили к ал-Мухтару, который выявлял участников убиения Хусайна и его родичей. Таких набралось 250 человек. Один из главных конкретных виновников трагедии в Кербеле, Шамир Зу-Джаушан, успел убежать, его выследили и убили позже; Умар б. Са'д б. Абу Ваккас, в отличие от него, участия в восстании не принимал, но, как враг Хусайна, был убит в своем же доме начальником полиции, посланным ал-Мухтаром[106]. Головы главных виновников были посланы Ибн ал-Ханафии.

Сразу после расправы с мятежом знати ал-Мухтар снова отправил Ибрахима б. ал-Аштара к Мосулу против Убайдаллаха б.

Зийада. Столкновение между ними произошло в 30—35 км восточнее Мосула на реке Хазир 10 мухаррама 67/6 августа 686 г. Сирийцы переправились на восточный берег и завязали бой. Иракцы сражались упорно, отступали и снова возвращались. Во второй половине дня, когда погибли Убайдаллах б. Зийад, ал-Хусайн б. Нумайр и Шурахбил б. Зу-л-Кала', сирийское войско обратилось в бегство, потеряло при переправе больше людей, чем в бою, и утратило всякую способность к сопротивлению. Ибрахим вступил в Мосул, затем продвинулся до Нисибина[107].

Сирийский церковный историк Бар Пенкайе сообщает интересные детали, отсутствующие в арабских источниках. По его словам, армия Ибрахима насчитывала 13 000 человек, была плохо снабжена и вооружена и состояла в значительной части из освобожденных рабов (у него явное преувеличение: «все пешие, без оружия и снаряжения, без лошадей и палаток, но каждый с копьем, мечом или палкой»)[108].

Ибрахим остался в Мосуле, а своего брата по матери Абдуррахмана б. Абдаллаха с частью войска отправил дальше на запад, и он подчинил себе территорию до Дара включительно, избрав резиденцией Нисибин. Здесь мы снова должны возвратиться к свидетельству Бар Пенкайе. Сообщив о победе куфийцев над сирийцами, он продолжает: «Эти рабы, которых звали шурте — а это [прозвание] отмечает их рвение к справедливости, — пришли и захватили Нисибин. Они распространились по всей Месопотамии, и при каждом столкновении с врагами победа была на их стороне. Когда они вступили в Нисибин, Абрахам (Ибрахим б. ал-Аштар) оставил им главой своего брата, а сам ушел в Акулу (Куфу). Но поскольку нисибинцы хотели главу из своего города, а Абрахам и его брат были арабами, они восстали против последнего и убили вместе с его людьми и выбрали себе правителем человека из своей страны по имени Абу Кариб».

Армия рабов и освобожденных из тюрем под предводительством Абу Кариба Йазида ал-Хашаби после этого в течние двух лет удерживала район Нисибина[109].

Странное объяснение, которое дает Бар Пенкайе термину *шурта*, легко выводится из многократно встречающегося обращения ал-Мухтара и других военачальников к своим воинам: «О шурта Аллаха!» Под этим подразумевалось, что воины ал-Мухтара должны наводить порядок, предписанный Аллахом. Менее очевидно наименование отрядов рабов и мавали *хашшабийа*, которое обычно переводится как «палочники», «люди с дубинками». Какая-то часть их, несомненно, вооружалась дубинками из-за отсутствия другого оружия, но в некоторых случаях дубинки приобретали символическое значение, например дубин-

ки мавали, которые во время хаджжа 66 г.х. прибыли оказать поддержку Мухаммаду б. ал-Ханафии[110].

Утвердившись в Мосуле, Ибрахим б. ал-Аштар фактически порвал с ал-Мухтаром, что во многом предрешило исход восстания.

Боязнь новых преследований заставила многих куфийцев, даже не участвовавших в мятеже, бежать в Басру к Мус‘абу б. аз-Зубайру, недавно назначенному ее наместником. Рассказы о жестокой расправе над знатными и почтенными людьми вызвали негодование басрийской верхушки, которая прежде только посмеивалась над призывами ал-Мухтара присягнуть ему. Вожди пяти басрийских племенных объединений призвали Мус‘аба выступить против ал-Мухтара. Мус‘аб не решался брать на себя организацию похода, если им не будет командовать ал-Мухаллаб. Последний, увлеченный успехами в борьбе с азракитами, хотел сначала довести дело до конца; чтобы уговорить его, пришлось поехать Мухаммаду б. ал-Аш‘асу.

Узнав о подготовке басрийцев и куфийских беглецов к походу на Куфу, ал-Мухтар стал готовить ответные действия. Во главе войска, отправившегося к Басре, был поставлен Ахмар б. Шумайт. Мавли в нем составляли отдельный отряд, которым командовал мавла племени урайна Кайсан, бывший до этого начальником стражи ал-Мухтара. Оба войска встретились около Мазара. Среди куфийцев не было прежнего единства, некоторых арабов возмущало, что мавли пойдут в бой наравне с ними верхом на конях, и они настояли, чтобы те спешились якобы для того, чтобы сражались упорнее и имели бы меньше соблазна обратиться к бегство.

Все же сначала бой шел на равных и куфийская пехота выдерживала атаки басрийской конницы. Исход сражения решило обманное бегство конницы ал-Мухаллаба, заманившей куфийцев в окружение. Куфийцы обратились в бегство. Пленных не брали, особенно последовательны в этом были куфийские беглецы[111].

Басрийцы прошли через Каскар, оттуда конница пошла по суше, а пехота на судах по каналам добралась до места разветвления каналов южнее Куфы (см.: т. 2, с. 60). Ал-Мухтар закрыл сток, и лодки басрийцев сели на дно в обмелевшем канале. Басрийцы пробились к запруде и раскрыли ее. Ал-Мухтар отошел к ал-Харура, укрепился там и дал бой; он длился до вечера, и только выдержка ал-Мухаллаба, пустившего в ход свой свежий отряд в самый критический момент, помогла переломить ход боя и обратить мухтаровцев в бегство. На узких улицах Куфы схватки продолжались всю ночь, наутро ал-Мухтар укрылся в резиденции. В этих схватках погиб Мухаммад б. ал-Аш‘ас.

Ал-Мухтар с несколькими сотнями последних сторонников оказался осажденным в центре города без всякой надежды на помощь извне, лишенным доставки продовольствия и воды. Первое время водоносы ухитрялись проносить воду и продавать по динару за бурдюк, и жены осажденных, делая вид, что идут в мечеть, проносили мужьям еду и питье. Потом и этот путь был пресечен. Остался только колодец (или цистерна) с тухлой водой, которую приходилось сдабривать медом.

Осада затянулась на четыре месяца. Осажденные предпринимали вылазки, но ни прорваться, ни тем более разгромить осаждавших не могли. Басрийцы не собирались уходить, а куфийцы не выказывали желания поддержать проигравшего вождя. 14 рамадана/3 апреля 687 г. ал-Мухтар предложил всем выйти и погибнуть почетной смертью с оружием в руках. На его призыв откликнулось только 19 или 29 человек. Трудно понять, вступил он тут же в схватку и был убит или попытался скрыться, но был узнан, оборонялся и был убит[112].

Оставшиеся во дворце так и не решились умереть с оружием в руках и вступили в переговоры с Мус‘абом. Он не дал гарантии сохранения жизни (*амāн*) и предложил сдаться не торгуясь. Осажденные согласились. Среди победителей возник спор об их участи. Одни предлагали казнить мавлей и рабов, а арабов простить, другие считали, что казнь рабов нарушит права их хозяев, поэтому их следует вернуть хозяевам, а те уж сами решат, что делать. Кончилось тем, что все, за редким исключением, были казнены. Число казненных (6—8 тыс. человек) явно преувеличено, если только в него наряду со сдавшимися не включены все казненные в эти дни мухтаровцы.

Противникам ал-Мухтара мало было уничтожить его физически, его надо было опорочить и как идеолога движения. С этой целью жен ал-Мухтара заставили засвидетельствовать, что он объявлял себя пророком. Одна из них подтвердила это и была отпущена с миром, вторая сказала, что он был праведным мусульманином и угодила за это в тюрьму, а Ибн аз-Зубайру было направлено письмо с утверждением, что они обе засвидетельствовали, что ал-Мухтар выдавал себя за пророка[113].

Это не смогло задушить идею, выдвинутую ал-Мухтаром, об имамате Мухаммада б. ал-Ханафии, нашедшую страстного проповедника в лице мавли Кайсана и слепых поклонников среди забитых, отверженных и чающих спасения от божественного избавителя. Эти почитатели Мухаммада б. ал-Ханафии получили наименование кайсанитов (*кайсанūйа*)[114].

Мус‘аб б. аз-Зубайр, получивший теперь власть над всем Ираком, предложил Ибрахиму б. ал-Аштару присягнуть Абдаллаху б. аз-Зубайру с сохранением за ним наместничества Джази-

ры, а после победы над Абдалмаликом б. Марваном предлагалась власть над всей западной частью Халифата. Письмо с противоположным предложением получил он и от Абдалмалика. После некоторых колебаний Ибрахим принял сторону Ибн аз-Зубайра.

После гибели ал-Мухтара, объявлявшего себя защитником Мухаммада б. ал-Ханафии, Ибн аз-Зубайр стал настойчивее требовать от последнего принесения присяги, но тот решительно отказывался принять чью-либо сторону до единения общины. Ибн аз-Зубайр принимал в отношении его какие-то принудительные меры: упоминается арест в ограде Замзама и домашний арест в родовом квартале талибидов[115], — расположить эти сведения хронологически не удается, и нет надежной привязки к другим событиям, которые могли бы объяснить введение и прекращение этих мер.

УСПЕХИ ХАРИДЖИТОВ

После победы над ал-Мухтаром Мус'аб прибыл в Мекку лично отрапортовать об успехе и, несомненно, привез деньги, которых не так-то много поступало в Мекку. Абдаллах задержал брата у себя и назначил вместо него наместником Басры своего сына Хамзу. Он оказался недалеким и вздорным человеком, то неумеренно расточительным, то неуместно скупым, да вдобавок — истерично вспыльчивым настолько, что зарубил местного дихкана Марданшаха за задержку уплаты хараджа[116].

При нем Наджда б. Амир разбил ополчение племени абдалкайс и завладел ал-Катифом. Дальнейшее его продвижение на север угрожало уже непосредственным интересам Басры. Хамза выслал против него Абдаллаха б. Умайра ал-Лайси со значительным войском (ал-Балазури говорит о 14 и даже 20 тысячах, но это — явное преувеличение). Наджда встретил его в заранее укрепленном лагере, за которым был берег моря, так что его воинам не приходилось надеяться на спасение в бегстве. Воины Наджды устояли в бою с превосходящими силами басрийцев, который длился до темноты. Наутро Наджда сам атаковал басрийцев и обратил их в бегство. Победителю достался лагерь противника со всем имуществом и припасами.

После этого Наджда послал Атийу б. ал-Асвада в Оман, и тот легко овладел им. Теперь Наджда стал контролировать все побережье залива от Бахрейна до современного Кувейта и собирать садаку (закат) с обитавших здесь бедуинов. Одно из тамимитских племен пыталось воспротивиться, но в столкновении под ал-Казимой потеряло 30 человек и смирилось с необходимостью платить Наджде[117].

Можно думать, что поражение Абдаллаха б. Умайра стало последней каплей, переполнившей чашу терпения басрийцев. Ал-Ахнаф б. Кайс от их лица написал Абдаллаху б. аз-Зубайру, чтобы он отозвал Хамзу и вернул им Мус'аба. Абдаллах удовлетворил их просьбу и сместил сына. Тот напоследок забрал все наличные деньги и уехал в Медину, там роздал их под проценты и не получил обратно[118].

Правление Хамзы было недолгим: Мус'аб уехал в Мекку не раньше шаввала 67 (конец апреля — начало мая 687 г.), а восстановлен был в 68 г.х., и явно не в конце. Другим доказательством является отсутствие в нумизматических собраниях мира дирхемов с именем Хамзы.

Тем временем Наджда обратил свой взор на юг Аравии. С небольшим отрядом он отправился в Йемен, достиг Сан'а и принял присягу от йеменцев. Через некоторое время жители Сан'а, опасавшиеся, что за Надждой следует многочисленное войско, обнаружили, что он располагает только тем отрядом, с которым прибыл в город. Тем не менее вступать с ним в бой не стали. Это свидетельствует о том безразличии, которое овладело мусульманским обществом за годы гражданской войны.

Ал-Балазури, от которого мы узнаем об этом походе, не дает никаких примет времени, увязка же с другими событиями говорит за вторую половину 68/начало 688 г. Во-первых, с подчинением Йемена Наджде как-то связан упоминаемый Халифой под 68 г.х. набег на Йемен мавали под командованием ар-Раййана[119], во-вторых, известно, что после хаджжа Наджда пытался подчинить себе Медину, а хаджж он совершил в 68 г.х. Во всяком случае, в начале 688 г. Наджда считал себя вправе собирать садаку с Йемена, Хадрамаута и ас-Сарата вплоть до Табалы. Это позволило ему чувствовать себя хозяином Аравии, а Ибн аз-Зубайра — лишней фигурой. Вернувшись из Хиджаза (это уже во второй половине 688 г.), он решил воздействовать на Ибн аз-Зубайра и хиджазцев кроме идейных и материальным аргументом, прекратив доставку продовольствия из Йамамы и Бахрейна[120].

В том же году азракиты оправились после поражения, нанесенного им наместником Фарса Умаром б. Убайдаллахом в Сабуре и под Истахром, и, обойдя Фарс с севера, вернулись в Сабур, а оттуда — в Арраджан. Умар б. Убайдаллах, сидевший в Истахре, оказался далеко позади них. Он пытался догнать азракитов, чтобы навязать им бой и не допустить их до Басры, но не успел. Мус'аб, своевременно узнав о случившемся, поднял басрийцев и вышел навстречу азракитам. Аз-Зубайр б. Али избежал встречи, повернул на север и пошел по степной полосе севернее Тигра к ан-Нахравану. Мус'аб не стал его преследовать, предоставив дальнейшие заботы об азракитах наместнику Куфы ал-

Харису ал-Куба‘. Тот оказался неповоротливее и трусливее Мус‘аба. Азракиты беспрепятственно взяли ал-Мадаин и вышли к Сабату. Весь район к северу от канала ас-Сарат стал добычей азракитов. Они не ограничивались грабежами и убийством сопротивлявшихся мужчин, но убивали также детей и женщин, вспарывали животы беременным, а ал-Куба‘ все не решался поднять куфийцев в поход против них. Под давлением Ибрахима б. ал-Аштара он все-таки собрал войско, вышел из Куфы и остановился в Дейр Абдаррахман в одном переходе от Куфы и не пошел дальше. Негодование воинов заставило его сделать следующий переход. На следующих стоянках повторялось то же самое. В результате куфийцы преодолели 110 километров до Сабата за 10 дней. Азракиты спокойно ожидали их, а когда увидели численное превосходство, то разрушили мост через канал и отошли к ал-Мадаину. Там произошла небольшая схватка у моста, после чего азракиты стали отходить на восток, не вступая в бой. Преследовавшие их 600 куфийцев под командованием Абдаррахмана б. Михнафа, как кажется, и не пытались навязать им сражение, а сопровождали их, как почетный эскорт, до границ области Исфахана, а потом возвратились в Куфу[121].

Азракиты осадили Исфахан. Его небольшой гарнизон выдержал несколько месяцев, затем комендант города предпринял предрассветную вылазку, застал азракитов врасплох и нанес им тяжелое поражение. В этом бою погиб предводитель азракитов аз-Зубайр б. Али, и азракиты, ушедшие в Керман, избрали своим вождем ал-Катари, который позже был провозглашен ими халифом и чеканил в Кермане и Сиджистане монеты со своим именем[122]. При нем политика набегов сменилась политикой создания собственного государства: опора на государственные институты позволила азракитам организовать длительное сопротивление халифским войскам.

Глава 8

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЕДИНСТВА

УСМИРЕНИЕ ДЖАЗИРЫ

Ожесточенная борьба различных группировок в Аравии и Месопотамии в 685—688 гг. предоставляла, казалось бы, Абдалмалику много возможностей расширить пределы подчиненной ему территории, играя на противоречиях между ними. Однако за все эти годы кроме предупреждающего рейда в сторону Медины и неудачного похода Убайдаллаха б. Зийада ничего для этого предпринято не было.

Арабская историография, опирающаяся в основном на материалы куфийских и басрийских историков, мало обращала внимания на события, не связанные с этими центрами. Поэтому о происходившем в Сирии приходится догадываться по обрывочным свидетельствам, к тому же плохо датированным.

Совершенно естественно, что значительная часть кайситов Сирии (не говоря уж об откровенно враждебной группировке Зуфара, обосновавшейся в низовьях Хабура) не имела желания участвовать в военных предприятиях Абдалмалика. Часть из них, не затронутая жертвами Мардж Рахита, может быть, и соблазнилась бы хорошим жалованьем, но Абдалмалику остро не хватало денег: дань византийцам в 365 000 динаров ежегодно отнимала у него возможность содержать целую армию кавалеристов — 6—7 тыс. человек.

Внимание же калбитов было отвлечено конфликтами на Среднем Евфрате: между Евфратом и Тадмуром и на Хабуре. После разгрома Убайдаллаха б. Зийада Зуфар перестал опасаться нападения на Киркисийа и совершил несколько набегов на калбитские кочевья, доходя до Тадмура. В этих набегах участвовали и таглибиты Джазиры. Кайситский вождь Хумайд б. Хурайс б. Бахдал в отместку напал на кочевья бану нумайр, хотя они в нападении на калбитов участия не принимали[1].

Затем начались столкновения между таглибитами и кайситами Зуфара, занявшими часть их земель. Конфликт обострялся засушливостью последних лет. Большинство столкновений не было кровопролитным, но постоянная напряженность, тревога за

сохранность скота и безопасность семей, которые могли быть взяты в плен, все больше накаляли обстановку. Эти стычки превратились в настоящие сражения, после того как кайситы убили в столкновении у Маскина около полутысячи таглибитов. После этого в междоусобицу были вовлечены племена, кочевавшие между Хабуром и Текритом. И кайситы и таглибиты искали помощи и поддержки у своих собратьев в Куфе и Басре, но те были заняты собственными проблемами. Битвы велись со все большим ожесточением, убитых уродовали, доставалось даже женщинам. Сведения о большинстве этих столкновений и битв сохранились лишь в качестве комментария к стихам о них, поэтому нет ни точных дат, ни определенного порядка в их перечислении[2].

Таглибиты в этой ситуации были естественными союзниками Абдалмалика, но он не мог воспользоваться этим. В 688 г. истек срок действия договора с Византией, и она начала наступление на границах Сирии и в Армении. Отражение его было важнее, чем подчинение долины Хабура, а вести войну на два фронта при нехватке средств и в условиях жестокого голода, разразившегося в Сирии и Джазире, было невозможно. Сведения о ходе возобновившейся войны с Византией очень скупы, а интерпретация их осложнена несовпадением границ годов в разных летосчислениях.

Как установил Г.Роттер, в ответ на вторжение византийского полководца Леонтия в Армению в 687 г. Абдалмалик в 688 г. послал свое войско, которое проникло до Аракса, но потерпело поражение от ишхана Армении Ашота Багратуни[3]. Видимо, в том же году Абдалмалик отвоевал Антиохию, а посланный им против мардаитов Сухайм б. ал-Мухаджир сумел дипломатическими способами расколоть этих опасных противников и часть истребить. Юстиниан, которому в это время стали угрожать болгары, поспешил возобновить мирный договор, на этот раз на более выгодных для арабской стороны условиях: продолжая выплачивать дань, арабы стали получать половину налогов Кипра и половину (?) налогов Армении, главное же — император взял на себя переселение мардаитов из Сирии в опустошенные районы Армении[4]. Многочисленным беглым рабам, присоединившимся ранее к мардаитам, Абдалмалик предложил свободу и жалованье, если они запишутся в его армию.

Этот договор скорее всего был заключен во второй половине 689 г. (в начале 70 г.х., так как весна, осень и зима 69 г.х. были настолько дождливыми и слякотными, что военные действия были невозможны, и Абдалмалик сократил воинам жалованье на 20 процентов). В конце 69/весной 689 г. Абдалмалик возглавил поход против Киркисийа, но был вынужден возвратиться в Дамаск, так как Амр б. Са‘ид ал-Ашдак изгнал из Дамаска намест-

ника халифа и заявил о своих правах на халифат, обещанных Марваном. Абдалмалик вступил в переговоры, убедил Амра впустить его в город, а затем обманным путем изолировал от союзников и близких, разоружил и сам убил его[5]. Дата определяется тем, что о восстании говорится среди сообщений 69 г.х., а об убийстве Амра — 70 г.х., следовательно, все это приходится на июнь 689 г.

Расправившись с внутренней оппозицией, Абдалмалик наконец смог решить проблему подчинения Киркисийа, несколько раз безуспешно осаждавшейся его войсками. Город успешно оборонялся несколько недель, несмотря на применение против него большого числа осадных машин[6]. Упорство осажденных определялось вполне оправданным страхом кайситов перед местью калбитов, составлявших ядро войска Абдалмалика, за своих собратьев, убитых в междоусобицах предыдущих лет. Не желая тратить время и губить своих людей во время штурма, Абдалмалик вступил в переговоры с Зуфаром б. ал-Харисом и предложил такие выгодные условия, что тот не мог их не принять: кроме гарантии неприкосновенности ему и его людям он получил заверение, что не будет принуждаем воевать против Ибн аз-Зубайра, которому присягал на верность, и, несмотря на это, он и его люди будут получать равное со всеми жалованье. Калбиты были недовольны такой снисходительностью халифа, так как жаждали расправиться с кайситами при штурме города.

Заключая такое соглашение, Абдалмалик избавлялся от опасного противника, беспокоившего его несколько лет, не возбуждая враждебных чувств у кайситов, которые возникли бы после кровавого штурма города, и, кроме того, создавал условия для прекращения их вражды с таглибитами. Чтобы окончательно привязать к себе Зуфара, Абдалмалик женил своего сына Масламу на одной из дочерей Зуфара, демонстрируя этим, что считает его равным себе[7].

Следующей целью Абдалмалика становился Нисибин, второй по значению после Эдессы (Руха) город Джазиры того времени. Как говорилось в предыдущей главе, он в это время находился во власти некоего Абу Кариба Йазида, возглавлявшего войско беглых рабов и бедняков, в основном христиан или бывших христиан. Бар Пенкайе, современник этих событий, видел в них залог победы христианского мира над арабами-угнетателями[8], хотя идеология движения в основе была мусульманской, шиитской. Такое смещение представлений объясняется тем, что по крайней мере до конца VII в. даже многие церковники видели в исламе ветвь или секту христианства, особенно якобиты, которые после арабского завоевания избавились от религиозных преследований[9].

Успех Абу Кариба породил в местном населении надежду на скорое избавление от мусульманской власти. Семь лет гражданской войны, от которой страдали не столько ее участники, сколько мирное население, подвергавшееся поборам, конфискациям и насилиям, усугубились двумя волнами чумы и несколькими голодными годами, когда хлеба то сгорали, то вымокали. Казалось, что хуже быть уже не может и должен наступить конец всему — пришествие Антихриста и Страшный суд. В появившемся в эти годы Апокалипсисе, приписывавшемся епископу Мефодию, принявшему мученичество в 312 г.[10], после картины падения нравов, предшествующего второму пришествию, красочно описывается ситуация, характерная для конца 80-х годов VII в.:

«В седьмую неделю[11], когда их победа будет полной, мученья увеличатся. Двойное наказание постигнет людей, скот и диких зверей, наступит великий голод, и многие умрут; их тела будут брошены, как мусор, на улицах, так как некому будет их погребать. В один из этих дней мучительства будут посланы на людей, по два и три в один день. Человек ляжет спать вечером, а утром увидит у своих дверей двух или трех человек, которые будут требовать силой дань или деньги. Все расчеты, что было дано и получено, исчезнут на земле. В это время люди будут продавать свою медь, и железо, и погребальные одежды. В эту седьмую неделю, когда все будет израсходовано, люди станут отдавать неверующим своих сыновей и дочерей за деньги...

После этих мучений и испытаний со стороны сынов Исмаила, в конце этой недели, когда люди будут брошены на муки истязаний и когда не будет надежды на избавление от этого жестокого порабощения, когда они будут преследуемы и мучимы, задавлены голодом и жаждой, истязаемы жестокими наказаниями, эти варварские тираны будут наслаждаться роскошными яствами и питием в свое удовольствие, чванясь своей победой и тем, как они разрушили и опустошили персов и армян, киликийцев, исаврийцев, каппадокийцев, африканцев, сицилийцев, людей Эллады и тех, кто живет в земле ромеев и на всех островах моря. Они будут разодеты, как женихи, и разукрашены, как невесты, и будут богохульствовать, говоря: „Нет у христиан Спасителя!“

И вот тогда совершенно внезапно боль страданий исчезнет, как у родившей женщины, и царь греков выйдет против них с великой яростью; он пробудится, как „исполин, побежденный вином...“[12], которого они считали мертвым, и пойдет на них. Он двинется на них со стороны Моря Кушитского* и станет сеять

---

* Под Кушем подразумевается Византия. Кушитское море — Средиземное море

опустошение и разрушение в пустыне Йасриба и сердцевине обиталища их предков. И сыновья царей греков пойдут на них из стран Запада и прикончат мечом оставшихся из них в Земле Обетованной. Будут они страшиться всех, кто вокруг них. Они сами, их жены, их вожди, их поселения, вся пустынная страна, принадлежавшая их предкам, будут отданы в руки царей греков: они предадут их мечу и разрушению, пленению и избиению. И иго их порабощения будет в семь раз тяжелее их ига. И будут они жестоко страдать от голода и изнурения, будут они работать вместе со своими женами и детьми, и будут они в рабстве у тех, кто служил им. Их рабство будет в сто раз тяжелее, чем то, которое налагали они»[13].

С этим пророчеством, явно принадлежавшим грекофилу, перекликается мнение о вполне реальных событиях Бар Пенкайе: «Прибытие этих шурте, о которых мы говорили, и их победа были деяниями Господа, и я верю, что они будут причиной уничтожения исмаилитов. Воистину, рука арабов покорила всех людей, а эти шурте объединили у себя мужей всех народов, что есть под небом. И я верю, что через них царству арабов будет положен конец»[14].

Пестрое сборище «шурты Аллаха» вопреки надеждам Бар Пенкайе отнюдь не было намерено спасать христиан, так как были и считали себя мусульманами, хотя и с очень своеобразными взглядами на желаемое устройство мусульманского общества. Их мессианские настроения связывались с фигурой другого спасителя — из рода Али, в данном случае с Мухаммадом б. ал-Ханафией, которого они никогда не видели и могли представлять себе как угодно. Об этом свидетельствует прибытие в Нисибин после гибели ал-Мухтара сына Ибн ал-Ханафии, Хасана, которого нисибинские последователи ал-Мухтара избрали своим главой. Лишь после того как отряд, посланный зубайридским наместником Мосула в конце 687 — начале 688 г., разгромил и взял Хасана в плен, а потом отослал в Мекку, где он был заточен Ибн аз-Зубайром[15], восставших возглавил Абу Кариб.

Краткое сообщение ал-Мас‘уди не позволяет судить о длительности осады, ясно только, что не превосходство сил, а дипломатический талант Абдалмалика решил исход дела. 2000 повстанцев во главе с Абу Карибом «признали имамат Абдалмалика» и присоединились к его войску[16]. Из этого можно заключить, что большинством двигал не религиозный фанатизм, а желание обрести свободу. Сначала оно искало выхода в вере в имамат Ибн ал-Ханафии, а потом удовлетворилось превращением в воинов халифа, так же как ранее в Сирии получили свободу восставшие рабы, согласившиеся стать воинами.

После завоевания Нисибина, принесшего к тому же увеличение численности армии, Абдалмалик мог смело направляться на юг Месопотамии, где, несмотря на общее антиумайййадское настроение, имелись силы, готовые поддержать Абдалмалика, чтобы обрести мир и уверенность в завтрашнем дне, утраченные за последние годы. Способствовали этому походу и распри в лагере Мус'аба. Мус'аб арестовал Захра б. Кайса, истратившего налоги провинции Куфы на нужды своих соплеменников-мазхиджитов; Убайдаллах б. ал-Хурр, хлопотавший о его освобождении, сам оказался в тюрьме. Возмущенные мазхиджиты освободили его. После этого Ибн ал-Хурр превратился в разбойника. С небольшим отрядом отборных воинов он перебирался из одного района Ирака в другой, перехватывал конвои с деньгами, которые из провинций везли в Куфу, делил их между своими людьми, жег дома и поместья своих врагов.

Начало этой эпопеи относится к весне 688 г. Когда, наконец, Ибн ал-Хурра совсем загоняли, он обратился за помощью к Абдалмалику (в 690 г.) и получил обещание военной помощи. Реализовать эту договоренность не пришлось: на обратном пути около Анбара Ибн ал-Хурр столкнулся с большим отрядом кайситов и был убит[17].

Ибн ал-Хурр не был единственным противником Мус'аба. Абдалмалику симпатизировали (или считали меньшим злом) мазхиджиты и хамданиты Куфы. В Басре бакриты и аздиты были в оппозиции к тамимитам, поддерживавшим Мус'аба. Летом 689 г. в Басре произошло восстание из-за задержки жалованья. Контактам недовольных басрийцев с Абдалмаликом способствовал Халид б. Абдаллах б. Халид из умайййадского рода ал-Иса, коренной житель Басры. Будучи выслан Мус'абом из города, он приехал в Сирию к Абдалмалику и стал убеждать его захватить Басру. Вернувшись в Басру, Халид начал вербовать сторонников среди бакритов и бахилитов. Абдалмалик прислал небольшое подкрепление из сирийцев во главе с басрийцем Убайдаллахом б. Зийадом б. Забйаном. Восстание началось в конце мая — июне 689 г. Основное ядро состояло из аздитов и бакритов. Среди восставших были такие известные в Басре люди, как Убайдаллах б. Абу Бакра, Мугира б. ал-Мухаллаб и Малик б. Мисма'. Общая численность восставших, видимо, была невелика, да и сама обстановка в зачумленном городе, полном больных, не способствовала развитию массового движения. Основная надежда была на одновременное наступление Абдалмалика на Ирак. Эта надежда не оправдалась — Абдалмалик вынужден был покинуть Джазиру и вернуться в Дамаск, чтобы покончить с мятежом ал-Ашдака. Собственных сил наместника Басры оказалось недостаточно, чтобы справиться с восставшими, и Мус'аб прислал из Куфы

тысячный отряд. Восставшие продержались 24 дня, потом начали переговоры с наместником Умаром б. Убайдаллахом. Он согласился простить их, если они вышлют Халида из Басры. Пришедший к этому времени отряд Убайдаллаха б. Зийада ничего изменить уже не мог.

Мус‘аб был разгневан этим либерализмом. Казнить повстанцев он не мог в силу гарантии, данной им Умаром б. Убайдаллахом, но зачинщики получили по сто ударов плетью, были обриты и с позором провезены по городу; им было приказано развестись с женами и больше не жениться на родовитых арабках, а это означало прекращение чисто арабских аристократических родов[18]. Понятно, что после такой расправы многие в Басре с нетерпением ожидали прихода Абдалмалика.

Абдалмалик занял Мосул без какого-либо сопротивления и двинулся на юг по древней дороге вдоль правого берега Тигра. Мус‘аб вышел ему навстречу и стал лагерем у Маскина (в районе Дейр Джасалик и Баджумайра). Абдалмалик остановился в 18 км от него.

Как обычно, сведения о происшедшей здесь битве малоинформативны и не дают ясного представления о ее ходе. Сражение произошло 17 джумады I 72/17 октября 691 г.[19]. Исход ее решила гибель вождя мазхиджитов Ибрахима б. ал-Аштара, после чего они перешли на сторону Абдалмалика, их примеру последовали многие другие. Мус‘аб сражался до последнего с горсткой оставшихся верными сторонников и был убит вместе с сыном[20].

Абдалмалик заранее подготовил себе почву в Ираке, ведя тайные переговоры с арабской племенной верхушкой, поэтому после гибели Мус‘аба не встретил в Ираке сопротивления. Куфийцы и басрийцы, вдоволь натешившись борьбой друг с другом и восстаниями, хотели теперь порядка и стабильности, обещавшей регулярную и полную выплату жалований и поступления доходов от недвижимости.

Абдалмалик не обманул их надежды. Его приход не ознаменовался казнями и арестами. Единственным пострадавшим стал Йахйа б. Са‘ид, брат ал-Ашдака, бежавший после разгрома его мятежа под покровительство мазхиджитов Куфы: Абдалмалик добился его выдачи, но обещал сохранить ему жизнь. Он пробыл в Куфе несколько недель, разбираясь в делах Ирака. Большинство наместников дальних провинций, например Хамадана и Реййа, он оставил на своих местах, но Куфу поручил своему брату Бишру б. Марвану, а Мосул с подчиненными ему Азербайджаном и Арменией получил другой брат, Мухаммад. Наместником Басры был назначен Халид б. Абдаллах б. Халид, получивший приказ отозвать ал-Мухаллаба с поста командующего опе-

рациями против хариджитов и назначить его наместником Ахваза, а его сыновей — наместниками Фаса и Арраджана.

В Басре весть о победе Абдалмалика вызвала борьбу за власть в городе между Хумраном б. Абаном и Убайдаллахом б. Абу Бакрой, который обосновывал свои права тем, что помогал восстанию деньгами, и добился того, что стал заместителем Халида б. Абдаллаха[21].

Халиду б. Абдаллаху предстояла трудная задача наведения порядка во всем обширном наместничестве, от Бахрейна до Амударьи. Первая же попытка расправиться с бахрейнскими хариджитами окончилась плачевно: Халид послал против них своего брата Умаййу, тот потерпел сокрушительное поражение и позорно бежал в Басру. Войско, посланное против азракитов, которым командовал другой брат Халида, Абдал'азиз, было разгромлено на марше около Дарабджерда сравнительно небольшим отрядом ал-Катари[22].

Победа над Умаййей б. Абдаллахом оказалась последним успехом Наджды. Сначала от него откололся Атийа б. ал-Асвад, потом произошла ссора между Наджды и бахрейнским кайситом Абу Фудайком Абдаллахом б. Саурой, к которому присоединилась значительная часть сторонников Наджды. Последний вынужден был скрыться. Абу Фудайк послал на его розыск десяток своих людей, которые нашли и убили Наджду. Халифа датирует его гибель 70 г.х., но в действительности это произошло позже: видимо, прав ат-Табари, датирующий убиение Наджды 72/691-92 г.[23].

Лишь в 73/692-93 г. большое, чуть ли не двадцатитысячное войско из Куфы и Басры под командованием Умара б. Убайдаллаха ат-Тайми смогло разгромить Абу Фудайка и уничтожить практически все его войско[24]. Примерно в то же время прежний шейх Омана изгнал Атийу б. ал-Асвада, тот бежал сначала в Керман, а оттуда через некоторое время — в Сиджистан[25].

КОНЕЦ АБДАЛЛАХА б аз-ЗУБАЙРА

С потерей Ирака у Абдаллаха б. аз-Зубайра осталась лишь небольшая часть Аравии: Неджд и, возможно, часть Йемена, где власть Наджды после первых попыток сбора хараджа и садаки вряд ли закрепилась надолго. С этого и начинал десять лет тому назад Ибн аз-Зубайр, но теперь всем было ясно, на чьей стороне сила и кому следует подчиниться.

Еще находясь в Куфе, Абдалмалик в конце ноября 691 г. отправил против Ибн аз-Зубайра двухтысячный отряд во главе с

ал-Хаджжаджем б. Йусуфом. К Таифу он подошел только в январе 692 г., затратив на дорогу вдвое больше времени, чем обычно, что можно объяснить только тем, что по пути ему приходилось приводить к повиновению отдельные бедуинские племена, привыкшие к безвластию, или подавлять остатки рассеявшихся хариджитов.

От Таифа ал-Хаджжадж пошел не обычным караванным путем через Зат-Ирк и Карн ал-Маназил, а прямой дорогой через высокий горный перевал к Арафату. Здесь произошло несколько стычек со сторонниками Ибн аз-Зубайра. Затем, получив согласие халифа на введение войска в харам Мекки, в начале зу-л-ка‘да 72/25 марта 692 г. начал осаду Мекки[26]. Причину такой медлительности можно объяснить тем, что после прибытия ал-Хаджжаджа в Таиф начался пост рамадана, кроме того, он мог дожидаться результата военных действий со стороны Сирии.

Действительно, в зу-л-ка‘да/апреле Тарик б. Амр, давно стоявший в Вади-л-Кура, подошел к Медине; наместник Ибн аз-Зубайра немедленно покинул город. Тарик вступил в Медину, а затем 1 зу-л-хиджжа/24 апреля подошел к Мекке с севера. Началась осада Мекки. В том же месяце из Египта морем через Джидду прибыл отряд Малика б. Шарахила[27]. В общей сложности в осаде приняло участие 6—8 тыс. человек.

В распоряжении Ибн аз-Зубайра были гораздо меньшие силы. Как мы знаем, мекканцы могли выставить около 2000 воинов при поголовном участии всего мужского населения (см.: т. 1, с. 163), чего в данном случае трудно ожидать. По некоторым сведениям, Ибн аз-Зубайра поддерживали окрестные бедуины и старые союзники курайшитов, ахабиш[28]. Но, конечно, наиболее надежными защитниками были и оставались курайшиты его рода асад, а также родственных зухра и махзум. Всего вместе с их мавлами они могли насчитывать 300—400 взрослых мужчин[29].

Обложив Мекку, никогда не имевшую оборонительной стены, ал-Хаджжадж не спешил применять вооруженную силу. Судя по дальнейшей деятельности ал-Хаджжаджа, эта сдержанность была не его собственной, а определялась распоряжениями Абдалмалика. Халиф, конечно, не хотел ронять свой едва устоявшийся авторитет кровавой бойней на священной территории. Сопротивление мекканцев можно было подавить и другим способом.

Экономическое положение Мекки и до осады было не из лучших: подвоз зерна из Египта, составлявшего значительную долю в хлебном рационе мекканцев, прекратился давно, подвоз из Сирии и Палестины также пресекся, доставка из Йамамы была неустойчивой, оставался один Йемен. Больших запасов зерна в городе не было. Только Ибн аз-Зубайр имел большой запас пшеницы и сорго, из которого стал выдавать своим воинам

количество, достаточное для поддержания жизни. К концу осады мудд (812 г.) сорго (дурра) стал стоить 20 дирхемов[30]. Потом запасы зерна кончились и у Ибн аз-Зубайра, и, чтобы поддержать последних защитников, ему пришлось пожертвовать своим конем. На отношение мекканцев к Ибн аз-Зубайру не мог не повлиять контраст с лагерем ал-Хаджжаджа, обильно снабжаемым со всех сторон, и когда ал-Хаджжадж предложил помилование всем, кто покинет Ибн аз-Зубайра, многие ушли от него, даже его сын Абдаллах.

Как и во время первой осады, укрепленной цитаделью для Ибн аз-Зубайра стала мечеть, которая его стараниями была расширена примерно на треть к югу. Когда именно вся территория, подвластная Ибн аз-Зубайру, сузилась до периметра стен мечети — сказать трудно. Сведения о дороговизне в Мекке могли бы свидетельствовать о том, что город находился внутри кольца блокады, хотя не исключено, что они относятся к происходившему внутри мечети.

Снова, как и в первую осаду, на горе, господствующей над мечетью, была установлена камнеметная машина. Это было сделано перед самым хаджжем. Ибн аз-Зубайр попросил прекратить обстрел на время таваф. Ал-Хаджжадж позволил совершить таваф, а потом возобновил обстрел. Точность прицела баллисты была, конечно, невелика, и отдельные камни задевали Ка‘бу, что потом постоянно припоминали ал-Хаджжаджу как самый тяжкий его грех, а порой приписывали ему и сожжение Ка‘бы, случившееся в 683 г.[31].

Оставшись с горсткой верных соратников, Абдаллах б. аз-Зубайр бросился с ними в последнюю атаку, чтобы умереть почетной смертью с оружием в руках, и погиб. Относительно даты смерти в источниках существуют значительные разногласия; встречаются даты: 13-й день от конца джумады II (15-е или 17-е), 17 джумады II, 17 джумады I, 14 джумады II. Не вдаваясь в историю вопроса, можно согласиться, что в действительности вместо «семнадцатого» следует читать «девятнадцатого», как предлагает Г.Роттер, поскольку этот день в джумаде II приходится на вторник, день, который указывается при всех датах[32], т.е. 5 ноября 692 г.

Тело Ибн аз-Зубайра было распято в Мекке, а головы его и его ближайших соратников были сначала продемонстрированы в Медине, а потом доставлены Абдалмалику.

Кончина Абдаллаха б. аз-Зубайра ликвидировала главную причину раскола Халифата. Его обычно называют «антихалифом», но мы старательно избегали этого избитого эпитета, поскольку Абдаллах б. аз-Зубайр объявил себя халифом в момент, когда никакого другого халифа не было. Его права на этот титул были

не меньше, чем у Марвана или любого другого из Умаййадов, и религиозный авторитет «сына апостола посланника Аллаха», да вдобавок и внука Абу Бакра по матери, был достаточно велик. Его поражение было поражением патриархального ислама, жившего памятью о Мекке как «матери селений», — центр экономической и политической жизни Халифата давно переместился в Сирию и Ирак, и только владение ими могло обеспечить власть над этим огромным государством. Несомненно, из-за этого и из-за отсутствия новых идей, созвучных новому этапу развития мусульманского общества, от Абдаллаха б. аз-Зубайра не осталось следа в религиозно-политической жизни Халифата — число почитателей Али и его потомков росло, незначительные фигуры руководителей хариджитских восстаний запечатлелись в названиях нескольких хариджитских сект, а Ибн аз-Зубайр остался в истории лишь с приставкой «анти».

Лозунг мести за Усмана, с которым он выступил сначала, был давно неактуальным, а идея выбора халифа советом мусульман, которая могла бы увеличить число его сторонников, была забыта им самим, когда он провозгласил себя халифом, оттолкнув поддерживавших его первое время хариджитов. С этого момента он превратился в одного из многих претендентов на верховную власть. Он мог бы еще добиться успеха, выйдя из добровольного мекканского заточения, но остался в тихом углу, уповая на то, что обладание главной мусульманской святыней делает его главной фигурой. Он не выдвинул идей, которые можно было бы противопоставить двум главным религиозно-политическим течениям, боровшимся против Умаййадов, — шиизму, формировавшему идею харизматической власти богоизбранного рода, и демократическому движению хариджитов с идеей выборности главы государства; они притянули к себе многие антиомеййадские группы населения, которые в ином случае могли бы поддержать его.

Значительное большинство мусульман-арабов и особенно племенную верхушку интересовали лишь сиюминутные выгоды, которые можно было получить от того или иного претендента на власть, а не идеологические соображения, что хорошо продемонстрировало поведение куфийцев в деле Хусайна. Практика назначения на высшие посты при Ибн аз-Зубайре, когда Ираком управлял то брат, то сын, а Йемен был отдан другому брату, показала племенной и мусульманской аристократии, что в этом отношении Ибн аз-Зубайр будет для них не лучше Абдалмалика. Абдалмалик победил в этой борьбе благодаря тому, что в самый трудный момент имел безусловную поддержку значительной части сирийских арабов, а то, как он сумел, опираясь на эту поддержку, наращивать успех, было уже результатом его полити-

ческого таланта, проявлявшегося и в том, что он умел находить дельных и надежных исполнителей.

ВОЗВЫШЕНИЕ ал-ХАДЖЖАДЖА

Победа над главным соперником Абдалмалика неожиданно выдвинула на первый план политической жизни Халифата безвестного дотоле ал-Хаджжаджа б. Йусуфа ас-Сакафи. Он был отмечен назначением на почетный пост наместника Мекки, а затем и Медины и в этом качестве два года руководил хаджжем, что при Му‘авии было прерогативой представителей рода Умаййи. Ал-Хаджжадж был деятелен и непреклонен в исполнении воли халифа, не был связан пиететом к мусульманской аристократии, мухаджирам и ансарам и их потомкам.

В Мекке он сразу же принялся за возвращение Ка‘бе первоначального вида: разрушил до основания постройку Ибн аз-Зубайра, которая включала в себя Хиджр и имела две двери в противоположных стенах, и восстановил старую квадратную постройку с одной дверью. Из-за этой перестройки во время хаджжа 73 г.х. таваф не совершался.

К мединцам он проявил явную недоброжелательность и, как сообщают, распорядился отметить печатями и повешенными на шею свинцовыми бирками тех из них, кто был наиболее враждебен к Умаййадам. Есть свидетельства, что печать была на руке сподвижника пророка Джабира б. Абдаллаха и на шее у Анаса б. Малика, мальчиком прислуживавшего Мухаммаду во время похода к Бадру. Определенное обвинение мы знаем только относительно Сахла б. Са‘да — ему была навешена свинцовая бирка за то, что в свое время не помог Усману б. Аффану[33]. Вряд ли ал-Хаджжадж решился бы сам заклеймить сподвижников пророка как рабов, — здесь явно чувствуется месть Абдалмалика, которого мединцы изгоняли вместе с отцом из города.

Окончательно унизить мединских строптивцев было не слишком трудной задачей, сложнее было умиротворить обширную часть Ирана к востоку от линии Рейй—Исфахан—Арраджан, которая находилась либо под властью Абдаллаха б. Хазима, остававшегося верным присяге Ибн аз-Зубайру, либо различных групп хариджитов.

После смерти Йазида Салм б. Зийад поспешил покинуть беспокойный Хорасан, поручив его сначала ал-Мухаллабу б. Абу Суфре, а потом Абдаллаху б. Хазиму. Три года после этого в Хорасане шла ожесточенная борьба между мударитами Абдаллаха б. Хазима и тамимитами, в которой погиб его сын. Она кончилась победой Ибн Хазима, но различные столкновения не прекраща-

лись. Абдаллах б. аз-Зубайр утвердил его на посту наместника Хорасана, и он оставался верен присяге даже после победы Абдалмалика в Ираке и отверг предложение оставить за ним в кормление Хорасан на семь (или десять) лет, если принесет ему присягу. Ат-Табари рассказывает об этом под 72/691-92 г., но в другом месте приводит сведения о присылке Абдалмаликом головы Ибн аз-Зубайра, которую Ибн Хазим омыл, умастил и отослал родственникам Ибн аз-Зубайра в Медину[34].

Получив отказ Ибн Хазима, Абдалмалик предложил пост наместника Хорасана Букайру б. Вишаху, управлявшему Мервом от имени Ибн Хазима. Букайр принял это предложение, и его поддержали арабы Мерва. Ибн Хазим, в очередной раз воевавший с тамимитами, не решился бороться сразу с двумя противниками и отправился искать убежища у своего сына Мусы в далеком Термезе. Тамимиты преследовали его, настигли в селении Шахмигад в 8 фарсахах от Мерва и убили. Глава тамимитов Бахир тотчас же сообщил об этой победе Абдалмалику, но не послал голову Ибн Хазима. Букайр б. Вишах отобрал ее у него и заточил Бахира в темницу в Мерве. Недовольство тамимитов заставило его освободить Бахира, но это не принесло примирения с тамимитами.

Нейтральная часть хорасанцев обратилась к Абдалмалику с просьбой прислать наместником какого-нибудь курайшита, который стоял бы над племенными пристрастиями. Абдалмалик поручил эту область Умаййе б. Абдаллаху б. Халиду. Бахир узнал о прибытии Умаййи в Нишапур, нанял проводника из местных жителей и обходным путем прибыл к нему, чтобы настроить его против Букайра б. Вишаха. Умаййа выслушал его, но карательных мер против Букайра не принял, даже предложил пост начальника полиции, на что Букайр очень обиделся[35].

В Сиджистане после короткого периода межплеменных распрей после смерти Талхи ат-Талахата наместником от Ибн аз-Зубайра стал Абдал‘азиз б. Абдаллах б. Амир, которого поддержал глава тамошних тамимитов Ваки‘ б. Абу Суд. Абдал‘азиз успешно отразил нападение рутбила Кабула (который погиб в бою), но потом был изгнан другой группой тамимитов. Вмешательство и поддержка Ваки‘ снова возвратили его в Кабул. В 74/693-94 г. Умаййа б. Абдаллах назначил наместником Сиджистана своего сына Абдаллаха[36].

Фарс, часть Кермана и области Исфахана, как мы видели, находились в руках азракитов. Керманом с 70/689-90 г. правил Атийа б. ал-Асвад, правление которого хорошо зафиксировано для 70—75 гг.х. монетами с его именем. Судя по ним, в 75 г. ему принадлежал и самый восточный округ Фарса, Дарабджерд[37].

Борьбу с азракитами возобновил Бишр б. Марван, назначенный наместником всего Ирака в конце 74 г. В зу-л-хиджжа этого

года (апреле 694 г.) он прибыл в Басру. Бишр не был человеком, способным справиться с трудной ситуацией, вино заслоняло для него все, но ему хватило ума понять, кто в состоянии помочь ему, и он попросил брата назначить командовать войной с азракитами ал-Мухаллаба б. Абу Суфру, предоставив ему право отбора воинов в Куфе и Басре.

Набрав воинов в Басре, ал-Мухаллаб не стал дожидаться подхода куфийцев и вышел к Рамхурмузу, став лагерем против азракитов. Позже подошли куфийцы во главе с Абдаррахманом б. Михнафом и встали отдельным лагерем в миле от басрийцев. Не успел ал-Мухаллаб начать военные действия, как через десять дней после прибытия куфийцев пришло известие о смерти Бишра — пьянство в соединении с тяжелым климатом Басры доконало его. Дата его смерти неизвестна, сообщается только, что он правил четыре или шесть месяцев и, следовательно, умер в июле—сентябре 694 г.[38].

Весть о смерти наместника вызвала массовое дезертирство куфийцев. Заместитель Бишра в Куфе пытался их образумить и вернуть к исполнению долга, но ничто не помогло[39].

Оставшиеся в Куфе и Басре заместители Бишра явно не справлялись с ситуацией, тогда Абдалмалик решил поручить управление всем востоком Халифата ал-Хаджжаджу. Он прибыл в Куфу в раджабе 75/26 октября — 24 ноября 694 г.[40].

На первой же встрече с куфийцами в мечети он произнес грозную речь, не менее знаменитую, чем речь Зийада б. Абихи, перемежая ее стихами. Мы приведем ее здесь полностью, кроме стихотворных цитат, ассоциации которых нам далеки, да и нет уверенности, что они не добавлены позже.

«Клянусь Аллахом, я возложу на зло его поклажу, пойду по его следам и воздам ему подобным ему. Воистину, вижу я созревшие головы, время жатвы которых наступило. Я уже вижу кровь между чалмами и бородами... А я, иракцы, буду брать вас в руки не так, как берут инжир, и не шумите мне старыми бурдюками. Я уже проверил возраст по зубам и достиг того, к чему стремился. Повелитель верующих, Абдалмалик, высыпал [стрелы] из своего колчана, испробовал древки и нашел, что я — самое лучшее и крепкое на излом, и послал меня к вам. Вы ведь — хлеб, который замесили смуты, и вы заточили зубы преступлений. Я обдеру вас, как обдирают кору с деревьев, и забинтую повязками смирения. Я буду бить вас, как верблюда, отбивающегося от стада, и, клянусь Аллахом, не отстану, пока не добьюсь своего. Берегитесь же этих сборищ и пересудов, кто да что сказал. Вам-то какое до этого дело? Клянусь Аллахом, я наставлю вас на путь истины или же займусь телом каждого из вас.

Я пролью кровь каждого из посланных к ал-Мухаллабу, кого найду через три дня»[41].

В эти дни к нему пришел престарелый Умайр б. Даби ат-Тамими, прося заменить его в этом походе сыном. Присутствующие пояснили, что этот человек прыгнул на тело убитого Усмана б. Аффана и сломал ему два ребра. Ал-Хаджжадж приказал казнить его за это и тут же объявил через глашатая, что казнил его за задержку сверх трех дней. Толпы запаздывавших кинулись к мосту, чтобы успеть уйти из Куфы. Ал-Мухаллаб, узнав о решительных действиях ал-Хаджжаджа, сказал: «Ныне пришел в Ирак настоящий мужчина»[42].

В том же раджабе ал-Хаджжадж прибыл в Басру, где припугнул людей примерно такой же речью и приказал дезертирам немедленно вернуться к ал-Мухаллабу, а затем сам с дополнительным отрядом куфийцев и басрийцев направился в Ахваз и стал лагерем в Рустакабаде в 18 фарсахах от Рамхурмуза, прикрывая тыл ал-Мухаллаба и являясь на случай поражения ал-Мухаллаба надежным заслоном для Басры. Здесь он объявил, что отменяет добавку к жалованью в 100 дирхемов в год, введенную Мус‘абом, «прибавку лицемера и нечестивца». Абдаллах б. ал-Джаруд возразил, что прибавка была подтверждена Абдалмаликом, но нарвался на грубый ответ. В связи с этим в среде басрийской знати возник заговор с целью изгнания ал-Хаджжаджа из Ирака[43].

20 ша‘бана/14 декабря 694 г. ал-Мухаллаб выбил азракитов из Рамхурмуза и в начале рамадана/конце декабря подошел к Казеруну. Ал-Мухаллаб с басрийцами сразу же окопал свой лагерь рвом, а куфийцы, гордясь перед басрийцами храбростью, проявленной под Рамхурмузом, заявили: «Наш ров — наши мечи». Ночью азракиты напали на лагерь басрийцев, наткнулись на ров и перенесли удар на неукрепленный лагерь куфийцев. Куфийцы сражались упорно, но понесли большие потери, среди убитых оказался и их командующий Абдаррахман б. Михнаф[44]. Несмотря на этот частный успех, азракиты не смогли переломить ситуацию и оттеснить ал-Мухаллаба.

Наступательные действия Халифата разворачивались и на других направлениях. В конце 690 г., как сообщает Феофан, Юстиниан начал переселение жителей Кипра на материк (окончившееся трагически — в бурю большинство судов погибло), Абдалмалик счел это нарушением договора, но о возобновлении им военных действий в этом году не сообщается[45]. Возможно, с ними связано непонятное сообщение Халифы о набеге в 71/690-91 г. на Фараста (?), которую не удается локализовать[46]. Широкомасштабные военные действия развернулись летом 692 г., когда Юстиниан с большим войском, в значительной части состоявшим из славянских переселенцев (будто бы 30 000), предпри-

нял поход против арабов. Мухаммад б. Марван, управлявший Джазирой и Арменией, встретил его у Севастополя в Киликии или у Кесареи в Каппадокии, сумел подкупить вождя славян и привлечь значительную часть их (около 7000) на свою сторону; Юстиниан вынужден был отступить, оставшихся ему верными славян он казнил на обратном пути за измену их собратьев[47].

В том же году Усман б. ал-Валид с четырехтысячным войском нанес византийцам поражение в Армении, после чего ишхан Армении Смбат Багратуни ради безопасности страны признал вассальную зависимость от Халифата[48].

В 74/693-94 г. Мухаммад б. Марван столкнулся с византийцами в верховьях Большого Заба, а затем нанес им поражение в Андарлии (?). Видимо, эта же летняя кампания упоминается Феофаном в десятом году правления Юстиниана II, когда Мухаммад нанес поражение византийцам в Четвертой Армении и захватил много пленных[49]. Летом 694 г. византийцы нанесли ответный удар из Мар'аша в сторону Антиохии. Арабы под командованием Абана б. ал-Валида б. Укбы остановили их в ал-А'маке (ал-'Амк) и в джумаде I 75/28 августа — 26 сентября 694 г. разгромили[50]. Из арабских историков о походе Мухаммада б. Марвана на византийцев в 695 г. из Малатии упоминает только Халифа[51]. Феофан, возможно, не говорит о нем, поскольку его затмило более важное событие того года — свержение Юстиниана и воцарение Леонтия, а для арабских историков доминирующим стал рассказ о восстании хариджитов в Месопотамии.

Его поднял в Дара в начале сафара 76/двадцатых числах мая 695 г. суфрит Салих б. Мусаррах[52]. В отличие от азракитских вождей, питавших патологическую ненависть к инакомыслящим мусульманам, Салих призывал своих сторонников сражаться с мусульманами, только если они нападают, и не захватывать их имущество. Число восставших было немногим более ста человек, но их выступление вызвало большое беспокойство в соседних городах Джазиры, хорошо помнивших недавнее восстание бедноты и рабов при ал-Мухтаре.

Первый отряд, посланный Мухаммадом б. Марваном на подавление восстания, несмотря на численное превосходство (в нем было 1000 человек), потерпел поражение. Второе, трехтысячное, войско одержало верх над хариджитами. Потеряв несколько десятков человек, Салих отошел к Ханикину и Джалула, встретил там сопротивление и отступил к области Мосула. В очередном столкновении с правительственными войсками он был тяжело ранен и умер 13 джумады I или II/29 августа или 28 сентября 695 г.[53]. Во главе восставших встал Шабиб б. Йазид. Рассмотрение дальнейшего хода этого восстания выходит за рамки данного тома.

На фоне ожесточенной политической борьбы в центре Халифата события в Северной Африке вызывали мало интереса у историков, и сведения о них для этого периода скудны и запутаны хронологически. Наместники Северной Африки за пределами Египта подчинялись непосредственно халифу и от него, а не от наместника Египта во многом зависела организация завоевательных походов в Северной Африке.

В 68/687-88 г. Абдалмалик послал Зухайра б. Кайса в поход на Ифрикию, подкрепив его деньгами и присылкой отряда сирийцев. При его приближении Касила покинул ал-Кайраван. Зухайр преследовал его, навязал сражение и разгромил. Касила погиб, арабы захватили большую добычу, но закрепиться в Ифрикии Зухайр не смог, так как узнал, что византийцы высадились в Барке, и поспешил туда. В сражении с византийцами он со своим отрядом погиб под Дарной. Все же местные арабы совместно с фустатцами, бежавшими в Барку от чумы, сбросили византийцев в море[54].

А в 68/688-89 г. Абдалмалик послал в Ифрикию Хассана б. ан-Ну‘мана, который будто бы захватил Карфаген, разрушил его и, двигаясь на запад, в горах Аврас на вади Тарда встретился с берберами под предводительством Кахины («прорицательницы»), потерпел поражение и вынужден был отступить в Барку. В 72/691-92 или 73/692-93 г. он снова совершил поход на Ифрикию, захватил Карфаген, разрушил его, а затем в тех же горах Артас разгромил берберов и убил Кахину. Берберы должны были признать свою независимость, принять ислам и обязаться поставлять 12 000 всадников для участия в дальнейших походах арабов. Власть Хассана простиралась теперь примерно на 350 км к западу от ал-Кайравана, только в Баджа (Баджаия) осталось независимое христианское владение, куда укрылась часть карфагенцев[55]. Далее до конца правления Абдалмалика Хассан занимался укреплением своей власти в Ифрикии и организацией сбора налогов, не предпринимая новых походов.

РЕФОРМЫ АБДАЛМАЛИКА

Таким образом, к 695 г. Халифат был восстановлен почти в тех же границах, исключая территории за Араксом, в каких оставил его Му‘авийа. И хотя внутреннее положение в некоторых районах оставалось нестабильным, власть Абдалмалика уже не оспаривалась никем, кроме хариджитов. Хаджж Абдалмалика в 75 г.х. (конец марта 695 г.) должен был закрепить этот факт в сознании мусульман. В Медине он был встречен без восторга, и

даже щедрая раздача жалованья не смягчила мединцев. Недовольство курайшитов Медины вызвало то, что на кошеле с деньгами для них была надпись «из садаки», что ставило их в положение благодетельствуемых, а не получающих законную долю доходов из общего достояния мусульман (*фай'*), и они отказались принять эти деньги. При этом, несомненно, произошел обмен взаимными обвинениями. Выступая с речью после этого инцидента, Абдалмалик сказал:

«О, курайшиты! Правил вами Умар ибн ал-Хаттаб, и был он суров и груб с вами, но вы слушались его и повиновались ему, потом правил вами Усман и обходился с вами мягко, уважительно и щедро, но вы были враждебны к нему и убили его. Мы послали к вам Муслима в день ал-Харры, и вы убили его. Курайшиты! Мы знаем, что вы никогда не полюбите нас, а мы будем помнить убиение Усмана»[56].

Пребывание Абдалмалика в Мекке не сопровождалось какими-либо инцидентами, да, впрочем, у мекканцев, в отличие от мединцев, и не было таких, как у тех, претензий к халифу, хотя особый статус мекканского храма был несколько умален сооружением в Иерусалиме помпезной мечети «Купол скалы» (Куббат ас-Сахра). Какое значение придавалось ей в те годы, неясно до сих пор.

Историк конца IX в. ал-Йа‘куби писал, что Абдалмалик воздвиг ее для того, чтобы заменить ее посещением паломничество к Ка‘бе, во время которого Ибн аз-Зубайр принуждал паломников из Сирии присягать ему[57]. Век спустя географ ал-Мукаддаси писал, что его дядя объяснял постройку Куббат ас-Сахра желанием Абдалмалика превзойти своей постройкой храм Гроба господня[58]. В известной мере прав и тот и другой, во всяком случае в свете реформ Абдалмалика, о которых будет сказано ниже, идея возвеличения ислама над христианством при возведении этой постройки существовала.

Куббат ас-Сахра была воздвигнута над скалой, на которой, по преданию, Авраам собирался принести в жертву Исаака, а затем находилась святая святых первого и второго Иерусалимского храмов. Скалу окружила колоннада из четырех каменных столбов и 12 колонн (по три между каждым из них), на которую опирается барабан купола диаметром 20,5 м, что соответствует диаметру купола храма Гроба господня. Подкупольную часть окружают два концентрических восьмиугольных коридора, разделенных колоннадой. Эти коридоры действительно наводят на мысль о тавафе, ритуальном обходе вокруг священного камня, с которого Мухаммад будто бы возносился на небо (неясно только, существовала ли эта легенда в конце VII в.).

Облицованная мозаикой изнутри и снаружи (снаружи при Османах она была заменена изразцами), Куббат ас-Сахра со своим золоченым куполом стала архитектурной доминантой Иерусалима, но... сооружение ее не стало событием для современников, во всяком случае ни один из ранних историков не упоминает о ее строительстве, а в первом упоминании этой постройки у ал-Йа'куби дата расплывчата: в дни Ибн аз-Зубайра. Между тем время начала постройки могло бы помочь нам понять, насколько идея постройки была вызвана соперничеством с Ибн аз-Зубайром.

Мозаичная надпись во фризе внутреннего обходного коридора, состоящая из коранических цитат, содержала имя строителя и дату: имя Абдалмалика ал-Мамун приказал сбить и заменить своим, а дата по недосмотру сохранилась: «...построил этот купол раб Аллаха Абд[аллах ал-имам ал-Мамун]* амир верующих в году семьдесят втором»[59]. Несмотря на это документальное свидетельство, некоторым исследователям кажется сомнительным, чтобы Абдалмалик взялся за это монументальное строительство в трудные для него в финансовом отношении годы и что дата может означать не завершение, а начало строительства[60].

Единственное свидетельство о начале постройки содержится у автора XIII в. Сибта б. ал-Джаузи, согласно которому строительство было начато в 69/688-89 г. и закончено в 72/691-92 г.[61]. Совпадение второй даты со свидетельством надписи вызывает доверие и к первой. Косвенно ее подтверждает сообщение Феофана, что на шестом году правления Юстиниана (690/91 г.) Абдалмалику для постройки храма в Мекке понадобились колонны и он хотел взять их из построек в Гефсимане, но его секретарь-христианин Сарджун отговорил от этого[62]. Феофан, конечно, ошибается, говоря о храме в Мекке, — ал-Масджид ал-Харам была в то время в руках Ибн аз-Зубайра; колонны, скорее всего, нужны были для Куббат ас-Сахра, а Гефсиман, находящийся всего в полукилометре от нее, был удобен для транспортировки оттуда колонн.

Достоверно в этом сообщении и то, что колонны для Куббат ас-Сахра были не специально изготовлены, а все-таки взяты из старых античных построек — они разной высоты, имеют различные по стилю капители, и строителям приходилось их подравнивать разными по высоте кубическими каменными подставками.

Строительство первого репрезентативного культового здания, явно рассчитанного на то, чтобы служить символом величия ислама в глазах иноверцев в священном для христиан и евреев городе, знаменует начало нового этапа в истории Халифата.

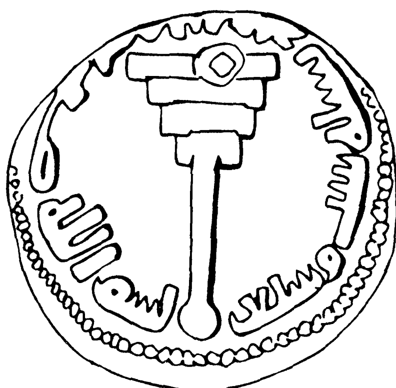
---

* Слова в квадратных скобках — вставка ал-Мамуна.

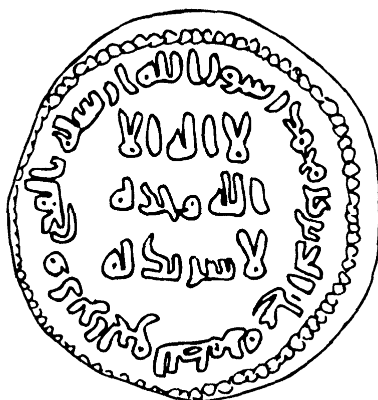
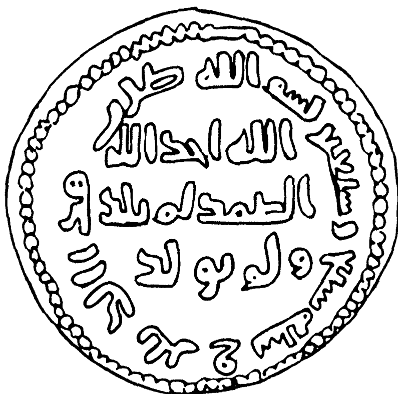
Еще более важным мероприятием в этом отношении была денежная реформа, начатая Абдалмаликом в начале 90-х годов и завершенная в 77/696-97 г. Существование в Халифате в течение полувека одновременно двух монетных систем с чуждой государству идеологической символикой было совершенно противоестественным и могло объясняться только тем, что арабы издавна сжились с ними. В условиях наступления Византии и необходимости выплаты ей дани использование монеты с портретом императора или императоров-соправителей делало хождение подобной монеты в Халифате просто неприемлемым[63].

Арабские историки датируют появление монеты нового типа (без всяких изображений, с одними только надписями на арабском языке) 74 или 76 г.х.[64], однако монеты этого типа указанных годов пока не найдены. Наиболее ранний динар с именем Абдалмалика и датой относится к 76/695-96 г. Он представляет собой компромисс между предыдущими динарами византийского типа с арабскими религиозными формулами и чисто эпиграфическими мусульманскими динарами (рис. 7). На лицевой стороне этого динара изображен стоящий халиф с мечом на перевязи и треххвостым бичом. Надпись по кругу гласит: «Во имя Аллаха, нет божества, кроме Аллаха, он — единственный, Мухаммад — посланник Аллаха». На обороте в центре еще осталось изображение деформированного креста на трехступенчатом возвышении, а надпись по кругу гласит: «Во имя Аллаха чеканен этот динар в году семьдесят шестом»[65]. В различных коллекциях имеется еще два десятка похожих динаров, различающихся по качеству изображения, разного веса и размера, чеканенных в Аммане, Джибрине, Иерусалиме, Киннасрине, Курусе, Ма‘аррат Мисрине, Манбидже, Сармине и Халебе. Несколько особняком стоят 34 динара с фигурой халифа, но без имени и даты, в легенде которых употреблено характерное выражение «халифату-л-лахи». Дж.Уокер отнес их к 670—685 гг.[66], однако принципиальное сходство с упомянутыми выше позволяет думать, что они относятся к самому первому этапу поисков нового типа мусульманской монеты: они могут быть теми динарами, которые, по свидетельству Феофана, в 690/91 г. отказывался принимать в уплату дани Юстиниан II[67].

В 77/696-97 г. в Дамаске началась чеканка чисто эпиграфических динаров с многозначительной круговой надписью на лицевой стороне: «Мухаммад — посланник Аллаха, он послал его с руководством и истинной религией, чтобы он возвысил ее над всеми религиями» (Коран, 9:33). В отличие от предшественников они имели стандартный вес 4,25—4,27 г, будучи легче на $^1/_{24}$ полновесной византийской номисмы (4,45—4,48 г).

а — динар Абдалмалика переходного типа (76 г.х)

б — пореформенный динар Абдалмалика (77 г.х.)

Рис. 5

Одновременно или несколько позже ал-Хаджжадж начал чеканку дирхемов эпиграфического типа. Надписи на них были несколько пространнее, чем на динаре, 33-й айат 9-й суры приводился целиком: «...над всеми религиями, хотя бы это было ненавистно безбожникам», а в круговой надписи указывалось место чеканки, отсутствовавшее на новых динарах. О том, из каких соображений вес новых дирхемов был установлен на четверть меньше арабо-сасанидских (3 г вместо 4 г), до сих пор ведется спор[68]. Теперь обменный курс динара по отношению к дирхему стал равен 1:14. Резкое уменьшение веса дирхема должно бы было сказаться на уровне жизни, но сведений о недовольстве в рядах получающих жалованье в источниках не имеется, так же как нет сведений об изменении размера жалований пропорционально снижению веса монеты.

Единственное свидетельство о недовольстве новыми дирхемами, приводимое ал-Балазури, довольно туманно: «Чеканил ал-Хаджжадж дирхемы „баглийа", на которых было написано: „бисми-л-лā̄хи ал-Ḥаджжāдж", а через год стал писать: „Аллāху аḥад Аллāху-ṣ-ṣамад", — и вызвало это отвращение факихов, и были они (дирхемы) названы „отвратительными". А говорят, что инородцы (*ал-а'āджим*) испытывали к ним отвращение из-за недостатка их веса и прозвали их „отвратительными"»[69].

В ходе реформы появилась новая весовая единица — дирхем, равный 3,125 г, связь которого с употреблявшимися ранее драхмами или сиклями установить не удается. Этот дирхем можно связать с весом византийского солида (4,68 г), от которого он составляет ровно $^2/_3$, но можно найти и иные пропорции к другим единицам веса, которые будут столь же гадательны. Новая единица веса стала эталоном для соизмерения многочисленных мер, употреблявшихся на территории Халифата.

Этот дирхем составил пару с монетным дирхемом, так же как солид-мискаль составлял пару с динаром, причем вес монеты в обоих случаях был ровно на $^1/_{24}$ меньше: 3,125 г и 2,985 г, 4,68 г и 4,27 г. При общеупотребительной системе деления денег, единиц веса и объектов купли-продажи на 24 доли это расхождение вряд ли может быть случайным. Напрашивается предположение, что здесь имеет место различие между весом металла, поступающего в чеканку, и весом монеты, проще говоря, разница должна была покрывать расходы на чеканку и давать доход государству. Следует признать, что это — довольно высокая цена чеканки; например, в Фатимидском Египте на монетном дворе разница между весом драгоценных металлов, поступавших в работу, и весом монеты составляла от $^1/_{34}$ до $^1/_{30}$, а на московском монетном дворе в XVI в. — $^1/_{48}$ (правда, техника чеканки была примитивнее, и работа должна была стоить меньше), впрочем, есть

сведения, что отчисления на каирском монетном дворе в начале XII в. составляли даже $^{1}/_{20}$[70].

Существование тесной связи между одноименными единицей веса и монетой может свидетельствовать о замене системы расчета по монетной стопе (т.е. по числу монет, чеканимых из фунта или иной аналогичной меры веса) на расчет по числу одноименных малых единиц, хотя следует признать, что в различных средневековых наставлениях по финансам и монетному делу, где рассматриваются вопросы добавки лигатуры и выявления примесей, переход от расчетов в весовых дирхемах к дирхемам-монетам не оговаривается.

Одной из целей денежной реформы должно бы было быть установление единого весового стандарта, однако вес новых дирхемов колеблется в больших пределах: от 3 до 2,5 г (если не считать очевидных полудирхемов), монетные гирьки дают такой же разброс[71]. Приходится признать, что перед нами пока больше вопросов, чем ответов.

Чеканка новых дирхемов в Месопотамии, Армении и части Ирана не прекратила хождения и выпуска монет прежнего типа на территории Восточного Ирана; лишь постепенно, по мере исламизации происходило сокращение ареала их чеканки.

В том же направлении замены христианской символики мусульманской было изменение так называемого протокола в начале папирусных свитков, изготовлявшихся в Египте, в которых крест и греческая надпись сменились мусульманскими религиозными формулами на арабском языке. Арабские авторы считают смену протокола одномоментной, но сохранившиеся папирусы показывают, что это происходило постепенно[72].

Забегая немного вперед по сравнению с изложением политической истории, следует упомянуть реформу налогообложения в Сирии и Джазире. За 10 лет гражданской войны в центре страны произошли значительные демографические изменения: из-за голода и эпидемий сократилось население, многие бежали в более благополучные места, бросая дома и земли. Прежние кадастры перестали соответствовать реальности, и возникла необходимость провести перепись людей и земель. В Сирии и Джазире это было поручено в 697 г. ад-Даххаку б. Абдаррахману ал-Аш‘ари, а по сведениям сирийских источников, некоему Атийе. «История» Псевдо-Дионисия сообщает о нем следующее: «В 1003 г. греков[73] Абдалмалик наложил на сирийцев та‘дил, издав строгий приказ, чтобы каждый прибыл в свою область и город и в дом отца своего и записал свое имя и имя отца своего, и виноградник свой, и оливы свои, и стадо свое, и сыновей своих, и все, что принадлежит ему. С этого времени стали налагать джизйу (*гезита*) на головы взрослых мужчин. От всего этого

произошли беды люда христианского. Предыдущие цари налагали налог на землю, а не на мужчин. С этого времени сыны Агари стали обращать людей Арама в египетское рабство. Но это — наша вина: из-за того, что мы грешили, рабы стали нашими хозяевами. Это был первый та'дил, проведенный арабами»[74].

Никаких конкретных сведений о размере обложения христианский автор не дает, об этом мы узнаем от мусульманского юриста конца VIII — начала IX в. Абу Йусуфа Йа'куба. «Когда стал править Абдалмалик б. Марван, то послал ад-Даххака ибн Абдаррахмана ал-Аш'ари, который счел, что взимаемое с них мало, и пересчитал их по головам. Он принял их всех за работающих своими руками, сосчитал, что зарабатывает работник за год, потом вычел [из этого] его расходы на еду и приправу, одежду и обувь, вычел все праздничные дни в году и нашел, что после этого каждый получает четыре динара, и он обязал их платить это и сделал это одним разрядом. Потом обложил владения (*амвал*) в соответствии с их близостью и отдаленностью* и возложил на каждые сто джарибов посевов, что вблизи, динар, а на каждые двести джарибов, что вдали, динар, и на каждую тысячу корней винограда, что вблизи, динар, а на две тысячи корней, что вдали, динар, а на маслины, на каждые сто деревьев, что вблизи, динар, а на каждые двести деревьев, что вдали, динар. А граница дальнего у них — день пути и два дня и то, что больше того, а то, что меньше дня, [считается] близким. И была так обложена Сирия, и Мосул был обложен таким же образом»[75].

Из обоих сообщений следует, что перерасчет проводился исходя из численности налогоплательщиков, при резком, в 15—20 раз сокращении поземельного налога. Утверждение о равных ставках джизйи в 4 динара с человека вызывает сомнение, так как все поденщики и ремесленники, работавшие по найму, получавшие менее динара в месяц, не могли уплачивать такую сумму в год. Видимо, это была единица исчисления для определения налоговых обязательств податных округов, внутри которых налог раскладывался соответственно состоятельности. Увеличение подушной подати при резком снижении поземельного налога призвано было побудить землевладельцев обратиться к обработке заброшенных земель, чтобы доходами с них компенсировать потери в бюджете из-за увеличения подушной подати. В документе на греческом языке из Нессаны (Южная Палестина), относящемся к концу VII в., также упоминается обмер земли, проведенный арабами («геометриа тон саракенон»)[76].

---

* Имеется в виду отдаленность от рынков сбыта.

Реформы Абдалмалика обозначили начало нового этапа в истории Халифата, переход от использования унаследованных от завоеванных государственных институтов к формированию собственной административно-фискальной системы и от государства, державшегося на этноконфессиональной солидарности, к централизованному военно-бюрократическому государству. На этом пути Халифату предстояло пройти еще более полувека острых социальных конфликтов.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] Блок, 1973, с. 98—99.

[2] Sezgin U., 1971.

[3] Минк.; Исфах., М.; И. Абу-л-Хадид; многие пассажи из сочинений Абу Михнафа включены также в «Китаб ал-агани» (Агани).

[4] Балаз., А., 4В, с. 11—138.

[5] И. Абу-л-Хадид. Это сочинение, которым исследователи стали пользоваться сравнительно недавно [Kornrumpf, 1969; Jafri, 1989], было мне доступно только в тегеранском литографированном издании 1304 г.х. (шамси?), ни одного современного издания в моем распоряжении не было.

[6] Подборка сведений сиро-христианских авторов для VII в. в английском переводе: SCWSCH. В этом издании реконструирован текст «Истории» якобитского патриарха Дионисия Теллмахрского на основе так называемой «Истории 1234 года»; все ссылки на Дионисия в данном томе относятся к этому переводу.

[7] Wellhausen, 1901; Wellhausen, 1902.

[8] Lammens, 1908; Lammens, 1910. Значительная часть работ разных лет, посвященных Умаййадам, была переиздана в 1930 г. [Lammens, 1930].

[9] Дань этой теме отдали такие крупные деятели арабской культуры, как Джурджи Зайдан [Зайдан, 1902; Зайдан, 1907], Таха Хусайн [Т.Хусайн, 1959], Мухаммад Курд Али [Курд Али, 1925]. Исчерпывающее исследование дискуссий мусульманских деятелей культуры о конфликте Али и Му‘авии и о роли Умаййадов в арабской истории см. [Ende, 1977] (там же обширная библиография арабских и европейских работ).

[10] Hodgson, 1955; Petersen, 1959; Veccia Vagl., 1952; Veselý, 1958; Watt, 1961; Watt, 1968.

[11] Shaban, 1971; Dixon, 1971 (начинает эту серию исследований статья Р.Зелльхайма [Sellheim, 1970]). В том же, 1971 г. выходит исследование У.Сезгин [Sezgin U., 1971], в котором помимо чисто источниковедческих проблем рассматриваются вопросы политической истории второй половины VII в.

[12] Rotter, 1982.

[13] Большинство исследований истории шиизма и его идеологии касается более позднего времени, когда шиизм приобретает законченные черты. Для интересующего нас времени можно отметить (кроме упомянутых общих работ) статьи: Laoust, 1962; Kornrumpf, 1969.

[14] Jafri, 1989. Естественные для него симпатии к Али не мешают объективному анализу сведений источников, хотя нельзя согласиться с его постулатом, что о шиизме, как особом течении в исламе, можно говорить с момента избрания Абу Бакра халифом.

Глава 1

[1] По разным данным, в год смерти Усману было от 81 года до 86 лет [И. Са‘д, т. 3, ч. 1, с. 5; Халифа, с 155—156; Балаз., А., т. 5, с. 99; Куфи, т. 2, с. 241; Таб., I, с. 3053].

[2] Rotter, 1982, с 19—20.

[3] И Са‘д, т. 3, ч. 1, с. 20 и Анон., с. 41 — на следующий день после смерти; Динав., с. 149 и Анон., с. 41 — через три дня; Куфи, т. 2, с. 247 — Усман похоронен через три дня после убиения, уже после присяги Али; Мас‘уди, М., т. 4, с. 290 и Мас‘уди, Ме., т. 2, с. 359 — через четыре дня; Таб., I, с. 3073 — через пять дней; с. 3076 — на пятый день, в четверг; с. 3077 — в пятницу. Такой же разнобой и в определении числа месяца: согласно ал-Искафи, день после присяги — «суббота, когда осталось 11 дней до конца месяца зу-л-хиджжа» [И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 373], т.е. пятница 18 зу-л-хиджжа; по ал-Йа‘куби — вторник за семь дней до конца месяца [Йа‘к., ч. 2, с. 206]; наконец, по одному из сообщений ат-Табари, — пятница за пять дней до конца месяца [Таб., I, с. 3078].

Этот разнобой отразился и в мнениях исследователей: Ю.Велльхаузен принял версию, что присяга Али состоялась в день убиения Усмана [Wellhausen, 1902, с. 33], под влиянием его авторитета она была принята рядом исследователей [Brockelmann, 1947, с. 66; Mantran, 1969, с. 115; Grünebaum, 1966, с. 57; Грюнебаум, 1986, с. 57]. В «Энциклопедии ислама» присяга датируется 18 зу-л-хиджжа/17 июня с оговоркой, что это противоречит рассказам о выборах преемника [EI^2, т. 1, с. 393] (здесь и далее ссылки на французское издание).

[4] Grünebaum, 1966, с. 57.

[5] Veselý, 1958, с. 36—39; Rotter, 1982, с. 20—23.

[6] Таб., I, с. 2962.

[7] В тексте какая-то ошибка: говорится, что группу возглавил Абдаллах б. аз-Зубайр, а затем он же упоминается в составе этой группы.

[8] Пс.-И. Кут., т. 1, с. 76—77. По другим сведениям, его похоронили не в специально вырытой могиле, а в какой-то яме [И.Абдалбарр, с 491]; хоронившие заставили присутствующую на похоронах женщину (называют то Аишу, дочь Усмана, то Наилу) замолчать, чтобы враги Усмана не обнаружили могилу и не осквернили ее [Балаз., А., т. 5, с. 99; И Са‘д, т. 3, ч. 1, с. 54; Таб., I, с. 3047].

[9] Таб., I, с. 3048

[10] Балаз , А., т. 5, с. 91; Куфи, т. 2, с. 239, 240, 247; Таб , I, с. 3046—3049.

[11] Зуб., с 98, Таб., I, с 3048 (по дороге на кладбище); Мас‘уди, М., т. 4, с 288; Мас‘уди, Ме., т. 2, с. 358

[12] Вынос тела на двери упоминает и другой участник похорон, Малик б. Амир [И. Са‘д, т. 3, ч. 1, с. 55; Таб., I, с. 3049]; сообщается также, что дверь была плетенной из пальмовых листьев [Балаз., А., т. 5, с. 91].

[13] Таб., I, с. 3046. Сообщение вряд ли достоверно, так как восходит к Абу Баширу, ярому стороннику Али. О похоронах по разрешению Али см. также: Куфи, т. 2, с. 242, 247.

[14] Таб., I, с. 3049. Это сообщение опирается на авторитет историков начала IX в. и, видимо, скомпоновано из нескольких рассказов очевидцев, поэтому какие-то детали в нем могут быть вполне достоверными, а общая картина — искаженной. В частности, трудно поверить в участие в похоронах Али, Талхи и аз-Зубайра.

[15] И. Са‘д, т. 5, с. 333; Таб., I, с. 2971.

[16] Вак., с. 130, 139, 179, 201, 285—286, 332, 394; Балаз., А., т. 1, с. 302, 312; Халифа, с. 129; Таб., I, с. 1230, 1275, 2645—2646.

[17] Балаз., А., т. 5, с. 61.

[18] Характерно, что Ибн Са‘д (т. 5, с. 364) посвятил ему лишь одну строчку.

[19] Вак., с. 602, 605, 739, 842, 882, 946; И. Са‘д, т. 5, с. 335—336; Балаз., А., т. 1, с. 292, 312, 349, 363.

[20] Таб., I, с. 2781, 2783, 2788, 2793.

[21] Таб., I, с. 3047.

[22] Veselý, 1958, с. 37.

[23] Таб., I, с. 3073.

[24] Там же, с. 3471—3473.

[25] Куфи, т. 2, с. 244; Таб., I, с. 3076.

[26] Таб., I, с. 3074—3075; Пс.-И. Кут., т. 1, с. 78.

[27] Таб., I, с. 3074.

[28] Там же, с. 3069, 3073, 3072; Пс.-И. Кут., т. 1, с. 78. Однако Са‘д б. Абу Ваккас, к которому восходит одно из сообщений [Таб., I, с. 3069], передавая слова Талхи о том, что он принимал присягу под занесенным над ним мечом, заключает: «Не знаю, был занесен над ним меч или нет».

[29] Куфи, т. 2, с. 244—245; Таб., I, с. 3075; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 190.

[30] Сад называется то «сад бану амр б. мабзул» [Таб., I, с. 3068], то «сад (*х̱а̄’иṭ*) бану мазин» [Пс.-И. Кут., т. 1, с. 79], но это явно одно и то же, так как амр б. мабзул входили в состав бану мазин.

Согласно ат-Табари, присяга происходила «в пятницу, когда осталось пять дней зу-л-хиджжа, а люди считали от дня, когда был убит Усман» [Таб., I, с. 3076, а также с. 3096], т.е. 24 июня 656 г.; пятницу же называет днем присяги и другое сообщение [Таб., I, с. 3077], а день накануне присяги характеризуется так: «...когда наступил четверг в начале пятого дня после убиения Усмана» [Таб., I, с. 3075], четверг через пять дней, не считая дня убийства, — 23 июня. Ал-Искафи датирует присягу пятницей, поскольку следующий за присягой день назван субботой, но указывает совершенно иное число: «...когда осталось одиннадцать дней до конца месяца зу-л-хиджжа» [И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 373]. Двенадцатый день от конца месяца действительно суббота, но 18 июня,

т.е. следующий день после гибели Усмана. У ат-Табари присяга под деревом также датирована субботой 18 зу-л-хиджжа [Таб., I, с. 3068], однако 18 зу-л-хиджжа — пятница, а не суббота. Наконец, у ат-Табари есть указание, что Али был избран на восьмой день после гибели Усмана [Таб., I, с. 3111].

31 Таб., I, с. 3068; Пс.-И. Кут., т. 1, с. 79. Присяга под деревом вряд ли случайна, это — пережиток древних верований арабов (клятва под деревом скрепляется живущими в нем духами; ср. присягу в Худайбии: т. I, с. 144).

32 Куфи, т. 2, с. 246.

33 Там же, с. 256; Таб., I, с. 3070, 3072; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 190.

34 Таб., I, с. 3070.

35 И. Са‘д, т. 3, ч. 1, с. 20.

36 Различные версии: Куфи, т. 2, с. 257; Таб., I, с. 3068; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 190—191; Куфи, т. 2, с. 256.

37 И. Са‘д, т. 3, ч. 1, с. 17—19. Об отношении Али к своей фигуре свидетельствует такой эпизод: будучи уже в Куфе, он как-то шел по базару, и один торговец сказал другому по-персидски: «Какой пузан пришел!»; услышав перевод, Али не рассердился [И. Са‘д, т. 3, ч. 1, с. 19].

38 Балаз., А., т. 5, с. 61; Таб., I, с. 2971.

39 Таб., I, с. 3078—3079; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 528 (с небольшими разночтениями). Совершенно иной текст в «Китаб ал-имама ва-с-сийаса», в котором подчеркивается необходимость поддержания родственных связей [Пс.-И. Кут., т. 1, с. 85—86].

40 Ср.: И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 373.

41 Там же.

42 Там же; Куфи, т. 2, с. 248.

43 И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 52.

44 Там же, с. 373.

45 Таб., I, с. 3080.

46 Куфи, т. 2, с. 263; Таб., I, с. 3081.

47 Пс -И. Кут., т. 1, с. 79—80.

48 Агани, т. 16, с. 325—326. Достоверность письма подтверждается отсутствием в нем ставших традиционными деталей рассказа об убийстве Усмана: свиток Корана, на который пролилась его кровь, отрубленные пальцы Наили, имена убийц — и наличием реалий, обычно отсутствующих в связи с этой темой.

49 Кинди, В., с. 19; Таб., I, с. 3233—3235; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 294—295. По сведениям Ибн Хаджара ал-Аскалани, восстание Мухаммада б. (Абу) Хузайфы произошло в шаввале 35/апреле 656 г. [И. Хаджар, И., т. 3, с. 756]. По другим сведениям, Абдаллах б. Са‘д выехал из Египта, когда узнал, что мятежники возвращаются из Медины, подписав соглашение с Усманом, т.е. в зу-л-ка‘да/мае 656 г.

50 Кинди, В., с. 18—19.

51 Динав., с. 149—150; Таб., I, с. 3087—3089.

52 Куфи, т. 2, с. 251.

53 Таб., I, с. 3088.

54 Там же.

[55] Там же, с. 3089, 3100, 3102.

[56] Динав., с. 150; Таб., I, с. 3090.

[57] И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 375.

[58] Там же, с. 373—374; Пс.-И. Кут., т. 1, с. 86—87.

[59] Таб., I, с. 3069.

[60] И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 374; Пс.-И. Кут., т. 1, с. 87.

[61] И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 191; ат-Табари относит это событие ко времени подготовки похода против Му‘авии [Таб., I, с. 3094].

[62] Халифа, с. 154; Балаз., А., т. 5, с. 103; это выражение Аиши упоминается и в других обстоятельствах.

[63] Автор стихов — Убайд б. Абу Салама (Убайд б. Умм Килаб). Наиболее полный текст стихотворения см.: Куфи, т. 2, с. 249, у ат-Табари отсутствует первая строка [Таб., I, с. 3112] (нами приведены лишь первые четыре строки).

[64] Ат-Табари сообщает, что Му‘авийа ответил через три месяца, в сафаре [Таб., I, с. 3090], т.е. включая сюда и несколько дней конца зу-л-хиджжа 35 г.х. Реально же между получением Му‘авией послания Али (отправлено, скорее всего, в самом начале мухаррама и получено не ранее 10—15 числа этого месяца) и отправлением им ответа (ответ прибыл в Медину 1 раби‘ I, значит, был отослан 15—18 сафара) прошло немногим более месяца, а для Али — примерно два месяца.

[65] Все мусульманские авторы пишут о том, что была выставлена окровавленная одежда Усмана и отрубленные пальцы Наили (расходясь только во времени, когда они были выставлены). Однако в письме Наили, сопровождавшем эти свидетельства жестокости врагов Усмана, ее ранение не упоминается. По ее словам, когда упавшему, но еще живому Усману хотели отрубить голову, она и другая жена, Рамла, бросились на мужа и прикрыли его собой: «...и топтали они нас жестоко, и заголили нас и срам повелителя верующих. Убили его в его же доме, на его же постели, да помилует его Аллах. Я послала вам его одежду, на которой его кровь» [Агани, т. 16, с. 326].

[66] 1 раби‘ I 36 г.х.

[67] Рассказ об этом [Динав., с. 150; Таб., I, с. 3090] приводится без надежного иснада и носит следы фольклорной обработки.

[68] Таб., I, с. 3089. По порядку изложения этот разговор происходил после возвращения отвергнутых наместников Сирии и Куфы, т.е. в третьей декаде мухаррама 36 г.х., и после него Талха и аз-Зубайр попросили разрешения уехать в Мекку.

[69] Куфи, т. 2, с. 275—276; Йа‘к., ч. 2, с. 209; Динав., с. 150; Таб., I, с. 3089, 3091; Пс.-И. Кут., т. 1, с. 87—88.

[70] Имеющиеся сведения не позволяют прямо связать решение Талхи и аз-Зубайра покинуть Али с вызывающим ответом Му‘авии. Единственный хронологический ориентир — указание на то, что они уехали через четыре месяца после убиения Усмана [Таб., I, с. 3102], т.е. 15—20 раби‘ II, — вряд ли можно принять без оговорок: видимо, указание на число прошедших месяцев такое же, как было рассмотрено выше в примеч. 64. Простой расчет времени показывает, что они должны были выехать из Медины в начале раби‘ I и прибыть в Мекку числа 10—12 того же месяца, чтобы, пробыв там по крайней мере неделю для орга-

низации оппозиционных сил, успеть к концу месяца пройти 450 км до ар-Рабазы.

[71] Рассказ о советах Мугиры то сместить всех наместников Усмана, то оставить приводят многие историки. Сообщение аз-Зухри, что Мугира не присягал Али и бежал в Сирию [Таб., I, с. 3070], опровергается другими сведениями.

[72] Таухиди, т. 3, с. 199.

[73] Динав., с. 153; Куфи, т. 2, с. 278 — Талха и аз-Зубайр просили Абдаллаха б. Умара повлиять на Аишу, но тот ответил, что не хочет вмешиваться в это дело; ср.: Динав., с. 153.

[74] Таб., I, с. 3099—3100; Пс.-И. Кут., т. 1, с. 99—100.

[75] Этот разговор, изложенный по «Шарх Нахдж ал-балага» [И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 324—325], в несколько сокращенном виде и с иными деталями (о принадлежности Аиши и Усмана к разным родам) приведен также ал-Куфи [Куфи, т. 2, с. 281—282], аргумент о принадлежности к разным родам добавлен нами из ал-Куфи. Такой прием, может быть, неправилен с текстологических позиций, но не является большой погрешностью в переложении разговора двух вдов пророка.

Другие версии их переговоров — плод благочестивых фантазий средневековых историков: у ал-Йа'куби Умм Салама лишь излагает Аише нормы поведения жен пророка [Йа'к., ч. 2, с. 209—210], а в «Китаб ал-имама ва ас-сийаса» разговор заменен обменом посланиями [Пс -И. Кут , т. 1, с. 95—96].

Изложенному нами порядку событий противоречит рассказ современника, будто Умм Салама сказала Али, что охотно пошла бы с ним против мятежников, но не может, так пусть он возьмет вместо нее ее сына [Таб., I, с. 3101], из чего должно следовать, что она находилась в Медине, но остальные источники уверенно говорят о пребывании вдов пророка в Мекке.

[76] О запрещении Хафсе ехать с Аишей см.: Таб., I, с. 3101.

[77] Таб , I, с. 3100—3102, 3105; Куфи, т. 2, с. 279; Йа'к., ч. 2, с. 210; Пс.-И. Кут., т. 1, с. 100.

[78] Куфи, т. 2, с. 285—286.

[79] Таб., I, с. 3102—3104.

[80] Таб., I, с. 3094—3095.

[81] Динав., с. 152.

[82] Динав., с. 152; Таб., I, с. 3106 (переговоры от имени Али ведет Аммар б. Йасир — Пс.-И. Кут., т. 1, с. 89—90). Степень достоверности деталей этих переговоров невелика.

Большинство сведений о численности отряда Али указывает на 600—700 человек, только ал-Йа'куби сообщает о наличии в нем 400 сподвижников пророка на конях, что должно предполагать большое число менее значительных участников похода [Йа'к., ч. 2, с. 211].

[83] Даты событий от выступления мятежников из Мекки до сражения в Басре немногочисленны и плохо согласуются друг с другом. Так, выступление Али из Медины датируется концом раби' II [Таб., I, с. 3139], а происшедшее явно значительно позднее изгнание Усмана б. Хунайфа из Басры и сражение с Хукаймом — 24 раби' II [Таб., I, с. 3134]. Битву в Басре датируют четвергом то 10 джумады I [Мас'уди, М., т. 4, с. 292;

Мас'уди Мᵉ., т. 2, с. 360], то 10 джумады II [И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 159; Динав., с. 156; Таб., I, с. 3218, 3193, 3218; Мас'уди, М., там же; BGA, VIII, с. 285]; у Халифы 10 джумады II названо пятницей [Халифа, с. 162, 165]. Путаница в месяцах, различающихся по номерам, — вещь обычная, но есть сведения, что битва произошла не 10, а 14 или 15 джумады II [Халифа, с. 165; Таб., I, с. 3175].

Самая ранняя дата — 10 джумады I — явно неприемлема, так как совершенно не оставляет времени для многих событий, происшедших между началом похода и сражением. Остается выбрать одну из двух других дат: 10 или 14—15 джумады II. По всем свидетельствам, сражение произошло в четверг или пятницу. 10 джумады II приходится на воскресенье, а 14-е — на четверг. Согласно Халифе, в четверг войска сошлись, а сражение произошло в пятницу [Халифа, с. 162, 165], т.е. 9 декабря 656 г.

Принятие этой даты дает промежуток между началом похода и битвой в 45—47 дней. Этот срок представляется значительно более реальным. Тем не менее и он по ряду обстоятельств может оказаться недостаточным. Проверить его можно только сопоставлением действий обеих сторон с учетом времени, необходимого для передвижений, и времени пребывания в различных пунктах. В качестве исходной посылки допустим, что гонцы и различные делегации для переговоров передвигались со скоростью 100—110 км в сутки, а войска передвигались со скоростью, обычной для караванов в этих местах, — 60—70 км в сутки. Основанием для такого предположения служит хорошо документированное путешествие Ибн Джубайра, который 1500 км от Мекки до Куфы проделал с караваном паломников за 22 дня, т.е. со средней скоростью 68 км в сутки (правда, в его время дорога была лучше оборудована и обеспечена водой). Интересующий нас отрезок пути от Ма'дин ан-Нукра (45—50 км севернее ар-Рабазы) до ас-Са'лабии (440 км) был пройден за 7 суток [И. Джуб., с. 203—208, пер. с. 143—145]. В VII в. 430 км хорошо проторенного пути из Медины в Мекку караваны проходили за 7—8 дней, а в особо экстренных случаях гонцы проделывали его за трое суток (см.: т. 1, с. 157). Суточные переходы от одной большой стоянки с водопоем до другой на дороге Куфа—Мекка в IX в. составляли от 24 до 32 миль (48—64 км) [BGA, VI, с. 126—132; И Хурд., пер , с. 110—114]. Мы так подробно остановились на этих данных потому, что в других регионах «день пути», судя по дорожникам географов X в., был около 40 км.

Для наглядности синхронизмов в действиях мятежников и Али сведения сведены в таблицу, графы которой означают: 1, 3 — число дней с момента выхода Али из Медины, 2, 4 — действия Али и его противников.

1	2	3	4
0	Выступление из Медины (конец раби'II/24—25 октября)	2	Проход через ар-Рабазу
3	Прибытие в ар-Рабазу (180 км). Отправление Хашима б Утбы в Куфу		
4—7	Поездка в Медину за оружием и возвращение [Таб., I, с 3139]		

1	2	3	4
		12—14	Прибытие в ал-Хуфайр (800 км от ар-Рабазы)
18—19	Прибытие Хашима в Куфу (1050 км) — 10 дней	18—20	Визит Абу-л-Асвада и возвращение в Басру
20—21	Отправление Хашимом гонца		
		21—22	Прибытие мятежников в Басру
		25—27	Сражение с Усманом и подписание договора
30—31	Прибытие гонца от Хашима		
31—32	Отправка в Куфу двух Мухаммадов		
35—45	Выступление из ар-Рабазы до возвращения делегации [И. Абу-л-Хадид, т 2, с 157]		
40—50	Прибытие в ас-Са'лабийу, получение известий о захвате Басры мятежниками [Таб , I, с 3144]	50—52	Возвращение Ка'ба из Медины
41—51	Прибытие в ал-Исад и получение известий о захвате Басры (другая версия, там же)		
42—52	Прибытие в Зу-Кар (через восемь дней после выступления из ар-Рабазы) [Таб , I, с 3103], приезд Усмана б Хунайфа [Таб , I, с 3144]		
43—53	Посылка делегации Хасана в Куфу	55—57	Арест Усмана, захват Басры, гибель Хукайма (24 раби' II/ 10 октября) [Таб., I, с. 3134]
57—67	Прибытие куфийцев на 15-й день пребывания в Зу-Каре [И Абу-л-Хадид, т 1, с 102]		
60—70	Прибытие в Басру (250—300 км?)		
63—73	Три дня переговоров		Три дня переговоров
64—74	Сражение 15 джумады II 36/ 9 декабря 656 г		Сражение

Эта сводка свидетельствует, что при максимальных скоростях передвижения промежуток между выходом Али из Медины и сражением в Басре не может быть менее 64 дней, тогда как от конца раби' II до середины джумады II — 45—47 дней. Отсюда с неизбежностью следует, что Али вышел из Медины в конце **раби' I**. Эта поправка позволяет устранить явную несуразицу. если Али вышел в раби' II, то оказывается, что Усман б Хунайф добрался до Али в Зу-Кар примерно за 10 дней

до того, как его изгнали из Басры. Передвинув все события на максимальные календарные даты, наиболее близкие к реальности, мы получаем для прибытия Усмана в Зу-Кар промежуток между 52-м и 67-м днем, а это уже вполне реально. Но есть и еще одна возможность уточнения синхронизации. Расчет действий мятежников в Басре сделан в этой таблице, исходя из сообщения Ибн Абу-л-Хадида о том, что мятежники остановились в Хафар Аби Муса в 124 милях (около 250 км) от Басры, и делегации басрийцев потребовалось бы на дорогу в два конца (с переговорами) около шести суток. Гораздо более вероятно, что мятежники остановились в сходном по названию ал-Хуфайре в 18 милях (36 км) от Басры. В этом случае им понадобилось бы дополнительных три дня пути и прибыли бы они не на 12—14-й день, как указано в таблице, а на 15—17-й, но басрийская делегация вернулась бы в Басру в тот же день, а следовательно, и все остальные относительные даты в этом столбце можно передвинуть на три дня [И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 329 — Хафар Аби Муса; Таб., I, с. 3115 — ал-Хуфайр]. Остается непонятным указание Аиши в ее письме в Куфу, что переговоры с басрийцами продолжались 26 дней и завершились сражением 24 раби‘ II [Таб., I, с. 3133—3134]. Этот промежуток хорошо укладывается в срок, который нужен был Ка‘бу, чтобы доехать до Медины и обратно, но не согласуется с указанной датой.

В тексте все события датированы исходя из указанных расчетов.

[84] Динав., с. 153; И. Абу-л-Хадид, т. 2, с. 156.

[85] Таб., I, с. 3141.

[86] По сведениям Сайфа [Таб., I, с. 3115], Аиша с дороги отправила послания главам крупнейших племенных объединений, ал-Ахнафу б. Кайсу и Сабре б. Шайману, призывая их присоединиться для мести за невинно убиенного халифа. В другом случае такие послания приписываются Талхе и аз-Зубайру [Пс.-И. Кут., т. 1, с. 101]. По сведениям ал-Куфи [Куфи, т. 2, с. 289—290], Аиша обратилась к ал-Ахнафу **после** первого сражения, что кажется более вероятным. По одной из версий Абу Михнафа, переговоры начались с посылки Имрана и Абу-л-Асвада в ал-Хуфайр, согласно другой — они были посланы после получения Усманом ультиматума Талхи и аз-Зубайра из ал-Хуфайра: «Освободи нам резиденцию» [И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 326, 531]; ал-Ахнаф и Хукайм б Джабала посоветовали Усману не ждать, когда его изгонят из города, а напасть первым, он согласился с этим, но сказал, что подождет распоряжения Али, и послал для выяснения намерений мятежников Абу-л-Асвада и Имрана.

[87] Таб., I, с. 3118—3124; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 533.

[88] Таб., I, с. 3118—3120; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 532—533.

[89] Ка‘б был кади Басры почти бессменно начиная с 18/639 г. [Халифа, с. 128—157; Таб., I, с. 2578, 2798], выступал против халифа Усмана [Таб., I, с. 2960].

[90] Таб., I, с. 3122—3124.

[91] И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 533.

[92] Там же.

[93] Куфи, т. 2, с. 289; Таб., I, с. 3168—3169, 3174.

[94] Наиболее последовательное изложение у Ибн Абу-л-Хадида по Абу Михнафу [И Абу-л-Хадид, т. 2, с. 156], о Хашиме говорится, что он был задержан Абу Мусой; у ат-Табари приводится не совсем логичный рассказ ал-Мадаини о том, что Хашим возвратился в ар-Рабазу, рассказал Али о позиции Абу Мусы и тот снова послал его в Куфу, Хашим съездил туда, привез ответ Абу Мусы, и тогда Али послал к нему Хасана и Аммара б. Йасира [Таб., I, с. 3172—3173]. В других сообщениях миссия Хашима вообще не упоминается, но говорится о посылке «двух Мухаммадов»: в одном случае с Мухаммадом б. Абу Бакром едет Мухаммад б. Джа‘фар [Таб., I, с. 3140], в другом — Мухаммад б. Аун [с. 3139]. В одном случае после них Али посылает не Хасана и Аммара, а Абдаллаха б. Аббаса и ал-Аштара [Таб., I, с. 3145]. Путаница, несомненно, произошла из-за того, что ал-Аштар, как и многие другие, сопровождал Хасана.

[95] Таб., I, с. 3124.

[96] Там же, с. 3103.

[97] Йа‘к., ч. 2, с. 211; Таб., I, с. 3181; в «Китаб ал-имама» совершенно невероятная цифра — 13 000 тайийитов [Пс.-И. Кут., т. 1, с. 97].

[98] Таб., I, с. 3125—3126; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 533—534.

[99] Таб., I, с. 3135—3136.

[100] Там же, с. 3129—3131; И. Абу-л-Хадид, т 1, с. 534.

[101] Куфи, т. 2, с. 289; Таб., I, с. 3171, 3174.

[102] Таб., I, с 3143, 3144.

[103] И Абу-л-Хадид, т. 2, с. 156.

[104] Динав., с. 153—154; Таб., I, с. 3147, 3148—3149; И. Абу-л-Хадид, т. 2, с. 157.

[105] И. Абу-л-Хадид, т. 2, с 157; Куфи, т. 2, с. 290—292.

[106] Таб., I, с. 3145—3154.

[107] Сведения о численности куфийцев расходятся, хотя и в очень скромных пределах. по суше пришло 6200, 6500 или 7200 человек, прибыли по воде соответственно 2800, 2500 или 2400 человек [Таб., I, с. 3152, 3155]; сходные цифры называют и другие источники — 9200 [Куфи, т. 2, с. 292] и 9650 [Динав., с. 154]; вторая группа источников приводит цифры, колеблющиеся около семи тысяч: от 6000 до 7000 [Халифа, с. 164], 7000 [Таб., I, с. 3181 — со слов Мухаммада б. ал-Ханафии] и 6560 человек [И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 102].

[108] По одной версии, совершить ночное нападение на Али в Зу-Каре предлагал аз-Зубайр [Таб., I, с. 3137; И. Абу-л-Хадид, т. 2, с. 157], по другой — напасть при подходе Али к Басре («когда Али и его люди утомлены дорогой») предложили Талха и Абу-л-Джарба Асим б. ад-Дулаф, а аз-Зубайр отверг это [Куфи, т 2, с. 295—297; Таб., I, с. 3165—3166] Судя по поведению аз-Зубайра во всей этой истории, последняя версия кажется правдоподобнее.

[109] И Абу-л-Хадид, т. 1, с. 102.

[110] Таб , I, с. 3156—3157.

[111] Обычное соотношение сил, указываемое средневековыми историками. 20 000 у Али и 30 000 у мятежников [Таб , I, с. 3180—3181, Куфи, т 2, с. 342]. Однако не исключено, что численность войска Али была меньше: из Медины с ним вышло около 700 человек. по дороге к ним

присоединилось около 600 таййитов и около 2000 бакритов [Таб., I, с. 3181], наконец, добавилось примерно 7000 куфийцев, в общей сложности набирается 10 300 человек, это — достаточно надежный минимум, добавив к нему еще 3000 пополнений мелкими группами, мы получим 13, максимум 15 тыс. человек. Численность басрийцев также была меньше 30 000, хотя их должно было быть несколько больше, чем воинов Али.

[112] Куфи, т. 2, с. 297; Таб., I, с. 3168.

[113] Есть лишь одно сообщение о встрече Али с обоими мятежными руководителями [Таб., I, с. 3175—3176; повторено: Агани, т. 18, с. 54—55], в остальных случаях говорится только об аз-Зубайре и встреча относится ко дню сражения [Динав., с. 157; Куфи, т 2, с. 309—311; Таб., I, с. 3185; Агани, т. 18, с. 55—57, И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 45—46].

[114] Таб., I, с. 3161—3171. По другой версии (не упоминающей заранее задуманной провокации), генеральное сражение началось после того, как подростки (*ṣибйāн*), рабы и неразумные люди (*суфахā'*) начали кидаться камнями, а затем стрелять [Таб., I, с. 316; ср.: Lau, 1979].

[115] Наиболее распространена версия, что Талху убил Марван б. ал-Хакам, мстя за Усмана б. Аффана [Куфи, т. 2, с. 326; Халифа, с. 160—161, 165; Йа'к., т. 2, с. 326 (отравленной стрелой); И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 159]; ад-Динавари дает совершенно иное объяснение: когда Талха узнал о бегстве аз-Зубайра, то тоже хотел покинуть поле боя, и Марван решил его за это убить [Динав., с. 157].

[116] Существует несколько версий гибели аз-Зубайра. Большинство сходится на том, что он был замечен тамимитами ал-Ахнафа б. Кайса и один из них, Амр (или Умайр) б. Джурмуз, убил аз-Зубайра за то, что, затеяв братоубийственное сражение, он бросил своих сторонников на произвол судьбы. Нет единства в том, где был убит аз-Зубайр: на окраине Басры [Динав., с. 157—158], в Ирк ас-Сувайка (не локализуется) [Агани, т. 18, с. 56], в Вади ас-Сиба' [Халифа, с. 166; Йа'к., т. 2, с 213; Куфи, т. 2, с. 312; Таб., I, с. 3188, 3190, 3288] или около ас-Сафвана (30 км южнее Басры) [Таб., I, с. 3171]. Неизвестно, где в это время находился ал-Ахнаф: у себя дома в Басре [Динав., с. 157] или в лагере за городом [И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 77—78; Таб., I, с. 3218]; неясно, как был убит аз-Зубайр: во время совместной молитвы с Ибн Джурмузом [Динав., с. 158], во сне, после того как Ибн Джурмуз приветил его и накормил [Куфи, т. 2, с. 313], или, наконец, убит Ибн Джурмузом в честной схватке [Таб., I, с. 3172].

Вади ас-Сиба' — современное вади Эль-Батин, устье которого находится примерно в 10 км южнее Басры (аз-Зубайра), могила же аз-Зубайра находится на юго-западной окраине средневековой Басры, что больше отвечает версии о гибели аз-Зубайра на выезде из города, но это противоречит сообщениям о том, что ал-Ахнаф со своими сторонниками стоял лагерем в двух фарсахах от Басры в сторону Куфы.

[117] Таб., I, с. 3192; Халифа, с 165; И. Са'д., т. 7, ч. 2, с. 65—66 Убиение сабаитами: Таб., I, с. 3191.

[118] Куфи, т. 2, с. 314—315; Таб., I, с. 3183, 3223—3224, 3227.

[119] Число убитых указывается различно: 20—30 тыс. [Халифа, с. 116, 167, Йа'к., т. 2, с. 213], 13 400—13 500 [Халифа, с. 167], 13 000 [Мас'уди,

М., т 4, с. 376; Мас‘уди, Мᵉ., т. 2, с. 380], 10 000 [Таб., I, с. 3224], 6000 [Таб., I, с. 3231]; убито басрийцев: 15 940 [Куфи, т. 2, с. 342], 10 000 [Таб., I, с. 3224], 3300 или 2500 [Халифа, с 167]. Потери сторонников Али в каждом случае оказываются на порядок меньше: 1070 [Куфи, т. 2, с. 342], 400—500 [Халифа, с. 167]. Только в одном случае говорится о равных потерях — по 5000 человек [Таб., I, с. 3224], указываются и потери отдельных племен со стороны басрийцев [Куфи, т. 2, с. 342], которые в сумме составляют 15 490 человек, что явно преувеличивает потери противников Али. Наиболее вероятное число павших басрийцев, указываемое ими самими, — 2500 человек, примерно столько же должны были потерять и куфийцы.

120 Халифа, с. 167—172.

121 Таб., I, с. 3220—3221

122 Там же, с. 3223; Динав., с. 160—161.

123 Куфи, т. 2, с. 338—339; Таб., I, с. 3224—3226.

124 Таб., I, с. 3231 У ал-Куфи эскорт превращается в позорище для Аиши, так как женщинам было приказано надеть мужскую одежду [Куфи, т. 2, с. 341].

125 Балаз., А., т. 4А, с. 165; Таб., I, с. 3229—3230.

126 Таб., I, с. 3230, 3227—3228.

127 Наубахти, с 19; Наубахти, пер., с. 127

Глава 2

1 Минк., с. 3 — 12 раджаба 36 г. в понедельник. 12 раджаба соответствует 4 января 657 г , но приходится на среду Таким образом, прибытие в Куфу может датироваться либо понедельником 2 января, либо 4 января — по числу месяца.

2 Минк., с. 4—8.

3 Таб , I, с. 2928—2929, 2950—2955.

4 В Хамадан был послан Захр б. Кайс ал-Джу‘фи, а в Азербайджан — Зийад б. Мархаб ал-Хамдани [Минк., с. 15, 20], оба до того ничем не отличились· первый упоминается у ат-Табари впервые лишь в связи со сражением при Сиффине, а второй не упоминается совсем. Называются и несколько иные имена· Зуфар б. Кайс и Зийад б. Ка‘б [Пс -И. Кут., т. 1, с. 149, 151].

5 *Миср* — в словоупотреблении VII—VIII вв. — гарнизонный центр, два крупнейших из них — Куфа и Басра — часто объединялись общим понятием *ал-миṣрāни* («два мисра»); в данном случае имеется в виду Ардебил, военно-административный центр Азербайджана при арабах.

6 Куфи, т. 2, с 367—368, 370—371; Минк., с. 20—21; Пс.-И. Кут., т. 1, с. 151.

7 Халифа, с 187; Балаз., Ф , с. 394—395; Т Систан, с. 84—85, Т. Систан, пер , с. 107—108

8 Согласно Халифе, восстание Карина было подавлено в 33/653-54 г. [Халифа, с 143—144]

9 По данным ал-Балазури, получается, что, одержав победу над полчищами тюрков, Абдаллах б. Хазим почему-то уехал в Басру [Балаз., Ф.,

с. 408]. Согласно сведениям ал-Мадаини, Усман, обрадованный победой Абдаллаха, «утвердил его над Хорасаном, и оставался он на нем, пока не решилось дело [битвы у] верблюда. И приехал он в Басру» [Таб., I, с. 2906; см. также: Халифа, с. 144]. Однако в рассказе о событиях в Хорасане в 33 г.х. ал-Вакиди говорит о посылке туда ал-Ахнафа: «...жители его (Хорасана) отложились. И завоевал он оба Марва: Марв аш-Шахиджан — по договору, а Марв ар-Руд — после жестокого сражения. Абдаллах б. Амир последовал за ним, остановился у Абрашахра и завоевал его по договору» [Таб., I, с. 2907].

[10] Chavannes, 1903, с. 172. Согласно ад-Динавари, борьбой с арабами руководила дочь «кисры» (сасанидского царя) [Динав., с. 163]; эта версия каким-то образом связана с фактом пленения дочери или двух дочерей Йездигерда III [Минк., с. 12].

[11] Минк., с. 12.

[12] Балаз., Ф., с. 408; Таб., I, с. 3249.

[13] Балаз., Ф., с. 409; Таб., I, с. 3442.

[14] Кинди, В., с. 19.

[15] В пересказе самого ат-Табари [Таб., I, с. 3233] непонятно, кто были 30 человек, с которыми Мухаммад б. Хузайфа вышел из ал-Ариша и сдался.

[16] Иначе рассказывал о пленении Мухаммада правнук Аммара б. Йасира: Му'авийа б. Абу Суфйан не смог пробиться в Египет и предложил Мухаммаду переговоры с условием, что с каждым из них будет лишь по 30 сопровождающих. Мухаммад согласился, а Му'авийа, прибыв в условленное место с 30 сопровождающими, приказал войску тайно подойти к месту переговоров ночью и захватить египтян [Зуб., с. 301—302].

[17] Кинди, В., с. 20.

[18] Таб., I, с. 3408.

[19] Минк., с. 72—75.

[20] У ал-Минкари имя и титул отправителя отсутствуют.

[21] Динав., с. 166—167; Минк., с. 29—30.

[22] Роль Вардана в решении Амра присоединиться к Му'авии непонятна (см. [Минк., с. 34—40; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 77—78]), к сожалению, здесь не помогает и Ибн Са'д, поскольку в рукописи, на которой основано издание, жизнеописание Амра начинается с его напутствия Вардану перед отправкой к Му'авии, а далее следует текст договора, по которому Египет после его завоевания отдается под управление Амра, с явно ошибочной датой: 38 г.х. [И. Са'д, т. 4, ч. 2, с. 2—3]. Такой договор не мог появиться на начальном этапе переговоров.

Рассказ о переговорах Амра и Му'авии носит явные черты фольклорной обработки, особенно характерен прием концентрации событий: в одну ночь Му'авийа получает три неприятных известия — о бегстве Мухаммада б. [Абу] Хузайфы из дамасской тюрьмы, о сборах Али в поход и о вторжении византийцев, — Амр сразу же советует, как решить все три проблемы.

[23] Зуб., с. 154.

[24] В дополнение к сказанному в примеч. 22 можно отметить, что у ал-Минкари главным агитатором, убеждающим Шурахбила в виновности Али, называется Абдаррахман б. Ганм [Минк., с. 44], который, по

сведениям ат-Табари, был одним из главных противников Усмана в Сирии [Таб., I, с 2960; ср.: И. А., Усд, т. 3, с. 318], а по сведениям Ибн Абдалбарра, выступал в Химсе в защиту прав Али на халифат почти в тех же выражениях, что Джарир перед Му'авией. Это заставляет с осторожностью относиться ко всему комплексу сведений о посольстве Джарира.

[25] Динав., с. 167—171; Куфи, т. 2, с. 404—406; Таб., I, с. 3555—3556; Минк., с. 27—61.

[26] Динав., с. 164; Минк., с. 12—13. По порядку изложения (сразу после рассказа о назначении наместников Ирака и Ирана) столкновение у Харрана оказывается раньше посольства Джарира, но весь характер переговоров, заканчивающийся угрозой со стороны Али начать войну, свидетельствует о том, что Джарир был в Дамаске до открытия военных действий. Сбой в хронологическом порядке изложения еще больше у ал-Куфи, у которого призыв Му'авии к походу на Куфу предшествует прибытию Джарира [Куфи, т. 2, с. 362, 374—399]. При общности сведений ал-Куфи и ал-Минкари одни и те же фразы из-за контекста приобретают разный смысл. Например, у ал-Минкари Али пишет по поводу претензий Му'авии на управление Сирией и Египтом: «Подлинно, ал-Мугира ибн Шу'ба советовал мне сделать Му'авию наместником Сирии, когда я был в Медине, но я отверг это» [Минк., с. 52], у ал-Куфи же Али раскаивается, что не последовал этому совету [Куфи, т. 2, с. 420].

[27] Минк., с. 94—95; Куфи, т. 2, с. 362; Динав., с. 175. У ал-Куфи этот эпизод, связанный с призывом к сбору в поход, также помещен до рассказа о посольстве Джарира.

[28] Минк., с. 95—97.

[29] Там же, с. 105—107, 116—117. Однако одно из писем (с. 105) датировано зу-л-ка'да 37 г.х.! Либо это выдумка какого-то предшественника ал-Минкари, либо документ действительно относится к этому времени и связан с подготовкой ко второму походу.

[30] Минк., с. 115. Ад-Динавари говорит лишь об одной группе раби'итов, состоявшей из 400 *куррā'*, которых Али послал в Казвин и Рейй [Динав., с. 175].

[31] Средний состав семи подразделений (*асба'*) Куфы: 1) при ее основании [Таб., I, с. 2495]; 2) перед походом Али на Басру [Таб., I, с. 3174]; 3) перед сражением у Сиффина [Минк., с. 117] (все семь подразделений перечислены только в последнем случае). Названия племен перечислены в порядке, удобном для сопоставления.

	1	2	3
1	кинана, ахабиш, джадила (б кайс айлан)	кинана, курайш, асад, тамим, ар-рибаб, музайна	кинана, курайш, асад, тамим, ар-рибаб, дабба
2	асад, гатафан, мухариб, ан-намир, дубай'а, таглиб		
3	тамим, ар-рибаб, хавазин		

	1	2	3
4		бакр б ваил, таглиб, кайс	кайс, абдалкайс
5	куда‘а, (гассан), баджила, хас‘ам, кинда, азд, хадрамаут	баджила, анмар, хас‘ам, азд	куда‘а, кинда, хадрамаут, махра
6			баджила, хас‘ам, азд, ансары, хуза‘а
7	мазхидж, химйар, хамдан	мазхидж, аш‘ар	мазхидж, аш‘ар
8	ийад, акк, абдалкайс, жители Хаджара, «ал-хамра»		
9			хамдан, химйар
10			тайй

[32] Минк., с. 131 — 5 шаввала; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 164 — «когда осталось пять дней шаввала».

[33] Минк., с. 143.

[34] Там же, с. 128

[35] Там же, с 152.

[36] Там же, с 151—152. Ад-Динавари не упоминает Ракку, а говорит о переправе у Балиха [Динав., с. 178]

[37] Минк , с. 153—156; Динав , с. 178; Куфи, т. 2, с 490; Таб., I, с 3261

[38] Сиффин локализуют в районе современного селения Абу-Хурайра [Musil, 1927, с. 247, 321; EI, Bd. 4, с. 435] На карте А. Мусила [Musil, 1926] отмечено селение Сиффин в 12 км юго-восточнее Ракки, но оно не может быть местом сражения, так как, во-первых, после переправы у Ракки Али оказался бы западнее лагеря Му‘авии, т.е. сразу же был бы отрезан им от Ирака, а во-вторых, при переправе в такой близости от сирийцев иракские войска были бы разгромлены по частям (переправа такой большой армии заняла бы два дня).

[39] Халифа, с. 175, по словам правнука Али, Зайда б. Али, армия насчитывала 100 000 человек (там же), что явно преувеличено. Другие данные: 100 000, 150 000 [Минк., с. 156, 157].

[40] Минк , с. 157—185; Динав., с. 178—180; Куфи, т. 3, с. 1—15; Таб , I, с. 3264—3269.

[41] Ал-Минкари не датирует схватку за воду, но после описания ряда стычек отмечает· «...так простояли они, пока не наступила зу-л-хиджжа» [Минк., с. 195; Йа‘к., т. 2, с. 219] Это не противоречит расчету времени, требовавшегося для марша войска от ан-Нухайлы до Сиффина: от ан-Нухайлы до ал-Мадаина (150 км) — 3 дня (перечислены все стоянки), несколько дней потребовалось для сбора дополнительных контингентов в ал-Мадаине, от ал-Мадаина до Хабура при той же скорости 50 км в сутки (460 км) — примерно 10 дней, от Хабура до Ракки (180 км) — 4 дня, всего не менее 20 дней Прибавив задержку при переправе через Хабур, время на переговоры с раккцами, на постройку мос-

та и переправу, мы получим не менее 30 дней. Если войско выступило из ан-Нухайлы 24—25 шаввала, то схватка за воду придется на конец зу-л-ка‘да — начало зу-л-хиджжа 36/15—20 мая 657 г.

[42] Ад-Динавари и ал-Минкари говорят о трех месяцах противостояния после схватки за воду. первый называет два месяца раби‘ и джумаду I и относит возобновление боев к первому дню джумады II [Динав., с 181], второй говорит о раби‘ II и двух джумадах [Минк., с. 190]; цитирование подряд несогласованных друг с другом сообщений приводит ал-Минкари к явным парадоксам: после рассказа о трех месяцах переговоров вдруг сообщается, что сражение возобновилось в зу-л-хиджжа, в мухарраме соблюдалось перемирие и бои возобновились в среду 1 сафара/19 июля 657 г. [Минк., с. 195—196; 214]. Последняя дата не вызывает сомнения, но для трехмесячного перемирия с переговорами нет места, так как совершенно очевидно, что сражение за воду произошло в начале зу-л-хиджжа

[43] Nagel, 1981, с. 47—48, 103—106. К сожалению, 2-й том «Ансаб ал-ашраф» ал-Балазури, где содержится рассказ о Сиффине по Абу Михнафу, был мне недоступен.

[44] Там же, с. 403, Куфи, т. 3, с 198, 294; Динав., с. 198; клички коня — различные.

[45] Минк., с. 233

[46] Там же, с 191—193, Куфи, т 3, с. 15—23.

[47] Г. Йейнболл считает, что *ķуррā’* («жители селений») принадлежали к низшим социальным слоям, отчего в битве при Акраба их поставили в первые ряды и они понесли большие потери [Juynboll, 1973; Juynboll, 1974; Juynboll, 1975; EI^2, т 5, с. 502]. Т Нагель пошел дальше, утверждая, что *ķуррā’* — сельские жители, переселившиеся в Медину к Мухаммаду и ставшие, в отличие от бедуинов, его верными последователями. Они составили основную массу завоевателей Ирака и заняли господствующее положение. «При Усмане они теряли свое привилегированное положение по мере того, как в Басре и Куфе росло влияние знатных курайшитов. Поэтому мы видим „жителей селений“ и их симпатии на стороне Али, когда же он пошел на мировую с Му‘авией, то они, естественно, восстали против него» [Nagel, 1981, с. 134—135, а также с. 48 и примеч. 166 к ней на с 435].

Наконец, недавно Н.Калдер попытался объяснить значение слова *ķуррā’* через однокоренное *ķур*’ («время», «отрезок времени») и пришел к выводу, что *ķуррā’* — воины временных отрядов, действовавших за пределами племенной территории [Calder, 1991].

Все эти гипотезы, несмотря на большую эрудированность их авторов, основываются на слишком больших допущениях и не согласуются с некоторыми очевидными фактами· прежде всего *ķуррā*’ этимологически не может быть связано с *курāн*’ (мн. ч от *карйā* — «селение»), хотя, несомненно, большинство знатоков Корана были из оседлых жителей; затем, утверждение, что *куррā*’ относились к социальным низам, прямо противоречит тексту сообщения ат-Табари о споре между *ахл ал-ķурā* и бедуинами во время битвы при Акраба, поскольку там *ахл ал-курā* (если их считать тождественными *куррā*’) прямо определены как мухаджиры и ансары [Таб., I, с 1946]. Теория Н.Калдера еще более надуманна, по-

этому для ее опровержения потребовалось бы написать целую статью, так как доказать отсутствие несуществующего труднее, чем опровергнуть какие-то ошибки.

О том, что *ḳуррā'*, руководившие хариджитами, были именно знатоками Корана, свидетельствует такой эпизод: недовольные куфийцы послали к Усману Амира б. Абдаллаха ат-Тамими (одного из будущих руководителей хариджитов), чтобы он изложил халифу их претензии. Когда Амир изложил эти претензии, Усман сказал присутствующим: «Послушайте-ка этого! Люди утверждают, что он *ḳари'* (мн. ч. *ḳуррā'*), а он пришел ко мне и говорит какую-то чушь. Клянусь Аллахом, он не знает, где Аллах!» [Таб., I, с. 2931]. Это высказывание Усмана не оставляет сомнений, что *ḳāри'* — знаток мусульманского вероучения, что прежде всего предполагает знание Корана. По смыслу это слово более всего соответствует исходному значению русского понятия «начетчик» — человек, начитанный в Писании. Все повествование о сражении при Сиффине свидетельствует именно об этом, иное дело, что численность *ḳуррā'* явно преувеличена.

48 Минк., с. 187, 200; Куфи, т. 3, с. 23, 27; Динав., с. 181—182.

49 Три перечня совпадают с ничтожными расхождениями [Минк., с. 205; Халифа, с. 177—178; Динав., с. 182—183], особняком стоит перечень ал-Куфи, в котором отсутствует упоминание племенных групп, но есть отсутствующие в трех других подразделения конницы правого и левого фланга, центра, засадный отряд и некоторые другие. Этот перечень можно было бы счесть частью одного, общего с предыдущими, первоначального полного перечня, если бы в нем не фигурировали иные имена начальников подразделений, названных во всех четырех перечнях [Куфи, т. 3, с. 32].

50 См. примеч. 31 к этой главе.

51 Минк., с. 137—140. Этот эпизод ал-Куфи (т. 3, с. 105—106) относит к генеральному сражению в сафаре 37 г.х., однако при перечислении командиров отдельных подразделений в первый день сражения ал-Аш‘ас уже назван командующим правым флангом, а главой киндитов — Худжр б. Ади [Минк., с. 205; Халифа, с. 176, 177; Динав., с. 182] — вопрос только в том, насколько можно доверять подобным перечням командующих.

52 Минк., с. 202—494. Нечеткость возникает только в промежутке между воскресеньем (правильно оказывающимся пятым по порядку днем сражения [Минк., с. 222]) и следующим сразу за ним вторником и вечером на среду [Минк., с. 225], четверг же оказывается 7 сафара [Минк., с. 232], и рассказ о сражении в этот день начинается только на с. 362 — похоже, что автор не знал, куда поместить многочисленные рассказы о поединках и гибели сподвижников Али, имевшиеся в его распоряжении. У ад-Динавари и ал-Куфи дат нет вообще и даже не указывается, к какому по порядку дню сражения относится тот или иной эпизод. Если судить по числу рассказов, вводимых словами «А на другой день...» или «А когда настало утро...», то у первого можно насчитать 16 дней, а у второго — 19. Этому не приходится удивляться, так как оба автора опускают иснады, и различные версии одного и того же сливаются в последовательное повествование: так, у ал-Куфи прорыв к

шатру Му'авии описывается восемь раз [Куфи, т. 3, с. 37, 81, 100, 140, 183, 201, 243, 303], причем каждый раз с различными героями.

[53] Минк., с. 272—273.

[54] Там же, с. 433; у ал-Куфи (т. 2, с. 221) бану акк требуют денег, а аш'ариты — Хауран и Басанию в икта

[55] Минк, с. 257.

[56] Там же, с. 245—246; Динав., с 188. Ал-Минкари датирует его гибель четвергом 7 сафара, т.е. последним днем сражения, но далее оказывается, что битва продолжалась еще долго.

[57] Минк, с 470—471.

[58] Халифа (с 173) датирует эту битву (вернее, ее последний день) средой 7 сафара 37/25 июля 657 г. (этот день — вторник), а замирение — субботой 10 сафара/28 июля (этот день — пятница). Согласно ал-Минкари, последний день — 7 сафара (но четверг) [Минк., с. 232]. Невероятный промежуток в два дня между последним днем сражения и последовавшим за ним поднятием Коранов и прекращением сражения легко ликвидируется, если видеть здесь весьма частую путаницу между сходными по написанию арабскими «семь» и «девять». 9 сафара действительно четверг, тогда поднятие Коранов и замирение придется на пятницу [Куфи, т. 3, с. 305] 10 сафара [Халифа, с 173].

[59] Минк. с. 252, 402. В одном из вариантов говорится, что фронт выравнивал Али [Минк, с. 404].

[60] Минк, с. 407; Динав., с. 189; тот же случай — с Бусром б. Абу Арта [Минк., с. 461].

[61] Динав, с 196.

[62] Минк, с. 369, 475—476.

[63] Там же, с 369

[64] Там же, с 478—479, 481.

[65] Там же, с. 482.

[66] Там же, с. 484

[67] Там же. с. 490—491 У ад-Динавари изложено в иных выражениях и добавлено, что когда ал-Аштар не подчинился приказу выйти из боя, иракцы заподозрили, что это сделано по тайному приказу Али [Динав., с. 203—204]

[68] Минк., с. 500.

[69] Там же., с. 508—509; Динав, с. 207; Куфи, т 4, с. 8—14

[70] Минк., с 504—509; вторая версия — с. 510—511. Ад-Динавари приводит первую версию [Динав., с. 207—209] (анализ текстов см. [Hinds, 1972]). В этих трех текстах различно формулируется право арбитров изменить срок вынесения решения: в первом случае крайний срок — конец года [Минк, с. 506], во втором — рамадан, но оговаривается, что при желании арбитры могут вынести решение и раньше [Минк., с. 510], у ад-Динавари возможности арбитров в этом отношении шире: «...если захотят судьи ускорения суда, то ускорят его, а если решат отсрочить — отсрочат его» [Динав., с. 208]. Ал-Куфи говорит, что судьям предоставляется «целый год» [Куфи, т. 4, с. 15].

[71] Во всех случаях дата. «в среду за 13 дней до конца сафара»; у ат-Табари в пересказе содержания договора — среда 13 сафара [Таб., I, с 3336—3337]. Ни тот, ни другой день не являются средой (13 сафара =

31 июля, понедельник, 13-й день от конца = 3 или 4 августа (в зависимости от того, считать ли последний день месяца), четверг или пятница У Ибн Абу-л-Хадида, приводящего текст соглашения со ссылкой на ал-Минкари, оно датировано последним днем сафара и говорится о подписи десяти свидетелей [И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 111]; у ат-Табари также упомянуты 10 имен [Таб., I, с. 3337—3338], что говорит в пользу мнения М.Хиндса о том, что именно текст с десятью подписями свидетелей является подлинным.

Согласно ал-Йа‘куби, договор параллельно составляли секретари Али и Му‘авии, а потом текст сводился [Йа‘к., т. 2, с. 220], и каждая сторона получила текст с подписями противоположной стороны [Куфи, т 4, с. 17].

[72] Минк., с. 513. Перед этим говорится, что бану аназа отвергли соглашение, заявив: «Нет суда, кроме суда Аллаха, хотя это и неприятно неверующим» [Минк., с. 512; Динав., с. 210].

[73] А.Мусил так представляет направление обратного пути: Сиффин, Русафа, ас-Салихийа и далее по Евфрату; упоминаемую на этом пути Сандауда он отождествляет с ар-Рамади [Musil, 1927, с. 247].

[74] Халифа, с. 174 (упоминает только Шабаса, число харуритов определяет в 20 000); Куфи, т. 4, с. 89—97; Таб., I, с. 3349 — 12 000.

[75] EI^2, т. 4, с 1106—1109, там же литература о хариджитах: точку зрения на взаимоотношения Али и хариджитов современного хариджитского шейха см. [Сулайман, 1983].

[76] Таб., I, с. 3348.

[77] Куфи, т. 4, с. 91—97, Таб., I, с. 3350—3354.

[78] Минк., с. 534—537; Куфи, т. 4, с. 20—22; Динав., с. 211; Таб., I, с 3354.

[79] Динав., с. 163—164; Таб., I, с. 3350; Минк., с. 12. По поводу столь знатной пленницы возникли разные версии: ад-Динавари сообщает об одной пленнице, ат-Табари — о двух, у ал-Минкари о них говорится во множественном, а не в двойственном числе, и только ат-Табари говорит о возвращении пленниц(ы) в Хорасан.

[80] Кинди, В., с. 19. Согласно версии Абу Михнафа, Кайс прибыл в Египет с грамотой, датированной сафаром 36 г.х. Ее текст, излагающий причины убиения Усмана и права Али на халифат, с призывом присягнуть Али вполне соответствует этому моменту [Таб., I, с. 3087—3088; 3235—3238]. По тем же сведениям, он был смещен 1 рамадана того же года/21 февраля 657 г. [Таб., I, с. 3247; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 296], как раз тогда, когда, по сведениям ал-Кинди, Мухаммад б. Хузайфа сражался с отказывающимися присягать в Харбите [Кинди, В., с. 18].

Раннее назначение и смещение Кайса вроде бы дополнительно подтверждаются словами Абу Михнафа: «Вышел амир верующих к людям верблюда, а он (Кайс) — правил Египтом, вернулся [Али] из Басры в Куфу, а он — все там же» [Таб., I, с. 3238; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 295] Но эти слова опровергаются сообщением Умара б. Са‘да (промежуточное звено между Абу Михнафом и ал-Минкари [Sezgin U , 1971, с 137—145]), что Али назначил Кайса, возвратившись из Басры [Минк., с 127]. Совершенно независимое сообщение аш-Ша‘би, что Му‘авийа, уходя к Сиффину, писал «воздержавшимся» египтянам, чтобы они,

«если двинется Кайс, наместник Али в Египте, противостояли ему» [Минк., с. 128], подтверждает слова Абу Михнафа, но в то же время есть сведения, что Кайс командовал басрийской пехотой при Сиффине по возвращении из Египта [Минк., с. 208]. Этот разнобой не позволяет безоговорочно доверяться сведениям ал-Минкари, и есть совершенно объективный критерий проверки сведений о назначении Кайса — принципиальная противоположность политики Кайса и Мухаммада б. Хузайфы в отношении инакомыслящих: если бы Кайс был назначен наместником Египта в начале 36 г., то Мухаммад не мог бы вести в том году военные действия против «воздержавшихся». Это заставляет отдать предпочтение египетской традиции, которая априори должна быть осведомленнее о ситуации в Египте. Согласно ал-Кинди, Кайс прибыл в Египет 1 раби‘ I 37/17 августа 657 г. [Кинди, В., с. 19], по данным Абу Михнафа, грамота о назначении была датирована сафаром 36 г.; достаточно допустить, что в последнем случае дата смещена ровно на год (такие ошибки для раннего периода не редкость), как все становится на свои места: грамота была написана в сафаре 37 г., сразу после окончания битвы в Сиффине, двух недель было достаточно, чтобы доехать оттуда до Египта; это согласуется и со всеми сведениями о почти годичном правлении Мухаммада б. [Абу] Хузайфы в Египте, и об участии Кайса в сиффинской битве.

[81] Кинди, В., с. 21—22; Таб., I, с. 3235—3244; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 295, 396.

[82] Таб., I, с. 3341; И. А., т. 3, с. 276.

[83] Wellhausen, 1902, с. 57; Таб., I, с. 3354.

[84] Халифа, с. 174. Салих б. Кайсан сообщает, что встреча была назначена в Тадмуре (который другие авторы не упоминают), в действительности же она состоялась сначала в Думат ал-Джандал, а потом, в ша‘бане 38 г.х., в Азрухе [Petersen, 1964, с. 36]. Эта разноголосица (полную для своего времени сводку сведений о месте и времени встречи арбитров см. [Veccia Vagl., 1952, с. 81—87]) смущает исследователей, но большинство склоняется в пользу Азруха без особого анализа. Ю.Велльхаузен считал, что договаривались о Думат ал-Джандал, а встретились в Азрухе; Азрух считают местом встречи А.Ляммéнс, Л.Каэтани, К.Брокельманн, М.Шабан [Wellhausen, 1902, с. 56—57; Lammens, 1908, с. 125—126; Caetani, 1926, т. 10, с. 26—29; Brockelmann, 1947, с. 69; Shaban, 1971, с. 75]. Л.Вечча Вальери в отличие от многих сторонников этого мнения пришла к тому же выводу, проанализировав большое число источников. Она считает, что единственная встреча состоялась в Азрухе в конце 37 г., выбор этого места, по ее мнению, определялся его срединным положением по отношению к Египту, где был Амр б. ал-Ас, и Хиджазу, где был Абу Муса [Veccia Vagl., 1952, с. 87]. С ее аргументами в пользу Азруха трудно согласиться: во-первых, Азрух находился в пределах владений Му‘авии и поэтому был неприемлем для Али, тогда как Думат ал-Джандал находился практически в ничейной зоне, точно посередине между Куфой, Дамаском и Мединой; во-вторых, Амр б. ал-Ас еще не был правителем Египта и учитывать расстояние до последнего было ни к чему. Если отвергнуть предположение о двух встречах, то Думат ал-Джандал больше соответствует принципам, заявленным в сиффинском соглашении, где был назван именно этот пункт.

[85] Таб., I, с. 3407.

[86] Мас'уди, М., т. 4, с. 392; Мас'уди, Ме., т. 2, с. 407.

[87] Минк., с. 538; Таб., I, с. 3355. Салих б. Кайсан в «Ансаб ал-ашраф» ал-Балазури [Petersen, 1964, с. 39] говорит, что Са'д б. Абу Ваккас присутствовал на встрече и заявил о своем праве на халифат. Присутствие его упоминает также ад-Динавари [Динав., с. 211].

[88] Минк., с. 542.

[89] Там же, с. 540—546; Куфи, т. 4, с. 26—34; Динав., с. 212—215; Мас'уди, М., т. 4, с. 393—401; Мас'уди, Ме., т. 2, с. 407—411; Таб., I, с. 3355—3359. Ал-Мас'уди — единственный, кто говорит о составлении какого-то письменного соглашения.

[90] Куфи, т. 4, с. 34; И. Абдалбарр, с. 678--679.

[91] Кинди, В., с. 21; Таб., I, с. 3235—3241.

[92] Согласно ат-Табари, грамота была датирована 1 рамадана, год не указан, но сообщение приведено под 36 г.х. [Таб., I, с. 3274]. Ал-Кинди относит прибытие Мухаммада б. Абу Бакра к середине рамадана 37 г.х.; основываясь на этом, следует датировать грамоту 37 г.х. Промежуток в две недели вполне достаточен, чтобы проехать от Куфы до Фустата.

[93] Таб., I, с. 3245—3246.

[94] Кинди, В., с. 27; Таб., I, с. 3391.

[95] Кинди, В., с. 27; Таб., I, с. 3248, 3391—3392.

[96] Кинди, В., с. 23—24, 27—28; Таб., I, с. 3392—3396. У ал-Мас'уди по порядку изложения ал-Аштар оказывается назначенным после гибели Ибн Абу Бакра [Мас'уди, М., т. 4, с. 430; Мас'уди, Ме., т. 2, с. 420—421]. Ал-Кинди просто констатирует отравление ал-Аштара, а ат-Табари сообщает, что отравленный напиток изготовил местный «дихкан» ал-Джайстар (т.е. *маджистар* — магистр[ат], член городского совета) с условием, что Му'авийа освободит его от хараджа.

[97] Таб., I, с. 3364—3365.

[98] Там же, с. 3371—3372.

[99] Там же, с. 3370.

[100] Балаз., А. (рук., л. 530—531, ссылка по [Veccia Vagl., 1952, с. 80]); Халифа датирует сражение ша'баном 38/2—30 января 659 г. [Халифа, с. 180]; ал-Йа'куби датирует сражение 39 г.х. [Йа'к., т. 2, с. 225].

Несмотря на то что основные сведения о сражении восходят в конечном счете к одному источнику — Абу Михнафу, численность хариджитов и воинов Али определяется различно. Приведенные в тексте цифры — наименьшие [Таб., I, с. 3380—3381]. Согласно ал-Куфи, хариджитов было 12 000, из них 8000 сдались Али [Куфи, т. 4, с. 125], согласно ад-Динавари, сдалась 1000 человек, 500 ушли с Фарвой, осталось сражаться 4000 [Динав., с. 223—224], ал-Йа'куби также говорит о 4000 сражавшихся, но определяет число воздержавшихся от сражения в 2000 человек [Йа'к., т. 2, с. 225]. Самые скромные цифры у ат-Табари: всего хариджитов было 4000, а после призыва Али осталось 2800 человек [Таб., I, с. 3371—3372]. Численность войска Али ад-Динавари определяет в 80 000 человек [Динав., с. 220], более правдоподобная цифра у ал-Мас'уди — 35 000 [Мас'уди, М., т. 4, с. 408; Мас'уди, Ме., т. 2, с. 415].

[101] О восстании и сражении на ан-Нахраване см.: Халифа, с. 180—181; Куфи, т. 4, с. 98—132; Динав., с. 215—224; Балаз., А., рук. (см.

[Veccia Vagl., 1952, с. 67—71]); Таб., I, с 3365—3385. Дата сражения — по ал-Балазури (см. [Veccia Vagl., 1952, с. 80]). Халифа датирует ее ша'баном 38 г.х. [Халифа, с. 180], ал-Йа'куби приводит еще более позднюю дату — 39 г.х. [Йа'к., т. 2, с. 225].

102 Число убитых со стороны Али во всех источниках чрезвычайно занижено: от 9 человек [Куфи, т. 4, с. 128; Йа'к., т. 2, с. 225] до 13 [Халифа, с. 181]. Все девять человек, упоминаемые ал-Куфи, были знаменосцами или погибли в единоборствах.

103 Динав., с. 224—225.

104 И Абу-л-Хадид, т. 1, с. 103—104.

105 Кинди. В., с. 27—31; Таб., I, с. 3392—3408. Пленение и смерть Мухаммада б. Абу Бакра описываются различно. По одним сведениям, он бежал из Фустата, спрятался в каких-то развалинах и его выдали местные жители [Таб., I, с. 3404—3405]; согласно ал-Мас'уди, это произошло в Ком Шарике [Мас'уди, M^e., т. 2, с. 420]. По другим сведениям, его укрыл в Фустате араб из племени гафик и его выдала слабоумная (?) сестра хозяина [Кинди, В., с. 30; И. Абдх., с. 122; И. Абдх., пер., с. 143; Таб., I, с. 3407]. Он оказывается то казненным, то павшим в бою с оружием в руках [Таб., I, с. 3407]. Али будто бы высказывал сожаление, что не назначил управлять Египтом вместо Мухаммада Хашима б. Утбу («если бы он был убит, то только с мечом в руке, а не без пролития [вражеской] крови, как Мухаммад» [Таб., I, с. 3413]). Халифа приводит сразу три версии: Мухаммад спрятался в развалинах в брюхе мертвого осла и был так сожжен, Му'авийа б. Худайдж убил его в бою; Амр б. ал-Ас казнил его, узнав, что никто не дал ему обещания неприкосновенности [Халифа, с. 175]. Видимо, сторонники Мухаммада приписывали ему героическую смерть в бою, а те, кто считал его главным виновником гибели Усмана, рассказывали о жажде, которую ему пришлось испытывать (за страдания Усмана без воды), и приписывали ему позорную кончину — смерть в брюхе дохлого осла или сожжение в его шкуре.

106 Зуб., с. 347—348; Кинди, В., с. 30

107 Таб., I, с. 3410—3412.

108 Ал-Балазури в «Ансаб ал-ашраф» датирует призыв к походу на Сирию 1 мухаррама 38 г.х. [Veccia Vagl., 1952, с. 80].

109 Таб., I, с. 3433—3434.

110 Там же, с. 3414—3418. Более подробно см.: И.Абу-л-Хадид, т. 1, с. 197—199.

111 Лучший обзор и анализ сведений о восстании ал-Хиррита дан У.Сезгин [Sezgin U., 1971, с. 145—163], нельзя лишь согласиться с датировкой начала восстания: оно, по ее мнению, приходится на ша'бан 38/январь 659 г., поскольку произошло после последней встречи в Азрухе в указанном месяце [там же, с. 159]. Однако, как мы показали выше, встреча арбитров произошла значительно раньше: скорее всего в рамадане 37 г , но никак не позже конца этого года.

112 *Шавāзиб мудар* [Таб., I, с. 3180]. Видимо, это сводный отряд мелких групп мударитских племен, не входивших в состав крупных единиц. Позднее историки говорят о нем как о главе **всех** мударитов.

113 Sezgin U., 1971, с. 158.

[114] У.Сезгин переводит *'улӯдж* («неарабы», «варвары» — по преимуществу иранцы) как Gesindel («отребье») [Sezgin U., 1971, с. 160], хотя параллельное упоминание курдов говорит за то, что имеется в виду национальная принадлежность.

[115] Куфи, т. 4, с. 76.

[116] Таб , I, с. 3418—3438; Куфи, т. 4, с. 75—78; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 151—156. Ю.Велльхаузен считал, что сражение произошло в Бахрейне [Wellhausen, 1902, с. 55], хотя в текстах, на которые он ссылается, определенно говорится, что пленных прогоняли мимо наместника Ардаширхурра (округа в Фарсе) [Таб., I, с. 3449], т.е. сражение было где-то в Фарсе Большинство источников основное внимание уделяет истории с выкупом пленных. Ат-Табари в одном случае говорит о пленных арабах вообще, а в другом называет среди них бану наджийа [Таб., I, с. 3437—3438, 3434—3435]. У.Сезгин считает, что пленение бану наджийа после «битвы у верблюда» нельзя смешивать с последующим восстанием ал-Хиррита [Sezgin U., 1971, с. 155], однако о пленении и выкупе бану наджийа именно после этого восстания говорится и у ал-Куфи, и у ат-Табари.

[117] О приключениях Маскалы см.: Куфи, т. 4, с. 78—82; Таб., I, с 3439—3442.

[118] Таб., I, с. 3449—3450.

[119] Феофан датирует договор 17-м годом правления Константа II (657/58 г), а битву при Сиффине (июль 657 г.) — 18-м годом (658/59 г); несмотря на явную ошибочность абсолютной даты, это позволяет говорить о том, что договор предшествовал битве. По его данным, арабы обязались платить за каждый день мира по 1000 динаров, одному невольнику и одному коню [Феоф., т. 1, с. 374, т. 2, с. 218; Феоф., пер , с 125]. Арабские авторы вместо этого упоминают договор 41/661-62 г. [Халифа, с. 189; Йа'к., т 2, с. 285] или 42/662-63 г. [Йа'к., т. 2, с. 258] (та же дата [Илья, с. 141—142]). Намеком на заключение какого-то соглашения перед сиффинской битвой может служить упоминание отправки богатых даров императору, собиравшему в это время большую армию для нападения на Сирию [Минк., с. 37; Зуб., с. 301] По ситуации потребность в мирном договоре любой ценой не исчезла и сразу после Сиффина, пока войско не восполнило тяжелые потери. В 662 г положение Му'авии настолько окрепло, что он не стал бы заключать договор на позорных условиях.

[120] Таб., I, с. 3447; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 87—88. Сведения об этом набеге восходят к «Китāб ал-гарāт» Абу Михнафа (сохранилась сокращенная версия в одной рукописи [Sezgin U., 1971, с. 56—58, 172]), в котором набег относится ко времени после решения арбитров. В более полной цитате в «Шарх Нахдж ал-балага» уточняется: «...и до ан-Нахравана» [И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 87], однако из самого рассказа о набеге явствует, что Му'авийа отправил ад-Даххака после того, как узнал, что иракцы после ан-Нахравана отказались идти в поход, т.е. после июля 658 г , но упоминание нападений на паломников говорит, скорее, о конце 38 — начале 39/мае 659 г. Этой точки зрения придерживается и У Сезгин [Sezgin U., 1971, с. 174].

[121] Об этом сообщал в письме Али его брат Акил [И. Абу-л-Хадид, т 1, с. 88]. В «Китаб ал-имама ва-с-сийаса» это сообщение соединено с

текстом другого письма, в котором упоминалось выступление из Мекки Талхи и аз-Зубайра [Пс.-И. Кут., т. 1, с. 92—93].

[122] И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 123; коротко у ат-Табари [Таб., I, с. 3445].

[123] Таб., I, с. 3446—3447.

[124] Марон. хр., с. 71; Марон. хр., нем. пер., с. 96; Марон. хр., англ. пер., с. 32—33. Несмотря на точность даты (и явно хорошую информированность источника), имеются некоторые сомнения в ее правильности: приведенные параллельно год по селевкидской эре (971 г.) и год правления Константа II (18-й) не совпадают, первый соответствует 1 сентября 659 — 31 августа 660 г., второй — сентябрю 558 — августу 659 г. Сомнение усиливается и тем, что, по сведениям данного источника, Али был убит до 17-го года правления Константа. Феофан не упоминает присяги в 18-м году правления Константа II, но некоторые сведения Маронитской хроники, упомянутые под этим годом, есть и у Феофана. Особенно важно упоминание обоими источниками землетрясения в Сирии и Палестине, которое у Феофана еще дополнительно датировано вторым годом индикта, т.е. 970 г. селевкидской эры [Феоф., т. 1, с. 347]. Привязку этого землетрясения к летосчислению по хиджре мы находим у Ильи Нисибинского — 979 г. «греческой» эры и 39 г.х. = 29 мая 659 — 16 мая 660 г. н.э. [Илья, с. 141], откуда можно заключить, что маронитский историк имел в виду июль (у Ильи — июнь) 659 г. На этом основании я принимаю эту датировку, хотя после Т.Нёльдеке принято датировать эту присягу 660 г. [Wellhausen, 1902, с. 64—65, EI^2, т. 7, с. 267; Gil, 1992, с. 78].

[125] Ат-Табари упоминает присягу сирийцев Му‘авии в зу-л-ка‘да 37/10 апреля — 9 мая 658 г. [Таб., II, с. 199, I, с. 3396 — без месяца]; ал-Йа‘куби знает только присягу в Куфе после отречения Хасана [Йа‘к., т. 2, с. 256]; ал-Мас‘уди приводит еще более позднюю дату — шаввал 41/февраль 662 г. [Мас‘уди, М., т. 5, с. 14; Мас‘уди, Mᵉ., т. 3, с. 11].

[126] Таб , I, с. 3448; Sezgin U., 1971, с. 174—176 (по рукописи «Китаб ал-гарат»).

[127] Марон. хр., с. 71; Марон. хр., нем. пер., с. 91; Марон. хр., англ. пер., с. 32.

[128] Куфи, т. 4, с. 56—67; Йа‘к., т. 2, с. 231—235; Таб., I, с. 3450—3452; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 67—68; Sezgin U., 1971, с. 181—187.

[129] Йа‘к., т. 2, с. 230 (очень кратко); Таб., I, с. 3445—3446; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 82—83; Sezgin U., 1971, с. 177—179.

[130] Динав., с. 225—226. По порядку изложения речь связывается с отказом куфийцев выступить против Му‘авии после ан-Нахравана, но упоминаются в ней события набега на Анбар. Ибн Абу-л-Хадид говорит, что речь Али была зачитана после возвращения Са‘ида б. Кайса, и хотя текст ее не приводится [И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 83], нет никаких сомнений, что в обоих случаях описывается одна и та же ситуация. Это позволяет привязать рассказ о перепалке в мечети после зачтения речи с подробным ее изложением у ад-Динавари.

[131] Динав., с. 227; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 83.

[132] Главное свидетельство очевидца — рассказ Мухаммада б. ал-Ханафийи, который приводится у ат-Табари без промежуточного иснада [Таб., I, с. 3460]; ал-Исфахани приводит почти дословно совпадающий

рассказ очевидца, но вместо Ибн ал-Ханафийи называет Абдаллаха б. Мухаммада ал-Азди [Исфах., М., с. 21] (иснад: Абу Михнаф: «рассказывал мне отец со слов Абдаллаха б. Мухаммада»).

[133] Куфи, т. 4, с. 134—144; Динав., с. 227—228; Йа‘к., т. 2, с. 251—252; Таб., II, с. 3456—3461; Исфах., М., с. 16—25.

Средневековые историки не единодушны в указании дат покушения и смерти Али, но другие даты, кроме приведенной нами, ненадежны, так как дни недели не совпадают с числами месяца. Так, по ал-Исфахани, Али скончался в воскресенье 21 рамадана [Исфах., М., с. 25], но это число — четверг; Халифа сообщает, что он был убит утром пятницы, когда осталось семь дней рамадана [Халифа, с. 182], но этот день — суббота. Точный ориентир дает одно сообщение ат-Табари, согласно которому Али был ранен ночью пятницы, прожил всю пятницу и субботу и умер в ночь на воскресенье, «когда осталось 11 дней рамадана» [Таб., I, с. 3469], последнее число указано неверно: 18 рамадана — понедельник. У него же приводятся и другие даты: пятница 11 рамадана (понедельник), когда осталось 13 дней рамадана [Таб., I, с. 3456]. Совершенно очевидно, что историки бродят по заколдованному кругу нескольких цифр: семнадцать (его варианты: семь и двадцать семь) и тринадцать, которые отсчитываются то от начала, то от конца месяца. Так, у ал-Куфи Али ранен 23 рамадана (семь дней от конца?) и жил до 27 рамадана (вместо 17-го) [Куфи, т. 4, с. 139, 144]; у ал-Мас‘уди покушение датировано пятницей 13 рамадана [Мас‘уди, М., т. 4, с. 433; Мас‘уди, Mᵉ., т. 2, с. 424], этот день — среда, но несомненно, это должен был быть тринадцатый день от конца (впрочем, этот день — воскресенье). Единственной опорной точкой является указание на дни недели покушения и смерти и 17-е число, относящееся к одному из этих событий. Поскольку 17 рамадана — воскресенье, то покушение следует датировать пятницей 15 рамадана, хотя это число никто не называет. Из этой системы выпадает только сообщение ал-Йа‘куби [Йа‘к., т. 2, с. 252], что Али умер в пятницу первого дня последней декады рамадана = 21 рамадана (четверг). Поздней дате противоречит и надежное сообщение Ильи Нисибинского о том, что Хасан принял на себя власть 19 рамадана во вторник (число и день недели совпадают) [Илья, с. 141]. Об отравлении меча см.: Динав., с. 228; Таб., I, с. 3457.

[134] Куфи, т. 4, с. 142—144 (только устное завещание сыновьям); Таб., I, с. 3461—3462 (устный завет сыновьям), с. 3462—3463 (собственноручно написанное идейное завещание общине, закончив которое — умер); то же см.: Исфах., М., с. 24.

[135] И. Абдх., с. 105—106; И. Абдх., пер., с. 127; Динав., с. 229; Йа‘к., т 2, с. 252; Таб., I, с. 3464—3465. Любопытно, что ал-Балазури в большом разделе «Ансаб ал-ашраф» [Балаз., А., т. 4А], посвященном Му‘авии, не упоминает покушения на него.

[136] И. Абдх., с. 106; И. Абдх., пер., с. 127—128; Кинди, В., с. 33; Динав., с. 229—230; Йа‘к., т. 2, с. 252; Таб., I, с. 3465.

[137] Таб., I, с. 3453.

[138] Куфи, т. 4, с. 67; Таб., I, с. 3452.

[1] Наиболее надежным свидетельством следовало бы считать сообщение со слов Хасана: «Вынесли мы его ночью из его жилища и пронесли мимо мечети ал-Аш'аса, потом пронесли за нее (*илā аз-захри*) около ал-Гарии» [Исфах., М., с. 126], которое подкрепляется свидетельством Абу Михнафа о погребении Али «на площади (*paxба*) около ворот кинды» (там же). Мечеть ал-Аш'аса б. Кайса, вождя киндитов, несомненно, находилась в квартале киндитов, через который шла дорога на юг через ворота кинды [Massignon, 1963, с. 37, рис. 1]. Погребение Али около ал-Гарийа упоминают и другие авторы [Куфи, т. 4, с. 145; Йа'к., т. 2, с. 252]. Ал-Вакиди говорит о погребении в резиденции (*дāр ал-имāра*) около мечети [Таб., I, с. 3469], но уже во время ад-Динавари, в конце IX в., место погребения Али было неизвестно [Динав., с. 230]. Ал-Мас'уди наряду с указанными версиями приводит и совершенно легендарные: о захоронении в Медине рядом с матерью и о том, что по дороге в Медину, в Таййских горах, верблюд, на котором везли гроб с телом Али, подох и гроб упал в вади (и там пропал?) [Мас'уди, М., т. 4, с. 289; Мас'уди, M[e]., т. 2, с. 358].

[2] Таб., I, с. 2461.

[3] Речь Хасана перед присягой приводится в нескольких вариантах, восходящих к одному источнику (Абу Михнафу?), но с разной степенью полноты и небольшими вариациями в пределах описок или вариантного написания в рамках того же согласного скелета [Куфи, т. 4, с. 145—146; Динав., с. 230; Йа'к., т. 2, с. 253; Исфах., М., с. 32—33; И. Абу-л-Хадид (со ссылкой на ал-Исфахани), т. 2, с. 264—265]. Текст целиком или в значительной части фальсифицирован; так, после сообщения о кончине Али, человека, которого пророк посылал вперед и которому помогали архангелы, сообщается (как благоволение Аллаха), что он скончался в ту же ночь, когда скончались Муса б. Имран и Йушу' б. Нун (Иисус Навин), и был вознесен на небо Иса сын Марйам, и был ниспослан Коран. О дате кончины двух первых персонажей спорить трудно, но вознесение Христа никак не совпадает с датой смерти Али по христианскому календарю (воскресенье 17 рамадана 40 г.х. = 24 января 661 г.). Можно допустить, что Хасан плохо разбирался в датах христианского календаря, но трудно его заподозрить в том, он не знал дня, к которому относили ниспослание первого откровения (*лайлат ал-кадр*): ночь на 27 рамадана. Это хронологическое отождествление явно порождено опиской какого-то сочинения, в котором вместо 17-го появилось 27 рамадана (ср.: Куфи, т. 4, с. 144), но не могло прозвучать на следующий день после кончины, сразу после похорон.

[4] Таб., I, с. 3452.

[5] Динав., с. 229.

[6] Зуб., с. 131; Таб., I, с. 3466; Исфах., М., с. 26. Стихи приводятся в разных вариантах.

[7] Наубахти, с. 20; Наубахти, пер., с. 128.

[8] Куфи, т. 4, с. 150.

[9] И. Абу-л-Хадид, т. 2, с. 263 (по ал-Мадаини).

[10] Минк., с. 463.

[11] Исфах., М., с. 34.

[12] Куфи, т 4, с. 149. Тот же текст с некоторыми разночтениями см. И Абу-л-Хадид, т. 2, с. 263 (со ссылкой на ал-Мадаини).

[13] Йа‘к., т. 2, с. 254.

[14] Куфи, т. 4, с. 151—152. По композиции (упоминание споров мусульман после смерти Мухаммада, особых прав курайшитов на халифат, глухо упомянутое лишение Али прав на халифат его предшественниками и призыв присягнуть Хасану) текст ал-Куфи совпадает с посланием, приводимым Ибн Абу-л-Хадидом (т. 2, с. 263), с той только разницей, что в первом сообщается о передаче власти от Али Хасану, а во втором, более обширном, это начало отсутствует, а главное — ответ Му‘авии на эти несколько различающиеся письма — один и тот же. Это заставляет предположить, что послание, приведенное Ибн Абу-л-Хадидом, не первое после смерти Али, а второе, ал-Куфи же их соединил, несколько сократив.

[15] *Ал-ахзāб* («полчища») — союзники мекканцев, осаждавших Медину в 5 г.х. (см.: т. 1, с. 131—133), отсюда же и название 33-й суры Корана, которое И.Ю.Крачковский неверно перевел как «сонмы», считая, что под *ал-аҳзāб* подразумеваются сонмы ангелов, помогавших Мухаммаду [Кор., пер., с. 581, примеч. 10]. В данном случае (и во многих других) этим термином обозначаются враги ислама вообще.

[16] Исфах., М., с. 36. Более краткие версии, но буквально повторяющие многие выражения см.: Куфи, т. 4, с. 151; И. Абу-л-Хадид, т. 2, с 263; из существенных отличий этих версий можно отметить утверждение, что власть Хасану вручил Али.

[17] Так у ал-Исфахани и Ибн Абу-л-Хадида: *ṣаруҳта би тухмати* [Исфах., М., с. 36; И. Абу-л-Хадид, т. 2, с. 263], у ал-Куфи, по тексту которого дается перевод, стоит невразумительное *ṣаруҳта минхум.*

[18] Куфи, т. 4, с. 152—153; то же послание со ссылкой на ал-Мадаини см.. И. Абу-л-Хадид, т. 2, с. 263—264.

[19] Исфах., М., с. 33; И. Абу-л-Хадид, т. 2, с. 265.

[20] Таб., II, с. 15.

[21] У ал-Куфи (т. 4, с. 152—153) и ал-Исфахани [Исфах., М., с. 36—37] приводится по одному ответу Му‘авии, их содержание лишь несколько совпадает в начале, поэтому имеет смысл привести текст ответа Му‘авии по ал-Исфахани. После славословия Мухаммаду и упоминания того, что мухаджиры и ансары решали вопрос о передаче власти после пророка, «хотя это и неприятно тебе», он продолжил: «А ведь ты, по нашему мнению и мнению [других] людей, человек, не подозреваемый [в дурном], не плохой и не порицаемый, и мне хотелось бы сказать тебе благоразумное слово и дать доброе напоминание. Этой общине, когда она разошлась во мнениях после своего пророка, не были неведомы ваши достоинства и ваше превосходство, и ваше родство с пророком, и ваше место в исламе и среди его последователей. И решила эта община отказаться от этого дела в пользу курайшитов из-за их положения относительно пророка. И решили праведные люди из курайшитов и ансаров и всех других простых людей, чтобы управлял этим делом курайшит, старейший в исламе, наиболее разумеющий об Аллахе и наиболее лю-

бимый им среди них и самый сильный из них в деле Аллаха. И выбрали они Абу Бакра. И было это выбором и мнением обладателей разума, и религии, и достоинства, и заботы об общине. И запало вам в душу осуждение их, а их не за что осуждать, и в том, к чему они пришли, — нет греха. И если мусульмане увидели среди вас того, кто совершенно достаточен, или соответствует своему положению, или предоставляет защиту женам мусульман, и не отдали это дело кому-то другому, желая [именно] его, и совершили этим то, в чем видели благо для ислама и его приверженцев, то воздаст Аллах им за ислам и его приверженцев.

Я понял, к чему ты меня призываешь в отношении примирения, но положение между нами сегодня такое же, в каком были вы и Абу Бакр после пророка — да благословит его Аллах и да приветствует его и его род. Если бы я знал, что ты лучше меня поддержишь порядок среди подданных и лучше оградишь эту общину, будешь лучше управлять, и будешь тверже собирать средства, и будешь изворотливее в отношении врагов, то я ответил бы тебе [согласием] на то, к чему ты меня призываешь, и считал бы, что ты больше подходишь для этого. Но я знаю, что я дольше тебя управляю и опытнее тебя в отношении этой общины, больше тебя [понимаю] в политике и старше тебя годами. А тебе больше подобает ответить мне согласием на занятие мною того положения, которого ты требуешь от меня. Войди в мое подчинение, и тебе достанется это дело после меня, и то, что находится в казне Ирака, будет тебе, сколько бы там ни было, перевезешь это, куда захочешь. И тебе будет харадж любого округа Ирака, какого ты захочешь, для обеспечения твоих расходов, который будет собирать твой уполномоченный и привозить тебе каждый год. А тебе надлежит не замышлять дурного, и не браться за решение дел, и не противиться тому, в чем я вижу повиновение Аллаху Великому и Славному. Да поможет нам Аллах. Повинуйся же ему, ведь он слышит и отвечает на молитвы. И мир» [Исфах., М., с. 36—37].

Оба послания с небольшими вариациями приводятся в «Шарх Нахдж ал-балага», причем вариант ал-Куфи сопровождается ссылкой на ал-Мадаини, а приведенный выше — ссылкой на ал-Исфахани [И. Абу-л-Хадид, т. 2, с. 263—264, 265—266]. В обоих случаях дальше сразу говорится о выступлении Му‘авии в поход против Ирака, что могло бы свидетельствовать о том, что перед нами два варианта одного послания, но, как мы старались показать, перед нами два разновременных послания, и не исключено, что второе относится ко времени переговоров об отречении Хасана.

22 Исфах., М., с. 39—40.

23 По сведениям ал-Йа‘куби (т. 2, с. 255), Му‘авийа выступил в поход через 18 дней после смерти Али, но это невероятно хотя бы потому, что весть о кончине Али, переносимая со скоростью 120 км в сутки по кратчайшей дороге через пустыню, дошла бы до Дамаска за 8—9 дней, собрать войско и выступить в поход через 10 дней было бы невозможно. Противоречит этому и другое сообщение того же автора, что Хасан бездействовал два месяца [Йа‘к., т. 2, с. 254].

24 Куфи, т. 4, с. 153—154.

[25] Согласно ал-Куфи (т. 4, с. 153), Хасан вышел из Куфы с войском «в сорок с небольшим тысяч»; после посылки двенадцатитысячного заслона у него должно было остаться около 30 000 человек. Численность армии в 40 000 человек вроде бы подтверждается раздававшимися позже упреками Хасану, что он отдал власть, имея за собой 40 000 воинов [Куфи, т. 4, с. 164; И. Абу-л-Хадид, т. 2, с. 262], но предвзятость этих утверждений не вызывает сомнений, тем более что упрекавшие называли и совершенно невероятную цифру — 100 000 [Пс.-И. Кут., т. 1, с. 260], а численность авангарда возрастает до 40 000 [Таб., II, с. 8].

[26] Таб., II, с. 2.

[27] Йа‘к., т. 2, с. 255.

[28] Динав., с. 230.

[29] Исфах., М., с. 41. Этот текст воспроизведен также у Ибн Абу-л-Хадида (т. 2, с. 265) с концовкой: «...в чем любовь его и одобрение, если захочет Аллах» (в сокращенном виде см.: Динав., с. 230). Краткий вариант ал-Куфи: «О люди, вы ведь присягали мне, что будете в мире с теми, с кем буду в мире я, и будете воевать с теми, с кем буду воевать я. И, клянусь Аллахом, я явился, не питая ненависти ни к кому из этой общины ни на Заñаде, ни на Востоке. Подлинно, то, что вам было ненавистно в язычестве, и дружелюбие, и безопасность, и взаимное согласие (*иcлāx̣ з̱āт ал-байн*) лучше раскола, и страха, и взаимной ненависти, и вражды, которые вам нравятся. И мир» [Куфи, т. 4, с. 154].

[30] Динав., с. 230.

[31] Там же, с. 230; Исфах., М., с. 41; И. Абу-л-Хадид, т. 2, с. 266.

[32] Таб., II, с. 1—2.

[33] Там же, с. 1. Л.Веччa-Вальери считает это высказывание Хасана при присяге свидетельством изначального намерения Хасана пойти на соглашение с Му‘авией [EI^2, т. 3, с. 248].

[34] Куфи, т. 4, с. 157.

[35] Согласно ал-Исфахани, Кайс после измены Убайдаллаха напомнил оставшимся воинам о злоупотреблениях Убайдаллаха и его трусливом бегстве из Йемена, а потом спросил их, предпочитают ли они сражаться без имама или готовы подчиниться неправедному имаму. Воины предпочли первое и атаковали сирийцев. Видя упорство Кайса, Му‘авийа начал переговоры с Хасаном. После отречения Хасана Кайс возвратился в Куфу, но отказался присягать Му‘авии [Исфах., М., с. 42—43]. По другим сведениям, Кайс, узнав о ранении Хасана, воздерживался от боевых действий [Куфи, т. 4, с. 156—157]. Согласно ад-Динавари, воины Кайса предпочли присягнуть Му‘авии, после чего Кайс возвратился в ал-Мадаин [Динав., с. 235]; об отказе воинов Кайса от сражения сообщает также Авана [Таб., II, с. 4].

Аз-Зухри сообщает, что Убайдаллах вступил в переговоры с Му‘авией лишь после того, как узнал о намерении Хасана отречься. Кайс же, по его словам, принял от Му‘авии чистый лист с предложением вписать любую сумму вознаграждения; от денег Кайс отказался и вписал в чистый лист условие не преследовать и не ущемлять права сторонников Али [Таб., II, с. 7—8].

[36] Динав., с. 231. По другим данным, Хасан к моменту подписания соглашения еще не оправился от ранения [Йа‘к., т. 2, с. 255].

[37] Таб., II, с. 7

[38] Куфи, т 4, с. 157.

[39] Таб., II, с. 3—4, 5.

[40] Куфи, т. 4, с. 158—159.

[41] Таб., II, с. 5 (по аз-Зухри).

[42] Куфи, т. 4, с. 159—160. У ад-Динавари несколько иные условия: 1) никого из иракцев не будут преследовать; 2) Хасан будет ежегодно получать харадж Ахваза, а Хусайн — по 2 млн. дирхемов; 3) хашимиты будут иметь преимущество перед абдшамс в жалованье и руководстве молитвой [Динав., с. 231]. Ат-Табари приводит условия в двух случаях, и в обоих говорится только о 5 млн. дирхемов [Таб., II, с. 3].

[43] Куфи, т. 4, с. 159—160.

[44] Исфах., М., с. 43.

[45] Халифа, с. 134.

[46] Так у ал-Куфи (т. 4, с. 160); согласно ал-Исфахани, воины Кайса предпочли атаковать сирийцев и загнали их в лагерь [Исфах., М., с. 42]. Аз-Зухри же сообщает, что Кайс заключил в Маскине договор с Му‘авией и тот предоставил ему карт-бланш [Таб., II, с 8]

[47] Наиболее полная дата — воскресенье 21 раби‘ I 41/25 июля 661 г. — восходит к ал-Хорезми [Илья, с. 141], что согласуется с одним из сообщений ат-Табари о вступлении Му‘авии в Куфу 25 раби‘ I или джумады I [Таб., II, с. 7]; разница в четыре дня между 21 и 25 раби‘ I может объясняться временем, которое потребовалось Му‘авии на дорогу от Анбара до Куфы (160 км). Другие даты· передача власти в середине джумады I [И. Абдалбарр, с. 144], заключение договора в раби‘ II и вступление в Куфу 1 джумады I [Таб., II, с. 9], заключение договора в раби‘ II или джумаде I [Халифа, с. 187] Совершенно невероятная дата — присяга в Куфе в зу-л-ка‘да 40 г.х. [Йа‘к., т. 2, с 256]. Если эта дата имеет какую-то связь с реальностью, то может относиться либо ко времени выступления Му‘авии в поход, либо к возвращению его из Куфы (с ошибкой на один год), последнее тем более вероятно, что восстание Фарвы также отнесено к 40 г.х. [Йа‘к., т. 2, с. 257]

[48] Куфи, т. 4, с. 161—162; Исфах., М., с 47 (со ссылкой на него — И. Абу-л-Хадид, т. 2, с. 268).

[49] Куфи, т. 4, с. 164—165.

[50] Там же, с. 163; Таб., II, с. 6, Йа‘к., т. 2, с. 256 (очень коротко); Исфах., М., с. 47; И. Абу-л-Хадид, т. 2, с. 264. Ср . Kohlberg, 1982; Jafri, 1989, с. 155—156.

[51] Hodgson, 1955. Х.Джафри, отражая шиитскую точку зрения, считает, что шиизм родился в момент, когда в обход Али халифом был избран Абу Бакр [Jafri, 1989, с. 27—28]

[52] Балаз., А., т. 4А, с. 138 (последняя фраза добавлена из «Шарх Нахдж ал-балага» [И Абу-л-Хадид, т 2, с. 262].

[53] И. Абу-л-Хадид, т. 2, с. 262. Ал-Исфахани приводит два отрывка из этой речи: 1) со слов Абу Исхака Амра б. Абдаллаха ас-Саби‘и. «Я слышал, как Му‘авийа говорил в ан-Нухайле. „А если — нет, то все, что я дал Хасану ибн Али, у меня под этими ступнями, я не буду соблюдать это“»; 2) со слов Са‘ида б. Сувайда. «Молился с нами Му‘авийа в ан-Нухайле в пятницу во дворе, потом обратился к нам с речью и

сказал: „Я воевал с вами не для того, чтобы вы молились, и постились, и совершали хаджж, и платили закат, — вы это делаете, — а сражался я с вами, чтобы властвовать над вами, и Аллах дал это мне, хоть вам это и неприятно» [Исфах., М., с. 45]. Первое сообщение вряд ли можно считать свидетельским, так как Абу Исхак умер в 129/746 г. [Sezgin U., 1972, с. 132], и маловероятно, чтобы в 661 г. он был совершеннолетним. И то и другое сообщение не привязаны к конкретным событиям. У ал-Балазури пересказ этого выступления сведен к одной фразе: «Не будет вам от меня пощады и жалованья, если не избавите меня от них» [Балаз., А., т. 4А, с. 138], так же краток и ат-Табари: «Не будет вам от меня пощады, если не избавите меня от ваших безобразий» [Таб., II, с. 10].

54 Балаз., А., т. 4А, с. 138—139 — раби‘ I или джумада I; Халифа (с. 188) датирует джумадой 41 г.х., без указания номера месяца и не упоминая участия Фарвы. Поскольку же следующее восстание Хаусары б. Зира‘ Халифа датирует джумадой II, то ясно, что предыдущее могло быть только в джумаде I, как свидетельствует ал-Балазури.

55 Халифа, с. 188 (вместо Хаусары б. Вада‘ назван Хаусара б. Зира‘).

56 Балаз., А., т. 4А, с. 141.

57 Куфи, т. 4, с. 168—169 (вместо Бусра фигурирует его брат Амр); Таб., II, с. 11—12.

58 Таб., II, с. 11—14.

59 Там же, с. 10—11.

60 Ат-Табари сообщает, что в 42 г.х. Буср был послан с карательной экспедицией в Аравию (Медина, Мекка, Йемен). Он пробыл в Медине месяц, казнил всех причастных к убийству Усмана, перебил группу бедуинов из бану ка‘б (хавазин) и побросал их тела в их же колодец [Таб., II, с 22]. Эти сведения явно относятся к его походу 40 г.х.

61 Таб., II, с. 15.

62 Там же, с. 67.

63 Балаз., Ф., с. 409; Таб., II, с. 17.

64 Балаз., Ф., с. 396; согласно очень коротким заметкам Халифы, в 42/662-63 г. был завоеван только Сиджистан, а в 43/663-64 г. — Руххадж и Забулистан [Халифа, с. 189, 190]. В персидской «Истории Систана» путаются события первого и второго наместничества Ибн Амира [Т.Систан, с. 88, 91; Т.Систан, пер., с. 111, 113—114], более того, поход на Сиджистан приписывается самому Абдаллаху б. Амиру, а командующим вместо Абдаррахмана б. Самуры назван ал-Ахнаф б. Кайс и поход датирован 41 г.х.

65 Халифа, с. 190; Балаз., Ф., с. 433.

66 Феофан датирует заключение договора 17-м годом правления Константа II (657/58 г.) [Феоф., т. 1, с. 347, т. 2, с. 218]. Арабские историки не знают его; намеком на него может считаться рассказ о совете Амра б. ал-Аса Му‘авии перед походом к Сиффину послать императору, готовившемуся напасть на Сирию, богатые подарки, чтобы откупиться от него [Минк., с. 37; Зуб., с. 301].

67 Феоф., т. 1, с. 248, т. 2, с. 218—219. По его сведениям, переезд произошел в 20-м году правления Константа II (660/61 г.); в «Истории Византии» переезд на Сицилию произошел в 663 г. [Ист. Виз., т. 1, с. 370].

[68] Халифа, с. 189, 190. Ибн Абдалхакам относит этот поход к 40 г.х., связывая его с именем Му‘авии б. Худайджа [И. Абдх., с. 194; И. Абдх., пер., с. 213].

Глава 4

[1] EI², т. 7, с. 265—270; Йа‘к., т. 2, с. 283; Lammens, 1908, с. 93—94, 96—101.

[2] Pellat, 1956.

[3] Некоторые из них приводит ал-Балазури: пророк просил Аллаха даровать Му‘авии знание Писания и спасти от наказания; Джабраил является Мухаммаду с заветом Аллаха относительно Му‘авии; пророк дарит Му‘авии три из четырех айв, которые дал ему Джа‘фар б. Абу Талиб, и говорит, что тот вернет их в раю; пророк говорит присутствующим, что сейчас войдет человек рая, и появляется Му‘авийа, и так далее [Балаз., А., т. 4А, с. 106—107]. Высокую оценку Му‘авии вкладывали и в уста Умара, тот будто бы сказал: «Что вы все поминаете кайсара (императора) и кисру (Хосроя), когда у вас есть Му‘авийа» [Таб., II, с. 206].

[4] Таб., II, с. 304—305; Lammens, 1908, с. 309—312.

[5] Таб., I, с. 2465.

[6] Йа‘к., т. 2, с. 283.

[7] Мас‘уди, М., т. 5, с. 200; Мас‘уди, Мᵉ., т. 3, с. 95.

[8] Балаз., А., т. 4А, с. 17.

[9] Йа‘к., т. 2, с. 283; Балаз., А., т. 4А, с. 69.

[10] Минк., с. 348—349; Мубаррад, с. 150.

[11] Балаз., А., т. 4А, с. 24; Таб , II, с. 212.

[12] Балаз., А., т. 4А, с. 84; И. Абу-л-Хадид, т. 2, с. 261.

[13] Таб., II, с. 112. Любопытно, что ал-Балазури сообщает, будто Мугира отговаривал Му‘авию от этого [Балаз., А., т. 4А, с. 19].

[14] Джахш., с. 21; Халифа, с. 218; Таб., II, с. 205.

[15] Евтих., с. 19, 38; пер.: Медников, 1897, с. 270.

[16] Nöldeke, 1875, с. 90, 94—95; Марон. хр., с. 70; Марон. хр., англ. пер., с. 30—31. В тексте говорится о двух епископах; один из них, Себохт, действительно был епископом с резиденцией в Киннашрине (не городе Киннасрине, а монастыре на левом берегу Евфрата недалеко от Манбиджа [Hage, 1966, карта]), второй, несомненно, был якобитским «антиохийским» патриархом, имевшим резиденцию в том же монастыре [Hage, 1966, Taf. A], поскольку далее аноним пишет, что контрибуция была наложена на «человека, называемого якобитами патриархом».

[17] Б. Пенк., с. 146*, 147*, 175.

[18] Gil, 1992, с. 434.

[19] Таб., II, с. 38.

[20] Балаз., А., т. 4А, с. 141—142.

[21] Там же, с. 141; Йа‘к., т. 2, с. 262 (называет местом разгрома восставших Сабат); Халифа (с. 194) относит восстание к 49 г.х. и приводит две версии: по одной, Шабиб был убит в Азербайджане, по другой — в Куфе.

[22] Халифа, с. 181—182 (упоминает только гибель обоих предводителей в поединке и относит восстание к 39 г.х.); Балаз., А., т. 4А, с. 143—146; Таб., II, с. 28—61 (наиболее подробный рассказ). У ал-Балазури говорится, что оба пали, пронзенные копьями друг друга; по ат-Табари, ал-Ма'кил, пронзенный копьем, дотянулся до ал-Муставрида и ударил мечом по голове.

[23] Халифа, с. 188; Балаз., А., т. 4А, с. 147—148; Таб., II, с. 15—16. Халифа называет ал-Хатима Зийадом, тогда как у остальных он — Йазид.

[24] Йа'к., т. 2, с. 262; Балаз., А., т. 4А, с. 142—143. Халифа относит восстание Абу Марйама к 39 г.х. [Халифа, с. 181].

[25] Балаз., А., т. 4А, с. 143.

[26] Таб., II, с. 67—69.

[27] Балаз., А., т. 4А, с. 163—164; Агани, т. 17, с. 67; И. Абдалбарр, с. 201; Мунаджжид, 1970, с. 43. Зийаду б. Абихи посвящено специальное исследование А.Ляммменса [Lammens, 1912 и 1930]. О переходе Абу Бакры к Мухаммаду см.: Вак., с. 931—932. Ал-Вакиди называет его Абу Бакара, объясняя происхождение куньи тем, что он прятался в колодце с блоком для подъема воды (*бакара*). Его считали также сыном другого раба ал-Хариса — Масруха, из-за того что был похож на него [Балаз., А., т. 4А, с. 163].

[28] Балаз., А., т. 4А, с. 164; Балаз., Ф., с. 343; Таб., I, с. 2388, 2465—2466.

[29] Балаз., А., т. 4А, с. 164; Таб., I, с. 2711—2712.

[30] Балаз., А., т. 4А, с. 165; Таб., I, с. 3229—3230.

[31] Балаз., А., т. 4А, с. 165—167; Таб., II, с. 22—27.

[32] Балаз., А., т. 4А, с. 167—168; Таб., II, с. 79—80; Мунаджжид, 1970, с. 43—44.

[33] Таб., II, с. 71—72.

[34] Авторство этих стихов, произнесение которых относят к разным ситуациям, приписывают то Абдаррахману б. ал-Хакаму, то поэту Йазиду б. ал-Муфарригу. Согласно аз-Зубайру б. Баккару, Абдаррахман цитировал их, когда явился во главе делегации возмущенных Умаййадов к Му'авии, как уже известные, без упоминания автора [Зуб., с. 177—186, стихи — с. 179]. Ал-Мас'уди (М., т. 5, с. 25—26; Mᵉ., т. 3, с. 17), ал-Исфахани [Агани, т. 18, с. 271—272] и Ибн Абдалбарр (с. 202—203) приписывают их Абдаррахману. Ат-Табари (II, с. 191) сообщает со ссылкой на Абу Убайду Ма'мара б. ал-Мусанну, что эти стихи сочинил Ибн ал-Муфарриг в Сиджистане в поношение Аббада б. Зийада, который за это напоил его слабительным и возил его, обделавшегося, по городу. Вариант этого рассказа см.: Т. Сист., с. 91; Т. Сист., пер., с. 119. Отсутствие иснада на период в сто лет до Абу Убайды заставляет отнестись к этой истории с большой долей скептицизма и считать ее анекдотом, каких немало рассказывалось о всех поэтах-сатириках.

[35] Ал-Мас'уди (М., т. 5, с. 25—26; Mᵉ., т. 3, с. 17) называет автором этих стихов Халида ан-Наджжари, а Ибн Абдалбарр (с. 203) — Абдаррахмана.

[36] Балаз., А., т. 4А, с. 168.

[37] Существует пространная версия [Джахиз, Б., т. 2, с. 58—61; Таб., II, с. 73—76; И. Абдрабб., т. 2, с. 185—187]; ал-Балазури приводит вариант

этой версии, но указывает, что это — письменное послание Зийада [Балаз., А., т. 4А, с. 179—181]. Аз-Зубайр б. Баккар приводит две версии речи: по Абу Бакру ал-Хузали (на которого ссылаются также ал-Джахиз и Ибн Абдраббихи) и по ал-Мадаини [Зуб., с. 302—304, 304—306], но в них совпадают лишь отдельные фразы. У ал-Балазури первая речь по приезде очень короткая, но есть несколько выражений из пространной [Балаз., А., т. 4А, с. 170—171]. Новейший перевод на европейский язык см. Nagel, 1981, с. 110—112. Отдельные части переведены А.Лямменсом, но несколько вольно [Lammens, 1930, с. 65—67].

[38] Таб., II, с. 73—76.

[39] Эту концовку упоминают Ю.Велльхаузен и А.Ляммене, но в источниках, на которые они ссылаются, этой фразы нет [Wellhausen, 1902, с. 78; Lammens, 1930, с. 67].

[40] Балаз., А., т. 4А, с. 181; Таб., II, с. 76.

[41] Балаз., А., т. 4А, с. 171. Согласно аз-Зубайру б. Баккару, отсрочка была дана на месяц, а в первое утро перед воротами резиденции лежали 900 (700) отрубленных голов, во вторую ночь нашлось только 50 ослушников, которым отрубили головы, а в третью — только один [Зуб., с. 307—308].

[42] Балаз., А., т. 4А, с. 192; Зуб., с. 307; Таб., II, с. 77.

[43] Куфи, т. 4, с. 176; Балаз., А., т. 4А, с. 186, 188; Таб., II, с. 77—78.

[44] Таб., II, с. 78.

[45] Ал-Балазури датирует казнь ал-Хатима 54/673-74 г. («...а говорят: раньше этого») [Балаз., А., т. 4А, с. 148—149]; Халифа (с. 194) относит ее к 49/669 г., а ат-Табари (II, с. 83—84) к 46/666-67 г., сведя в этом месте воедино рассказ о восстании и о казни.

[46] Балаз., Ф., с. 347—348.

[47] Таб., II, с. 78. По данным ал-Балазури, численность воинов на жалованье возросла с 40 тыс. до 80 тыс. человек, а сыновей, получавших пособие, — с 80 тыс. до 120 тыс. Воины получали жалованье 1 мухаррама, а их сыновья — между 1 и 10 рамадана [Балаз., А., т. 4А, с. 190]. Эти цифры представляются преувеличенными, если их относить к самой Басре, но вполне вероятны, если в центральный диван вносились и воины других гарнизонов, находившихся в юрисдикции Басры.

[48] Балаз., А., т. 4А, с. 171. Но при этом Зийад призывал заботиться о благополучии землевладельцев-дихканов: «Вы всегда будете тучными, пока тучны они», а не в меру ретивого администратора, за треть года собравшего харадж за весь год, заставил вернуть собранное [Балаз., А., т. 4А, с. 193].

[49] Балаз., А., т. 4А, с. 174—175.

[50] Балаз., Ф., с. 361—362.

[51] Балаз., А., т. 4А, с. 189—190. Ал-Куфи дает иное распределение расходов: 16 млн. — сыновьям (неясно чьим), 2 млн. — на постройки и другие нужды, 2 млн. — в казну Басры, остальное — в Дамаск [Куфи, т 4, с. 181]; отличие заключается в том, что опущена главнейшая статья — жалованье воинам.

Обращает на себя внимание незначительный процент средств, пересылаемых в центральную казну — 6 $^{2}/_{3}$%, тогда как из Египта поступало примерно вдвое больше. Быть может, это следует объяснить тем, что

значительная часть хараджа Ирака поступала в натуральной форме, а не деньгами, даже джизью Зийад разрешал вносить натурой [Балаз., А., т. 4А, с. 190].

[52] Балаз., Ф., с. 354, 353.

[53] И. Са‘д., т. 7, ч. 1, с. 87; И. Хабиб., с. 342; Таб., II, с. 1034. Всех превзошел секретарь ар-Раби‘ б. Зийада, Фаррух, выкупившийся за 100 000 дирхемов [Балаз., А., т. 4А, с. 193].

[54] Халифа, с. 191; Балаз., Ф., с. 433, 435; Йакут приводит те же сведения о завоевании ал-Кикана и дает очень приблизительную локализацию этой области: между Мекраном и Хорасаном [Йак., т. 4, с. 217]. Судя по маршрутам нескольких походов, эта горная область находилась севернее Сиви и Кветты и восточнее-юго-восточнее Кандагара. О воинах из ал-Кикана в Ираке см.: Таб., II, с. 1702.

[55] Халифа, с. 192—193.

[56] Там же, с. 198; Балаз., Ф., с. 433.

[57] Таб., II, с. 109—110; Таб., пер., с. 40—41.

[58] Марон хр., с. 70. Марон. хр., нем. пер., с. 97; Марон. хр., англ. пер., с 32.

[59] Йа‘к., т. 2, с. 258; Халифа, с. 189 (41 г.х.); Илья, с. 142 (42 г.х.). А.Н.Тер-Гевондян принимает на веру сообщение ал-Йа‘куби и на этом основании пишет о вторжении византийской армии в Северную Сирию [Тер-Гевондян, 1977, с. 47—48].

О вторжении арабов см.: Феоф., т. 1, с. 348, т. 2, с. 219; Феоф., пер., с 256; Таб., II, с. 16. Текстуально близко к ат-Табари сообщение Агапия Менбиджского, который добавляет, что аланы вторглись со стороны Армении, а разгром византийцев связывает с именем Бусра б. Арта [Агап., с. 487]. Оба события он ошибочно датирует восьмым годом правления Му`авии; несомненно, это следствие описки, и следует читать вместо *с̱ама̄нийа — с̱а̄нийа («второй»)*.

[60] Гевонд, пер., с. 7—8.

[61] Халифа, с. 190; Илья, с. 142.

[62] Гевонд, пер., с. 9. Комментаторы определяют употребленную Гевондом единицу «дахекан» как золотую монету, динар [Гевонд, пер., с. 133, примеч. 52; Тер-Гевондян, 1977, с. 48, примеч. 8]. Эту дань никак нельзя считать тяжелой, даже если она касалась только части Армении. Возможно, в первоначальном тексте имелись в виду 500 литр (фунтов), т.е. 36 000 динаров.

[63] З.Буниятов считал, что арабы в это время еще владели территорией севернее Дербента, и поэтому писал, что «в 662 г. хазары, разгромив арабов на подступах к Баланджару, вновь вторглись в Аран» [Буниятов, 1965, с. 76]. Каланкатуаци не упоминает арабов в связи с этим вторжением хазар, что вполне понятно, поскольку после разгрома Салмана б. Раби‘и в 653 г. (см.: т. 2, с. 175) арабы потеряли контроль не только над районом Дербента, но и над Арраном. Начавшаяся через два года междоусобная война прекратила дальние походы; северной границей здесь стал Аракс.

[64] Каланкатуаци, пер., с. 102—103. Оба вторжения датируются косвенно: первое произошло через два года после того, как Констант II в 19-м году своего правления (659/60) подарил Джуаншеру частицу «жи-

вотворящего креста», т.е. в 662/63 г.; датировка второго менее определенна, так как говорится, что после первого вторжения Джуаншер два года строил храм в Гардмане, и после длинного рассказа об этом сообщается: «...на следующий год в день зимнего солнцестояния пришли хазары...» — возникает вопрос, следует ли понимать это как указание на то, что прошло три года, или время указано относительно первого набега. К.Доусетт датирует второй набег концом 664 г. [Dowsett, 1961, с. 122, примеч. 4].

[65] Балаз., Ф., с. 164—165, 188.

[66] Феоф., т. 1, с. 348—350, т. 2, с. 219—221; Феоф., пер., с. 258; Дион., пер., с. 190—192.

[67] Халифа, с. 190; Йа'к., т. 2, с. 285. Согласно ал-Вакиди, Бусր дошел до Константинополя; ат-Табари, сославшись на него, замечает, что другие историки это не подтверждают [Таб., II, с. 27].

[68] Халифа, с. 191; Йа'к., т. 2, с. 285; Илья, с. 142; Таб., I, с. 81.

[69] Феоф., т. 1, с. 348, т. 2, с. 219; Феоф., пер., с. 256.

[70] Марон. хр., с. 72; Марон. хр., нем. пер., с. 93; Марон. хр., англ. пер., с. 32.

[71] Халифа, с. 196; Таб., II, с. 86 (поход в 49 г.х.); ал-Йа'куби упоминает участие Йазида только в походе 56 г.х. [Йа'к., т. 2, с. 285].

[72] Второй вариант более вероятен, так как Фригия пишется через *фи*, а Фракиссия — через *тэту* (*фиту*), которая в сирийском передавалась через *тау*.

[73] Сирийское *телоййā* («мальчики»), переведенное А.Пальмером как «young men» [Марон. хр., англ. пер., с. 33], в данном случае скорее соответствует арабскому *гулāм*, в смысле «раб», тем более что в той же фразе «служители» и «мальчики» отделены от «арабов».

[74] Марон. хр., с. 72—73; Марон. хр., нем. пер., с. 97; Марон. хр., англ. пер., с. 32—33.

[75] Аноним датирует поход Абдаррахмана 22-м годом Константа и 7-м годом Му'авии. 22-й год Константа — 662/63 г., 7-й же год Му'авии может быть отсчитан от времени присяги в Иерусалиме и от времени отречения Хасана, в последнем случае мы получим 668/69 г. Разрыв между двумя системами дат оказывается очень большим. А.Пальмер полагает, что в рукопись вкралась ошибка и вместо буквы *зайн*, означающей «семь», следует видеть очень близкую по начертанию букву *далет*, означающую «четыре» [SCWSCh, с. 18, примеч. 115; Марон. хр., англ. пер., с. 33, примеч. 147]. Эта весьма убедительная поправка сокращает, но не ликвидирует разрыв в датировке. По данным арабских историков, Абдаррахман возглавлял походы в 44/664-65 и 45/665-66 гг. [Халифа, с. 191, 192; Йа'к., т. 2, с. 285; Таб., II, с. 67, 82]; ат-Табари вместо 45 г.х. с сомнением упоминает поход 46 г.х., но это, видимо, объясняется тем, что при описании событий 45 г.х. поход в Малую Азию арабскими историками не упоминается вообще. Поход Абдаррахмана в 46 г.х. упоминает Илья Нисибинский [Илья, с. 142]. Феофан упоминает Абдаррахмана только в связи с военными действиями в 23-м году Константа = 663/64 г. [Феоф., т. 1, с. 248; т. 2, с. 219]. Исходя из сказанного, поход Абдаррахмана, упомянутый анонимом, следует относить к 664 г.

[76] BGA, 6, с. 101; И. Хурд., пер., с. 96.

[77] SCWSCh, с. 34, примеч. 150.

[78] Марон. хр., с. 73—74; Марон. хр., нем. пер., с. 96—98; Марон. хр., англ. пер., с. 33—35.

[79] Каланкатуаци, пер., с. 105—106.

[80] Феоф., т. 1, с. 350—351, т. 2, с. 221; Феоф., пер., с. 258.

[81] Халифа, с. 193; Йа‘к., т. 2, с. 285; Таб., II, с. 86.

[82] Феоф., т. 1, с. 351—352, т. 2, с. 221—222; Феоф., пер., с. 258—259; Дион., пер., с. 193.

[83] И. Абдх., с. 194—196; И. Абдх., пер., с. 213—214; Халифа, с. 189, 190.

[84] И. Абдх., с. 180; И. Абдх., пер., с. 198. Из текста неясно, когда он выступил в поход — при Амре б. ал-Асе или после его смерти.

[85] Кинди, В., с. 34—35. Согласно ал-Балазури, Абдаллаха б. Амра сменил Му‘авийа б. Худайдж, правивший четыре года [Балаз., Ф., с. 229]. Ошибка может объясняться тем, что именно Му‘авийа б. Худайдж командовал несколькими походами в этот период.

[86] Кинди, В., с. 36. Ибн Абдалхакам приводит совершенно иную версию: Алкама б. Йазид обратился за помощью не к Утбе б. Абу Суфйану, а прямо к Му‘авии, и тот прислал то ли 10 000 сирийцев и 5000 мединцев, то ли по четыре тысячи из обоих мест [И. Абдх., с. 192; И. Абдх., пер., с. 211].

[87] Кинди, В., с. 38.

Глава 5

[1] Динав., с. 238.

[2] Йа‘к., т. 2, с. 266; Анон., л. 53б — раби‘ I 49 г.х.; Халифа, с. 194 — только год (49 г.х.); Илья Нисибинский (по ал-Хорезми) — 50 г.х. [Илья, с. 144]. Ат-Табари не указывает года смерти, упоминая о ней задним числом, но в его же «Зайл ал-Мазйал» приводятся со ссылкой на ал-Мадаини две даты: 5 раби‘ I 50 г.х. и только год — 51 г.х. [Таб., З., с. 514]; последняя дата уточняется показанием, что Хасану в этом году было 46 лет, а поскольку точно известно, что он родился в 3 г.х., то 46 лет должно было исполниться в 49 г.х. Именно этот год указывает Ибн Абу-л-Хадид, ссылаясь на ал-Мадаини, но говорит, что ему в год смерти было 47 лет [И. Абу-л-Хадид, т. 2, с. 261]. Ал-Исфахани указывает, что Хасан и Са‘д б. Абу Ваккас были отравлены на десятом году правления Му‘авии, т.е. в 50 г.х. Ал-Мас‘уди сообщает лишь возраст Хасана в год смерти — 55 лет [Мас‘уди, М., т. 5, с. 1; Мас‘уди, М^e., т. 3, с. 4], что явно следует исправить на 45, и тогда мы получим тот же 49 г.х., с той только разницей, что в одном случае имеется в виду, что ему шел 46-й год, а в другом — исполнилось 45 лет. Псевдо-Ибн Кутайба называет 51 г.х. [Пс.-И. Кут., т. 1, с. 275]. Ибн Абдалбарр приводит все три варианта: 49 г.х., раби‘ I 50 г.х. и 51 г.х. [И. Абдалбарр, с. 144].

Наиболее вероятными являются две даты: раби‘ I 49 г.х. и 5 раби‘ I 50 г.х. Совпадение месяцев показывает, что перед нами одна дата, во-

прос только в том, какой год верен. К сожалению, никаких привязок даты смерти Хасана к хорошо известным историческим событиям не имеется. Есть только один не совсем надежный синхронизм: похоронам Хасана препятствовал Марван б. ал-Хакам, который был наместником Медины до раби‘ II 49 г.х. Это позволяет предпочесть 49 г.х., уточняя день месяца датой «Зайл ал-Мазйал».

[3] Исфах., М., с. 48.

[4] Мас‘уди, М., т. 5, с. 2; Мас‘уди, Ме., т. 3, с. 5. То же почти дословно передается с совершенно иным иснадом, кончающимся ссылкой на присутствовавшего при этом разговоре Умайра б. Исхака [Исфах., М., с. 48]. Именно текстуальная близость не позволяет поверить, что мы имеем два параллельных рассказа. Почти в тех же словах этот разговор Ибн Абу-л-Хадид приводит со ссылкой на ал-Мадаини [И. Абу-л-Хадид, т. 2, с. 261], у которого его, скорее всего, заимствовал и ал-Мас‘уди. В персидском переводе ал-Куфи вместо Умайра называется Умар б. Исхак (это не обязательно два разных имени) и рассказ отличается во многих деталях [Куфи, т. 4, с. 206—208]. Примечательно, что у него наместником, препятствовавшим погребению, назван Са‘ид б. ал-Ас (в тексте Абу-л-Ас). Если это не ошибка, то пришлось бы датировать смерть Хасана 50 г.х. (см. примеч. 2), правда, доверие к точности этого перевода невелико, здесь же говорится о том, что после смерти Хасана к Му‘авии пришел Амр б. ал-Ас с советом назначить Йазида наследником [Куфи, т. 4, с 206, примеч 4], хотя Амр умер за шесть лет до этого.

[5] Исфах., М., с. 49, И. Абу-л-Хадид, т. 2, с. 261.

[6] Таб , З., с. 514.

[7] Ад-Динавари совсем не упоминает отравления, а говорит о болезни: « . затем ал-Хасан занемог в Медине, и [болезнь] усилилась» [Динав., с. 234].

[8] Динав., с. 235—236; Йа‘к., т. 2, с. 267—268.

[9] Динав., с. 235. Ал-Йа‘куби приводит другой, менее конкретный вариант послания [Йа‘к., т. 2, с. 270—271]; возможно, перед нами различные части одного послания.

[10] А.Лямменс считал, что Хасан умер от той же эпидемии чумы, что и Мугира [Lammens, 1908, с. 153], но описанные проявления болезни противоречат этому.

[11] Таб., II, с. 82—83.

[12] Исфах., М., с. 48.

[13] И. Са‘д, т. 3, ч. 1, с. 10; Халифа, с. 212.

[14] Балаз., А., т. 4А, с. 35, 45, 51.

[15] Михаил Сириец датирует морозную зиму 980 годом селевкидской эры [Мих. Сир., т. 2, с. 454], который, согласно Илье Нисибинскому (со ссылкой на ал-Хорезми), соответствует 49 г.х. [Илья, с. 144].

[16] Есть три даты: 49 г.х. [Таб., II, с. 86], ша‘бан 50 г х. [Халифа, с. 197], ша‘бан 50 г.х. ([Таб., II, с. 87] со ссылкой на ал-Вакиди), 51 г.х. (там же, со ссылкой на Авану, и II, с. 114). Происхождение первой даты объясняют слова ал-Мас‘уди: «В сорок девятом году была чума в Куфе, и бежал от нее Мугира б. Шу‘ба» [Мас‘уди, М., т. 5, с. 63; Мас‘уди, Ме., т. 3, с. 33], однако Мугира отсутствовал довольно длительное время,

поскольку вернулся, когда эпидемия пошла на убыль [Таб., II, с. 86], а это заставляет отдать предпочтение 50 году.

[17] Таб., II, с. 88, приводится и другая цифра — 80 наказанных. Авана приводит совершенно иной текст речи Зийада при прибытии в Куфу, совпадающий с частью речи в басрийской мечети: «Мы нашли, что исправить это дело до конца можно только тем же, чем следует начать: мягкостью без слабости и жесткостью без жестокости...» [Таб., II, с. 114—115].

[18] Балаз., А., т. 4А, с. 211; другую версию этого разговора см.: Йа‘к., т. 2, с. 273—274.

[19] Таб., II, с. 89.

[20] Там же, с. 131.

[21] Там же, с. 162—163.

[22] Балаз., Ф., с. 410; Таб., II, с. 156 — без указания числа переселенцев. Обычное соотношение мужчин от 15 до 60 лет в популяции около 25% общего числа, т.е в данном случае — 12 500 человек, при этом, с одной стороны, не все мужчины этого возраста могут быть боеспособны, с другой — при переселении процент бессемейных молодых воинов и искателей приключений мог быть больше нормы.

[23] Массон, 1963, с. 14; Кацурис, Буряков, 1963, с. 161—162.

[24] И. Абдх., с. 196. И. Абдх, пер., с. 214—215; Халифа, с. 195; Таб., II, с. 93. Первоначальное произношение — ал-Кайраван (ср.: Dozy, 1861, т. 2, с. 434; EI, т. 4, с. 857), но у Йакута огласовка издателя ал-Кайруван [Йак., т. 4, с. 212].

[25] Джалула — ныне селение Айн-Джалула. Сообщения о его взятии не очень четки, более всего вызывает доверие сообщение Халифы, основанное на данных Абу Халида, согласно которому Му‘авийа б. Худайдж послал Абдалмалика с конницей к Джалула, тот установил камнеметные машины, но город взять не смог; Му‘авийа отозвал его, но когда его отряд отошел от города, пришло известие, что стена разрушена; Абдалмалик возвратился, отбил вылазку гарнизона, а когда подошел Му‘авийа, жители города сдались по договору [Халифа, с. 196]. Обрывочные рассказы, приводимые Ибн Абдалхакамом, в основном согласуются с этим [И. Абдх., с. 193—194; И. Абдх., пер., с. 212].

[26] Балаз., А., т. 4А, с. 151.

[27] Халифа, с. 207—210; Балаз., А., т. 4А, с. 150—153; Таб., II, с. 90—91. Халифа по какому-то недоразумению относит это восстание к 53 г.х., хотя 4 рамадана этого года Зийад был уже мертв [Таб., II, с. 196], и сам Халифа относит его кончину к 53 г.

[28] Балаз., А., т. 4А, с. 215; Динав., с. 236. У ат-Табари и ал-Йа‘куби эпизод с нападением на Амра б. Хурайса отсутствует; любопытно, что последний приурочивает «знаменитую речь» Зийада не к приезду в Басру, а к прибытию в Куфу из-за Худжра [Йа‘к., т. 2, с. 273].

[29] Мух. Али, 1955.

[30] Балаз., А., т. 4А, с. 211—236; Динав., с. 236—238; Йа‘к., т. 2, с 273—274; Таб., II, с. 116—144.

[31] Таб., II, с. 144—145.

[32] Точная дата — в элегии на смерть Зийада [Таб., II, с. 169; Таб., пер., с. 44], Ал-Йа‘куби относит смерть Зийада к 54 г.х. [Йа‘к., т. 2,

с. 280]. Врачи предлагали Зийаду удалить пораженную болезнью часть руки. Зийад спросил совета у весьма почитаемого за глубокие познания в шариате судьи Куфы Шурайха, тот отсоветовал, а потом и сам Зийад испугался приготовлений к операции и отказался от нее [Таб., II, с. 158—159].

33 Динав., с. 238.

34 Йа‘к., т. 2, с. 280 (вместо затмения — землетрясение); Таб., II, с. 92—93.

35 SCWSCh, с. 261.

36 Йа‘к., т. 2, с. 284; Таб., II, с. 156. Халифа (с. 197) сообщает под 50 г.х.: «Руководил хаджжем Йазид б. Му‘авийа после того, как вернулся из земли ар-Рума», но в конце сообщений о событиях 50 г.х. отмечает: «...и провел хаджж Му‘авийа» (с. 198), далее хаджж 51 г. также приписывается Му‘авии (с. 205).

37 Халифа говорит о присяге сирийцев в 50 г.х. [Халифа, с. 196], а ат-Табари относит присягу куфийцев к 53 г.х., но связывает ее с правлением Мугиры [Таб., II, с. 174—175], который умер за три года до этого.

38 Куфи, т. 4, с. 225; Таб., II, с. 175

39 Датировки этого похода расходятся: согласно Халифе, Йазид совершил хаджж 50 г.х. после возвращения из похода на Византию, в котором вместе с ним был один из почтеннейших ансаров Абу Аййуб Халид б. Зайд ал-Ансари [Халифа, с. 197, 196], а по сведениям ат-Табари, поход Йазида и Абу Аййуба, в котором они дошли до Константинополя и Абу Аййуб погиб, имел место в 49 г.х. [Таб., II, с. 86]; у ал-Мас‘уди даты отличаются еще больше — у него поход Йазида оказывается ответом на гибель Суфйана б. Ауфа в 45 г.х., но приводится и другая дата последнего похода и гибели Абу Аййуба — 51 г.х. [Мас‘уди, М., т. 5, с. 62—63; Мас‘уди, Мᵉ , т. 3, с. 33].

По сведениям других источников, в том числе и византийского историка Феофана, Суфйан погиб в 55 г., по-видимому, в конце года, во время зимней кампании [Халифа, с. 212; Йа‘к., т. 2, с. 285; Таб., II, с. 287; Феоф., т. 1, с. 354, т. 2, с. 223]. Разнобой в определении того, кто руководил хаджжем 50 и 51 гг., может свидетельствовать, что в одном из них, скорее во втором, участвовали и халиф, и его сын.

40 Об умре Му‘авии см.: Таб., II, с. 172. Несмотря на очевидную важность события, мусульманская историческая традиция не имеет единого мнения относительно даты принесения присяги о наследнике. Халифа и ал-Йа‘куби относят провозглашение Йазида наследником к хаджжу 50 или 51 г.х. [Халифа, с. 199; Йа‘к., т. 2, с. 271]; ат-Табари помещает рассказ о присяге в раздел 56/675-76 г., явно ставя его в связь с умрой халифа, но при этом инициатором присяги в Ираке называется Мугира, умерший в 50 г.х., а в другом месте говорится, что подготовка к ней началась после смерти Зийада [Таб., II, с. 173—175]. Ал-Мас‘уди приводит еще более позднюю дату: 59 г.х. [Мас‘уди, М., т. 5, с. 69; Мас‘уди, Мᵉ., т. 3, с. 36]. Дата ал-Куфи — 55 г. — сочетается с датой ат-Табари, так как текст позволяет допустить, что она относится к началу подготовки общественного мнения в Сирии, а не к тому, что произошло в Медине [Куфи, т. 4, с. 229].

Эта путаница смущает и некоторых современных исследователей. Например, Г.Роттер пишет: «Его намерение (объявить Йазида наследником. — *О.Б.*) было открыто заявлено не раньше 671 или 675/76 г., а вероятно, даже позже» [Rotter, 1982, с. 35].

[41] Ал-Мас‘уди совершенно иначе изображает реакцию Марвана на письмо с распоряжением провести присягу в Медине: он в сопровождении родственников помчался в Дамаск и устроил скандал. Му‘авийа его успокоил, сказав, что видит его наследником после Йазида [Мас‘уди, М., т. 5, с. 73; Мас‘уди, Mᵉ., т. 3, с. 38], хотя это вряд ли могло утешить старого Марвана. После отъезда халиф сместил его и заменил ал-Валидом б. Утбой. По данным Халифы и ат-Табари, Марван был заменен ал-Валидом в 57 г. [Халифа, с. 213; Таб., II, с. 180 — зу-л-ка‘да].

[42] Куфи, т. 4, с. 232—234.

[43] Там же, с. 224—249; Халифа, с. 199—204; Таб., II, с. 176—177.

[44] Халифа, с. 203.

[45] Там же, с. 197; Балаз., Ф., с. 410; Таб., II, с. 156, 161—162; Таб., пер., с. 40—42.

[46] План городища Пайкенда и результаты исследования его укреплений см.: Семенов, 1996, с. 136—150 (план — с. 99, рис. 38).

[47] Халифа, с. 210 — Зāмӯн; Балаз., Ф., с. 410 — Рāмдӯ н; Таб., II, с. 169 — Рāмитāн; Нарш., Р., с. 52; Нарш., пер., с. 50 — Рāмтин. Чтение издателя текста Халифы явно ошибочно, его следует исправить на Рāмӯн или даже Рāмтин. Все эти написания вроде бы соответствуют хорошо известному в раннем средневековье городу Рамитан, городище которого расположено около современного райцентра Рометан [Большаков, 1973, с. 182—183] в 50 км северо-восточнее Пайкенда. Это никак не согласуется с замечанием ал-Балазури, что Рамдин расположен в двух фарсахах от Пайкенда (10—12 км) и подчинен ему; последнее особенно важно, потому что Рамитан был столицей оазиса до возвышения Бухары и никак не мог быть в зависимости от Пайкенда. В данном случае имеется в виду селение Зармитан [BGA, 3, с. 282], городище которого (Зармитан, или Яламак-тепе) находится в 15 км северо-восточнее Пайкенда [Шишкин, 1940, с. 6].

[48] Балаз., Ф., с. 410; Таб., II, с. 169—170; Таб., пер., с. 44; Нарш., Р., с. 52—53; Нарш., пер., с. 50—51; Нарш., англ. пер., с. 37—38]. Ал-Балазури определяет контрибуцию в 1 млн. дирхемов. Среди ценной добычи, захваченной в лагере тюрок, упоминается туфля жены хакана ценой в 200 000 дирхемов (из текста Наршахи можно понять, что туфля принадлежала бухарской хатун, а не жене хакана).

[49] Балаз., Ф., с. 411; Таб., II, с. 170.

[50] Сведения Наршахи и ал-Балазури очень близки с одной существенной разницей: Наршахи говорит о 80 заложниках из аристократических семей [Нарш., Р., с. 54; Нарш., пер., с. 51—52; Нарш., англ. пер., с. 38—39], а ал-Балазури, не упоминая о заложниках, добавляет: «...и оказала хатун ему помощь бухарцами» [Балаз., Ф., с. 411]. Размер дани указывает только ал-Куфи — 300 000 дирхемов, число заложников — 20 человек [Куфи, т. 4, с. 191].

[51] Сатира принадлежит Малику б. ар-Райбу ал-Мазини, главарю шайки разбойников, которого взял с собой в поход Са‘ид. Ал-Куфи уделил

его истории и героизму в сражениях под Самаркандом несколько страниц [Куфи, т. 4, с. 188—190, 192—195], здесь же наиболее полный отрывок сатиры (четыре строки, у ал-Балазури — одна, у ат-Табари — три).

[52] Куфи, т. 4, с. 194 — месяц, Балаз., Ф , с. 411 — 3 дня.

[53] Балаз., Ф., с. 412; Балаз , Ф., т. 5, с. 117; Куфи, т. 4, с. 198, Таб., II, с. 179; Таб., пер., с. 47; Нарш., Р., с. 56—57; Нарш., пер., с. 53—55; Нарш., англ. пер., с. 39—41. Называется разное число заложников: от 15 до 80. Наршахи и ал-Куфи считают порабощенных Са‘идом заложников бухарцами, и Наршахи упоминает неоднократные обращения хатун с просьбой их возвратить Другие авторы называют их согдийцами. Последнее кажется более понятным; если поверить ат-Табари и ал-Балазури, что Са‘ид возвращался в Хорасан через Термез, то значительную часть пути до Амударьи он должен был идти через подвластные ихшиду Согда территории, и заложники-согдийцы гарантировали от неожиданного нападения в пути. Во время осады Термеза из Бухары пришла дань, обусловленная договором, вряд ли ее отдали бы без возвращения заложников-бухарцев. Факт пребывания Са‘ида зимой под Термезом подкрепляется стихами Малика б. ар-Райба [Балаз., Ф., с. 412] (впрочем, ал-Балазури оговаривает, что они могут принадлежать другому автору и относиться к другой ситуации).

[54] Расположение могилы Кусама в южной части Афрасиаба свидетельствует о том, что этот район еще не был собственно городом.

[55] Са‘ид хитростью получил от Аслама б. Зур‘ы, ведавшего финансами Хорасана, хараджные деньги. Узнав об этом, Му‘авийа послал человека, который отобрал их в Хулване [Балаз., Ф., с. 413]. По сведениям ал-Куфи (т. 4, с. 198), Му‘авийа знал о хищении, но простил Са‘ида.

[56] Халифа, с. 206; Т. Сист., с. 95; Т. Сист., пер., с. 116.

[57] Феоф., т. 1, с. 353—354, т. 2, с. 222—223; Феоф., пер., с. 260. Поход Йазида в 51 г.х. упоминает также Илья Нисибинский [Илья, с. 144].

[58] Кинди, В., с. 38; И. Абдх , с 124; И. Абдх , пер , с. 145.

[59] Феоф., т. 1, с. 354, т. 2, с. 223; Феоф., пер., с. 260.

[60] Феоф., т. 1, с. 354, т. 2, с. 223; Феоф., пер., с. 260. Халифа и ат-Табари сообщают, что Суфйан б. Ауф командовал зимней кампанией в 55 г.х., которая может относиться к зиме как 674, так и 675 г., поскольку 55 год хиджры начинался зимой (6 декабря 674 г.) и кончался 24 ноября 675 г. [Халифа, с. 212; Таб., II, с. 171]. Ал-Йа‘куби упоминает Суфйана последний раз в 52 г.х. [Йа‘к., т. 2, с. 285].

[61] Йа‘к., т. 2, с. 285.

[62] Феоф., т. 1, с. 355, т. 2, с. 224; Феоф., пер. 261; Дион., пер., с. 195 — там же ссылки на другие сирийские источники; Балаз., Ф., с. 160.

[63] В греческом тексте Феофана [Феоф., т. 1, с. 355]: «три тысячи золотых», это же выражение употребил Константин Багрянородный, цитируя этот отрывок [К.Багрянород., с 74—75] (однако в отличие от текста Феофана вместо 50 говорится о 800 пленных). В латинском переводе [Феоф., т. 2, с. 224] в этом месте: auri librarum tria milia (три тысячи либр), что гораздо вероятнее, так как 3000 динаров — сумма, смехотворно малая для выплат между государствами.

[64] Халифа, с. 214—215; Таб , II, с. 188.

[65] Халифа, с. 215.

[66] Джахиз, Т., с. 101; Таб., II, с. 206; Pellat, 1956.

[67] Балаз., А., т. 4А, с. 107—108.

[68] Джахиз, Б., т. 3, с. 151.

[69] Джахиз, У., с. 127—128.

[70] Стражей (*х̣арас*) обычно называли личную охрану, но функции ее не всегда четко отделяются от полиции (*шурт̣а*), в некоторых случаях именно шурта оказывается личной охраной.

[71] Йа‘к., т. 2, с. 276.

[72] Таб., I, с. 2738.

[73] Халифа, с. 130.

[74] Там же, с. 184; Минк., с. 4, 121, 132, 140; Таб., I, с. 2928, 3058.

[75] Халифа, с. 184; Минк., указ.; Sezgin U., 1971, с. 103, 205.

[76] Балаз., А., т. 4А, с. 125; Таб., II, с. 207. Этот разговор, скорее всего, придуман позже, но отражает существовавшие представления.

[77] И. Асак., т. 2, с. 133—134.

[78] Балаз., Ф., с. 235.

[79] Балаз., А., т. 4А, с. 109. По этому свидетельству, статуи, провозившиеся мимо Басры, были медными; возможно, что статуи, захваченные на Сицилии, были бронзовыми, но в памяти воинов, захвативших их, они превратились в золотые.

[80] Каланкатуаци, пер., с. 105—106; Dowsett, 1961, с. 127.

[81] Балаз., А., т. 4А, с. 23. Му‘авийа, узнав, каким путем посетители появились вне очереди, только рассмеялся и сказал хаджибу: «Не возвращай».

[82] Мас‘уди, М., т. 5, с. 73—78; Мас‘уди, Ме., т. 3, с. 39—41. Некоторые из этих вечерних повествований о прошлом были по просьбе Му‘авии записаны и стали первыми образцами светской истории на арабском языке [Abbot, 1957, с. 9—12; GAS, т. 1, с. 260].

[83] Наиболее подробно эта проблема рассмотрена П.Кроун [Crone, Hinds, 1986, особенно с. 1—42], там же вся литература вопроса.

[84] Балаз., А., т. 4А, с. 17. У ал-Мас‘уди эта фраза отличается лексически, а главное — сообщается, что разговор произошел, когда Са‘са‘а привез письмо от Али, в это время Му‘авийа не мог предъявлять таких претензий [Мас‘уди, М., т. 5, с. 104—105; Мас‘уди, Ме., т. 3, с. 52].

[85] Балаз., А., т. 4А, с. 69.

[86] Там же, с. 42, 110—112.

[87] Ср.: Schmucker, 1972; Morony, 1984; Simonsen, 1988.

[88] Йа‘к., т. 2, с. 277—278.

[89] Площадь Савада по обмеру при Умаре составляла 36 млн. джарибов, а площадь земель Египта по обмеру первой четверти VIII в. — 30 или 24 млн. джарибов Не вдаваясь в сложный вопрос о размере джариба в VII—VIII вв. и имелась ли в виду вся территория соответствующих областей или только обработанные земли (см.: т. 1, с. 228, примеч. 35), мы можем судить, что соотношение земель Савада и Египта было 3:2 или 6:5, при том что в Египте земли использовались интенсивнее.

[90] Кудама, с. 125—128. По данным Кудамы, в 204/819-20 г. было собрано в виде хараджа 177 200 курров пшеницы и 99 721 курр ячменя общей стоимостью 100 361 850 дирхемов, а денежная часть поступлений

составила лишь 8 095 800 дирхемов [Кудама, с. 128]. Подсчет его же данных по округам дает иное количество и иное соотношение пшеницы и ячменя (116 000 курров пшеницы, 124 121 курр ячменя и 8 491 800 дирхемов) Совершенно очевидно, что в процессе переписок числительные подвергались значительным искажениям. Это наглядно видно при сравнении данных Кудамы и Ибн Хурдадбиха [BGA, т. 6, с. 8—14, И. Хурд., пер., с. 57—59], восходящих к тому же кадастру (совпадают 55 позиций, расходится 21), ряд ошибок очень типичен: 1000 и 2000, 1700 и 1900, 4700 и 4900, 3000 и 300. Сложение этих данных также дает больше ячменя, чем пшеницы. То, что ошибка заключается в сумме у Кудамы, доказывается подсчетом общей стоимости зерна по суммарному количеству и по количеству, полученному сложением данных по округам. В первом случае мы получаем не 100 361 850 дирхемов, а 126 264 200 дирхемов (курр пшеницы — 40 динаров = 600 дирхемов, курр ячменя — 20 динаров = 300 дирхемов), а при количестве зерна, полученного от сложения, общая стоимость окажется очень близкой к стоимости, указанной Кудамой, — 106 836 300 дирхемов.

В любом случае соотношение денежных и натуральных поступлений будет 1:12 или 1 13.

91 50 млн. дирхемов (= 5 млн. динаров) по договору Амра б. ал-Аса [Таб., I, с. 2588]; сразу после завоевания — 2 млн. динаров, а потом — 4 млн. [Балаз., Ф., с. 216, 218]; сначала 12 млн. динаров, а потом — 3 млн. [Кинди, Ф., с. 54].

92 BGA, т. 6, с. 94, 121; И. Хурд., пер , с. 92, 108; Кудама, с. 139, 138

93 И. Абдх., с. 102; И. Абдх., пер., с. 123.

94 Ал-Хакам б. Амр ал-Гифари отказался выполнить приказ Му‘авии о выделении драгоценных металлов до раздела добычи [Балаз., А., т. 4А, с. 192; Таб., II, с. 110; Таб., пер., с. 39—40]; неполный раздел добычи произвел Му‘авийа б. Худайдж, правда, неизвестно, получил ли этот излишек он сам или отослал его халифу [И. Абдх., с. 193; И. Абдх., пер., с. 212].

95 Йа‘к., т. 2, с. 258, 277.

96 Балаз., Ф., с. 293.

97 Йа‘к., т. 2, с. 258.

98 Балаз., Ф , с. 273, 274; Кудама, с. 173.

99 Феофан упоминает сокращение жалований иракцам до 30 номисм в год (360 дирхемов) и увеличение сирийцам до 100 номисм [Феоф., т. 1, с. 348, т. 2, с. 218; Феоф., пер., с. 255], однако неизвестно, каких категорий получателей это коснулось, так как значительная часть воинов получала всего 200 дирхемов, а многие сирийцы и до того получали более 1000 дирхемов. Арабские источники этой карательной меры по отношению к иракцам не упоминают.

100 Балаз., А., т. 4А, с. 110—112.

101 Самх., т. 2, с. 321.

102 Ас-Самхуди приводит сообщение ал-Вакиди из «Китаб ал-Харра», согласно которому владения Му‘авии в Медине приносили ему 150 000 васков (фиников?) и 100 000 васков пшеницы [Самх., т. 1, с 89, т 2, с. 152] (у ал-Али вместо 100 000 — 50 000 [Ali, 1959, с. 251]). Для полу-

чения такой массы продукции (291 450 ц и 194 300 ц) необходимо примерно 15 000 га под пшеницу (при урожайности 12—14 ц/га) и 8—8500 га под пальмами (при урожайности 35 ц/га); даже при условии, что часть пшеницы высевали под пальмами, владения халифа должны были достигать 20 000 га, тогда как общая площадь оазиса Медины — около 8000 га. Недостоверность цифр ал-Вакиди подтверждается и сопоставлением стоимости указанной продукции с доходом от савафи Ирака, она составляла бы (в зависимости от уровня цен) от 2 до 3,5 млн. дирхемов, т.е. только в 2—3 раза меньше, чем с богатых и обширных поместий Ирака. Видимо, цифры ал-Вакиди преувеличены в 10 раз.

[103] Самх., т. 2, с. 248. О крупных земельных владениях других лиц в Медине см. Ali, 1959, с. 254—260.

[104] Балаз., А., т. 4А, с. 186. В другом случае он упоминает существование у Сасанидов должности *ṣāḥиб зимāм*, функции которого, судя по описанию, соответствовали обязанностям министра финансов, и замечает далее. «Зийад ибн Абу Суфйан был первым из арабов, кто организовал диваны зимама и печати, подражая тому, что делали персы» [Балаз., Ф., с. 464]. Видимо, диван зимама отличался от диванов, которые ведали налоговыми поступлениями и выдачей жалованья.

[105] Джахш., с. 21, Йа‘к., т. 2, с. 259.

[106] Б. Пенк., с. 146—147, франц. пер. — с. 175.

[107] Каланкатуаци, пер., с 106.

[108] Джахш., с. 21; Халифа, с. 218; Lammens, 1908, с. 192—194.

[109] Согласно ат-Табари, Му‘авийа назначил его на этот пост в награду за отравление Абдаррахмана б. Халида [Таб., II, с 82—83]. А.Лямменс не без оснований сомневается в достоверности этого сообщения [Lammens, 1908, с. 9—12].

[110] Балаз., А., т 4А, с. 136—137. Подробнее об убиении Ка‘ба см.. Вак., Мд , с. 187—190.

[111] Феоф., т. 1, с. 356, т. 2, с. 225; Дион., пер , с 195

[112] Халифа (с. 195) датирует назначение 50 г х. и замечает, что Зийад приказал убить жрецов (*харāбиẕа*) и погасить священные огни «между ним и Сиджистаном»; «История Систана» датирует назначение 51 г.х. и говорит об уничтожении храма и убиении главного жреца в Сиджистане [Т. Систан, с. 92; Т. Систан, пер., с. 114].

[113] Rotter E., 1986, с. 31—32.

[114] Балаз , А., т. 4А, с. 23.

[115] Обстоятельный обзор сведений о различных категориях *мавали* и их положении в раннем исламе см Juda, 1983.

[116] Балаз., Ф., с. 321 (отсюда заимствованы сведения Кудамы б Джа‘фара [Кудама, с 324—325]) «Румяными» (*ал-ḥамрā'*) арабы обычно называли греков или всех византийцев, по-видимому, и дейлемцы воспринимались арабами как светлокожие. Другую группу *ал-ḥамрā'*, без определения их происхождения, ат-Табари упоминает до завоевания Казвина· они получили участок при основании Куфы вместе с племенами ийад, акк, абдалкайс и жителями Хаджара [Таб., I, с. 2995]. Возможно, это были дейлемиты, служившие в сасанидской армии и перешедшие на сторону арабов после падения Ктесифона. Впрочем, хроно-

логия раннего этапа завоеваний весьма неточна, и обе упомянутые группы могут быть одной и той же.

[117] Балаз., Ф., с. 373—374.

[118] Таб., I, с. 1961—1962

[119] Согласно ал-Балазури, аз-зутт и ас-сийабиджа служили в сасанидской армии, попали в плен и приняли ислам [Балаз., Ф., с. 375]

[120] Балаз., Ф., с. 376; Таб., I, с. 3125—3126; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 533—534.

[121] И. Абдрабб., т. 2, с 90 (перевод отредактирован и уточнен по сравнению с приведенным мной ранее [Большаков, 1986, с. 434]).

[122] Juda, 1983, с 178—183.

[123] И. Хабиб, с. 342.

[124] Характерно, что отступничество неарабов каралось менее сурово, чем отступничество арабов, это показывает подавление восстания ал-Хиррита.

[125] И. Асак., т. 10, с. 102; И Асак., Т., т. 7, с. 109; И. Хаджар, И., г. 2, с. 242.

[126] И Са‘д, т 6, с. 175, 251; Фас., т. 2, с. 592.

[127] И. Абдрабб, т. 2, с. 91—92.

[128] И. Са‘д, т. 5, с. 130, 344, т. 6, с. 247, т. 7, ч. 1, с. 114—129, 140—150; Фас., т. 1, с. 701—705, т. 2, с. 32—54, 54—64, 549—550.

[129] Балаз., А , т 4А, с. 220.

[130] Там же, с. 90.

[131] Там же, с. 90—91.

[132] Халифа, с. 251 (без даты); Балаз., т. 4А, с. 157—161 (60 г.х.); Таб., II, с. 186—188 (58 г.х.). Рассказывается, что Мирдас, находясь в тюрьме, так покорил тюремщика своей набожностью, что тот стал отпускать его под честное слово на ночь домой. Когда Убайдаллах решил на следующее утро казнить всех заключенных, тюремщик предупредил Мирдаса, чтобы он не возвращался. Мирдас не пожелал подводить своего благодетеля и вернулся в тюрьму. Тюремщик выпросил у Убайдаллаха его жизнь.

[133] Балаз., А., т. 4А, с. 91—94.

Глава 6

[1] Возраст указывается в пределах 13 лет: 73, 75, 78, 80, 82, 85 и 86 лет [Халифа, с. 215, 216; Таб., II, с. 199—200]. Самое раннее упоминание Му‘авии в источниках связано с событиями 625 г. [Вак., М^{д}., с. 359], а первое его активное участие в событиях относится к 627 г. [Вак., М^{д} , с. 597]; вспоминая о том времени, он сам говорит, что встретился с Урвой б. Мас‘удом, с которым не разговаривал десять лет, из чего можно заключить, что в 617/18 г. он уже вышел из детского возраста, а следовательно, родился в первые годы VII в. и к 680 г. достиг 75—76 лет по солнечному календарю или 77—80 лет — по лунному.

[2] На эту мысль наводят два близких по времени факта последнего года его жизни: в 679 г. Убайдаллаха б. Зийада, прибывшего в Дамаск во главе делегации басрийцев, он сначала сместил без всяких объясне-

ний и причин, только руководствуясь поведением ал-Ахнафа б. Кайса, а через несколько дней восстановил, основываясь на том же [Таб., II, с. 190]. Некоторое время спустя он поразил приближенных тем, что вышел к ним, гордо произнося слова «я — кефтар»; знавшие персидский язык объяснили, что по-персидски это значит «я — гиена», оказалось, что он, желая похвастаться мужской силой после посещения служанки своей новой хорасанской невольницы, спросил последнюю, как сказать по-персидски «лев», и та в отместку за предпочтение, оказанное ее служанке, сказала: «кефтар» [Балаз., А., т. 4А, с. 45—46].

[3] Таб., II, с. 196.

[4] Балаз., А., т. 4А, с. 129—131; Таб., II, с. 201—202; Мас'уди, М., т. 3, с. 119; Мас'уди, М^{e}., т. 5, с. 58. Ал-Куфи излагает эти события иначе. Причиной заболевания у него называется падение Му'авии в колодец в Абва на обратном пути из Мекки после организации присяги Йазиду, когда он вышел ночью по нужде. Это вызвало паралич лицевого нерва, скрививший ему рот, «и пришли к нему люди и сочувствовали и соболезновали ему в том, что его постигло» [Куфи, т. 4, с. 249]. Эта версия очень сомнительна. Во-первых, трудно говорить, что у халифа не было с собой достаточно слуг, чтобы подать воду для омовения; во-вторых, между возвращением из Мекки и началом болезни прошло по крайней мере три с половиной года; в-третьих, криворотость сама по себе не могла быть причиной смерти, если только не была проявлением кровоизлияния в мозг, но инсульт со всеми его проявлениями не мог оставаться незамеченным в течение такого долгого времени. Единственным основанием для этой легенды, старающейся представить болезнь непосредственным следствием нечестивого принуждения к присяге, могла быть предсмертная гримаса, из которой были сделаны далеко идущие выводы. Шиитская тенденция этой версии обнаруживается и в неоднократном упоминании раскаяния Му'авии в содеянном с Хасаном и Худжром, и в рассказе Йазиду о предупреждении, сделанном Джабраилом Мухаммаду, что Хусайн будет убит людьми его общины [Куфи, т. 4, с. 250, 262].

[5] Таб., II, с. 200. Согласно ал-Куфи, Йазид, видя ухудшение состояния отца, посоветовал организовать присягу ему: «Боюсь, что меня постигнет от рода [Абу] Тураба (Али) то же, что постигло тебя». Разговор происходил в среду, и Му'авийа хотел отложить присягу, считая среду неблагоприятным днем, но ад-Даххак и Муслим б. Укба настояли на проведении присяги. После присяги 70 приближенных Йазид произнес в мечети проповедь и принял присягу присутствовавших, затем уехал в Хувварин, а в воскресенье Му'авийа умер [Куфи, т. 4, с. 252—256, 265].

[6] Источники едины только в определении месяца, в пределах которого приводятся самые различные дни: «воскресенье, когда прошло несколько дней раджаба» (воскресенье 2 раджаба/8 апреля) [Куфи, т. 4, с. 265], 4 раджаба/10 апреля [Халифа, с. 218], середина раджаба [Балаз., А., т. 4А, с. 132; Таб., II, с. 198], «ночью четверга в середине раджаба» [Таб., II, с. 199], «четверг, за 8 дней до конца раджаба» (22 раджаба/28 апреля, суббота) [Таб., II, с. 198], эту же дату приводит Халифа, относя ее к 59 г.х. [Халифа, с. 215], воскресенье 6 аййара (мая) [Агап., с. 493].

Помогает выбрать наиболее вероятную дату сообщение о том, что гонец с извещением о смерти халифа прибыл в Медину 28 раджаба, а на дорогу от Дамаска ему требовалось не менее 11—12 суток, т.е. выехать он должен был не позднее 15—16 раджаба. Четверг в середине месяца приходится на 13 раджаба/19 апреля.

[7] Куфи, т. 4, с. 265. Срок вполне реален: гонец мог достичь Хувварина (130 км) на сменных лошадях за 12—13 часов, т.е. быть там в середине 14 раджаба, Йазиду потребовалось бы не больше двух дней Кстати, воскресенье как день смерти Му‘авии могло появиться потому, что в воскресенье 16 раджаба Йазид принял присягу в мечети Сообщение о прибытии Йазида через 10 дней [Пс.-И. Кут., т. 1, с. 321] совершенно несостоятельно. У ал-Мас‘уди [М., т. 5, с. 151; М^{е}., т. 3, с. 75] три дня между кончиной Му‘авии и прибытием Йазида превратились в три дня траура, когда Йазид не выходил к людям.

[8] Куфи, т. 5, с 5—10; Мас‘уди, М., т. 5, с. 152—155; Мас‘уди, М^{е}., т. 3, с. 75—76. Во время этого приема один из выступавших употребил выражение «халиф Аллаха» или, по другой версии, «халифство Аллаха», но не как титул, а как общее понятие того, что власть халифа дается Аллахом. Здесь, как и в других предшествующих случаях, «халиф» является таким же обозначением сана правителя, как «царь», «император» или «король», термином, отделившимся от этимологии.

[9] Гонцу принадлежит только рассказ о позднем прибытии [Халифа, с. 222—223], рассказ о дальнейших событиях, восходящий к Абу Михнафу, дошел до нас в различных пересказах, иногда в них возникают противоречия. Нет оснований сомневаться в позднем прибытии гонца, и в версии ат-Табари говорится: «.. и приставали к ним двоим (Хусайну и Ибн аз-Зубайру) весь этот вечер (*‘ашиййа*) и начало ночи...», однако несколько далее говорится, что Ибн аз-Зубайр «...продолжал всю вторую половину дня (*нахāр*) и начало ночи говорить. „Сейчас приду“» [Таб., II, с. 219], — вероятно, *нахāр* означает здесь не всю вторую половину дня, а самый ее конец.

[10] Балаз., А., т. 4В, с. 12—16; Куфи, т. 5, с. 11—21, 23—37; Таб., II, с. 217—221. Наиболее развернутый рассказ ал-Куфи об отъезде Хусайна ближе других к тексту «Мактал ал-Хусайн» Абу Михнафа [А. Михн., рук., л. 5а—7б], который значительно тенденциознее, чем версии более поздних компиляторов; в нем подчеркивается благочестие Хусайна и порочатся его враги: Хусайн встречает на улице Марвана и долго поносит его, трижды по ночам посещает могилу Мухаммада, и во вторую ночь Мухаммад посещает его во сне с сонмом ангелов и предрекает скорую мученическую смерть, которая необходима, чтобы получить подобающее место в раю; приводятся два наставления Хусайна Мухаммаду б. ал-Ханафии, устное и письменное [Куфи, т. 5, с. 30—34].

Отъезд Ибн аз-Зубайра датируется «ночью на субботу, когда остались три дня (или ночи) раджаба», а отъезд Хусайна — «ночью на воскресенье, когда остались два дня» [Балаз., А., т. 4В, с. 13; Таб., II, с. 220], однако суббота была не третьим, а вторым от конца днем раджаба; даты отъездов переведены на наше летосчисление в соответствии с днями недели. У ал-Куфи отъезд Хусайна датирован 3 ша‘бана/9 мая [Куфи, т. 5, с. 34].

[11] Куфи, т. 5, с 30—31; Таб., II, с. 221; Балаз., А., т. 4В, с. 15.

[12] Куфи, т. 5, с. 21—23; Балаз., т. 4В, с. 14.

[13] Балаз., А., т. 4В, с. 13, Таб., II, с. 222.

[14] Таб., II, с. 233—234. Другую версию, кое-что добавляющую, а кое-что опускающую, приводит ал-Куфи [Куфи, т. 5, с. 46—48].

[15] У ал-Куфи (т. 5, с. 48) в конце письма добавлено: «...мы не платим ему харадж, он призывает, а ему не отвечают, он приказывает, а ему не повинуются». В варианте письма, приведенного в «Мактал ал-Хусайн» [А. Михн., рук., л. 10а], говорится даже: «...а этот ан-Ну‘ман ибн Башир осажден в резиденции (*дар ал-имара*) и не присутствует с нами на пятничной молитве»; при этом в него включены фразы, характерные для второго послания: «...ты прибудешь к ополчившимся войскам, и каналам текущим, и источникам бьющим». Характерно и другое добавление, естественное для второго послания: «А если не можешь прибыть, то пришли к нам человека, который будет решать для нас по решениям Аллаха и сунне посланника Аллаха».

[16] Динав., с. 243; Таб., II, с. 234.

[17] Куфи, т. 5, с. 49—50; Таб., II, с. 235.

[18] Динав., с. 243—244; Куфи, т. 5, с. 51—52; Таб., II, с. 235. Все три текста близки друг к другу, но только у ал-Куфи содержится распоряжение присягать Муслиму; Абу Михнаф приводит тот же текст в сокращении [А. Михн., рук., л. 10].

[19] Мас‘уди, М., т. 5, с. 128; Мас‘уди, Мᵉ , т. 3, с. 64. В рассказе о поездке Муслима есть явные хронологические неувязки. Дорога от Мекки до Куфы через Медину — около 1650 км, т.е. для поездки без остановок с максимальной скоростью потребовалось бы 16—17 суток, Муслим, согласно сведениям ал-Мас‘уди, доехал за 20 суток с остановкой в Медине. В этом случае не остается времени для блуждания в пустыне, отправки Муслимом сообщения Али и получения от него ответа. Из этого следует, что либо история с блужданием и гибелью проводников является выдумкой, либо вместо 5 шаввала следует читать: 15 шаввала.

[20] Таб., II, с. 240. Текст письма вызывает сомнение в подлинности — он резко отличается от конкретного текста послания куфийцам. У ад-Динавари послание иное и очень краткое: «Мир вам. А затем: я призываю вас к оживлению знаний истины и умерщвлению новшеств, и если вы откликнетесь, то я поведу вас по правильному пути. И мир» [Динав., с. 246].

[21] Ат-Табари говорит об отряде в 500 человек [Таб., II, с. 243], однако во время восстания Муслима в его распоряжении оказалось только 30 стражников [Таб., II, с. 255].

[22] А. Михн., рук., л. 11а; Таб., II, с. 255; Мас‘уди, М., т. 5, с. 128—129, Мас‘уди, Мᵉ., т. 3, с. 64.

[23] Эта дата зависит от времени прибытия в Куфу Муслима: между речью ан-Ну‘мана и приездом Убайдаллаха б. Зийада должно было пройти не менее 32 дней (14 дней, чтобы до Йазида дошел второй донос, после этого около 15 дней, чтобы приказ дошел до Убайдаллаха, и еще не менее трех дней на дорогу до Куфы), но до речи ан-Ну‘мана Муслим какое-то время жил скрытно, вряд ли меньше недели, — следовательно, между прибытием Муслима в Куфу и прибытием туда Убайд-

аллаха должно было пройти минимум 40 дней. Если Муслим появился в Куфе 5 шаввала, то Убайдаллах должен был появиться не раньше 15 зу-л-ка'да, но тогда окажется, что Муслим продолжал успешно скрываться после этого в течение трех недель. Это обстоятельство — еще один довод в пользу прибытия Муслима не 5, а 15 шаввала.

Рассказы о тайном приезде Убайдаллаха различаются: ат-Табари никак не характеризует время суток [Таб., II, с. 241—242], ал-Куфи (т. 5, с. 65) говорит о приезде лунным вечером, а согласно Абу Михнафу (рук., л. 13а), он въехал в Куфу в пятницу, когда люди возвращались из мечети Если принять версию ал-Куфи, то приезд Убайдаллаха приходится на середину зу-л-ка'да.

24 Таб., II, с. 242. У ал-Куфи (т. 5, с. 67) в речь Убайдаллаха включены отдельные выражения, обычно относимые к речи его отца.

25 Куфи, т. 5, с. 68; Динав., с. 247; Таб., II, с. 246.

26 Куфи, т. 5, с. 69—70; Динав., с. 249. У ат-Табари это поручение дано мавле бану тамим [Таб., II, с. 244], по другой версии — поручение получил мавла Убайдаллаха [Таб., II, с. 246—247].

27 Куфи, т. 5, с. 71—74; Динав., с. 248; Таб., II, с. 249. Согласно Абу Михнафу, болен был Хани и он же предложил убить Убайдаллаха [А. Михн., рук., л. 14].

28 Таб., II, с. 255.

29 Там же, с. 257—258.

30 А. Михн., рук., л. 17а О расположении дома в квартале киндитов или у Ворот киндитов см.· Куфи, т. 5, с. 88; Динав., с. 253; Таб., II, с. 258.

31 Предел преувеличений в полулегендарном «Мактал ал-Хусайн»: для ареста Убайдаллах посылает 1000 воинов, из которых 150 Муслим убивает у ворот дома [А. Михн., л. 18]

32 Так у ат-Табари (II, с. 262—264, 267—271); по другой версии [Куфи, т. 5, с. 99—100; Таб., II, с. 265—266; Динав., с. 254], с секретной просьбой предупредить Хусайна об опасности (и передать ему 700 или 1000 дирхемов, оставшихся от собранных шиитами денег на общее дело) Муслим обратился к Умару б. Са'ду б. Абу Ваккасу, но он сообщил обо всем Убайдаллаху, и тот разрешил Умару взять эти деньги себе. Кроме того, ад-Динавари помещает казнь Хани до восстания.

33 Балаз., А , т. 5, с. 214—215.

34 Куфи, т. 5, с. 120, Таб., II, с. 271. 3 зу-л-хиджжа — Динав., с. 256.

35 Таб., II, с. 289.

36 Сомнительно сообщение о том, что двоюродный брат Хусайна Абдаллах б. Джа'фар получил для него охранную грамоту от Амра б. Са'ида [Таб., II, с. 280]; и уж совсем невероятно, что сам Амр б. Са'ид отговаривал Хусайна от поездки в Куфу, указывая на опасность повторить участь Муслима [Куфи, т. 5, с. 116—117], — известие о гибели Муслима еще не успело дойти до Мекки (впрочем, у ал-Куфи Хусайн выступает из Мекки после получения известия о гибели Муслима).

37 Динав., с. 278; Таб., II, с. 277.

38 Куфи, т. 5, с. 120, 124; Динав., с. 258; Таб., II, с. 278. Эта же характеристика настроений куфийцев вкладывается в уста поэта Тиримmаха [Таб , II, с. 303].

[39] От Мекки до Кербелы около 1500 км. Это расстояние было пройдено за 24 дня, что дает вполне реальную скорость — 65 км в сутки.

[40] Динав., с. 258; Таб., II, с. 288—290: Кайс б. Мусхир. Таб., II, с 293—294: Абдаллах б. Буктур, молочный брат Хусайна (?).

[41] Динав., с. 259—260; Таб., II, с. 291—293. Согласно ал-Куфи (т. 5, с 123—124), встречный был не асадитом, а аздитом и сам подъехал к Хусайну в ас-Саʻлабии, рассказав о казни Муслима. В другом случае сообщается, что весть об этом принес человек, посланный Мухаммадом б. ал-Ашʻасом и встретивший Хусайна в Зубале, куда доехал за четыре дня [Таб., II, с. 264]. В Зубале Хусайн мог быть 25—26 зу-л-хиджжа, а следовательно, посланец выехал из Куфы 21—22 зу-л-хиджжа, через 12—13 дней после казни Муслима. Скорее всего, человек, встреченный в Зубале, сообщил о гибели посланного из вади ар-Рима, который как раз должен был достичь Куфы 20—22 зу-л-хиджжа.

[42] Jafri, 1989, с. 200—202. В доказательство Х.Джафри приводит отказ Хусайна от помощи 20 000 тайййитов, предложенной Тириммахом [Таб., II, с. 304], но беседа Хусайна с ним явно сочинена задним числом, показательно, что в «Китаб ал-агани», в главе, посвященной этому поэту, сведения о ней отсутствуют. С другой стороны, мы знаем, что Хусайн искал помощи у Убайдаллаха б. ал-Хурра.

[43] Таб., II, с. 282.

[44] Там же, с. 264. См. также выше, примеч 41.

[45] Согласно рассказу одного из воинов ал-Хурра б. Йазида, встреча произошла в 38 милях от Узайба [Таб., II, с. 300], по другим сведениям — в трех милях от Кадисии [Таб., II, с. 281], по рассказу двух асадитов, сопровождавших Хусайна, встреча произошла в пустынной местности, где никогда не было пальм [Таб., II, с. 296], это подтверждается рассказом того же воина ал-Хурра, что у них к моменту встречи кончилась вода, чего никак не могло быть около Кадисии, но было вполне естественно для пункта в 38 милях от Узайба. Кстати, то, что Хусайн смог обеспечить водой отряд ал-Хурра, говорит о том, что этот отряд был значительно меньше 1000 человек, о которых говорит ат-Табари.

[46] По сведениям ат-Табари, здесь к Хусайну присоединились четыре куфийца, в том числе поэт Тириммах, будто бы предложивший помощь 20 000 тайййитов, если Хусайн уйдет в Таййские горы [Таб., II, с. 302—304].

[47] Куфи, т. 5, с. 129—132; Динав., с. 262—263; Балаз., А., т. 5, с. 291, Таб., II, с. 305.

[48] Таб., II, с. 312.

[49] Динав., с. 267—268; Таб., II, с. 326. Ал-Куфи относит переход ал-Хурра на сторону Хусайна к середине боя, когда отряд Хусайна, потеряв в контратаке 50 человек, отступил к лагерю [Куфи, т 5, с. 184].

[50] У ал-Куфи эти слова произносит другой человек и не в день боя, а накануне [Куфи, т. 5, с. 179, 174]

[51] Явная описка вместо «Тамим»

[52] Динав., с. 269. Вместо «Синан б Аус» должно быть «Синан б. Анас». У ал-Куфи младенец назван Али (это само по себе подозрительно, так как у Хусайна уже было два сына с этим именем); чтобы похо-

ронить его, Хусайн б. Али слезает с коня и выкапывает могилу мечом [Куфи, т. 5, с. 210].

[53] Таб., II, с. 361—362.

[54] Исфах., М., с. 78.

[55] Таб., II, с. 362.

[56] По некоторым сведениям, ему было четыре года или семь лет [Куфи, т. 5, с. 210; Динав., с. 270], но по рассказу Хумайда б. Муслима о дальнейших событиях, он был близок к возрасту созревания (13—14 лет) [Таб., II, с. 372—373]. Х.Джафри почему-то дает ему 23 года [Jafri, 1989, с. 213, 237].

[57] Таб., II, с. 368—369.

[58] Это — общее число погибших, упоминаемых различными источниками [Халифа, с. 224—225; Куфи, т. 5, с. 202—210; Исфах., М., с. 52—83], наиболее полный перечень см.: Таб., II, с. 386—388.

[59] Динав., с. 271; Таб., II, с. 368.

[60] Таб., II, с. 370—371. Аналогичный поступок приписывают Йазиду б. Му‘авии, и другие сподвижники пророка осуждают его теми же словами [Таб., II, с. 368].

[61] Таб., II, с. 374.

[62] Там же, с. 375.

[63] Там же, с. 377—380.

[64] Jafri, 1989, с. 240.

[65] Балаз., А., т. 4В, с. 17

[66] Там же, с. 19—21; Таб., II, с. 397—398 (первое посольство без упоминания имен). У ал-Куфи — только большое посольство из 10 человек во главе с ан-Ну‘маном б. Баширом [Куфи, т. 5, с. 279—282], то же см.: Динав., с. 272—273, в той же версии у ал-Исфахани добавлено, что Ибн аз-Зубайр задерживал (*х̣абаса*) это посольство в Мекке [Агани, т. 1, с. 21].

[67] Балаз., А., т. 4В, с. 20, 28; И. Са‘д, т. 5, с. 138; И. Хабиб, с. 481. По одной версии, Амр настолько ослабел от порок, что скончался от оплеух, которыми наградил его один из наказанных им во время наместничества, по другой (ал-Балазури) — заключение длилось несколько месяцев и скончался он из-за нагноения ран от порок.

Ат-Табари помещает рассказ о походе Амра б. аз-Зубайра в 60 г.х, до похода Хусайна к Куфе, а о смещении Амра и назначении ал-Валида — в 61 г.х. [Таб., II, с. 224—227, 395—399]. Из-за этого история с серебряной цепочкой и рассказ о делегациях оказываются после похода Амра б. аз-Зубайра. Поэтому Г.Роттер сомневается, когда была последняя попытка переговоров: до или после этого похода [Rotter, 1982, с. 44].

[68] Таб., II, с. 399.

[69] Его самостоятельное выступление произошло после гибели Хусайна [Балаз., А., т 4В, с. 29, Таб., II, с. 402].

[70] Балаз., А., т. 4В, с. 29—30; Таб., II, с. 402.

[71] Таб., II, с. 400—401.

[72] Rotter, 1982, с. 45.

[73] Балаз., А., т. 4В, с. 30.

[74] Халифа, с. 227—228; Куфи, т. 5, с. 260—261; Балаз., А., т. 4В, с. 31. О визите Мухаммада б. ал-Ханафийи к Йазиду — только ал-Куфи (т. 5, с. 256—260).

[75] Wellhausen, 1902, с. 102; Lammens, 1910—1921, с. 121; Rotter, 1982, с. 46.

[76] Таб., II, с. 404 (62 г.х.!).

[77] Подробный разбор сведений об этом восстании с привлечением рукописных источников проведен М.Кистером [Kister, 1977]. Он считает, что Ибн Мину с рабочими не пустили для сбора урожая, так как он не имел на это права [Kister, 1977, с. 38]. С таким предположением трудно согласиться: урожай с савафи принадлежал государству в лице халифа и, кроме того, урожай в любом случае принадлежит обработавшему и засеявшему землю. Ас-Самхуди определенно говорит о проведении воды с харры, для чего Ибн Мина сделал какое-то отверстие или провел канал [Самх., т. 1, с. 89], это подтверждается сообщением Ибн Расганма, ссылающегося на ал-Вакиди, что мавли Му‘авии стали после дождя отводить воду на обработанные ими участки [Kister, 1977, с. 45] (видимо, это то же сообщение ал-Вакиди, которое использовал ас-Самхуди, но с иными деталями).

[78] Это вытекает из того, что среди осажденных и затем изгнанных Умаййадов Усмана не было, хотя в кратких переложениях этих событий изгнание Усмана б. Мухаммада и Умаййадов оказывается одновременным [Йа‘к., т. 2, с. 298].

[79] Самх., т. 1, с. 89—90.

[80] Куфи, т. 5, с. 293 — 20 000 конных и 7000 пеших; Балаз., А., т. 4В, с. 33; Таб., II, с. 407 — 12 000; наиболее вероятная цифра — 4000—5000 человек [Йа‘к., т. 2, с. 298; BGA, 8, с. 263]

[81] Самх., т. 1, с. 90—91.

[82] Сообщается также, что Муслим пообещал от имени халифа удвоить мединцам жалованье и продавать пшеницу по ценам Сирии — 7 муддов (22,75 кг) за дирхем [Пс.-И. Кут., т. 2, с. 12—13].

[83] Балаз., А., т. 4В, с. 37.

[84] Халифа, с. 231—245; Самх., т. 1, с. 92 (по ал-Вакиди — 700 курайшитов и ансаров и 10 000 мавлей, женщин и детей); Куфи, т. 5, с. 295 (1300 сыновей мухаджиров, 1700 сыновей ансаров и 3500 остальных); Пс.-И. Кут., т. 1, с. 340 (1700 курайшитов, ансаров и знатных, 10 000 остальных); Йа‘к., т. 2, с. 252 (курайшитов — 2300, ансаров — 2400 или 2700, мавали — 3500).

[85] Йа‘к., т. 2, с. 252; Самх., т. 1, с. 94.

[86] Wellhausen, 1902, с. 97—98; Lammens, 1910—1921, с. 237—238; Ф.Хитти [Hitti, 1937, с. 191—192] вовсе считает сведения о погроме «апокрифическими».

[87] Вак., Мд., т. 2, с. 799, 820, т. 3, с. 896.

[88] Балаз., А., т. 4В, с. 41.

[89] Таб., II, с. 392, Таб., пер., с. 49—50. В «Истории Систана» Йазида назначает Убайдаллах б. Зийад [Т. Сист., с. 100; Т. Сист., пер., с. 121].

[90] Балаз., Ф., с. 413. Согласно аздитской племенной традиции, ал-Мухаллаб получил 20 млн. дирхемов, а кроме того, занижал цены на скот и товары, которыми частично покрывалась сумма дани [Таб., II, с. 394; Таб., пер., с. 50]. Согласно Халифе, поход на Хорезм совершил сам Салм, получил «огромные богатства» и оттуда направился в Самарканд [Халифа, с. 266]; он датирует этот поход 62/20 сентября 681 —

9 сентября 682 г. Походы на Мавераннахр обычно были весенними, поэтому поход Салма следует отнести к 682 г.

[91] Балаз., Ф., с 413; Таб , II, с. 345, Таб., пер., с. 51.

[92] Балаз., Ф., с. 413; Йа‘к., т. 2, с. 300—301; Нарш., Р., с. 57—60, Нарш , пер., с. 75—79; Нарш , англ. пер., с. 41—43. Второй поход, в котором Салм встретился с согдийцами, одной фразой упоминает ал-Балазури, у ал-Йа‘куби Самарканд не упомянут, говорится только о столкновении под Бухарой со стодвадцатитысячной армией Тархуна, призванного хатун на помощь. Эта версия ближе к романтизированному рассказу Наршахи. Упоминаемый Наршахи Бандун (он же фигурирует как покойный муж хатун) [Нарш., с. 12, 33; Нарш., пер., с. 14, 41, Нарш., англ. пер., с. 9, 23] скорее всего является искаженным тюрко-китайским титулом *тудун.*

[93] Балаз., Ф., с. 397; Т. Сист., с. 101; Т. Сист., пер , с. 122—123.

[94] Халифа, с. 226; Балаз., Ф., с. 435.

[95] Каланкатуаци, пер., с. 116—123; Тер-Гевондян, 1977, с. 50—51.

[96] Феоф., т. 1, с. 356—360, т. 2, с. 225—228; Халифа, с. 226, 227.

[97] Об этом походе см.: Levi-Provençal, 1954, с. 26—39; И. Изари, т. 1, с. 24—32; И.А., т. 4, с. 88—91. Очень путанно: И. Абдх., с. 198—200; И. Абдх., пер., с. 216—218.

Глава 7

[1] Мас‘уди, М., т. 5, с. 166, Мас‘уди, Мᵉ., т. 3, с. 81; Пс.-И. Кут., т. 2, с. 16. Ал-Йа‘куби, говоря о метании зажигательных средств, добавляет, что Ибн аз-Зубайр не давал тушить пожар Ка‘бы, чтобы больше настроить мекканцев против осаждающих [Йа‘к., т. 2, с. 300]. Ат-Табари в одном случае (по Аване) связывает пожар с обстрелом, но далее приводит иную версию [Таб., II, с 426, 427].

[2] Балаз., А , т. 4В, с 55; Халифа, с. 250.

[3] Балаз., А., т 4В, с 49, 53, 54, 155.

[4] Виновником пожара называют то воина Ибн аз-Зубайра, несшего горящую головню на острие копья, то сирийца, поджигавшего ворота бану джумах мечети [Балаз., А., т. 4В, с. 52, 55; Таб., II, с. 427; Халифа, с. 247], обвиняют и крысу, притащившую тлеющий фитиль [Балаз., А., т. 4В, с. 55]. Большинство источников называет одну и ту же дату пожара, только Халифа относит его ко вторнику 5 раби‘ II 64/1 декабря 683 г. (день и число совпадают) [Халифа, с. 250].

[5] Балаз., А., т. 4В, с. 2.

[6] Там же, с. 63.

[7] Там же, с. 64.

[8] Подробный анализ сведений о Му‘авии II дает А.Лямменс [Lammens, 1930, с. 163—210]; некоторые его утверждения противоречат данным источников: так, он отказывается верить многочисленным свидетельствам того, что мать Му‘авии II — курайшитка Умм Хашим, и считает, что он родился от калбитки, имя которой неизвестно [Lammens, 1930, с. 164]. Неверно понимает он выражение *аṣ-ṣалāт ал-джāми‘а* как «congrès national» [там же, с. 186], что совершенно меняет представления о политической структуре общества.

[9] Балаз., А., т. 4В, с 55, 57; Таб., II, с. 430—431. Р.Зелльхайм видит причину отказа Ибн аз-Зубайра покинуть Мекку в том, что он хотел возвратить Мекке и Медине их прежнее политическое положение [Sellheim, 1970, с. 102]

[10] Халифа, с. 248, 249. О различных точках зрения относительно времени отъезда Умаййадов в Сирию см. Rotter, 1982, с. 57.

[11] Балаз., А., т. 4В, с. 116; Таб., II, с. 433—434, 437, 438.

[12] Балаз., А., т. 4В, с. 116. Ат-Табари приводит явно преувеличенные сведения о числе арестованных и казненных Убайдаллахом за время его правления: 4000 и 13 000 [Таб., II, с. 459].

[13] Балаз., А., т. 4В, с. 28, Таб., II, с. 514—515, 519.

[14] Таб., II, с. 440, 443.

[15] Балаз., А., т. 4В, с. 103; Таб., II, с. 440—443; дата: Халифа, с. 253, Таб., II, с. 447. Эта дата опровергает мнение Г.Роттера, что Убайдаллах принимал присягу басрийцев после смерти Му‘авии II [Rotter, 1982, с. 72]

[16] Таб , II, с. 579—580; Илья, с. 117; Феоф., т. 1, с. 361, т. 2, с 228, Мих. Сир., т. 2, с. 469 = SCWSCh, с. 197, примеч. 488.

[17] Пс.-И. Кут., т. 2, с. 18. Ал-Балазури приводит два фразеологически различающихся варианта этого выступления [Балаз., А., т. 4В, с. 64, 65], у ал-Йа‘куби те же слова завершают иную речь Му‘авии II, в которой он отмечал особые права Али на халифат и осуждал поступки деда и отца [Йа‘к., т. 2, с. 302—303].

[18] Пс.-И. Кут., т. 2, с. 18.

[19] Балаз., А., т. 4В, с. 62.

[20] Там же, с. 65. Некоторые исследователи считают сведения о его занятиях химией легендой (см., например, [Ullmann, 1978]).

[21] Rotter, 1982, с. 76.

[22] Халифа, с. 249, 252—253

[23] Балаз., А., т. 4В, с. 59.

[24] Халифа, с. 218; Джахш , с. 21.

[25] EI^2, т. 5, с. 314—318.

[26] Rotter, 1982, с. 126—133.

[27] EI^2, т. 4, с. 866—868.

[28] Наиболее подробно с хорошим анализом сведений источников см Rotter, 1982, с. 193—207.

[29] Таб., II, с. 468.

[30] Балаз., А., т. 5, с. 133; Таб., II, с. 470; Мас‘уди, М., т. 5, с. 171; Мас‘уди, М^e., т. 3, с. 82.

[31] Кинди, В., с. 41—42.

[32] Балаз., А., т. 5, с. 127, 128, 132; Таб., II, с. 468—469.

[33] Балаз., А., т. 5, с. 132; И Са‘д, т. 5, с. 27; Таб., II, с. 468; Агани, т 18, с. 111

[34] Балаз., А., т 5, с. 207; Таб., II, с 509.

[35] Балаз., А., т. 5, с. 217; Таб., II, с. 531.

[36] Таб., II, с. 466.

[37] Халифа, с. 253—254 (Мас‘уд убит на площади у мечети); Балаз., А., т. 4В, с. 97—115, 119—123; Таб., II, с. 444—466.

[38] Балаз., А., т. 5, с 188 (руководил молитвой 40 дней, потом — Умар б Убайдаллах ал-Кураши); Таб., II, с 465

[39] Балаз., Ф., с 414; Таб., II, с. 489—496; Таб., пер., с. 51—57.

[40] Балаз., А., т 5, с. 132—135; Таб., II, с. 470—472.

[41] И. Са‘д, т. 5, с. 26; Таб., II, с. 482.

[42] Балаз., А., т. 5, с. 131; Таб., II, с. 473.

[43] Халифа, с. 255; Таб., II, с. 473. Ат-Табари приводит и другую дату присяги — мухаррам 65/18 августа — 16 сентября 684 г. [Таб., II, с. 472], которая может относиться ко времени торжественной публичной присяги в Дамаске после победы на Мардж Рахит.

[44] Балаз., А., т. 5, с. 149; Таб., II, с. 487; Мас‘уди, М., т. 5, с. 200; Мас‘уди, Мᵉ., т. 3, с. 95.

[45] Балаз., А., т. 5, с. 135; Йа‘к., т. 2, с. 304; Таб., II, с. 476. Упоминается только Халид: И. Са‘д, т. 5, с. 29; Балаз., А., т. 5, с. 144, 145; Халифа, с. 255; Таб., II, с. 487; только ал-Ашдак: И. Са‘д, т. 5, с. 149.

[46] Балаз., А., т. 5, с. 141.

[47] И. Са‘д., т. 5, с. 29; Халифа, с. 255; Балаз., А., т. 4, с. 136; Куфи, т. 5, с. 312—313; BGA, 8, с. 266—267. Наибольшая разница в численности войск обеих сторон у Халифы: 13 000 у Марвана и 60 000 у ад-Даххака (ту же численность войска ад-Даххака указывает ал-Балазури), а наименьшая — у ал-Куфи: 18 000 и 22 000.

[48] Халифа, с. 255; Балаз., А., т. 5, с. 136; Таб., II, с. 477—478; А. Таммам, Н., с. 17.

[49] Балаз., А., т. 5, с. 140; Таб., II, с. 480—481.

[50] Балаз., А., т. 5, с. 149.

[51] Кинди, В., с. 44. По другим сведениям — казнен [Йа‘к., т. 2, с. 306] или убит [Балаз., А., т. 5, с. 149].

[52] Кинди, В., с. 45. Ал-Балазури упоминает джумаду без определения ее номера [Балаз., А., т. 5, с. 148]; более ранние даты вступления Марвана в Фустат и отъезда из него дает Халифа (с. 257) — 1 раби‘ II 65/15 ноября 684 г. и 1 джумады I/14 декабря 684 г. Г.Роттер отвергает даты Халифы на том основании, что период зимних штормов, один из которых погубил египетский флот, начинается только в ноябре, а Марван должен был появиться на границе Египта раньше ноября [Rotter, 1982, с. 157], однако указанная дата может относиться к вступлению на территорию Египта, а не в Фустат. На значительный промежуток времени между переходом границы Египта и вступлением в Фустат указывает то, что фустатцы имели целый месяц, чтобы выкопать ров.

[53] Наиболее полный рассказ о завоевании Египта см.: Кинди, В., с. 41—46; Балаз., А., т. 5, с. 148—149.

[54] Таб., II, с. 481; Балаз., А., т. 5, с. 149.

[55] Балаз., А., т. 5, с. 150—157; Таб., II, с. 578—579. О датировке похода Хубайша см. Rotter, 1982, с. 160.

[56] Халифа, с. 258 (численность войска — 60 000 человек — явно преувеличена, выступление из Сирии датировано раби II 65/15 ноября — 13 декабря 684 г.); Балаз., А., т. 5, с. 204, 301; Йа‘к., т. 2, с. 306.

[57] Rotter, 1982, с. 164.

[58] Балаз., А., т. 5, с. 200; Йа‘к., т. 3, с. 419; Rotter, 1982, с. 78, примеч. 5.

[59] Балаз., А., т. 5, с 150; Таб., II, с. 576.

[60] Балаз., А., т. 5, с. 149.

[61] Йа‘к , т. 2, с. 306.

[62] Почти все источники датируют смерть Марвана рамаданом 65 г х. [И. Са'д, т. 5, с. 167; Балаз, А., т 5, с. 159; Йа'к., т. 2, с. 307; Халифа, с. 257 и др.]. Число месяца указывают несколько источников: 1 рамадана [Халифа, с. 257; Кинди, В., с. 48; Таб., II, с. 576], 3 рамадана [Халифа, с. 259], последний день ша'бана [Халифа, с. 259]. Из этого ряда выпадает сообщение Ильи Нисибинского, явно восходящее к ал-Хорезми, что Марван умер в воскресенье 27 рамадана 65/7 мая 685 г. [Илья, с. 149], Т.Нёльдеке, Ю.Велльхаузен, А.Ляммено принимают ее из-за совпадения числа месяца и дня недели [Nöldeke, 1901, с. 688; Wellhausen, 1901, с. 114; Lammens, 1928, с. 89]. Г.Роттер оставляет вопрос о дате открытым [Rotter, 1982, с. 162].

[63] И. Са'д, т. 5, с. 29—30; Балаз , А , т. 5, с. 145—159; Таб., II, с. 577; И. Кут., М., с. 354; Йа'к., т. 2, с. 307.

[64] Естественная смерть (или от чумы): Мас'уди, М., т. 5, с. 206; Мас'уди, Ме., т. 3, с. 97; отравление: Динав., с. 294; Йа'к , т. 2, с 307; Балаз., А., т. 5, с. 158; удушение: Балаз., А., т. 5, с. 159; Таб , II, с 577; Агани, т. 4, с. 345; Пс.-И. Кут., т. 2, с. 25.

[65] Йа'к., т. 2, с. 307; Халифа, с. 257.

[66] Dixon, 1971, с. 16—21, Мас'уди, М , т 5, с. 210; Мас'уди, Ме., т. 3, с. 99.

[67] Балаз., Ф., с. 143. Г.Роттер считает, что эти города были захвачены византийцами и Абдалмалику пришлось их отвоевывать [Rotter, 1982, с 172], однако ал-Балазури говорит только о **разрушении** этих городов, а не о их завоевании византийцами: «В дни Ибн аз-Зубайра румы вышли к Кайсарии и разрушили ее и разрушили мечеть, а когда дело Абдалмалика укрепилось, он отремонтировал (*рамма*) Кайсарийу и восстановил ее мечеть, и населил ее людьми, и отстроил Сур и „внешнюю" Акку, которые разделили судьбу Кайсарии».

[68] Это подтверждается тем, что Абдалмалик вынужден был отвоевывать Антиохию, как убедительно доказано Г.Роттером на основании неясного прежде сообщения Феофана [Rotter, 1982, с. 179; Феоф., т 1, с. 363, т. 2, с. 231].

[69] Илья, с. 149.

[70] Халифа, с. 257.

[71] Ибн аз-Зубайр расширил мечеть к югу, засыпав для этого русло, по которому стекали ливневые потоки, и поставил стену за ним, а также расширил мечеть к северу, включив в нее часть Дар ан-надва. Ка'ба была разобрана до основания, под которым выявился какой-то старый фундамент, объявленный остатками постройки Ибрахима-Авраама, и на нем были возведены новые стены, захватившие с севера часть Хиджра, высота их была на 9 локтей больше, чем прежде [Азр., с. 139—145, 307—309].

[72] Балаз., А., т 5, с 158—159; Rotter, 1982, с. 182—183.

[73] Балаз., А., т. 5, с. 204—207; Таб., II, с. 497—509.

[74] Прибытие ал-Мухтара датируется в привязке к прибытию в Куфу Абдаллаха б. Йазида: «когда осталось восемь ночей месяца рамадана шестьдесят четвертого года» (13 мая 684 г.) [Балаз., А., т. 5, с. 509]; у ал-Балазури ал-Мухтар приехал восемь дней спустя, а ат-Табари говорит, что он приехал на восемь дней **раньше** Абдаллаха б. Йазида [Таб., II, с. 509].

[75] Балаз., А., т 5, с. 207; Таб., II, с. 510.

[76] В тексте говорится об отречении и о присяге **Абдалмалику** [Таб., II, с. 558], но это — явный анахронизм, так как Абдалмалик еще не был халифом, а предполагать, что битва под Айн ал-Вардой произошла позже, чем указывают источники, нет оснований.

[77] Балаз., А., т. 5, с. 208—212; Таб., II, с. 510—513, 541—568.

[78] Балаз., А., т. 5, с. 220; Таб., II, с. 602.

[79] Балаз., А., т. 5, с. 218—220; Таб., II, с. 610—613.

[80] Балаз., А., т. 5, с. 220—221; Таб., II, с. 602—603.

[81] Балаз., А., т. 5, с. 223, Таб., II, с. 613.

[82] Согласно ал-Балазури, Убайдаллах б. Зийад арестовал 140 хариджитов, вернувшихся от Ибн аз-Зубайра [Балаз., А , т. 4В, с. 102].

[83] Таб., II, с. 517.

[84] Там же, с. 518—519.

[85] Watt, 1961.

[86] Rotter, 1982, с. 82.

[87] Балаз., А., т. 11, с. 86—87, 92—95, Таб., II, с. 581—582; Куфи, т. 6, с. 6. Один из источников ал-Балазури определяет численность отряда Харисы б. Бадра в 200 человек [Балаз., А., т. 11, с. 97].

[88] Балаз., А., т. 11, с. 97—98.

[89] Твердой уверенности в том, что упомянутый мост был наведен через Тигр (понятия Шатт ал-Араб тогда не существовало, считалось, что в залив впадает Тигр, а Евфрат теряется в болотах), не имеется, так как местность «между двумя мостами» (*байн джисрайн*) неоднократно упоминается в связи с событиями в самой Басре, но в данном случае вероятнее всего, что наплавной мост был наведен через Тигр.

[90] Балаз., А., т. 11, с. 101—102.

[91] Там же, с. 126—128.

[92] Там же, с. 128—129.

[93] Там же, с. 102; Таб., II, с. 583. Абдаллах б. Хазим назван наместником Хорасана от Ибн аз-Зубайра в 64 г.х. [Таб., II, с. 537].

[94] И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 216; Балаз., А., т. 11, с. 109; Таб., II, с. 586.

[95] Балаз., А., т. 11, с. 105; Таб., II, с. 592 — убито 7000 хариджитов, ушло — 3000.

[96] Балаз., А., т. 11, с. 102—109; Куфи, т. 6, с. 12—27; Таб., II, с. 591—594; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 216—217.

[97] Балаз., А., т. 5, с. 223; Таб., II, с. 613. Поскольку сутки начинались с захода солнца, то это, по принятому у нас делению на сутки, — вечер 18 октября.

[98] Балаз., А., т. 5, с. 226—229; Таб., II, с. 613—633.

[99] Таб., II, с. 634—635.

[100] Балаз., А , т. 5, с. 355—356; Таб., II, с. 688.

[101] Балаз., А., т. 5, с. 246—247; Таб., II. с. 689—692.

[102] Прямого свидетельства освобождения ал-Мухтаром рабов, сражавшихся на его стороне, нет, но об этом свидетельствует предложение ал-Мухтара вернуть рабов хозяевам, если последние будут его поддерживать [Таб., II, с. 650], и обсуждение победителями ал-Мухтара вопроса о том, казнить рабов, участвовавших в восстании, или возвратить хозяевам [Таб , II, с. 750].

[103] Таб., II, с. 650.
[104] Балаз., А., т 5, с 241—242, 248; Таб., II, с. 702—706.
[105] Балаз., А., т. 5, с. 230—231; Таб., II, с. 643—650.
[106] Балаз., А., т 5, с. 231—240; Таб., II, с. 650—680.
[107] Балаз., А., т. 5, с. 247—251; Таб., II, с. 700—716.
[108] Б. Пенк., с. 184—185, 157.
[109] Там же, с. 185, 157—158. Идентификация Абу Кариба с Йазидом ал-Хашаби принадлежит Г.Роттеру [Rotter, 1982, с. 216].
[110] Таб., II, с. 693—695; EI^2, т. 4, с. 1117—1118.
[111] Балаз., А., т. 5, с. 251—255; Таб., II, с. 720—724.
[112] Балаз., А., т. 5, с. 258—262; Таб., II, с. 718—741.
[113] Балаз., А., т. 5, с. 263—264; Таб., II, с. 743—744.
[114] Наубахти, с. 26, 28, 37; Наубахти, пер., с. 133, 135, 143; EI^2, т. 4, с. 869—871.
[115] Об аресте Мухаммада б. ал-Ханафийи вместе с его родственниками и приверженцами в ограде Замзама см.: Таб., II, с. 693—695; Йа‘к., т. 2, с. 311—312 Сообщение о том, что Ибн аз-Зубайр грозил их сжечь, если не присягнут ему к определенному сроку, представляется измышлением.
[116] Балаз., А., т. 5, с. 256—257; Таб., II, с. 751—752.
[117] Балаз., А., т. 11, с 133—136. Согласно ал-Балазури, Абдаллах б. Умайр был послан Мус‘абом, ат-Табари относит этот поход ко времени правления Хамзы [Таб., II, с. 752].
[118] Балаз., А., т. 5, с. 256—257.
[119] Халифа, с. 251
[120] Балаз., А., т. 11, с. 136—140. Узнав о блокаде Мекки, Абдаллах б. Аббас будто бы написал Наджде, что нельзя так поступать с мусульманами, и тот снял блокаду. Ат-Табари относит хаджж Наджды к 68 г.х. (середина июня 688 г.) [Таб., II, с. 782].
[121] Балаз., А., т. 11, с. 110—123; Таб., II, с. 753—765.
[122] Gaube, 1973, с. 35.

Глава 8

[1] Балаз., А., т. 5, с 317.
[2] Там же, с. 308—331. Упоминания отдельных эпизодов вкраплены в «Китаб ал-агани» (особенно в т. 24) и «Нака’ид Джарир ва-л-Фараздак» (подробнее см. Rotter, 1982, с. 193—207).
[3] О походе Леонтия см.: Феоф., т. 1, с. 363, т. 2, с. 230; Гевонд, пер., с. 10—11; Ст. Таронский, пер., с. 72. Феофан относит его к первому году правления Юстиниана, Гевонд — ко второму, а Степан Таронский — к третьему (687/88 г.). О походе арабов на Армению см.: Гевонд, пер., с. 11—12; Ст. Таронский, пер., с. 72. Датировки и порядок события изложены по Г.Роттеру [Rotter, 1982, с. 178—180].
[4] Балаз., А., т. 5, с. 299—300; Таб., II, с. 796 (очень коротко, только о дани в 1000 динаров каждую неделю; то же см.· Илья, с. 150). Феофан, а за ним и Константин Багрянородный пишут о 1000 номисм ежедневно (а также по одному коню и рабу) [Феоф., т. 1, с. 363, т. 2, с 230; Багрянород., с 82, 83]. Датировка договора по [Rotter, 1982, с. 180]

[5] И. Са‘д, т. 5, с. 168—169; Балаз., А., т. 4В, с. 138—145; Таб., II, с. 783.

[6] Балаз., А., т. 5, с. 503.

[7] Там же, с. 305.

[8] Б. Пенк., с. 146*, 175.

[9] Brock, 1982, с. 21.

[10] Наиболее вероятная датировка этого Апокалипсиса — 688—691 гг. [SCWSCh, с. 225; Brock, 1982, с. 17].

[11] Неделей здесь называется десятилетие, имеется в виду истечение седьмого десятилетия мусульманской эры, отождествляемого с продолжительностью арабского господства над христианами.

[12] Псалом 77, стих 65.

[13] Пс. Меф., пер., с. 236—238.

[14] Б. Пенк., с. 168*, 195.

[15] Захаби, т. 3, с. 359; Rotter, 1982, с. 215—216.

[16] Мас‘уди, М., т. 5, с. 241; Мас‘уди, Mᵉ., т. 4, с. 112.

[17] Балаз., А., т. 5, с. 290—296.

[18] Там же, т. 4В, с. 162—163; Куфи, т. 6, с. 259; Таб., II, с. 803.

[19] «...во вторник, когда прошли тринадцать ночей джумады первой или второй семьдесят второго года» [Балаз., А., т. 5, с. 286]. Та же дата приводится и у ат-Табари [Таб., II, с. 814], хотя рассказ о сражении и гибели Ибн аз-Зубайра помещен в разделе о событиях 71 г.х. Ал-Йа‘куби датирует его гибель зу-л-ка‘да 72/25 марта — 23 апреля 692 г. [Йа‘к , т 2, с. 317], совершенно очевидно перепутав с датой начала осады Мекки ал-Хаджжаджем [Таб., II, с. 831]. 13-е число в джумадах 71 и 72 гг.х приходится на джумаду II 71 г.х., но это — слишком ранняя дата. Возможно, первоначально дата была отсчитана от конца месяца: в джумаде I 72 г.х. этот день — вторник (17 октября 691 г.), а в джумаде II — среда (15 ноября), близость дней недели в этом числе может объяснять колебания в определении месяца.

[20] Балаз., А., т. 5, с. 336—352; Куфи, т. 6, с. 264—268; Таб., II, с. 806—811.

[21] Балаз., А., т. 4В, с. 164; Таб., II, с. 817. У Халифы (с. 266) завладел Басрой Хумран б. Абан.

[22] Балаз., А., т. 4В, с. 164; Таб., II, с. 822—823.

[23] Халифа, с. 263—264. Ал-Балазури, подробнее излагающий обстоятельства гибели Наджды, не приводит даты, но можно догадываться, что это произошло после завоевания Абдалмаликом Ирака [Балаз., т. 11, с. 143—145; Таб., II, с. 829].

[24] Таб., II, с. 852—853.

[25] Балаз., А., т. 11, с. 135.

[26] Там же, А., т. 5, с. 357—359; Куфи, т. 6, с. 271—273; Таб., II, с. 829—831, 844.

[27] Кинди, В., с. 57; Куфи, т. 6, с. 273; Таб., II, с. 830.

[28] Балаз., А., т. 5, с 360. Г.Роттер допускает, что упомянутые в этом случае эфиопы в действительности принимали участие в обороне Мекки при первой осаде [Rotter, 1982, с. 239].

[29] Ал-Вакиди говорит о 10 000 сторонников Ибн аз-Зубайра, сдавшихся ал-Хаджжаджу на обещание помилования [Таб., II, с. 845], нет

сомнения, что эта цифра завышена в несколько раз. В последние дни у Ибн аз-Зубайра оставалось меньше 300 человек [Куфи, т. 6, с. 276].

[30] Балаз., А., т. 5, с. 361. Цены на сорго для раннего периода неизвестны. Судя по данным мамлюкского времени [Mortel, 1989], в голодные годы цена на сорго приближалась к цене на пшеницу, но в нормальных условиях была вдвое ниже ее, при таком соотношении указанную цену на сорго следует признать выше нормальной в 1000 раз.

[31] Насколько смешивались события двух осад, свидетельствует дублирование рассказов о гибели камнеметной машины от молнии [Балаз., А., т. 5, с. 362, 363; Таб., II, с. 744—745; Куфи, т. 6, с. 275—276 (о пожаре Ка'бы)].

Г.Роттер считает, что ал-Хаджжадж не имел намерения обстреливать Ка'бу, хотя отдельные камни могли попадать в нее из-за плохой прицельности камнеметных машин [Rotter, 1982, с. 241], А.Диксон придерживается противоположного мнения [Dixon, 1971, с. 138].

[32] Большинство источников называет вторник 17 джумады I или джумады II 73 г.х. (джумада I [И. Са'д, т. 5, с. 169; Халифа, с. 267; Таб., II, с. 844], джумада II [Балаз., А., т. 5, с. 368; Кинди, В., с. 51]). Халифа и ал-Куфи указывают также эту дату в обратном отсчете — вторник в 13-й день от конца джумады I [Куфи, т. 6, с. 279] или джумады II [Халифа, с. 266], к этой датировке от конца может относиться и дата ал-Мас'уди — вторник 14 джумады I [Мас'уди, М., т. 5, с. 256; Мас'уди, Ме., т. 3, с. 122], но этот день, 1 октября 692 г., — единственное из указанных чисел, которое приходится на вторник, поэтому Р.Зелльхайм считал дату ал-Мас'уди единственно верной [Sellheim, 1970, с. 109]. Г.Роттер предпочитает дату ал-Факихи: 19 джумады II, которое приходится на вторник 5 ноября [Факихи, с. 24; Rotter, 1982, с. 243]. Это предположение весьма правдоподобно, но в таком случае трудно объяснить совпадение чисел в прямом и обратном отсчете. Принимая датировку Г.Роттера, мы должны считать иные даты относящимися к гибели Мус'аба, а не Абдаллаха б. аз-Зубайра (см. выше, примеч. 19).

[33] Балаз., А., т. 5, с. 373; Таб., II, с. 855.

[34] Таб., II, с. 835; Таб., пер., с. 68. О том, насколько перепутаны сведения, касающиеся смерти Абдаллаха б. аз-Зубайра и Мус'аба б. аз-Зубайра, свидетельствует тот факт, что у ал-Йа'куби то же рассказывается о голове Мус'аба [Йа'к., т. 2, с. 323].

[35] Таб., II, с. 859—862; Таб., пер., с. 69—71.

[36] Балаз., Ф., с. 398; Т. Сист., с. 105—106; Т. Сист., пер., с. 125—126.

[37] Gaube, 1973, с. 54.

[38] О пьянстве и гибели Бишра от болезни см.: Балаз., А., т. 5, с. 171, 173—174, 178—180. Время смерти можно примерно установить по тому, что после него до прибытия ал-Хаджжаджа обязанности наместника исполнял Халид б. Абдаллах в течение двух месяцев, а ал-Хаджжадж прибыл в Куфу в раджабе 75/26 октября — 24 ноября 694 г. [Балаз., А., т 11, с. 268, 270], следовательно, Бишр мог умереть в августе — начале сентября этого года. Ат-Табари датирует прибытие ал-Хаджжаджа в Куфу двумя месяцами позднее — рамаданом [Таб., II, с. 872], но, судя по последующим событиям, это — слишком поздняя дата.

[39] Таб., II, с. 857—859.

[40] Балаз., А., т. 11, с. 270.

[41] Речь приводится по версии ат-Табари [Таб., II, с. 864—865]. Другая версия: Балаз., А., т. 11, с. 267—269.

[42] Балаз., А., т. 11, с. 271—275, 277, Таб., II, с. 865—870.

[43] Балаз., А., т. 11, с. 275—280; Таб., II, с. 873—875.

[44] Таб., II, с. 875 Куфийская историческая традиция объясняет причину поражения куфийцев и гибели Абдаррахмана б. Михнафа тем, что в трудный для ал-Мухаллаба момент боя Абдаррахман послал ему на помощь значительную часть своих сил, хариджиты воспользовались этим и напали на лагерь куфийцев [Таб., II, с. 876—877].

[45] Феоф., т. 1, с. 365, т. 2, с. 232

[46] Халифа, с. 264. Издатель, Дийа' ал-Умари, отождествляет эту местность с Картаса в западной части Дельты Нила (там же, примеч. 1), но Египет находился под твердым управлением Абдал'азиза б. Марвана, и устраивать поход в сторону Александрии вроде бы было ни к чему, если только там не произошло какое-то восстание.

[47] Феоф., т. 1, с. 366, т. 2, с. 232—233 (седьмой год Юстиниана — 691/92 г.). Местом сражения назван Севастополь Приморский. А.Н.Тер-Гевондян без всяких ссылок локализует его в Киликии [Тер-Гевондян, 1977, с 72], возможно, на основании: P.—W., II, т. 3, с. 952.

Халифа, ат-Табари и Илья Нисибинский датируют это сражение 73/692-93 г. [Халифа, с. 267; Таб., II, с. 853; Илья, с. 151], расхождения между двумя датировками не будет, если предположить, что сражение произошло летом 692 г.

[48] Таб., II, с. 853; Феоф., т. 1, с. 366, т. 2, с. 233.

[49] Халифа, с. 267—268. Местность не идентифицируется. По звучанию Андарлийа могла бы быть отождествлена с Дорилеей, но это слишком далеко на запад от театра военных действий тех лет. Йакут (т. 1, с. 373) упоминает некий Андарин, «селение из селений Джазиры», что более соответствует ситуации, но указание Йакута слишком обще.

О событиях этого года см.: Халифа, с. 268—269; Таб., II, с. 863; Феоф., т. 1, с. 368, т 2, с. 234; Илья, с. 152.

[50] Хр. 819 г., с. 15; Хр. 819 г., пер., с. 78; Халифа, с. 268—269, 270.

[51] Халифа, с. 273.

[52] Ал-Йа'куби не упоминает Салиха, а говорит только о Шабибе [Йа'к., т. 2, с. 328].

[53] Халифа, с. 272—273; Йа'к., т. 2, с 328; Таб., II, с. 881—892. Дата смерти Салиха вызывает недоверие. подозрительно, что он, Мус'аб б. аз-Зубайр и Абдаллах б. аз-Зубайр умерли не только в одни и те же месяцы, но и в те же числа и в один и тот же день недели (что для разных лет возможно только через большой промежуток); предположение, что в данном случае имеется в виду тринадцатый день от начала одной из двух джумад 76 г.х., также ничего не дает, так как оба числа приходятся не на вторник, как и тринадцатые дни от конца. Дата в тексте приведена условно.

[54] Levi-Provençal, 1954, с. 40. Ибн Абдалхакам сообщает о гибели Зухайра после рассказа о походе Хассана на Карфаген и гибели Кахины [И. Абдх., с. 208—209; И. Абдх., пер., с. 218—221], Ибн ал-Асир датирует гибель Зухайра 69/688-89 г. [И. А., т. 4, с. 251].

55 Levi-Provençal, 1954, с. 40—41. Халифа (с. 277) приписывает победу над Касилой Мусе б. Нусайру и относит ее к 79/698-99 г.

56 Зуб , с. 573—574. Ал-Йа'куби сообщает, что Абдалмалик по пути в Мекку четыре дня выступал в мечети Медины с речами, доказывая свое право на халифство, и три дня пробыл на обратном пути, выступая с осуждением мединцев, на что некий Мухаммад б. Абдаллах ал-Кари крикнул: «Лжешь, мы не такие!» Стража его чуть не убила, но Абдалмалик приказал отпустить его с миром [Йа'к., т. 2, с. 327].

57 Йа'к., т. 2, с. 311; пер. см.: Медников, 1897, с. 110.

58 BGA, т. 3, с. 159; пер. см.: Медников, 1897, с. 782—783.

59 Vogué, 1864, с. 85, pl. XXI; Creswell, 1958, с. 17—40.

60 Rotter, 1982, с. 228—230. Дискуссия об этом: Goitein, 1950; Caskel, 1963.

61 Ссылка на Сибта б. ал-Джаузи — в «Мусир ал-гарам» Ахмада ал-Макдиси, см. Le Strange, 1887, с. 297; пер. см.: Медников, 1897, с. 618—620. Современное издание текста ал-Макдиси было мне недоступно. Ср. Gil, 1992, с. 92, примеч. 17.

62 Феоф., т. 1, с. 365, т. 2, с. 232; Феоф., пер., с. 268.

63 А.И Колесников, исследуя динар арабо-сасанидского типа, чеканенный Абдаллахом б. Хазимом в Мерве в 70/689-90 г., высказывает предположение, что чеканка динаров Ибн Хазимом и Мус'абом б. аз-Зубайром (о последнем известно только из письменных свидетельств) заставила Абдалмалика начать чеканку монет нового типа [Колесников, 1985, с. 51], но побудительная причина, несомненно, была значительно глубже.

64 Балаз., Ф., с. 467 (74 г.х.). Динав., с. 322; Таб., II, с. 939; Илья, с 153.

65 Stickel, 1870, № 34 (воспроизведено в уменьшенной прорисовке); Абдарраззак, с. 202 (фотография в 3,6 натуральной величины).

66 Walker, 1956, № 73—103.

67 Феоф., т. 1, с. 365, т. 2, с 232; Феоф., пер., с. 268.

68 Grierson, 1960, Cahen, 1963; Азерли, 1967.

69 Балаз., Ф , с. 469.

70 Cahen, 1974, с. 337—338; Кауфман, 1910, с. 68, 86.

71 Gyselen, 1982, с. 164.

72 Балаз., Ф., с. 240; Grohmann, 1954, с. 66—67.

73 1003 г. селевкидской эры соответствует 691/92 г. н.э. У Феофана явная хронологическая ошибка. Анонимная сирийская хроника первой половины IX в. сообщает, что чеканку новых серебряных дирхемов без изображений Абдалмалик начал в 1008 г. (696/97 г.), а «перепись иноземцев» Атийа провел на следующий год [Хр. 819 г., с. 15; Хр. 819 г., пер., с. 78].

74 Пс.-Дион., с. 10—11, пер., с. 10; Дион., пер., с 60.

75 А. Йус., с. 49.

76 Kraemer, 1958, № 58.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ*

Изв. АН АзССР ИФП — Известия Академии наук Азербайджанской ССР. История, философия и право.
ИФЖ — Историко-филологический журнал Ер.
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л
СПб ФИВ РАН — Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения Российской академии наук
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Аш.
AGWG — Abhandlungen der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse.
AIEO — Annales de l'Institut d'études orientales. Damas
AIUON — Annali dell' Istituto Universitario Orientale di Napoli.
AOr — Archiv Orientální Praha.
BGA 3 — Bibliotheca geographorum arabicorum. 3 Descriptio imperii moslemici auctore Schamsô'd-dîn Abû Abdohâh Mohammed al-Mokaddasi, 1877
Bustan — Bustan Österreichische Zeitschrift für Kultur, Politik, und Wirtschaft der islamischen Länder. Hrsg. von der Hammer-Purgstall Gesellschaft Wien
BTS — Beiruter Texte und Studien.
IJMES — International Journal of Middle Eastern Studies L—N Y
JNES — Journal of Near Eastern Studies. Chicago
JSS — Journal of Semitic Studies. Manchester.
MFOB — Mélanges de la Faculté orientale de Beyrouth.
P—W — Pauly—Wissowa Reallexicon des klassischen Altertums. Stuttgart, 1893—1967
SBWGF — Sitzungsberichte der Wissenschaftlichen Gesellschaft an der Johann Wolfgang Goethe Universität. Frankfurt am Main
SCWSCh — The Seventh Century in the West-Syrian Chronicles introduced, translated and annotated by Andrew Palmer including two seventh-century Syriac apocaliptic texts introduced, translated and annotated by Sebastian Brock with added annotation and historical Introduction by Robert Hoyland Liverpool, 1993.
SFCIS — Studies on the First Century of Islamic Society. Southern Illinois University. Carbondeil, 1982 (Papers on Islamic History 5).
ZA — Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete. Hrsg von C.Bezold Strassburg

---

* В списках сокращений, источников и литературы в данном томе приводятся только те названия, которые отсутствуют в первом и втором томах

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Агани — Китāб ал-агāнӣ таснӣф Абӯ-л-Фарадж ал-Исфахāнӣ Дж. 1—24 Ал-Кāхира, 1383—1394/1963—1974.

А. Михн , рук — Та'рӣх̮ ал-мактал Абӣ 'Абд Аллāх ал-Х̮усайн, равāху Абӯ Михнаф Лӯт ибн Йах̮йā ал-Аздӣ. Рук. СПб ФИВ РАН В 604, л. 1а—82а.

Анон. — История халифов анонимного автора XI века. Факсимиле рукописи. Предисловие и краткое изложение содержания П.А.Грязневича, указатели М.Б.Пиотровского и П.А.Грязневича М., 1967

А. Таммам. — Накā'ид Джарир ва-л-Ах̮тал та'лӣф ал-имāм. . Абӣ Таммāм. 'Унийа би таб'ихā или аввал марра Антӯан Салх̮āнӣ Байрут, 1922.

Багрянород. — *Константин Багрянородный* Об управлении империей Текст, пер и коммент. Под ред Г Г Литаврина и А.П.Новосельцева М., 1989

Балаз., А. — 4A The Ansāb al-ashrāf of al-Balādhūrī. Vol 4A Ed by M Schloessinger. Revised and annotated by M J.Kister. Jerusalem, 1971, 4B. .Ed by M Schloessinger Jerusalem, 1938; 11 Anonyme Arabische Chronik. Bd 11 Vermutlich das Buch der Verwandtschaft und Geschichte der Adligen von abūlhasan ahmed ben jahjā elbelādorī aus Petermann II 633. Autographiert und hrsg. von W Ahlwardt Lpz , 1883.

Bak , Mд — The Kıtāb al-maghāzī of al-Wāqidī. Ed. by M.Jones Vol 1—3 L , 1966

Ганджи — Кифāйа ат-тāлиб фӣ манāкиб 'Алӣ ибн Абӣ Тāлиб... ва йалӣхи ал-Байāн фӣ ах̮бāр сāхиб аз-замāн ли-л-имāм ал-хāфиз Абӣ 'Абд Аллāх ал-Курашӣ ал-Ганджӣ. Тахкӣк ва тасх̣ӣх Мухаммад Хāдӣ ал-Амӣнӣ Техрāн, 1404/1984

Джахиз, Б — Ал-Байāн ва-т-табйӣн ли Абӣ 'Усмāн 'Амр ибн Бах̮р ибн Махбӯб ал-Джāх̮из мусаддар би тарджама ли-л-Джāх̮из мусāфийа би калам мухаккикихи ва шāрихихи ал-Хасан ас-Сандӯсӣ Дж 1—3 Ал-Кāхира, 1345/1926-27

Джахиз, Т. — Le livre de la couronne (Kitāb el-tādj) Texte arabe publié pour la première fois d'après les trois manuscrits connus, accompagné d'une préface en français et enrichi de notes critiques et documentaires par Ahmed Zekı Pacha. Le Caire, 1914

Джахиз, У — Рисāла фӣ Банӣ Умаййа. — Āсāр ал-Джāх̮из Абӯ 'Усмāн 'Умар ибн Бахр ал-адӣб ал-'арабӣ ал-х̮āлид ал-кабӣр. Каддама лаху ва ашрафа 'алā танзӣмихи ва таксӣмихи 'Умар Абӯ-н-Надр. Байрӯт, 1969, с. 125—135.

Дион., пер — The secular History of Dionysius of Tel-Mahre Extract from the anonymous Chronicle of AD 1234 with supplementary material in the notes from the chronıcle of the jacobite patriarch Michael (died AD 1199) — SCWSCh, с 111—221.

Захаби — Та'рӣх̮ ал-ислāм ва табакāт ал-машāхӣр ва-л-а'лāм ли-л-хāфиз ал-му'аррих̮ Мух̮аммад ибн Ах̮мад ибн 'Усмāн аз-Захабӣ .. 'унийа би тахкӣк ан-насс ва тах̮рӣр ал-хавāшӣ Хусāм ад-дӣн ал-Кудсӣ Дж 1—4 Ал-Кāхира, 1947—1950

Зуб — Ал-Ах̮бāр ал-муваффакӣйāт та'лӣф аз-Зубайр ибн Баккāр. Тахкӣк Сāмӣ Маккӣ ал-'Āнӣ Багдāд, 1392 х /1972 м

И Абу-л-Хадид. — Абӯ Хāмид ‘Абд ал-Ҳāлид ибн Абӣ-л-Хадӣд ал-Му‘тазилӣ Шарх Нахдж ал-Балāга ба сай-и ва кушӣш-и ва ихтимāма-йи акалл ал-Хāджж муллā Муҳаммад сӯрат итмāм паз̱ӣрафт фӣ та’рӣҳ-и шахр-и сафар ал-музаффар мин сана 1302—1304/[1884—1886] Техрāн, дж 1—2 (литограф)
И Асак Т — Тахз̱ӣб Та’рӣҳ мадӣна Димашк ли Абӣ-л-Кāсим ‘Али ибн ал-Хсан ал-ма‘рӯф би Ибн ‘Асāкир Таххӣк Ахмад ‘Убайд Дж 1—7 Димашк, 1949
И Джуб — The Travels of Ibn Jubayr Ed from a ms in the University Library of Leiden by W Wright 2nd ed revised by M J de Goeje Leiden—London, 1907 (GMS, 5)
И Джуб., пер. — Путешествие Ибн Джубайра. Пер с араб., вступит ст и примеч Л.А Семеновой М , 1984
И Изари — Histoire de l’Afrique et de l’Espagne, intitulée al-Bayáno ’l-Mogrib par Ibn-Adhárí (de Maroc), et Fragments de la Chronique d’Aríb (de Cordoue), le tout publié pour la première fois.. par R P.A Dozy Vol 1—2 Leyde, 1848—1851
И Кут , У — Китāб ‘уйӯн ал-аҳбāр та’лӣф Абӯ Муҳаммад ‘Абд Аллāх ибн Муслим ибн Кутайба ад-Дӣнаварӣ ал-мутаваффӣ сана 276 х Дж 1—2 Ал-Кāхира, 1349 х /1930 м
Исфах , М — Макāтил ат-ṭāлибӣййӣн ли Абӣ-л-Фарадж ал-Исфахāнӣ Каддама лаху ва ашрафа ‘ала таб‘ихи Кāзим ал-Музаффар Аṭ-Таб‘а ас̱-с̱āнийа. Ан-Наджаф, 1385/1965.
Марон хр. — Chronicon maroniticum. — CSChO, SS, series tertia, tomus IV, Chronica minora, pars prior Ed I Guidi Parisiis—Lipsiae, 1903, с 43—77
Марон хр , англ пер — Extract from the Maronite Chronicle (AD 642) — SCWSCh, с 29—35
Марон. хр , нем пер см Nöldeke, 1875
Мас‘уди, М — во втором томе ссылки «Мас‘уди»
Мас‘уди, Ме — Мурӯдж аз̱-з̱ахаб ва ма‘āдин ал-джаухар таснӣф ар-раххāла ал-кабӣр ва-л-му’аррӣҳ ал-джалӣл ‘Абӣ-л-Хасан ‘Алӣ ибн ал-Хусайн ибн ‘Алӣ ал-Мас‘ӯдӣ ал-мутаваффӣ фӣ ‘āм 346 хиджрӣ Би тахкӣк Мухаммад Мухий ад-дӣн ‘Абд ал-Хамӣд Дж 1—4 Ал-Кāхира, 1377 х /1958 м
Минк — Вак‘а Сиффӣн ли Наср ибн Музāхим ал-Минкарӣ ал-мутаваффӣ сана 212/837 Таххӣк ва шарх ‘Абд ас-Салāм Мухаммад Хāрӯн Ат-Ṭаб‘а ас̱-с̱анийа Ал-Кāхира, 1382/[1962]
Мубаррад — Fhe Kamil of el-Mubarrad Ed by W Wright Lpz , 1864
Накаид — The Naka’id of Jarīr and al-Farazdaq Ed by A A Bevan Vol 1—2 Leiden, 1905—1907
Нарш , Р — Та’рӣҳ-и Буҳāрā та’лӣф-и Абӯ Бакр Мухаммад бен Джа‘фар Наршаҳӣ, 286—348, тарджума-йи Абӯ Наср Ахмад бен Мухаммад бен Наср ал-Кубāвӣ Тасхӣх ва ташӣр-и мударрис Ридāвӣ Техрāн, 1351/[1933]
Нарш англ пер — *Frye R.N* The History of Bukhara translated from a Persian Abridgement of the Arabic Original by Narshakhi Cambridge, Mass , 1954
Нарш , пер. — *Мухаммад Наршахи* История Бухары Перевел с персидского Н Лыкошин под ред В В Бартольда Таш , 1897
Наубахти — Al-Ḥasan ibn Mūsā an-Naubaḫtī Die Sekten der Schi‘a Hrsg von Helmut Ritter. Istanbul, 1931 (Bibliotheca Islamica 4)
Наубахти, пер — *Ал-Хасан ибн Мӯсā ан-Наубаҳтӣ* Шиитские секты Пер с араб , исслед и коммент С М Прозорова М , 1973 (ППВ, XLIII)
Пс -Дион — во втором томе ссылки «Дион »

Пс -И. Кут. — во втором томе ссылки «И Кут »
Пс -Мефодий, пер. — An Extract from the Apocalypse of Pseudo-Methodius — SCWSCh, с 222—242
Ст Таронский, пер — Des Stephanos von Taron Armenische Geschichte aus dem altarmenischen übersetzt von Henr Gelzer und Aug Burckhardt. Lpz., 1907 (Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum teubneriana Scriptores sacri et profani Fasc 4)
Т Сист. — Та'рӣх̮-и Сӣстāн бе тас̣хӣх̣-и малик аш-шу'арā' Бехāр. Т̣ехрāн, чап-и дувум, 1339 (ш)
Т. Сист , пер — Та'рӣх̮-и Сӣстан («История Систана»). Пер , введ. и коммент Л П Смирновой М., 1974 (ППВ, XLIII).
Таб , 3 — Ал-мунтах̮аб мин Китāб з̱айл ал-маз̱йал мин та'рӣх̮ ас-с̣ахāба ва-т-тāби'ӣн тас̣нӣф Мух̣аммад ибн Джарӣр ат-Т̣абарӣ. З̱уйӯл Та'рӣх̮ ат-Т̣абарӣ Ал-Муджаллад ал-хāдӣ 'ашар Тах̣к̣ӣк̣ Мухаммад Абӯ Фадл Ибрāхӣм Ал-К̣āхира, 1977, с. 491—705.
Факихи — Auszüge aus den Geschichtsbüchern der Stadt Mekka. Von Muhammed el-Fakihi, Muhammed el-Fasi und Muhammed Ibn Dhuheira nach den Handschriften zu . Lpz , 1859 (Chroniken der Stadt Mekka gesammelt. von F.Wüstenfeld. Bd 2)
Фас , т. 2. — Китāб ал-ма'рифа ва-т-та'рӣх̮ та'лӣф Абӣ Йӯсуф Йа'к̣ӯб ибн Суфйāн ал-Фасавӣ, ривāйа 'Абд Аллāх ибн Джа'фар ибн Дуруставайх ан-Нах̣вӣ Ал-Муджаллад ас̱-с̱āнӣ Тахк̣ӣк̣ Акрам Дийā' ал-'Умарӣ Баг̣дāд, 1975.
Хр 819 г — Chronicon anonimum ad annum Domini 819 pertinens. — CSChO, SS, series tertia, tomus IV, Chronica minora, pars tertia. Ed I Guidi. Parisiis—Lipsiae, 1903, с. 243—260
Хр 819 г , пер. — Extract from the Chronicle of AD 819 — SCWSCh, с 75—80

Абдарраззак — *'Абд ар-Раззāк, Нāхид* Ал-Маск̣ӯкāт Кувайт, [б.г.].
Азерли, 1967. — *Азерли М.И* Монетарная реформа Абдалмалика ибн Марвана (685—705) — Изв АН Аз.ССР ИФП 1967, № 2, с 103—114.
Блок, 1973. — *Блок М.* Апология истории, или ремесло историка Пер Е М Лысенко, примеч А.Я Гуревича. М , 1973
Большаков, 1986. — *Большаков О Г.* Рабство в странах Халифата — Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986, с. 424—449.
Грюнебаум, 1986 — *Грюнебаум Г Э , фон* Классический ислам Очерк истории 600—1258 М , 1986
Джурдак, 1970. — *Джурдāк, Джӯрдж.* Ал-Имāм 'Алӣ· Саут ал-'адāла ал-инсāнӣйа. Дж 1—5 Байрӯт, 1970.
Забиди, 1970. — *Аз-Забӣдӣ, Мухаммад Х̮усайн.* Ал-Хайāт ал-иджтимā'ӣйа ва-л-иктисāдӣйа фӣ-л-Кӯфа фӣ-л-к̣арн ал-аввал ал-хиджрӣ. Баг̣дāд, 1970.
Зайдан, 1907. — Umayyads and 'Abbásids. Being the Fourth Part of Jurjí Zaydán's History of Islamic Civilizatiou Transl by D.S Margoliouth Leyden—London, 1907 (GMS, 4).
Ибрахим, 1984 — *Ибрāхӣм, Фāдил.* Х̮āлид ибн Йазӣд Сӣратух ва-хтимāмāтух. Дарс фӣ 'улӯм 'инда-л-'араб. Багдāд, 1984.
Кауфман, 1910 — *Кауфман И.И* Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века. Опыт исследования СПб , 1910.
Кацурис, Буряков, 1963 — *Кацурис К , Буряков Ю Ф.* Изучение ремесленного квартала у северных ворот Гяур-Калы — ТЮТАКЭ 1963, 12
Колесников, 1985 — *Колесников А И* Золотая арабо-сасанидская монета — СГЭ 1985, № 50.

Куббель, 1959. — *Куббель Л.Е.* О некоторых чертах военной системы халифата Омайййадов (661—750) -- ПС. 1959, вып. 4(67)
Кураши, 1970 — *Ал-Курашӣ, Бāкир Шарӣф.* Хайāт ал-имāм ал-Хасан ибн ʻАлӣ. Дж 1—2. Ан-Наджаф, 1970.
Курд Али, 1925. — *Курд ʻАлӣ, Мухаммад* Хитат аш-Шāм Дж 1. Димашк, 1925.
Массон, 1963. — *Массон М Е.* К изучению прошлого Старого Мерва. — ТЮТАКЭ. 1963, 12
Матвеев, 1993 — *Матвеев В.В* Средневековая Северная Африка (развитие феодальных отношений в VII—X вв.) М , 1993
Мугнийа, 1964. — *Мугнийа, Мухаммад Джавāд.* Ал-Фадā'ил ал-имāм ʻАлӣ. Багдāд, 1964
Мунаджжид, 1963. — *Мунаджжид, Салāх ад-дӣн.* Су'āл фӣ Йазӣд ибн Муʻāвийа ли шайх ал-ислāм Ибн Таймӣйа. — Маджалла ал-маджмаʻ ал-ʻилми ал-ʻараби Димашк, 1963, дж. 38, с 452—463, 672—678.
Мунаджжид, 1970. — *Мунаджжид, Салāх ад-дӣн.* Муʻджам Банӣ Умаййа. Истахраджаху мин Та'рӣх Димашк ва зāда фӣхи. Байрӯт, 1970
Мух Али, 1955. — *Мухаммад ʻАлӣ Мустафā.* Ат-Такрӣр ал-аввал ʻан ат-танкӣб фӣ-л-Кӯфа ли-л-маусим ас-сāлис — Sumer 1959, 11, с. 4—24.
Наджм, 1973 — *Ан-Наджм, ʻАбд ар-Рахмāн.* Ал-Бахрайн фӣ садр ал-ислāм ва āсāрухā фӣ харака ал-хавāридж. Багдāд, 1973.
Рави, 1970. — *Ар-Рāвӣ, Сāбит Исмāʻӣл.* Та'рӣх ад-даула ал-ʻарабӣйа. Хилāфа ар-рāшидӯн ва-л-Умавӣйа. Багдāд, 1970
Пиотровский, 1970. — *Пиотровский М.Б.* Йемениты и йеменцы в омайадской Сирии — ИФЖ 1970, № 2.
Семенов, 1996. — *Семенов Г Л* Согдийская фортификация V—VIII веков. СПб., 1996
Сулайман, 1983. — *Сулаймāн ибн Дāвуд ибн Йӯсуф.* Ал-Хавāридж хум ансāр ал-имāм ʻАлӣ. Дж. 1 Кустантӣна, 1403/1983.
Т Хусайн, 1959. — *Хусайн, Тāхā.* Ал-Фитна ал-кубрā. Дж 1 Усмāн, дж 2. ʻАлӣ ва банӯху. Ал-Кāхира, 1956—1959
Фахми, 1965. — *Ал-Фахмӣ, ʻАбд ар-Рахмāн.* Фаджр ас-сикка ал-ʻарабӣйа Ал-Кāхира, 1965
Харбутли, 1959. — *Ал-Харбӯтлӣ, ʻАлӣ Хуснӣ.* Та'рӣх ал-ʻИрāк фӣ зилл ал-хукм ал-умавӣ Ал-Кāхира, 1959.
Харбутли, 1962. — *Ал-Харбӯтлӣ, ʻАлӣ Хуснӣ.* Ал-Мухтāр ас-Сакафӣ мир'āт ал-ʻаср ал-умавӣ Ал-Кāхира, 1962
Чураков, 1958. — *Чураков М.В.* Завоевание Северной Африки арабами. — ПС 1958, вып 3(66)
Шишкин, 1940. — *Шишкин В А* Археологические работы 1934 г. в западной части Бухарского оазиса Таш., 1940.
Ali, 1959 — *Al-ʻAli S.A* Muslim Estates in Hidjaz in the First Century A.H. — JESHO 1959, 2, c. 247—261
Bashear, 1991 — *Bashear S* Apocalyptic and Other Materials on Early Muslim-Byzantine Wars: a Review of Arabic Sources — JRAS Sér. 3. 1991, vol. 1, c 173—208.
Bates, 1976 — *Bates M I* The «Arab-Byzantine» Bronze Coinage of Syria: an Innovation of Abd al-Malik — Colloquium in Memory of G.C.Miles. N.Y., 1976, c 16—27.
Beg, 1977 — *Beg M A.J* The Reign of Moʻawiyya — IC 1977, 51.
Bosworth, 1968. — *Bosworth C.E.* Sistan under the Arabs, from Islamic Conquest to the Rise of the Saffarids (30—250/651—864). Roma, 1968.

Brawmann, 1972. — *Brawmann M M.* The Spiritual Background of Early Islam. Leiden, 1972.
Brock, 1982 — *Brock S.P.* Syriac Views of Emergent Islam. — SFCIS, c. 17—36
Brockelmann, 1947. — *Brockelmann C.* History of the Islamic Peoples with a Review of Events 1939—1947 by Moshe Perlmann. Transl. by J Carmichael and M Perlmann. N.Y , 1947.
Caegi, 1992. — *Caegi W.E.* Byzantium and the Early Islamic Conquests. Cambrıdge, 1992.
Caetani, 1926. — *Caetani L* Annali dell' Islam. Milano, 1926.
Cahen, 1963 — *Cahen Cl.* Deux questions sans réponse sur la réforme monétaire de Abd al-Malik — StI. 1963, 11, c. 61—64.
Cahen, 1974. — *Cahen C.* La frappe des monnaies en Egypte au VI/XII siècle d'après Minhaj d'al-Makhzumi. — Studies in Honour George C.Miles. Beyrut, 1974, c. 335—338.
Calder, 1991. — *Calder N.* The Qurra' and the Arabic Lexicographical Tradition. — JSS. 1991, 36, c. 297—307.
Caskel, 1963. — *Caskel W.* Das Felsendom und die Wallfahrt nach Jerusalem. Köln, 1963.
Creswell, 1958. — *Creswell K.A.C.* A Short Account of Early Muslim Architecture (Pelican Books).
Crone, 1980. — *Crone P.* Slaves on the Horses The Evolution of the Islamic Polity. Cambridge a.o., 1980.
Crone, Hinds, 1986. — *Crone P., Hinds M.* God's Caliph Religious Authority in the First Centuries of Islam. Cambridge a.o., 1986
Dixon, 1971. — *Dixon A* The Umayyad Caliphate 65—86/684—705 (A Political Study). L., 1971.
Donner, 1966. — *Donner Mac Grow.* The Formation of the Islamic State. — JAOS. 1966, vol. 106, № 2.
Dowsett, 1961. — The History of the Caucasian Albaniens by Movses Dasxuranci. Transl. by *C J.F Dowsett* a o., 1961 (SOAS. Oriental Series, № 8)
Ehrenkreutz, 1954. — *Ehrenkreutz A.* The Standard of Fineness of Gold Coins Circulating in Egypt at the Time of the Crusades. — JAOS. 1954, vol. 74, c 162—166.
Eickhoff, 1966. — *Eickhoff E* Seekrieg und Seepolitik zwischen Islam und Abendland. Das Mittelmeer unter byzantinischer und arabischer Hegemonie (650—1040) B , 1966.
Ende, 1977. — *Ende W.* Arabische Nation und islamische Geschichte. Die Umayyaden im Urteil arabischer Autoren des 20. Jahrhunderts. Beirut, 1977 (BTS, 20)
Friedländer, 1910. — *Friedländer J.* Abdallah ibn Saba' der Begründer der Šī'a und seine judische Ursprung — ZA. 1909—1910, 23—24
Gabrieli, 1964. — *Gabrieli F.* Greeks and Arabs in the Central Mediterranean Area — DOP 1964, vol 18.
Gaube, 1973. — *Gaube H.* Arabosassanidische Numismatik. Braunschweig, 1973.
Gibb, 1956. — *Gibb H.A.R.* The Evolution of the Government in Early Islam. — StI 1956, 4, c. 5—17
Gibb, 1947 — *Gibb H A R* Some Considerations on the Sunni Theory of the Caliphate. — Archives d'histoire du droit oriental. 1947, 3, c. 404—410
Gibb, 1958 — *Gibb H.A R* Arab-Byzantine Relations under the Umayyad Caliphate. — DOP. 1958, vol. 12
Gil, 1992 — *Gil M. A* History . of Palestine, 634—1099. Transl from Hebrew by Ethel Broide. Cambrigde a.o , 1992.

Goitein, 1950 — *Goitein S.D* The Historical Background of the Erection of the Done of the Rock — JAOS 1950, vol 70, c 104—108
Grierson, 1960. — *Grierson Ph* The Monetary Reforms of Abd al-Malik Their Metrological Basis and their Financial Repercussions — JESHO 1960, 3, c 241—264
Grohmann, 1954 — *Grohmann A.* Einführung und Chrestomatic zur arabischen Papyruskunde Bd 1 Einführung Mit 32 Abbildungen, 2 Übersichtsplänen und 3 Karten Praha, 1954 (Monographic Archivu orientálneho Vol. 13, 1)
Grohmann, 1967 — *Grohmann A* Die frühislamische Besiedlung Nordafrikas durch die Araber — Bustan 8 J. 1967, H. 3, c 3—7.
Grünebaum, 1966 — *Grünebaum G.E.*, von Der Islām in Seiner klassischen Epoche 622—1258. Zürich—Stuttgart, 1966
Hage, 1966. — *Hage W* Die Syrisch-jakobitische Kirche in frühislamischer Zeit nach orientalischen Quellen. Wiesbaden, 1966
Hawting, 1986 — *Hawting G R.* The First Dynasty of Islam. London—Sydney, 1986
Hinds, 1971 — *Hinds M* Kufan Political Alignments and their Background in the Mid-Seventh Century AD — IJMES, 1971
Hinds, 1972 — *Hinds M* The Siffin Arbitration Agreement. — JSS 1972, 17, c 93—129.
Hodgson, 1955 — *Hodgson H S* How did the Early Shi'a Become Sectarian — JAOS 1955, vol 57, c 1—13
Honigmann, 1971 — *Honigmann E.* Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches von 363 bis 1071 nach griechischen, arabischen, syrischen und armenischen Quellen Bruxelles, 1971 (Corpus bruxellense historiae byzantine A A Vasiliev. Byzance et Arabes T 3)
Jafri, 1989 — *Jafri S H M* The Origins and Early Development of Shi'a Islam. Qumm, 1989
Juynboll, 1973 — *Juynboll G.H A* The qurrā' in Early Islamic History. — JESHO 1973, 16, c 113—129
Juynboll, 1974. — *Juynboll G H.A* Qur'ān recitation in Early Islam. — JSS 1974, 19
Juynboll, 1975 — *Juynboll G H.A* The Qur'ān Reciter in the Batterfield and Concomitant Issues — ZDMG. 1975, 125, c 11—27
Kennedy, 1986. — *Kennedy H.* The Prophet and Age of the Caliphs The Islamic Near East from the Sixth to the Eleventh Century L.—N.Y., 1986
Kessler, 1970 — *Kessler C* Abd al-Malik's Inscription in the Dome of the Rock — JRAS, 1970
Kister, 1977 — *Kister M J* The Battle of the Harra. Some Socio-economic Aspects. — Studies in Memory of Gaston Wiet Ed. M.Rosen-Ayalon Jerusalem, 1977, c 33—49.
Kohlberg, 1982 — *Kohlberg E.* Some Imami Shi'i Interpretation of Umayyad History. — SFCIS, c 145—159.
Kornrumpf, 1969 — *Kornrumpf H.J* Untersuchungen zum Bild Ali's und des frühen Islams bei den Schi'iten (Nach dem Nahj al-balaga des Šarīf ar-Rādī) — DI 1969, 45, c 1—63, 261—298
Kraemer, 1958. — *Kraemer C.J.* Excavations at Nessana Vol. 3 Non-Literary Papyri. Princeton, 1958
Lammens, 1905 — *Lammens H* Ziād ibn Abīni vice-roi de l'Iraq, lieutenant de Mo'awia I — RSO. 4, 1904—1905, c 1—45, 199—250, 653—693 (repr.. Lammens, 1930, c 27—161)
Lammens, 1908 — *Lammens H* Etudes sur le règne du calife Omaiyade Mu'āwia I-er P , L , Lpz , 1908 (Extrait de MIFAO 1, c 1—108, 2, c 1—172, 3, c 145—312)

Lammens, 1910—1921. — *Lammens H* Le Califat de Yazıd I-er — MIFAO 4, c 233—312, 5, c 79—267, 6, c 401—492, 7, c 211—244

Lammeus, 1928. — *Lammeus H* L'avènemeut des Marwānıds et le califat de Marwān I-er Beyrouth, 1928 (MFOSJ, t 12, fasc 2)

Lammens, 1930 — *Lammens H* Etudes sur le siècle des Omayyades Beyrouth, 1930

Lau, 1979 — *Lau L* Sayf b 'Umar and the Battle of Camel — IQ. 1979, 23, c 103—110

Landau-Tisseron, 1990. — *Landau-Tisseron E.* Sayf Ibn 'Umar in Medieval and Modern Scholarship — DI 1990, 67, c 1—26

Laoust, 1962 — *Laoust H.* Le rôle de 'Ali dans la sīra chı'ite. — REI 1962, t 30, c 7—26

Le Strange, 1887 — *Le Strange G.* The noble Sanctuare of Jerusalem. — JRAS N S 1887, vol 19

Levı della Vida, 1913 — *Levi della Vida G.* Il Califfato di Ali segondo il Kıtāb Ansāb al-Ašrāf di al-Balāḏurī — RSO 1913, 6, c 427—507

Lewis, 1976 — *Lewis B* Islam from the Prophet Muhammad to the Capture of Constantinople T 1 L , 1976

Lopez, 1956 — *Lopez R S* The Role of the Trade in the Economıc Readjustment of Byzantium in the VII c — DOP 1956, vol 13.

Madelung, 1961 — *Madelung W* Das Imamat in der frühen islamischen Lehre — DI. 1961, 37

Madelung, 1981 — *Madelung W* Abdallah b az-Zubayr and the Mahdy — JNES 1981, 11, c 173—187

Madelung, 1986 — *Madelung W* The Sufyānī between Tradition and History — StI 1986, 63, c 5—48.

Margoliouth, 1922. — *Margoliouth D S* The Sense of the Title Khalifah — A Volume of Oriental Studies Presented to E G Brown Cambridge, 1922

Massignon, 1963 — *Massignon L* Opera minora Textes recueillis classés et présentés avec une bibliographie par J Mubarac sous le patronage du Centre d'Etudes Dar El-Salam T 3 Beirut, 1963

Mıles, 1948 — *Miles G C* The Earliest Arab Gold Coinage — American Numismatıc Society Museum Notes N Y , 1948, 7

Mıles, 1959 — *Miles G.C* The Iconography of Umayyad Coins — AOr 1959, 3

Morony, 1981 — *Morony M G* Bayn al-fitnatain Problems of the Periodisation of Early Islamic History — JNES 1981, 40, c 248—251

Mortel, 1989. — *Mortel R T* Prices in Mecca during the Mamluk Perıod — JESHO 1989, 32, c 279—334

Mottahedeh, 1980 — *Mottahedeh R.P.* Loyalty and Leadership ın an Islamic Socıety Princeton, 1980.

Najı, 1978. — *Naji H.* The Role of the Arab Tribes in the East during the Period of the Umayyads (40/660—132/749) Baghdad, 1978

Nöldeke, 1875 — *Nöldeke T.* Zur Geschichte der Araber im I Jahrhundert d H aus syrıschen Quellen — ZDMG 1875, 29, c 76—98

Nöldeke, 1901 — *Nöldeke T* Zur Geschichte der Omajjaden — ZDMG 1901, 55, c 683—691

Paret, 1974 — *Paret R* Halifat Allah Vicarius Dei ein differenzıer erender Vergleıch — Mélanges d'Islamologıe Festschrift A Abel Leiden, 1974

Pellat, 1956 — *Pellat Ch* Le culte de Mu'awiya au 3-e siècle de l'Hégıre — StI 1956, 6, c 53—66

Pellat, 1958 — *Pellat Ch* Une rısāla unédıte du Ǵāḥiẓ sur l'arbıtrage entre 'Ali et Mu'āwıya — Mashrık Le Caire, 1958, c 417—491.

Petersen, 1959 — *Petersen E.I.* Ali aud Mu'āwiyah. The Rise of the Umayyad caliphate 656—661 — Aor. 1959, 23, c. 157—196.
Petersen, 1964. — *Petersen E.I.* Ali and Mu'awiya in Early Arabic Tradition Studies on the Genesis and Growth of Islamic Historian Writing until the End of the Ninth Century Copenhagen, 1964.
Rotter E , 1986 — *Rotter E.* Abendland und Sarazenen. Das okzidentale Araberbild und seine Entstehung in Frühmittelalter. B.—N.Y , 1986 (Studien zur Sprache, Geschichte und Kultur der Islamischen Orients Beihefte zur Zeitschrift «Der Islam». N.F. Bd. 11).
Rotter, 1982. — *Rotter G* Die Umayyaden und der zweite Bürgerkrieg (680—692). Wiesbaden, 1982 (AKM, 45, 3).
Salem, 1956. — *Salem E.A.* Political Theory and Institutions of the Khawarij. — John Hopkins University Studies in Historical and Political Science. Series 74, № 2. Baltimore, 1956.
Sellheim, 1970. — *Sellheim R* Der zweite Bürgerkrieg im Islam (680—692). Das Ende der mekkanisch-medinischen Vorherrschaft. — SBWGF 1970, Bd. 8 (1969), № 1, c 87—111.
Simonsen, 1988. — *Simonsen J B.* Studies in the Genesis and Early Development of the Caliphal Taxation System with Special References to Circumstanses in the Arab Peninsula, Egypt and Palestine Copenhagen, 1988.
Stickel, 1870. — Das grossherzogliche Orientalische Münzkabinet zu Jena beschrieben und erläutet von J G.Stickel. 2. H. Älteste muhammedanische Münzen bis zur Münzreform Abdalmalik's Mit einer lithographischen Tafel Lpz , 1870.
Ullmann, 1978. — *Ullmann M.* Halid Ibn Yazid und die Alchemie· Eine Legende. — DI 1978, 55, c 181—218
Veccia Vagl , 1952 — *Veccia Vagliery L*, Il conflitto 'Ali—Mu'āwiya e la secessioni khārigita riésaminati alla luce di fonti ibāḍite — AIUON, NS. 1952, 4, c. 1—94.
Veselý, 1958. — *Veselý R* Die Ansar im ersten Bürgerkriege (36—40 d.H.). — AO 1958, 26, c 36—58
Vogué, 1864 — Vogué M., de. Le temple de Jérusalem, monographie du Haram-ech-chérif suivie d'un essai sur la topographie de la Ville-Sainte. P., 1864.
Walker, 1956. — *Walker J* A Catalogue of the Arab-Byzantine aud Post-Reform Umaiyad Coins. L., 1956 (A Catalogue of the Muhammedan Coins in the British Museum. Vol 2)
Watt, 1960. — *Watt W.M.* Shī'ism under the Umayyads. — JRAS. 1960, c 158—172.
Watt, 1961. — *Watt W M* Khārijite Thought in the Umayyad Period. — DI. 1961, 36, c. 215—231.
Watt, 1968. — *Watt W.M.* Islamic Political Thought. Edinburgh, 1968.
Watt, 1971 — *Watt W M.* God's Caliph Qur'anic Interpretations and Umayyad Claims — Iran and Islam In Memory of the Late Vladimir Minorsky. Ed. by C E.Bosworth. Edinburgh, 1971, c. 565—573.
Wellhausen, 1901 — *Wellhausen J* Die religiös-politischen Oppositionsparteien im alten Islam. B., 1901 (AGWG, N F., Bd. 5, № 2).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

CONTENTS

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научное издание

Большаков Олег Георгиевич

ИСТОРИЯ ХАЛИФАТА

3. Между двух гражданских войн
(656—696)

Утверждено к печати
Санкт-Петербургским филиалом
Института востоковедения РАН

Редактор *Л В Негря*
Художник *Э Л Эрман*
Художественный редактор *Б Л Резников*
Технический редактор *О В.Волкова*
Корректор *В И Мартынюк*
Компьютерная верстка *Е А Пронина*

ЛР № 020910 от 02 09 94
Сдано в набор 05 10 98
Подписано к печати 25 11 98
Формат 60×90 1/16 Бумага офсетная
Печать офсетная Усл п л 24,0
Усл кр -отт 24,0 Уч -изд л 26,6
Тираж 3000 экз Изд № 7775 Заказ 166

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП «Типография «Наука»
121099, Москва Г-99, Шубинский пер , 6

Исправления ко второму тому:

траница	*строка*	*напечатано*	*следует*
19	1—2-я снизу	. и увели в плен 4000 жителей...	и убили 4000 жителей
156	13-я снизу	Аз-Зубайр был родным братом. .	Аз-Зубайр был племянником ..
163	2-я снизу	..во главе с Хабибом б Масламой	. во главе с Салманом б Раби‘ой.
214	24—25-я сверху	18 зу-л-хиджжа 35/20 июня 656 г. ..	.18 зу-л-хиджжа 35/17 июня 656 г